

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№2 2024 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

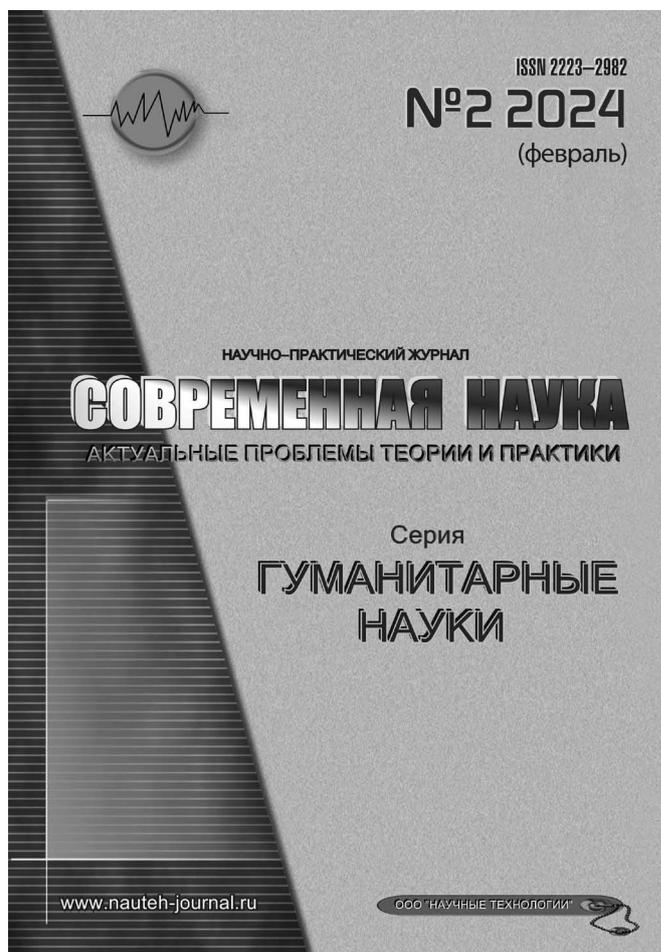
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №2 (февраль) 2024 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 14.02.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Абросимов Н.С. – Восстание Чехословацкого корпуса в воспоминаниях современников и их отражение в современной Отечественной историографии

Abrosimov N. – The uprising of the Czechoslovak corps in the memoirs of contemporaries and their reflection in modern Russian historiography 7

Андросов А.А. – Революции 1917 года и судьба российской кинопромышленности

Androsov A. – The revolutions of 1917 and the fate of the Russian film industry 10

Бородин М.П. – Положительная роль технического прогресса в динамике развития системы оповещения о пожарах и ЧС в столице Российской империи

Borodin M. – The positive role of technological progress in the dynamics of the development of the fire and emergency warning system in the capital of the Russian Empire 16

Виноградова М.А. – Особенности организации психиатрической помощи на примере больниц Северо-Запада (Дома призрения душевнобольных имени Александра III и городской больницы святого Пантелеймона в Санкт-Петербурге) в 1890-1900-е гг.

Vinogradova M. – Peculiarities of the organization of psychiatric care using the example of hospitals in the North-West (House of care for the mentally ill named after Alexander III and the city hospital of St. Panteleimon in St. Petersburg) in the 1890-1900s. 22

Каримов Т.Т. – Енейская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в.

Karimov T. – Yeneyskaya land volost of Ufa uyezd in the first quarter of the 18th century 26

Каримов Т.Т. – К истории д. Чершилы Саралиминской поземельной волости (первая четверть XVIII – середина XIX вв.)

Karimov T. – On the history of d. Chershila of the Saralima land volost (first quarter of the 18th – mid 19th centuries) 30

Котов А.Э. – «Эгоизм есть добродетель народов»: русские консерваторы и славянский вопрос на рубеже 1880-х – 1890-х гг.

Kotov A. – "Selfishness is the virtue of peoples": Russian the 1880s – 1890s. 34

Плеханов А.Е. – Становление отношений России и Англии в Антанте в 1907-1914 гг.

Plekhanov A. – The formation of relations between Russia and England in the Entente in 1907-1914 ... 40

Плохой Д.С. – Основные формы и методы работы общей полиции в конце XVIII – первой половины XIX веков

Plokhoy D. – The main forms and methods of work of the general police at the end of the XVIII-first half of the XIX centuries 43

Савосина Ю.В., Писчихова Н.П. – Заключение Портсмутского договора 1905 года в восприятии современников и участников событий

Savosina Yu., Pischikova N. – The conclusion of the Portsmouth treaty of 1905 in the perception of contemporaries and participants in the events 49

Педагогика

Андреева Д.А. – Модель формирования компетенции сотрудничества младших школьников при организации внеурочной деятельности

Andreeva D. – The model of formation of cooperation competence the younger schoolchildren in the organization of extracurricular activities 53

Васюков С.Н. – Технологическая мастерская как средство формирования учебно-профессиональной мотивации студентов колледжей железнодорожного транспорта <i>Vasyukov S.</i> – Technological workshop as a means of formation of educational and professional motivation of students of colleges of railway transport 57	Спиридонова Н.И. – Формирование читательской грамотности у младших школьников-билингвов при решении текстовых задач <i>Spiridonova N.</i> – Formation of reading literacy in primary bilingual schoolchildren when including word problems 93
Гомазков Д.В. – Получение профессиональных навыков и компетенций студентов ветеринарных вузов при прохождении практики <i>Gomazkov D.</i> – Obtaining professional skills and competencies of veterinary university students during their internship 64	Тихомирова В.А., Макарова В.А. – Теоретические аспекты применения информационных технологий в формировании компетенций студентов медицинского колледжа <i>Tikhomirova V., Makarova V.</i> – Theoretical aspects of the use of information technologies in the formation of competencies of medical college students 99
Ефорова А.Р., Павлова И.Н., Кудашева А.А., Федорцова С.С., Павлова И.В. – Педагогическая значимость креативного мышления в онлайн образовании и его роль в цифровом пространстве <i>Eferova A., Pavlova I., Kudasheva A., Fedortsova S., Pavlova I.</i> – Pedagogical importance of creative thinking in online education and its role in the digital space 68	Чечева Н.А. – Обучение письменной коммуникации на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе <i>Checheva N.</i> – Teaching written communication in foreign language classes at a non-linguistic higher education institution 104
Захарова И.Р. – Прагматические документы и их роль в процессе межкультурной коммуникации <i>Zakharova I.</i> – Pragmatic documents and their role in the process of intercultural communication 72	Ян Баньжо – Значение педагогических традиций русской вокальной школы для формирования профессиональных навыков студентов в Китае <i>Yang Banruo</i> – The significance of pedagogical traditions of the Russian vocal school in the formation of professional skills in Chinese students 108
Ларионова М.А. – Использование фреймовой семантики для отработки навыков аудирования <i>Larionova M.</i> – The use of frame semantics to practice listening skills 78	ФИЛОЛОГИЯ
Левинская Е.К. – Метапредметные результаты обучения на уроках физики <i>Levinskaya E.</i> – Metasubject learning outcomes in physics lessons 83	Балышева К.А. – Лингвистическая реализация концепта «pollution» в современном англоязычном медиатексте <i>Balysheva K.</i> – Linguistic realisation of the concept "pollution" in the modern English-language media text 112
Полюдова Е.Н., Быкова Е.А. – Терминологические основы профессиональной социолингвистической компетенции в преподавании иностранных языков в вузе <i>Polyudova E., Bykova E.</i> – Terminological framework of the professional sociolinguistic competence in teaching foreign languages at university 88	Ван Лумэй – Лингвистические особенности ответных реплик в диалогах на русском языке <i>Wang Lumei</i> – Linguistic features of the response replicas in dialogues in Russian 117
	Го Юй – Образ рикши в романе Лао Шэ «Рикша», рассказе Лу Синя «Маленькое происшествие» и рассказе И.А. Бунина «Братья» <i>Guo Yu</i> – The image of a rickshaw in the novel of Lao She "Rickshaw", the story of Lu Xin "A little incident" and the Bunin's story "Brothers" 123

- Исянгулова Г.А., Биканова Г.Ф.** – О полных и неполных предложениях в башкирском языке
Isyangulova G., Bikanova G. – About complete and incomplete sentences in the Bashkir language 127
- Кобозева А.С.** – Интеграция художественно-критических журналов и книжных блогов как фактор создания новых медиа о литературе
Kobozeva A. – The integration of literature online magazines and book-blogs for creation a new form of literature media 131
- Левкович В.А.** – Стереотип как форма упрощения восприятия общественного мнения
Levkovich V. – Stereotype as a form of simplification of the acceptance of public opinion 137
- Лю Лин, Ван Ган** – История перевода древнекитайского трактата «Дао Дэ Цзин»
Liu Ling, Wang Gang – The history of the translation of the ancient Chinese treatise "Tao Te Ching" 141
- Мушегян С.В., Семенова С.Н.** – Интерпретация понятия «добросовестное поведение» в историко-художественных образах (на примере труда А.С. Пушкина «История пугачевского бунта»)
Mushegyan S., Semenova S. – Interpretation of the concept "good conscience" in historical and fictional images (on the example of A.S. Pushkin's work "The history of Pugachev's revolt") 144
- Нагорнов М.И., Волкова Я.А.** – Сравнительный анализ языковой репрезентации эмоционального кластера fear / miedo в английском и испанском языках
Nagornov M., Volkova Ya. – Comparative analysis of the emotional cluster fear / miedo in the English and Spanish languages 147
- Панков В.С., Курбанов И.А.** – Проблемы перевода фразеологических единиц в англоязычном художественном тексте (на материале романа Стивена Кинга «Insomnia» и его переводов на русский язык)
Pankov V., Kurbanov I. – Challenges of translating phraseological units in the English literary text (based on Stephen King's novel "Insomnia" and its Russian translations) 155
- Су Кэ** – Особенности романтизма в лирике М.Ю. Лермонтова: мотивы и темы
Su Ke – Features of romanticism in the lyrics of M. Lermontov: motifs and themes 160
- Сун Юйшуан** – Проблемные аспекты учета историко-культурного контекста при переводе на русский язык литературного памятника «Хуан-ди Нэй-цзин»
Song Yu-shuang – Problematic aspects of taking into account the historical and cultural context when translating the literary monument "Huang di Nei-ching" into Russian 163
- Сунь Умэн** – Колороним 青 (цин) в китайской лингвокультуре
Sun Wumeng – Coloronym 青 (qing) in Chinese linguoculture 168
- Сунь Цзябао, Ли Чжи, Якименко Н.Е., Писарская Т.Р.** – Проблемы создания учебного словаря фразеологических эвфемизмов
Sun Jiabao, Li Zhi, Yakimenko N., Pisarskaya T. – Problems of creating a training dictionary of phraseological euphemisms 172
- Табацкая А.М.** – Сравнительный анализ микрополя «дорожно-транспортное происшествие» в России и в Германии
Tabatskaya A. – Comparative analysis of the microfield "road accident" in Russia and Germany 177
- Туманова Е.О.** – Архетипичная метафора как основа эонимических выражений – политических афоризмов
Tumanova E. – Archetypal metaphor as the basis of eonymic expressions - political aphorisms 181
- Христофорова Н.И.** – Тактика поведения журналиста в рамках интервью научно-популярной тематики
Khristoforova N. – Tactics of a journalist's behavior in the framework of an interview on popular science topics 189

Чжан Цзиньпин – Сущность полифонических романов и исследование способов их реализации
Zhang Jinping – The essence of polyphonic novels and the study of ways to implement them193

Щетинина Н.Н. – Современная практика продвижения креативных агентств в социальных сетях

Shchetinina N. – Modern practice of promotion of creative agencies in social networks.199

Информация

Наши авторы. Our Authors.....206

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....208

ВОССТАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОК И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Абросимов Никита Сергеевич

Старший преподаватель, Уфимский государственный
нефтяной технический университет
Nikitaabrosimov@list.ru

THE UPRISING OF THE CZECHOSLOVAK CORPS IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES AND THEIR REFLECTION IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

N. Abrosimov

Summary: The action of the Czechoslovak Corps in the spring and summer of 1918 on the vast territory of the Volga, Urals and Western Siberia marked the beginning of a full-scale civil war on the territory of the RSFSR. In a situation when a large, well-armed, foreign corps that has gone through many fights in a weakly guarded territory of the country is uprising, all the involved forces are trying to give their assessment of this event. The article considers the perception of the event from the point of view of the Soviet government, reflected in archival documents, memoirs and speeches of the leaders of the Soviet government. As an alternative, the recollections and works of emigrants who took part in the events of the Civil War on the territory of the former Russian Empire are given. In conclusion, a review of modern Russian historiography on this issue is given. Based on the cited sources and monographs, the author concludes that both Soviet and emigre studies on this issue are, in part, one-sided, although both points of view had the right to life. Modern historiography, which has a much larger source base, has not yet come to a final conclusion about the reasons for the Czechoslovak corps.

Keywords: civil war, historiography, Czechoslovak corps, Volga region, Urals, Siberia.

Аннотация: Выступление Чехословацкого корпуса весной-летом 1918 года на обширной территории Поволжья, Урала и Западной Сибири положило начало полномасштабной гражданской войне на территории РСФСР. В ситуации, когда на слабо охраняемых территориях страны поднимает восстание крупный, хорошо вооруженный, прошедший множество боев иностранный корпус, все сопричастные силы пытаются объяснить произошедшее со своей позиции. В статье рассмотрено восприятие события с точки зрения Советской власти, отраженной в архивных документах, воспоминаниях и выступлениях лидеров Советской власти. Как альтернатива, приводятся воспоминания и работы эмигрантов, принявших участие в событиях Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. В завершении дан обзор современной Отечественной историографии по данному вопросу. На основании приведенных источников и монографий, автор приходит к выводу, что и Советские, и эмигрантские исследования по данному вопросу являются, отчасти, односторонними, хотя обе точки зрения имели право на жизнь. Современная же историография, обладающая значительно большей источниковой базой, так и не пришла к окончательному выводу о причинах выступления Чехословацкого корпуса.

Ключевые слова: Гражданская война, историография, Чехословацкий корпус, Поволжье, Урал, Сибирь.

Вопрос о роли чехословацких легионеров в развязывании Гражданской войны в России приобрел актуальность уже в ходе самой войны и не раз поднимался сторонниками советской власти, эмигрантами, представителями Чехословацкого Национального совета (ЧНС) и иными зарубежными политиками, а позже и историками. Основной целью данного исследования является актуализация воспоминаний современников событий гражданской войны в мемуарах и документах, а также анализ современных научных работ, рассматривающих интересующий нас круг проблем. В конечном итоге, автор рассмотрит наиболее часто встречающиеся причины восстания чехословацкого корпуса, и теории, которые были подвергнуты критике современной российской исторической наукой.

Первые стычки с красногвардейцами, положившие начало открытому противостоянию чешского легиона с Советской властью, начались 25-27 мая 1918 г. Таким образом, датой начала мятежа можно считать именно этот временной промежуток. Почти сразу же после начала боевых действий на Урале, в Поволжье и Сибири обе стороны (ЧНС и Советское правительство) начали обвинять друг друга в развязывании полномасштабной Гражданской войны практически на всей территории РСФСР и за ее пределами. Наиболее полно позицию молодого Советского государства выразил по этому поводу В.И. Ленин 29 июля 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета и фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы, прямо обвинив англо-французский капитал в развязывании полномасштабной Гражданской войны на территории бывшей Российской

империи, а так же в желании уничтожить в зародыше социально-экономическую систему, альтернативную западноевропейской: «Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала ... в этом восстании... Давно уже установилось прямое и непосредственное участие англо-французского империализма в чехо-словацком мятеже». [3, с.195-196]. Об иной причине восстания и попытке сгладить все возрастающие противоречия говорится в одном из сообщений Л.Д. Троцкого, бывшего на то время наркомом по военным делам РСФСР. Так же заявляя, что чехословацкий корпус является объектом действий контрреволюционных элементов, главной причиной восстания нарком видит в деятельности правых эсеров: «Продвижение эшелонов шло беспрепятственно при полном содействии местных Советов... Тем временем контрреволюционеры, среди которых главную роль играли правые эсеры, вели среди чехо-словаков демагогически бесчестную агитацию, уверяя их, будто советская власть питает какие-то черные замыслы против чехословаков» [13, с.293-294]. Так же достаточно интересным является доклад Народно-го комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина на V съезде Советов. Принимая во внимание тот факт, что доклад был опубликован в очень неспокойное для Советского государства время и открыто обвинять бывших союзников в косвенном вмешательстве во внутренние дела страны Чичерин не мог, позиция наркомата называет мятеж чехословаков просто «отрицательным моментом» [14, с.19]. Схожее мнение о причинах восстания корпуса дает и Н.Е. Какурин в своей работе «Как сражалась революция». Утверждая, что хотя ни чехи, ни Советская власть не были заинтересованы в открытом противостоянии, все же цепь роковых событий (высадка японского десанта во Владивостоке, попытка части корпуса переправиться в Мурманск и Архангельск, сопротивление и подозрительность советской власти и действия контрреволюционных элементов в самом легионе) оставила чехам единственный приемлемый вариант действий – вступить в Гражданскую войну против Советской власти [8, с.194-195]. Однако точка зрения, высказанная Лениным получила свое окончательное оформление в «Истории всесоюзной коммунистической партии», вышедшей в 1938 году, прямо указано, что мятеж корпуса состоялся благодаря проискам англо-французов [6, с.217]. Таким образом, можно провести промежуточный итог, который заключается в том, что сторонники «красных» смотрели на Чехословацкий легион, как на игрушку в руках империалистов или одурманенных правыми эсерами заблудших и потерявшихся солдат, а последствия выступления чехов в войну оценивали крайне негативно для молодого Советского государства.

Иную картину мы видим, углубляясь в работы эмигрантских офицеров, политиков и историков. К примеру, участник Гражданской войны, генерал-лейтенант К.В. Сахаров, в своей работе «Чешские легионы в Сиби-

ри», вышедшей в 1930 году, утверждает, что основными причинами мятежа являются – крайне низкое моральное состояние чешских солдат, ввиду того, что после событий февраля 1917 года в легион стали набирать любых чехословаков, проявивших желание воевать за будущую Чехословакию, что негативно сказывалось на боевом духе солдат; отсутствие кадровых национальных офицеров – единственным человеком, имевшим отношение к армии, был бывший лейтенант С. Чечек; заигрывание Т. Масарика с левыми силами в России; не совсем понятный маршрут движения чехословаков из России; резко негативное нежелание большевиков иметь у себя в стране вооруженную неподчиняющуюся им армию и наличие русских (противников большевиков) офицеров, которые оружие сдавать не хотели, логично полагая, что оставшись без оружия, они могут стать легкой добычей для молодого Советского государства [11, с.36-38]. Другой видный деятель контрреволюционного движения – А.И. Деникин – так же утверждал, что восстание корпуса было стихийным, а его результативные действия на первом этапе выступления были обусловлены лишь тем, что у РСФСР в Сибири и на Урале не было достаточно количества вооруженных сил, способных адекватно противостоять чехам: «Без какого-либо плана, без руководящих указаний свыше... чешские войска вступили в борьбу с большевиками» [4, с.136]. Схожей позиции придерживается автор монографии и участник Гражданской войны в России В. Голечек [2, с.11]. Достаточно однобоко причины восстания просматриваются в работе Драгомирецкого, в работе которого в хронологическом порядке показываются указы и распоряжения Советского руководства касательно чехословацкого легиона, так же в негативном ключе рассматривается деятельность Мирбаха, прусского посла в РСФСР, а корпус, тем временем, изображается как миролюбивый отряд, до последнего пытавшийся не ввязываться в открытое противостояние, а после того, как эта необходимость наступила, действия чехов описываются как исключительно оборонительные операции [5, с. 44-48].

В современной отечественной литературе, после отхода от советской парадигмы истории, наметились несколько линий, объясняющих восстание легионеров. К примеру, в работах Д.В. Салдугеева присутствует прямой вывод, что «Чехословацкий корпус в России весной 1918 года стал жертвой сложившихся обстоятельств и был втянут в военные действия против советской власти благодаря политическим интригам руководства Антанты и большевистского правительства» [10, с.88]. В работе Д.В. Гаврилова «Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании гражданской войны 1918-1920 гг. в России. Факторный анализ.» приводится другая точка зрения, больше соответствующая парадигме советских политиков. В данной работе приводятся выдержки из документов, подтверждающие вероломные цели корпуса как минимум с 3 мая 1918 года, указы

Р. Гайды, съезда делегатов чехословацких частей 20 мая в Челябинске, а также антигерманскую и антисовестскую пропаганду внутри самого корпуса [1, с.35-36]. Достаточно обстоятельно вопрос о роли иностранных держав в восстании Чехословацкого корпуса рассматривается в кандидатской диссертации Б.Н. Недбайло. Прямо поставив вопрос о «выступлении Чехословацкого корпуса как заранее спланированном и организованном странами Антанты», диссертант тут же отвечает, что подобная «однозначная постановка вопроса неверна», т.к. заявления, выпускаемые представителями ЧСНС до середины мая Т.Г. Масариком говорили о полной лояльности корпуса молодой Советской власти, так же, по мнению Недбайло, отсутствие четко слаженных действий говорит об отсутствии инструкций, что в свою очередь, подтверждает отсутствие целенаправленной подготовки к восстанию [9, с.228]. Так же осторожную оценку по интересующему нас вопросу дает Н.А. Копылов, указывая, что несмотря на то, что элите будущего Чехословацкого государства было выгодно восстание и задержка корпуса в России на как можно больший срок, с целью получения некоторых политических преференций от стран Антанты, сами чехословаки не думали о начале боевых действий на территории России, однако не очень умелые попытки дипломатического лавирования Советов между Германией и Антантой, с одной стороны, и заинтересованность части западной элиты в мятеже корпуса, с другой, поставили последний в очень неприятную ситуацию, спусковым

крючком в которой послужил инцидент в Челябинске [7, с.19-20].

Подытоживая вышеописанные документы и работы, можно резюмировать, что точка зрения деятелей Советского государства на восстание корпуса можно емко описать словом «мятеж», причем зачастую этот мятеж привязывали к деятельности буржуазии капиталистических стран, а несмелые попытки указать, что причины восстания могут быть гораздо глубже, тонули в шуме официальной массовой пропаганды, доводы которой, несмотря на ее однобокость, имели под собой ряд серьезных оснований. Эмигрантская литература заняла иную точку зрения, практически полностью исключив возможность влияния стран Антанты на события мая-июня 1918 года в России. Современные исследователи, не скованные необходимостью «обеления» перед историей, приводя зачастую достаточно широкую доказательную базу, так и не пришли к единому мнению касательно исследуемого вопроса, т.к. на сегодняшний день круг материалов очень широк и периодически обновляется новыми документами и воспоминаниями.

Таким образом, окончательный ответ по поводу восстания, или мятежа, Чехословацкого корпуса мы получим только в будущем. Однако не стоит доводить до того, что интеллектуальная «гражданская война», приведет к отрицанию предшествующей исторической традиции, изучение и осмысление которой только начинается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Д.В. Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании гражданской войны 1918-1920 гг. в России. Факторный анализ // История и современное мировоззрение, 2019, №2. С. 34-40
2. Голечек В. Чехословацкое войско в России. – Иркутск, 1919. 86 с.
3. Городецкий Е., Минц И. Документы по истории гражданской войны в СССР. Том 1. М.: Политиздат, 1941. 546 с.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Берлин: Слово, 1924.
5. Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. – Париж-Прага, 1928. 231 с.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М.: Правда, 1938г. 353 с.
7. Копылов Н.А. Выступление Чехословацкого корпуса в 1918 году: современный взгляд на проблему. //Россия и современный мир, 2019, № 3(104). С. 6-22.
8. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т.1. М.: Издательство политической литературы. 431 с.
9. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920гг.): дис. ... канд ист. Наук. 07.00.02 М.: РГБ, 2005. 228 с.
10. Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета, 2005. № 2, том 1. С.88-98.
11. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). – Рига: Глобус, 1930. 142 с.
12. Тихонов В. В. Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях: новые подходы и перспективы // Будущее нашего прошлого: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: 2011. С. 241-248.
13. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920 Документы и материалы. Том 2. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
14. Чичерин Г.В. Внешняя политика. Избранные работы. – М.: Юрайт 2017. 379 с.

© Абросимов Никита Сергеевич (Nikitaabrosimov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И СУДЬБА РОССИЙСКОЙ КИНОПРОМЫШЛЕННОСТИ

Андросов Андрей Анатольевич

Кандидат исторических наук, Московский политехнический университет
iekis@mail.ru

THE REVOLUTIONS OF 1917 AND THE FATE OF THE RUSSIAN FILM INDUSTRY

A. Androsov

Summary: The article raises insufficiently studied issues of the state and development of Russian pre-revolutionary cinema on the eve and during the revolutions of 1917, on the issue of uniting film industry workers into creative and professional unions, establishing a working control and nationalization of cinematographic property, the fate of the most famous cinema figures in a difficult period of history, the attitude of the new government to cinema.

Keywords: pre-revolutionary Cinema, Skobelevsky Committee, Association of Cinematographic Societies (ACS), Moscow Society of Theater Owners, Union of Art Cinematography Workers, workers' control in cinema, Board of the Union of Film Workers, the nationalization of cinemas.

Аннотация: В статье поднимаются малоизученные вопросы состояния и развития российского дореволюционного кинематографа накануне и в период революций 1917 г., попыток объединения работников киноиндустрии в творческие и профессиональные союзы, установления рабочего контроля и национализации кинематографической собственности, судьба наиболее известных деятелей кино в сложный период истории, отношения новой власти к кинематографу.

Ключевые слова: дореволюционное кино, Скобелевский комитет, Объединение кинематографических обществ (ОКО), Московское общество театровладельцев, Союз работников художественной кинематографии, рабочий контроль в кино, Правление союза киноработников, национализация кинотеатров.

История российского дореволюционного кино была довольно полно исследована советскими киноведами и историками искусства. Появились значительные исследования и в последние годы. Эти исследованные с новых методологических позиций диссертации и научные публикации уже ставили вопросы, нецелесообразные в советский период. Напротив, рассмотрение научных проблем только с позиций классовых противоречий в настоящее время вряд ли возможно. Серьезными диссертационными исследованиями являются работы В.В. Устюговой, И.Н. Гращенковой, Е.П. Алексеевой [1]. В них рассматриваются вопросы культурной светской жизни в регионах Российской империи, трансляции художественных ценностей модерна в жизни российских губернских городах и роли в этом раннего немого кино.

Тема появления и развития профсоюзного движения в российской кинопромышленности не получила достаточного освещения в исторической и киноведческой литературе как советского так и постсоветского периода ввиду узости изучаемого материала, его вторичности по отношению к ведущим отраслям городского промышленного и фабричного производства. Эти отрасли промышленности насчитывали тысячи рабочих и служащих, объединяющихся после февраля 1917 года в профессиональные союзы различного толка. Искусствоведы и историки кино достаточно много внимания уделили истории

российского буржуазного кино, но анализировали материал с точки зрения искусствоведческих достижений. Лишь мемуары старейших работников киноискусства и некоторые фонды Государственного архива Российской Федерации могут дать материал для анализа ситуации в кинопромышленности с точки зрения присутствия в ней различных социальных групп, их отношения к революции, заинтересованности в ней, принципах организации профсоюзного движения.

Первые кинопоказы в России состоялись в 1896 году. До 1907 года фильмы завозились из Франции, Германии и Англии. После 1907 года появляется отечественное производство с русскими актерами и режиссерами.

Первый полнометражный игровой фильм – «Оборона Севастополя» режиссера В.Гончарова вышел на экраны в 1911 году. В 1910-е годы было выпущено в прокат много фильмов отечественного производства как художественных, так и документальных и даже с 1912 года – мультипликационных (удачный эксперимент режиссера В. Старевича). Пик выпуска отечественных кинокартин пришелся на 1916 год, когда из-за нерегулярного подвоза зарубежных кинокартин в условиях первой мировой войны значительная часть прокатных картин приходилась на отечественных киноленты. В 1916 году российские фирмы выпустили 500 фильмов из 2000, созданных за все годы дореволюционного кино. Определенную цензуру, влияющую на качество и количество

кинопродукции, вносила царская администрация, которая мешала не только в создании высокохудожественных картин, но и ограничивала возможности развития различных по направлению жанров, сюжетов, привлечения непрофессиональных талантливых актеров [2]. Февральская буржуазно-демократическая революция провозгласила свободу печати, собраний, партийных, религиозных и профессиональных союзов. Накануне революции в России насчитывалось около 4-х тысяч кинотеатров. Но центром кинопроизводства и проката были Москва и Петроград, причем в Петрограде существовали два небольших кинопредприятия – мастерские Глаголина и Бахаревой. Основная часть кинопромышленности была сосредоточена в Москве [3]. Первое объединение кинематографических обществ (ОКО) учредили московские театровладельцы еще в 1913 году, в условиях царского режима, который не мог удовлетворить требований даже буржуазных слоев, занимающихся театро- и кинобизнесом. Например, затруднял создание объединений по профессиональным интересам [4]. После победы февральской революции процесс объединения работников кино в различные союзы пошел полномасштабно. Предприниматели кино ставили целью создание единого организующего центра, представляющего кинопромышленность в России на иностранном рынке, урегулирование конфликтов между собой в условиях капиталистической конкуренции, достижения договоренностей о рынках сбыта кинопродукции, ценах на билеты, получения заказов от воюющего государства по обслуживанию армии документальными съемками и кинопоказами, существенно дополняя этим средства массовой информации. В то же время есть сведения о сопротивлении части предпринимателей политизации общества, разграничению его по классовому признаку (на этом настаивали многочисленные левые партии, в первую очередь большевистская). Предприниматели пытались создать внеклассовый творческий союз работников кино в условиях обостряющегося экономического и политического кризиса в России и призывали не раздувать классовых противоречий, а всем вместе заняться киноискусством, творчеством. Историк советского кино С.С. Гинзбург писал, что «у промышленника уже в первые дни нового режима возникла идея создать свою организацию, объединяющую эксплуататоров с эксплуатируемыми» [5].

Сейчас очевидно, что речь скорее шла о создании творческого союза, а не о профсоюзном движении. Московское общество театровладельцев, во главе которого стоял П.А. Антик, он же владелец кинофабрики «Нептун» и кинотеатра первого класса «Арс», явилось инициатором создания такого объединения [6]. 3 марта 1917 года на основе ранее сложившегося объединения кинематографических обществ было проведено его общее собрание, на котором присутствовало около 300 человек –

десятая часть кинематографистов Москвы. Собрание избрало «временный комитет союза», в который вошли четыре предпринимателя. Трудящихся представляли литераторы(сценаристы) и режиссеры. Собрание предоставило комитету исключительное право представлять интересы всех кинематографистов, включая и интересы технических работников. Однако, когда собрание выдвинуло двух представителей в состав Московского Совета рабочих депутатов, то последний не утвердил их полномочия, указав, что среди данного объединения нет рабочих[7]. Второе собрание состоялось 6 марта в кинотеатре А.А. Ханжонкова, крупного киноладельца, главы двух хорошо оснащенных кинофирм, занимавших до февраля 1917 года лидирующие позиции в отрасли. Основные дискуссии на собрании развернулись вокруг вопросов, должны ли рядовые технические работники в принципе объединяться с предпринимателями для решения каких-либо задач и если должны, то каково должно быть соотношение рабочих и предпринимателей в едином кинематографическом союзе, кто будет иметь решающий голос. Некоторые представители – И.Н. Перестиани, В.Р. Гардин и др. утверждали, что между рабочим классом и предпринимателями в принципе не может быть ничего общего ввиду изменения отношений собственности в условиях демократизации общества с тенденцией к социализации частной собственности. Собрание 6 марта 1917 года стало, пожалуй, главным событием политической жизни российских кинематографистов. На нем присутствовало 2500 представителей кинематографии и закончилось следующим существенным итогом: пониманием того, что профсоюз, защищающий интересы киноработников от предпринимателя и творческий союз – не одно и то же [8]. Историк кино Г.М. Болтянский сообщает, что накануне Октябрьской революции имелись уже три кинематографические организации: старейшее ОКО, пролетарский профсоюз киноработников и, наконец, союз работников художественной кинематографии – РСХК, объединивший всю творческую интеллигенцию в кинопроизводстве – режиссеров, актеров, сценаристов, художников, операторов, таперов и других. Правда, Г.М. Болтянский не приводит сроков образования этих организаций. Так, например, по другим данным, пролетарский союз киноработников возникает уже после победы Октябрьской революции – в ноябре 1917 года. С.К. Братолюбов указывает, что также возникли союзы рабочих и служащих кинофабрик, например, союз киномехаников Москвы, союз киномехаников Петрограда [9]. В.Вишневецкий сообщает о возникновении союза кинослужащих в Симферополе, организации кинослужащих в Ташкенте, союзе служащих в кинематографах и театрах в Казани, Киевского союза кинослужащих и оркестрантов [10].

После Октябрьского переворота пролетарский профессиональный союз киноработников был «обласкан»

новой властью, особенно когда в 1918 году было образовано Центральное правление профсоюза киноработников под эгидой советской власти. Большинство образовавшихся профсоюзов было еще независимо от новой власти ввиду большого удельного веса творческих работников в их рядах, которых нельзя было отнести ни к предпринимателям, ни к пролетариям. Нельзя не упомянуть об особенностях работы данного профсоюза – большой удельный вес творческих работников в рядах профсоюзов, которых нельзя было отнести к предпринимателям, но и не были послушным орудием новой власти. Часто профсоюзы служащих кинофабрик занимали нейтральные позиции в политических вопросах, принципов построения нового кинематографа и отношению к предпринимателям, без которых пока не могла существовать эта отрасль [11]. В дальнейшем центральный профсоюз киноработников в большей мере опирался на укрепляющуюся советскую власть, директивы ВКП(б) о критериях объединения в профсоюзы любой отрасли производства.

С 1 сентября 1918 года на всех кинопредприятиях вошло в силу положение о контрольных комиссиях и фабзавкоммах в кинопромышленности на основе общего Положения о фабзавкоммах. Контрольные комиссии и фабзавкомы по сути явились формами рабочего контроля на кинопредприятиях. Положение устанавливало контроль за деятельностью всех предприятий кинопромышленности, а также за складами позитивной и негативной пленки в сыром и изготовленном виде, киноаппаратами и необходимыми частями к ним, химическими продуктами кинолабораторий, киноателье и декорациями. Контроль также устанавливался над продажей негативов и позитивов, в конторах по прокату изготовленных позитивов, контроль над деятельностью электротеатров. Контроль осуществляли контрольные комиссии, фабзавкомы и старосты в кинотеатрах. Контрольные комиссии и фабзавкомы должны были отчитываться перед комитетом Народного Комиссариата просвещения и Профсоюзом киноработников. В примечании №3 данного Положения говорится, что «лица, прямо или косвенно принадлежащие к администрации предприятия, не могут быть избраны в контрольные комиссии, фабричные комитеты и старосты». В параграфе №10 Положения указывается, что вновь образованные контролирующие органы при необходимости могут быть освобождены от текущей работы, но оплата труда этих органов производилась по прежнему заработку. Таким образом, в кино появились первые общественные функционеры и освобожденные работники. Впервые рабочий контроль на кинопредприятиях был введен 16 мая 1918 года. Кроме вышеназванных функций параграф 13 Положения указывает, что новые органы должны следить, чтобы окончательно не иссякла кинопленка, чтобы сохранялся некоторый ее запас для существования самого предприятия. В Поло-

жении содержатся сведения об отношениях с кинопромышленниками, которые, как и прежде, должны были получать прибыль от производства и проката кинофильмов, но прибыль и все хозяйственные операции, а также найм и расчет служащих находилось уже под контролем профсоюзов. Контрольные комиссии и старосты имели право задерживать исполнение деловых операций с кинопредпринимателями. Кроме того, указывает параграф 17 Положения, при подозрении о вывозе кинопромышленниками кинопленки и других материалов они имели право задержать вывоз, если администрации не имела надлежащих документов и не были соблюдены установленные законом формальности на этот предмет [12].

Приведенные выше протоколы и положения, взятые нами из фондов Государственного архива Российской Федерации согласуются с позицией партии большевиков, в частности, ленинскими высказываниями о роли рабочего контроля в промышленности вообще.

«Проект положения о рабочем контроле» указывает, что рабочий контроль должны осуществлять все рабочие и служащие предприятия непосредственно, если предприятие мало (как, например, киностудия) и что для представителей рабочего контроля должны быть открыты все учетные книги, бухгалтерские счета, склады и запасы материалов (негативов, кинопленок и т.д.), орудий производства (копировальных станков и т.д.), но без изъятий. Решения этих представителей должны быть обязательны для владельцев предприятий и могли отменяться только профессиональными союзами и их съездами [13]. В конце 1918 года ввиду обострения политических противоречий и начавшейся гражданской войны решения Профсоюза киноработников в отношении предпринимателей стали более жесткими и не без оснований: началась эмиграция творческих работников, которые вывозили с собой кинооборудование и, главное, кинопленку, не производившуюся в России. После Октябрьской революции в Советской России сохранилось менее 1000 киноустановок [14] Безусловно, значительная часть кинооборудования осталась и была использована в «белом» Крыму, курортах Черного моря, крупных городах, имеющих увеселительные заведения и находящиеся в руках белых армий. В этих условиях предприниматели, конечно, прятали часть оборудования с целью вывоза его за границу и в Крым. Они были заинтересованы сбросить с себя бремя рабочего контроля и ограничения свободного рынка. На заседании правления Профсоюза киноработников 31 октября 1918 года было заслушано заявление председателя Московского кинокомитета Наркомпроса кинорежиссера Н.Ф. Преображенского о необходимости принятия спешных мер против предпринимателей, лишив их возможности распродажи, сокрытия и вывоза кинопленки. На том же заседании Правление постановило образовать еще

одну контрольную комиссию из представителей Союза киноработников для надзора над прокатными конторами и учета картин. Контрольная комиссия должна была работать в тесном контакте с контрольным отделом Кинематографического комитета, доводя до его сведения обо всех инцидентах, возникших в процессе работы. Уже 2 ноября 1918 года Правление заслушало доклад контрольных комиссий о работе по осмотру прокатных контор и учету лент. Многие прокатные конторы печатались. Наем работников и служащих проводился теперь только из проверенных лиц через центральную биржу труда профсоюза киноработников, Увольнение работников происходило только с ведома того же профсоюза [15].

Почти все функции управления кинопредприятиями перешли к органам рабочего контроля в течение 1918 года, хотя мы рассмотрели выше постановления правительства Профсоюза кинематографистов об ограничении деятельности предпринимателей, но не лишения их собственности и прибыли от кинопроката. Еще в начале февраля 1918 года в Петрограде было созвано неофициальное узкое совещание при Наркомпросе по вопросу о национализации всего кинодела в целом. Большинство участников высказалось за национализацию, однако тогда этот проект не был санкционирован правительством, мотивировав отказ тем, что кино- и фотопромышленность является второстепенной отраслью народного хозяйства и решение о национализации было бы несвоевременным. В течение 1918 года имели место только отдельные случаи национализации кинопредприятий, например, Скобелевского комитета, занимавшегося показом военной кинохроники при царском режиме, мастерской диапозитивов Анциферова, которые передавались лекторскому отделу Московского кинокомитета. Петроградский комитет национализировал в 1918 году кинопредприятия – павильон Глаголина и ателье «Кинодело» и реквизирует единственную в Петрограде крупную кинолабораторию фирмы «Биофильм» для съемок первого советского фильма «Уплотнение». Наконец, в том же году в Петрограде было национализировано 64 бездействующих кинотеатра.

На окраинах России объявление кинотеатров собственностью Советского государства и переход их в ведение городских и местных советов рабочих депутатов имело место уже в первые месяцы после октябрьского переворота. Уже в конце 1917 - начале 1918 гг. на Урале, в Донбассе, отдельных городах северной Украины кинотеатры и предприятия киноиндустрии были национализированы. Реквизиция и национализация кинотеатров в 1918 году проводилось в основном местными и городскими Советами рабочих депутатов. Большинство кинотеатров России была национализирована таким образом уже в первой половине 1918 года. В этом отноше-

нии новой власти активно помогали пролеткультовские организации [16]. Кроме того, советами были национализированы существовавшие в провинции прокатные конторы. После реквизиции кинотеатров, расположенных в местах военных действий, кинотеатры тут же переходили в ведение частей Красной армии в качестве военных киносекций при политотделах советских армий. Так было в 1919 году на Украине. В Киеве и Харькове были созданы центральные армейские киносекции и управления. Эти военные киноорганизации, по сути, занимались тем же рабочим контролем, что и фабзавкомы и контрольные комиссии в Москве и Петрограде – вели учет кинопредприятий, киноимущества, контролировали деятельность творческих работников и предпринимателей, хотя с последними особенно не церемонились, а попросту отнимали у них пленку и киноаппаратуру.

Иногда за редким исключением, при лояльном отношении к советской власти со стороны кинопредпринимателей, знавших работу киносети в целом и известных в творческих кругах как грамотных специалистов, могли оставить в качестве управляющих и даже директоров теперь уже советских кинопредприятий. Например, А.А. Хонжонков занимал ряд ответственных постов в киноотделе Наркомпроса СССР, кинорежиссер В.Р. Гардин стал организатором и руководителем первой Госкиношколы (в последующем – ВГИК). Судьба многих крупных предпринимателей и деятелей кино неизвестна (Антик в Москве, Харитонов в Одессе, Сойфер в Киеве). Кое-кому удалось нелегально вывезти кинопленку в оккупированный Врангелем Крым и продержаться там до конца 1920 года, а затем вместе с эвакуирующимися белогвардейскими войсками уехать за рубеж и пытаться наладить там новое русское кинопроизводство (фирма «Альбатрос» с участием известной звезды русского дореволюционного кино Ивана Мозжухина). Иные погибли, как например, другая звезда русского дореволюционного кино – Вера Холодная, которая умерла от чахотки в Крыму в 1919 году. Почти ничего неизвестно о попытках наладить кинодело для обслуживания белого движения в политических целях на оккупированной белыми армиями территориях, так, как это делали в Красной армии, хотя наверняка такие попытки имели место.

Процесс постепенной национализации, который шел неравномерно и по-разному в центре и на местах, получил свое завершение в конце 1919 года, когда Совнарком издал 27 августа 1919 года декрет с подписью В.И. Ленина

о переходе фото-кинопромышленности и торговли фото-кинопродукцией в ведение Народного комиссариата по просвещению [17]. Еще раз заметим, что до конца 1920 года, а кое-где и 1922 года не вся Россия была советской, например, Дальневосточная республика и,

следовательно, действие данного декрета там не имело законной силы. Даже имея все командные и административные ресурсы, в Москве (центре киноиндустрии) советская власть не смогла быстро решить поставленные задачи. Правда, это не было связано с какими-либо политическими причинами. Просто требовались крупные ассигнования на зарплату большого количества рабочих и служащих из госбюджета. Временно работников объединяли в производственные коллективы, работающие по договорам на советских кинопредприятиях. В основном национализация кинопредприятий в Москве закончилась в январе 1920 года, когда фото-кинодело окончательно перешло в ведение Всероссийского фотокиноотдела Наркомпроса (ВФКО). Именно этот орган стал монопольным обладателем кинопромышленности в Советской России. Полная национализация фото-кинопромышленности в Москве была завершена постановлением коллегии ВФКО от 5 ноября 1920 года. В постановлении было сказано, что оплата труда сотрудников национализированных производственных кинопредприятий Москвы будет производиться за счет государственного бюджета. По всей Российской Федерации ВФКО учредил подчиненные ему губернские фотокиносекции. Кроме того, самостоятельное существование военных киноорганизаций было прекращено и функции их в конце 1920 года были переданы ВФКО. Кстати, то, чем раньше занимались военные киноорганизации, например, художественные агитфильмы, посвященные войне с Польшей в 1920 году, теперь монопольно взяло в свои руки ВФКО. Подобные процессы происходили и в других республиках будущего Советского Союза. На Украине укрепился Всеукраинский фотокомитет (ВУФКУ), который централизовал всю кино-фотоработу и национализовал фото-кинодело. Декретом Наркомпроса Азербайджанской Советской социалистической республики от 18 мая 1918 года были национализированы все театры и кинотеатры. Образовавшийся при Наркомпросе этой страны фото-кинокомитет начинает снимать только революционную хронику. Подобные киносекции при Наркомпросах Грузии и Армении возникли соответственно в марте и апреле 1921 года. Здесь также прошли процессы национализации и советизации кинопродукции.

Резюмируя сказанное, подведем итоги. Наибольшую политическую и творческую свободу кинематографисты получили после февраля 1917 года. Октябрьская революция также дала изменения в развитие отечественного кинематографа, внеся вместе с новым политическим режимом и новый вектор идеологического и творческого развития, используя и укрепляя профсоюзы уже для своих политических целей. В условиях военной и послево-

енной разрухи, голода, безработицы часть творческой интеллигенции, связанная с кино- и фотопромышленностью, стала получать гарантированную государственную зарплату, а члены кинематографических профсоюзов – дополнительные льготы и покровительство новой власти. Была проведена полномасштабная инвентаризация и учет имущества кино. Ни один кинотеатр или прокатная контора не остались бесхозными. Опыт введения рабочего контроля в Москве как центре киноиндустрии интересен с точки зрения того, каким путем (кроме реквизиции и национализации) советская власть пыталась контролировать процесс работы в этой творческой отрасли производства. Организация рабочего контроля в кинопромышленности подготовила, по словам В.И. Ленина, условия для «огосударствления профессиональных союзов», в которых «ни о какой нейтральности профсоюзов не могло быть и речи».

Вместе с тем окончательная национализация киноиндустрии положила конец русскому дореволюционному кинематографу, разделила творческую интеллигенцию на своих и чужих, исключив из своих рядов частных предпринимателей и владельцев – первых подвижников российского кино, на которых порой держалась вся отечественная киноиндустрия. Свобода творчества вновь была ограничена, не говоря уже о политической свободе. Исчезли независимые творческие и профессиональные союзы. Многие представители кинематографической профессии оказались за границей, создав вместе с русской эмиграцией параллельную российскую культуру за рубежом. Другая часть не нашла своего места в новом советском мире. Не нашли своего места в кино и целые жанры дореволюционного мирового искусства, как, например, декаданс, мистицизм, символизм, феерический жанр и др. Правда, лучшие достижения зарубежного кино, в том числе и экспериментального, успешно прокатывались в советских кинотеатрах, независимо от критики, которой они подвергались в советских средствах массовой информации. Зритель мог их посмотреть. Советский кинематограф развивался в основном в направлениях социалистического реализма, революционного романтизма и пафоса, советской комедии. Успешно развивались советская кинохроника и документалистика [18]. Экспериментаторство в кино могло быть, если оно отвечало общепринятой идеологической доктрине или признавалось революционно-авангардистским. Называя кино самым массовым из всех видов искусств, Ленин, Луначарский, Троцкий и другие образованные и не чуждые искусству большевистские лидеры прекрасно понимали значение кинематографа для идеологического воспитания масс и сделали все возможное для адаптации его в новом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устюгова В.В. Раннее немое кино и трансляция ценностей модернизма в жизнь российского губернского города на материалах Перми конца XIX – начала XX века. Автореферат доктора исторических наук. Пермь. 2020., И.Н. Гращенкова. Кино Серебряного века и проблема культурно-национального самоопределения кинематографа. Автореферат доктора исторических наук. М., 2007., Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии: 1897-1917гг. Автореферат кандидата исторических наук., Казань 2004г.
2. Кинословарь в двух томах под ред. Юткевича. М., 1970. Т. 2. С. 462 – 463.
3. Из истории кино. Материалы и документы. М., 1959. С. 75 – 76.
4. Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 134.
5. Форестье Л. «Великий немой». Воспоминания кинооператора. М., 1945.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р. 55 – 61, протокол № 7 от 17/XI 1918.
7. ГАРФ. Ф. 695, в настоящем деле № 219, оп. 6, л.1.
8. Братолов С. На заре советской кинематографии. Л., 1976. С. 17 – 43.
9. Вишневский В.Е. Факты и даты из истории отечественной кинематографии. М. 1958. С. 38 – 81.
10. Братолов С. Указ. соч. Л., 1976. С. 116.
11. ГАРФ. Ф. 5561. Протоколы заседания правления Профсоюза кинорботников за июнь – ноябрь 1918 года.
12. Ленин В.И. Проект положения о рабочем контроле. Соч., изд. 4, т. 26.
13. Кинословарь ...С. 464.
14. ГАРФ. Ф. Р. 5561. Указанные протоколы заседания правления Профсоюза кинорботников.
15. Луначарский А.В. О кино. Статьи, выступления, сценарии. М., 1965.
16. «Ленин о кино». Сб. док. и мат. М., 1963.
17. Шкловский В. За 60 лет работы в кино. Статьи, рецензии, портреты. М., 1985.

© Андросов Андрей Анатольевич (iekis@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОПОВЕЩЕНИЯ О ПОЖАРАХ И ЧС В СТОЛИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя РФ генерала армии Е.Н. Зиничева
michaelborodin@mail.ru

THE POSITIVE ROLE OF TECHNOLOGICAL PROGRESS IN THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF THE FIRE AND EMERGENCY WARNING SYSTEM IN THE CAPITAL OF THE RUSSIAN EMPIRE

M. Borodin

Summary: The article examines the technical progress in the dynamics of the development of the fire and emergency warning system in the capital of the Russian Empire.

The subject of the study: The role of technological progress in the dynamics of the development of the fire and emergency warning system.

The object of the study: The fire and emergency warning system in the capital of the Russian Empire.

The purpose of the study. Based on the analysis of scientific literature, published and unpublished documents, materials, the historical aspects of the role of technological progress in the dynamics of the development of the fire and emergency warning system of the professional fire protection of Russia are comprehensively studied and summarized. The relevance of studying the problem is due to the need to apply the accumulated historical experience in modern practice on the issues of the fire and emergency warning system and its development and modernization.

The scientific novelty of the study is determined by a comprehensive analysis of the positive role of technological progress in the dynamics of the development of the fire and emergency warning system in the capital of the Russian Empire, a versatile approach to studying that part of the internal political program of the government of the Russian Empire, which was aimed at improving the fire protection of St. Petersburg, and in general the fire protection of Russia.

Keywords: notification system, technological progress, telephone network, fire telegraph.

Аннотация: В статье выполнено исследование технического прогресса в динамике развития системы оповещения о пожарах и ЧС в столице Российской империи.

Предмет исследования: Роль технического прогресса в динамике развития системы оповещения о пожарах и ЧС. Объект исследования: Система оповещения о пожарах и ЧС в столице Российской империи.

Цель исследования. На основе анализа научной литературы, опубликованных и неопубликованных документов, материалов комплексно изучены и обобщены исторические аспекты роли технического прогресса в динамике развития системы оповещения о пожарах и ЧС профессиональной пожарной охраны России. Актуальность изучения проблемы обусловлена необходимостью применения накопленного исторического опыта в современной практике по вопросам системы оповещения о пожарах и ЧС и ее развития и модернизации.

Научная новизна исследования определяется комплексным анализом положительной роли технического прогресса в динамике развития системы оповещения о пожарах и ЧС в столице Российской империи, разносторонним подходом к изучению той части внутривластной программы правительства Российской Империи, которая была направлена на совершенствование пожарной охраны Санкт-Петербурга, да и в целом пожарной охраны России.

Ключевые слова: система оповещения, технический прогресс, телефонная сеть, пожарный телеграф.

К концу девятнадцатого столетия темпы развития Санкт-Петербурга продолжают нарастать. Прежде всего, разрастается сам город, продолжается активное строительство новых жилых зданий, иных построек, что в свою очередь влияет и на количество населения, проживающего в столице Российской Империи. Так, согласно статистическим данным следует, что население Санкт-Петербурга в 1913 году составило 2018600 человек [6].

В связи с увеличением количества жилых объектов,

других построек происходит и увеличение количества пожаров до 1580 случаев [4].

В свою очередь увеличение количество пожаров повлияло и на изменение деятельности представителей пожарной охраны, так как от деятельности этой важной службы зависит жизнь человека, отношения собственности, но непосредственно функционирование службы пожарной охраны зависит от наличия материального финансирования, политической обстановки в государстве, экономических процессов.

Однако, реформы в сфере деятельности пожарной службы так и не удалось реализовать, пожарные службы осуществляли свою деятельность в своем прошлом режиме, пожарный обоз функционировал прежним образом, не разрабатывались сигналы, свидетельствующие о начале пожара, не всегда пожарные расчеты были обеспечены водой в полном объеме.

Непосредственно средства, которые позволяли бы вовремя обнаружить пожаров и оповестить его население стали разрабатываться и активно применяться с 1871 года, но в то же время эти сигнальные средства не всегда были эффективны. Это связано с тем, что в противопожарную деятельность внедрялись электросигнальные аппараты медленными темпами.

В частности, согласно статистическим данным следует, что количество подобных сигналов, используемых для оповещения о пожарах, в 1886 году применялись только в количестве 306, а в 1913 году применялось только 642 [1].

В то же время количество электросигнальных аппаратов для того города как Санкт-Петербург являлось недостаточным, некоторые из них выходили из строя, в силу чего эффективность их применения была мала.

Городские органы управления понимали, что есть необходимость усовершенствовать противопожарную безопасность города, в силу этого было предложено в 1906 году крупным хозяйствующим субъектам обеспечить столицу сигнальными станциями, которые были бы установлены в разных точках города. В ходе функционирования сигнальных станций появилась возможность выбрать только одну фирму, которая смогла быть поставлять сигнальные станции, позволяющие обеспечить пожарную безопасность.

На предложение органов государственного управления откликнулись такие крупные организации как «Сименс и Гальске», «Гемвель», «Лоренц» и «Микс и Генест» [5].

В последующем было проведено заседание экспертов, которые рассматривали функционирование пробных станций сигнализации, представленных вышеуказанными фирмами, в результате чего было установлено, что оборудование, предоставленное Микс и Генест и Лоренц не могут в полном объеме обеспечить противопожарную безопасность города.

В свою очередь такие противопожарные сигнальные станции, предоставленные от организаций Гемвеля Сименс и Гальске, в полной мере могут обеспечить потребности Санкт-Петербурга. Эти сигнальные станции позволяют быстро оповестить о случившемся пожаре, при

этом получить информацию о начавшемся пожаре могут сразу несколько субъектов.

Однако, данные системы функционируют благодаря различным методам, так система Гемвеля функционирует на основе электромеханического метода, в тоже время система Сименс и Гальске полностью функционирует на электричестве.

В целом данные системы оповещения о начале пожара функционируют практически одинаково, в том числе и при любой погоде, поэтому данные станции могут быть использованы в условиях Санкт-Петербурга.

В силу чего целесообразнее взаимодействовать с той организацией, которая предоставляет свои товары по более выгодной стоимости [7].

Однако, результаты деятельности экспертов так и не были учтены городскими властями, взаимодействие с данными организациями так и не осуществилось. В силу чего, необходимость в установлении средств противопожарной безопасности в столице Российской империи в начале двадцатого столетия продолжал оставаться актуальным [6].

В свою очередь городские власти предприняли следующие мероприятия по обеспечению противопожарной безопасности города в начале двадцатого столетия – ремонт пожарных телеграфов, которые к тому периоду времени уже устарели и не могли эффективно применяться на противопожарных станциях, в силу чего все старые телеграфы были заменены на новые. Были установлены дополнительные телеграфы на территории публичных мест.

Пожарные части также были обеспечены сразу несколькими телеграфами, которые были соединены друг с другом. Однако, данные мероприятия не распространялись на Лесную пожарную часть, которая в отдаленности находилась от города.

Помимо этого, по решению городских властей в 1912 году были отменены противопожарные дежурства на семи каланчах, так как они в свою очередь уже не могли полноценно играть свою роль. Кроме того, это связано непосредственно с характеристикой каланчей, которые отличаются небольшой высотой, а в то же время все постройки того времени стали увеличиваться в высоту, в силу чего их применение стало и не целесообразным [2].

Данные об оснащении Петербурга электросигнальными автоматическими аппаратами приведены в таблице 1 и соответствующем графике на рис.1.

Данные о развитии телефонной связи в Петербурге

Таблица 1[6].

Данные об оснащении электросигнальными аппаратами.

Годы	1886	1894	1901	1905	1909	1913
Количество электросигнальных аппаратов	306	343	504	570	592	642

Таблица 2 [1].

Данные о развитии телефонной сети.

Годы	1886	1894	1901	1905	1909	1913
Количество абонентов телефонной сети	259	940	1320	4375	40000	642 49860

Рис. 1. График

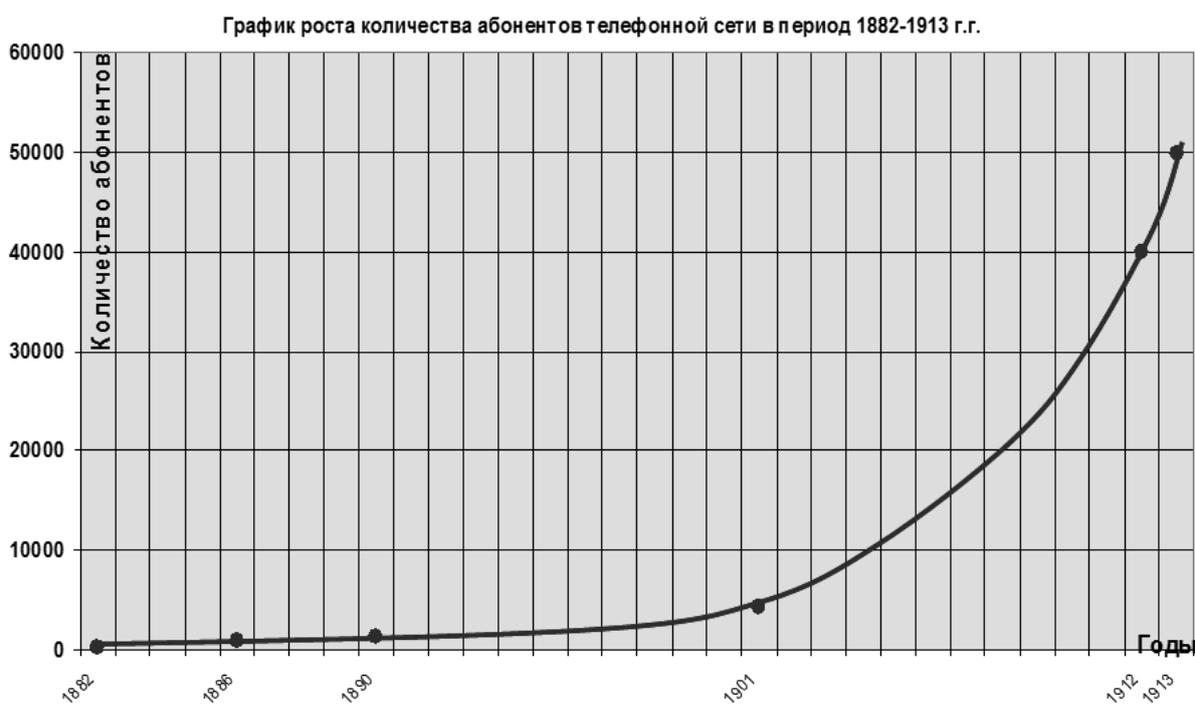

Рис.2. График

Таблица 3.

Сведения о результатах оповещения пожарных частей о пожарах.

Годы Вид извещения	1886	1894	1901	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
По телефону	47 8,2%	134 24,9%	384 38,3%	469 46,7%	278 26,4%	568 48,3%	756 51,6%	672 48,8%	739 57,1%	989 70,9%	1103 72,9%	1075 69,8%	1180 74,6%
По сигналам	168 29,5%	95 17,7%	215 21,5%	248 24,7%	375 35,6%	236 20%	310 21,2%	398 28,9%	241 18,7%	194 13,9%	214 14,1%	211 13,7%	205 12,9%
По уведомлениям	220 38,6%	207 38,5%	249 24,9%	182 18,1%	185 17,6%	211 18%	191 13%	140 10,2%	147 11,3%	86 6,8%	113 7,5%	153 9,9%	130 8,3%
«Усмотрено» с каланчей	135 23,7%	102 18,9%	153 15,3%	105 10,5%	215 20,4%	161 13,7%	209 14%	167 12,1%	164 12,9%	125 8,9%	84 5,5%	101 6,6%	65 4,2%
Итого	570	538	1001	1004	1053	1176	1466	1377	1291	1394	1514	1540	1580

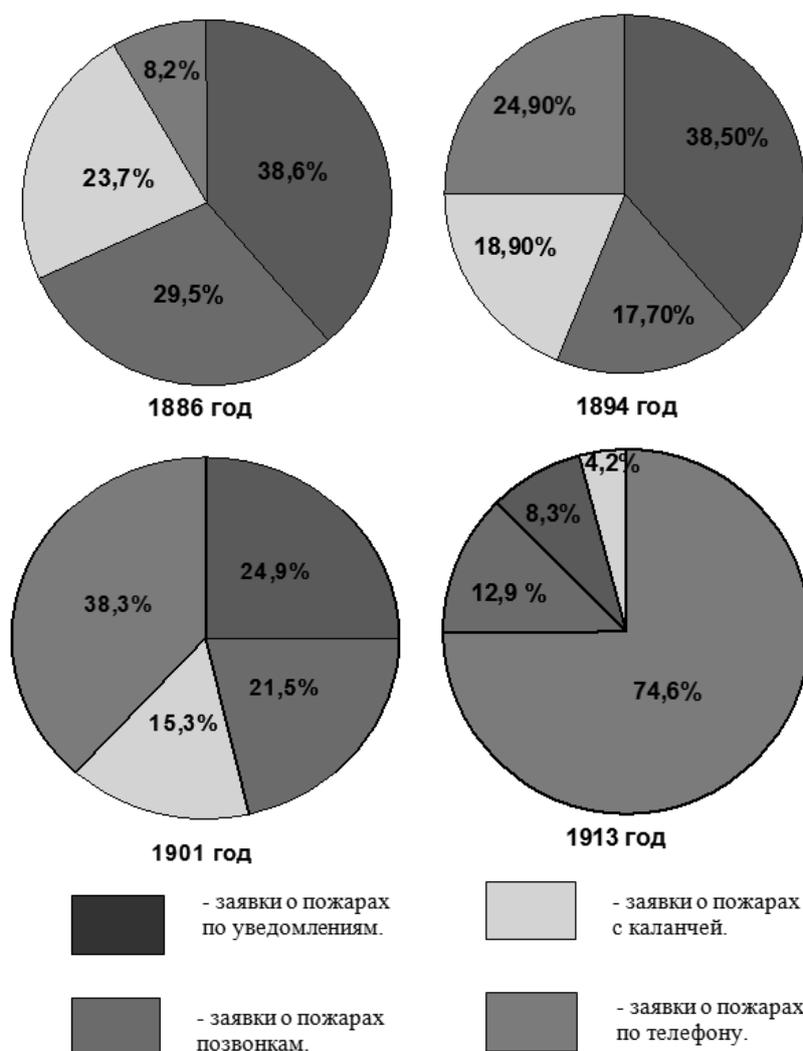

Рис. 3. Диаграммы распределения заявок о пожарах

приведены в таблице 2 и соответствующий график на рис. 2.

Данные таблицы 1 и соответствующий график показывают более чем двойной рост количества электро-сигнальных аппаратов в период 1886-1913 г.г. Однако общее количество аппаратов по общеевропейским меркам было недостаточным.

Следовательно, можно сделать вывод, что развитие «пожарного телеграфа» позволяет повысить противопожарное обеспечение, но в то же время техническое развитие в сфере противопожарного обеспечения было недостаточным. Например, в тот период времени телефонная связь развивалась более активно.

Так, еще в 1881 году Телеграфный департамент заключил договор с предпринимателем фон Барановым на осуществление монтажа и обслуживания пяти телефонных сетей сразу в нескольких крупных городах Российской Империи. Однако, стоит отметить, что фон Баранов лично не планировал осуществлять данную деятельность и с целью извлечения прибыли передал обязательства по осуществлению монтажа и обслуживанию пяти телефонных сетей компании «Белла». К моменту окончания срока действия договора в городе функционировали только две телефонные станции, которые позволяли обеспечивать связь между 4375 абонентами, в то же время в целом в этот промежуток времени происходит увеличение количества абонентов, которые пользовались телефонными сетями [1].

Сведения о результатах извещения пожарных частей в период 1886- 1913 гг. приведены в таблице 3. и соответствующие диаграммы распределения заявок о пожарах на рис. 3 [1].

В свою очередь, если техника извещения об экстремальных ситуациях будет развиваться, то в этом случае и заявки о возникших пожарах будут быстрее поступать в пожарную службу. Однако, в начале двадцатого столетия уровень технического развития извещения, так и не был достаточно высоким, несмотря на то что в этот же проме-

жуток времени развивалась в какой-то мере телефонная связь. Постепенно увеличивалось количество телефонных абонентов. Непосредственно развитие телефонной связи в городе все-таки влияет и на систему обеспечения противопожарной безопасности, так как благодаря системе телефонного оповещения противопожарная служба могла своевременно получать информацию о начавшемся пожаре.

В связи с тем, что в Санкт-Петербурге было недостаточное количество телефонных абонентов, то сообщения о пожарах поступали еще и при помощи непосредственно уведомлений, а также каланчовой службы.

Однако, именно в этот промежуток времени увеличилось количество случаев, когда сообщение о начавшемся пожаре непосредственно передавались при помощи технических средств. Как уже было указано выше, развитие технического прогресса в сфере обеспечения противопожарной безопасности стало возможным благодаря обеспечению телефонной связью населения. Именно этот факт обосновывает необходимость использовать средства противопожарной сигнализации, которая работала на электромагнитных принципах.

Так, согласно статистическим данным следует, что в 1913 году уведомлений о начале пожара поступили непосредственно при помощи каланчовой службы всего 195. В свою очередь сообщений о начале пожаров в противопожарную службу поступило 1385.

Динамика перераспределения заявок о пожарах в результате технического прогресса в системе оповещения о пожарах представлена в виде диаграмм распределения заявок о пожарах (см. рис.3).

Необходимо отметить, что сведения о начале пожара, которые были переданы через пожарный телеграф и телефонную связь поступали в противопожарные части гораздо быстрее, чем иные способы оповещения, которые уже не могли быть эффективными в новом столетии [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин М.П. История становления и развития системы связи профессиональной пожарной охраны (XIX - начало XX в.в.) / М.П. Бородин. Дисс. канд. ист. наук. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург. 2012.
2. Бородин М.П. Система оповещения о пожарах в столице Российской империи в XIX в. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 2. С. 35-49.
3. Бородин М.П., Зуев А.В. Историография системы электросвязи профессиональной пожарной команды столицы Российской империи. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. №6.
4. Бородин М.П., Зуев А.В. Роль технического прогресса в системе оповещения о пожарах и чрезвычайных ситуациях Санкт-Петербурга в период XIX- начало XX вв. Монография [Электронный ресурс]. – М.: Мир науки, 2022.
5. Бородин М.П., Зуев А.В. Инновационные тенденции разработки и совершенствования оборудования системы оповещения Санкт-Петербурга о пожарах

- и ЧС в XIX – начале XX вв. Журнал Альманах «КАЗАЧЕСТВО». №67 (2) 2023. С.53-58.
6. Литвинов А.В. Отчет С.-Петербургской пожарной команды за 1913 год / А.В. Литвинов. СПб.: б.и., 1914.
 7. Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга Фонд Ф.513 – Петроградская городская управа. Оп.125 д. 304.
-

© Бородин Михаил Павлович (michaelborodin@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НА ПРИМЕРЕ БОЛЬНИЦ СЕВЕРО-ЗАПАДА (ДОМА ПРИЗРЕНИЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА III И ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ СВЯТОГО ПАНТЕЛЕЙМОНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ) В 1890-1900-Е ГГ.

Виноградова Мария Александровна

Аспирант, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина
ranorom7@mail.ru

**PECULIARITIES OF THE ORGANIZATION
OF PSYCHIATRIC CARE USING
THE EXAMPLE OF HOSPITALS IN
THE NORTH-WEST (HOUSE OF CARE
FOR THE MENTALLY ILL NAMED AFTER
ALEXANDER III AND THE CITY HOSPITAL
OF ST. PANTELEIMON IN ST. PETERSBURG)
IN THE 1890-1900S.**

M. Vinogradova

Summary: The article raises the question of the peculiarities of the organization of psychiatric care in St. Petersburg in the 1880-1890s. The approach to providing assistance and organizing treatment for the mentally ill in the Alexander III House of Charity and the city Panteleimonovskaya Hospital for the mentally ill is compared. Conclusions are drawn about the similarities and differences in goals, methods, and techniques in organizing mental health care.

Keywords: north-west, St. Petersburg, organization for helping the mentally ill, Alexander III Charity House, Panteleimonovskaya Hospital.

Аннотация: В статье поднимается вопрос об особенностях организации психиатрической помощи в Санкт-Петербурге в 1880-1890-х гг. Сравнивается подход к оказанию помощи и организации лечения душевнобольных в Доме призрения имени Александра III и городской Пантелеймоновской больнице для душевнобольных. Делаются выводы о сходстве и различии целей, методов, и приемов в особенностях организации психиатрической помощи.

Ключевые слова: северо-запад, Санкт-Петербург, организация помощи душевнобольным, Дом призрения Александра III, Пантелеймоновская больница.

Вторую половину XIX века в Российской империи можно охарактеризовать как эпоху масштабных изменений, происходивших во всех сферах жизни общества, в том числе и в сфере здравоохранения, развитие и преобразование которой прежде шло медленными темпами. Исключением не стала и психиатрия, для которой особенно значимыми стали 1890-1900 гг. Эти годы были переломными как для развивающейся науки, так и для дела организации психиатрической помощи. Кроме того, этот период подарил стране целую плеяду талантливых врачей-психиатров, чей вклад в организацию помощи душевнобольным нельзя было недооценить. Благодаря их деятельности, призрение больных в России вышло на новый уровень.

Особенные успехи призрения душевнобольных несомненно имело в главном городе Российской империи, а именно – в Санкт-Петербурге. Будучи столицей страны и наиболее развитым городом среди северо-западных

губерний, Петербург мог похвастаться не только большим количеством квалифицированных врачебных кадров, среди которых было много именитых профессоров и академиков, но и достаточно большим, в сравнении с другими городами и уездами, числом психиатрических больниц.

Конечно, нельзя сказать, что все больницы имели одинаковые возможности при создании условий для организации помощи своим пациентам, но даже само их наличие, как и оказание квалифицированной помощи больным, в те годы по-прежнему значили весьма много. Однако, особое внимание хотелось бы уделить двум больницам Петербурга: Дому призрения душевнобольных имени Александра III и Городской больнице святого Пантелеймона. Выбор этих больниц обусловлен тем, что открытые с разницей в пятнадцать лет, они, по сути, были одним целым, но фактически – являлись заведениями разного порядка [1, с. 332].

Дом призрения Александра III представлялся особенным учреждением, аналоги которого вряд ли можно было бы встретить в то время в других городах Российской империи. Начиная с момента своего основания в феврале 1870 г. эта больница очень выделялась и стояла «особняком» среди прочих заведений схожего характера. Открытие по просьбе будущего императора, протекция царя, поддержка существования из царской казны и наличие попечителей – все это с первых дней существования ставило заведение на недостижимую высоту [1, с. 332].

Дом призрения задумывался как проект для неизлечимо больных еще тогда, когда Александр III, будучи цесаревичем, просил у отца «соизволение на устройство особого приюта для неизлечимо помешанных», поэтому основной функцией заведения стало содержание больных в комфортных условиях, а не их лечение [1, с. 333].

Помимо прочего, Дом призрения стал одним из первым учреждений павильонного типа в России: корпуса и церковь при заведении были построены «в сельском стиле» (по желанию наследника), имели мезонин и были покрыты изящной резьбой, а для пациентов были предусмотрены отдельные комнаты [1, с. 334].

Благоустроенные павильоны напоминали пациентам домашнюю обстановку и облегчали их пребывание в лечебнице, а количество пансионеров в больнице, ради создания комфортных условий, не превышало 120-130 человек. Заведение для душевнобольных находилось в ведении попечительского совета, председателем которого был принц А.П. Ольденбургский [3, л. 1].

Стоит отметить, что содержание в больнице, несмотря на большие дотации от государства и попечителей, было платным, и составляло в 1880-1890-е гг. от 50 до 75 рублей в месяц, или 600/900 рублей в год серебром [3, л. 3]. Такая сумма являлась баснословным состоянием для многих людей. Например, надзиратели больницы Пантелеймона получали 28,80 рублей в месяц, что составляло лишь половину суммы месячного содержания больного в Доме призрения [2, с. 44]. Таким образом, оставить в Доме призрения имени Александра своих родственников могли себе позволить лишь немногие слои населения.

Основным контингентом заведения были представители дворянства, духовенства и купечества. Для помещения больного на содержание пансионером доверенное лицо (отец/мать, муж/жена) должны были написать заявление о приеме на имя директора. Плата по платежам была обязательной и в случае просрочки платежа более чем на 7 дней пациента должны были забрать из заведения [3, л. 3].

При приеме больных обязательно заполнялись сводные карточки о состоянии здоровья, в которых собирался анамнез, включавший анкетирование больных о наследственности душевных недугов, половых привычках, особенностях проявления душевных болезней и пр. [3, л. 5]. Лечение, в основном, состояло из препаратов, например, капель и втираний кальция хлорида. Трудовые же занятия были необязательными и выполнялись больными по желанию [3, л. 5]. Как итог – лечение несло мало практической пользы, так как основной функцией больницы, как упоминалось ранее, было не лечение, а содержание больных.

Благодаря высокой плате попечители могли обеспечить пациентам содержание «согласно новейшим указаниям психиатрии», включавшим отдельные комнаты, оборудованные кроватями, столами, стульями и другими предметами мебели, отдельную кухню, столовую, гостиную, библиотеку и пр.

В разные годы в больнице Александра лечились известные люди. Так, среди них были брат графов Орловых, Виктор Хрисанфович Кандинский, врач-психиатр и ординатор больницы Святого Николая Чудотворца [3, л. 1], а также Константин Федорович Рерих, бывший нотариус Санкт-Петербургского окружного суда, отец художника Н.К. Рериха [5, л. 2].

Тем не менее, несмотря на высокий уровень содержания больных и их принадлежность к привилегированным слоям населения, руководство подобных заведений не было застраховано от различного рода эксцессов. Например, дочь действительного статского советника Федора Гарнич-Гарницкого Зинаида Федоровна содержалась в больнице четыре года, при этом недоимка за время содержания составляла 1175 рублей из 2400. Федор Гарнич-Гарницкий просил у принца Ольденбургского простить ему долг, но согласия не получил, а сама тяжба шла на протяжении трех лет, и в конечном итоге, отец уплатил всю сумму в счет больницы [4, л. 7].

Таким образом, Дом призрения Александра III не случайно был отмечен ранее как весьма необычное заведение среди похожих учреждений. В 1885 году из-за переполнения палат в Доме призрения Александра III рядом организовали новую психиатрическую больницу, названную Петербургской городской больницей для душевнобольных во имя великомученика и целителя Пантелеймона, куда отправили тех, кто не мог оплачивать содержание в Доме призрения [2, с. 3].

Можно отметить, что больница Пантелеймона являлась «дочерней» по отношению к больнице Александра III и появилась лишь по той причине, чтобы у попечителей Дома призрения была возможность соблюсти ранее запланированные комфортные условия содержания.

Однако, несмотря на свои условия возникновения, Пантелеймоновская больница с самого начала была обособленной и не связанной с Домом призрения, поэтому организация призрения в ней разительно отличалась.

Это заведение полностью содержалось на средства городской казны, в виду чего ни комфортных палат, ни архитектурных изысков позволить себе не могло. В больнице было 15 отделений для пациентов с заболеваниями различной формы и степени тяжести, а сами душевнобольные и персонал занимали деревянные бараки, где размещались очень скученно, в следствие нехватки пространства [2, с. 5]. Пребывание больных в учреждении было бесплатным, поэтому количество пациентов было очень велико и насчитывало порядка 700 человек [2, с. 128].

Сперва места было настолько мало, что во многих павильонах отсутствовали комнаты для врачей, где бы они могли осмотреть пациентов, но к 1897 году в них смогли найти места для кабинетов, правда, это было сделано за счет более тесного расположения спальных мест, и как следствие – более тесного контакта пациентов с разным течением душевных болезней, что являлось не очень хорошей практикой [2, с. 73].

Контингент больницы был довольно разношерстным по той причине, что в Пантелеймоновскую лечебницу поступали не только больные из Дома призрения, но и потому, что она стала приютом для тех, кому не хватало места в других городских больницах для душевнобольных [6, л. 2]. Принимали в Пантелеймоновскую больницу и пациентов из других губерний, в основном, северных и северо-западных. К 1897 г. в больнице по данным отчета находилось 26% крестьян и мещан, 15% офицеров и около 2% дворян. [2, с. 131].

В основу ухода и организации жизни больных, в отличие от Дома призрения Александра, были положены не содержательные, а скорее лечебные и воспитательные цели, главной же целью было стремление привести больных к выздоровлению, насколько это было возможно [2, с. 73]. Таким образом, несмотря на особенности своего возникновения, больница Пантелеймона имела большое значение для пациентов.

Для достижения целей своей деятельности в основу организации быта больных были поставлен принцип нестеснения, трудовой терапии, развлечений и наличия большого количества контактов со здоровыми людьми.

Для этого врачи на протяжении дня общались с больными, а надзиратели вели дневники состояния пациентов, куда заносили различные явления и перемены в поведении больных, их настроения и состояния [2, с. 72]. Помимо стандартных методов лечения (таких как камзо-

лирование, изоляция и лекарственные средства), врачи использовали трудовую терапию. Труд больных подразделялся на внешний (работы в огороде, дворе и садах), и внутренний (работа в различных мастерских) [2, с. 80].

Психиатры, составлявшие отчет о функционировании больницы, упоминали труд как один из неотъемлемых элементов, имевших лечебную важность и значение для пациентов больницы. Работа положительно влияла на течение заболеваний, и несмотря на то, что это было дорого с точки зрения организации, так как необходим дополнительный персонал для слежки за больными, в больнице старались устраивать трудовые мероприятия, зарабатывая деньги на труде больных и покрывая таким образом затраченные средства [2, с. 94].

Таким образом, в первой половине XIX века в Санкт-Петербурге существовали две крупные психиатрические больницы - Александровская и Пантелеймоновская. Обе они были основаны в начале столетия и являлись одними из самых крупных психиатрических учреждений в России.

Сходство между заведениями заключалось в том, что в обеих больницах использовались схожие методы лечения, включая применение лекарств, нестеснение, трудовую терапию и организацию развлечений для больных.

Однако, существовали и существенные различия между этими учреждениями. Первое и ключевое отличие заключалось в целях деятельности больниц. Александровская больница была направлена на содержательную помощь больным и реализацию лекарственных методов лечения, в то время как Пантелеймоновская больница была организована для реабилитации и социализации пациентов.

Еще одним отличием была стоимость содержания пациентов. В Александровской больнице они платили за пребывание, в то время как в Пантелеймоновской больнице оно было бесплатным. Кроме того, условия содержания пациентов сильно различались – в Александровской больнице комнаты были просторнее, и некоторые пациенты жили в отдельных квартирах, в то время как в Пантелеймоновской больнице пространство было ограничено, и количество пациентов достигало 700 человек.

По контингенту пациентов первая больница считалась привилегированной, в то время как вторая принимала всех пациентов, также в Александровской больнице труд пациентов был использован редко и по их желанию, в то время как в Пантелеймоновской больнице большое внимание уделялось физическим занятиям и труду, так как он способствовал нормализации их состояния.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что платность и привилегированность не делали Александровскую больницу лучше, а Пантелеймоновскую хуже. Это были два принципиально разных заведе-

ния, с разными целями, но суть и назначение у них было одно – оказать поддержку нуждающимся и помочь их исцелению, или хотя бы облегчению той тяжелой участи, которая всегда сопровождала душевнобольных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е.Л. Северные окрестности Петербурга. Историческое прошлое. СПб.: Лики России, 2008. 640 с.
2. Отчет по Санкт-Петербургской городской больнице Св. Пантелеймона для душевнобольных за 1897-1900 гг. СПб.: Типо-литография Шредера, 1901 г. 211 с.;
3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 389. Оп. 1. Д. 871.;
4. ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 2664.;
5. ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 2946.;
6. ЦГИА СПб. Ф. 48. Оп. 1. Д. 566.;
7. ЦГИА СПб. Фонд 48. Оп. 1. Д. 1028.

© Виноградова Мария Александровна (ranorom7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЕНЕЙСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ВОЛОСТЬ УФИМСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Каримов Тагир Тимергазимович

К. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

YENEYSKAYA LAND VOLOST OF UFA UYEZD IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY

T. Karimov

Summary: The article mainly examines the economic and contractual activities of patrimonial owners. Numerous documents help to reveal some aspects of the socio-economic life of Tatar villages, identify the anthroponymic origin of the names of some of them, and judge the composition of the population. However, the sources do not allow us to fully present not only the quantitative composition of the villages, nor the class structure of the population in them.

Keywords: votchinniki, Yeny volost, tatar entrepreneurship, tatars of the bashkir class.

Аннотация: В статье главным образом рассматривается хозяйственно-договорная деятельность вотчинников. Многочисленные документы помогают раскрыть некоторые аспекты социально-экономической жизни татарских деревень, выявить антропонимическое происхождение названий некоторых из них, судить о составе населения. Однако источники не позволяют в полной мере представить не только количественный состав деревень, но и словесную структуру населения в них.

Ключевые слова: вотчинники, Енейская волость, татарское предпринимательство, татары башкирского сословия.

К числу наиболее интересных источников по истории Енейской поземельной волости относятся документы 1706-1707 гг., дающие представление о причинах и ходе земельного спора между Канмурзой Азаматовым и Сунбаем Султангуловым. Они содержат сведения об именах не только вышеназванных вотчинников, но и других, иногда ранее неизвестных, что позволяет выявить антропонимическое происхождение названий их деревень.

В документе под названием «полюбовная мировая запись» от 25 августа 1706 г. назван Канмурза со «своею деревнею», который долго спорил о принадлежности сенокосов с Сунбаем Султангуловым. «Я, Канмурза, в том: те сенные покосы делены издавна, и я, Канмурза, теми сенными покосы владею и сена кошу своею деревнею, и они вышеписанные свидетели, про то подлинно знают». В качестве свидетелей даны ссылки на «деревни Ульяды (Урьяды. – Т. К.) на Ахманая да на Байгула, да на Агыша, да деревни Нижней Ульяды (Урьяды. – Т. К.) на Темяка, да на Келмекея Шаликеева, да деревни Буранчиевы на Сабаная Яшимирова, деревни Якуповы на Танатара Копырьянова, да на Иртугана Янтуганова, на Тойметя Супу, на Темирбулата Байзыгитова, деревни Минкаушского Устья на Ишметя, деревни Мартыновы на Кармана, деревни Козекины на Иткиню Ишметева» [3, с. 27-28].

Опираясь на этот документ, мы можем говорить, что в этот период существовали дд. Урьяды (ныне с. Старые Урьяды Актанышского района РТ), Нижние Урьяды (ныне Актанышского района РТ), Буранчиево, Якупово, Мин-

каушское Устье (по другим источникам Маткаушское Устье), Мартыново, Козекино. Позже большинство этих деревень по разным причинам прекратили свое существование. Вотчинник Канмурза предположительно является основателем д. Калмурзино, название которой здесь не упоминается, но подразумевается.

Вторая «полюбовная мировая запись» между Канмурзой Азаматовым и Сунбаем Султангуловым и их товарищами по поводу совместного владения сенокосами последовала 18 ноября 1706 г. «Написали мы, Канмурза и Сунбай с товарищи, меж себя полюбовную мировую запись в том, что бил челом великому государю я, Канмурза, на них, Сунбая с товарищи, в насильстве сенных покосов, и в том им был допрос. И не дождавсья мы, Канмурза и Сунбай с товарищи, по тому делу вершения, поговоря меж себя, помирились. А те наши сенные покосы разделить нам меж себя на 30 на 8 (38. – Т. К.) ясаков и владеть вопче, друг друга не избижать» [3, с. 28-29].

Лишь третья мировая запись (1707 г., «августа, не позднее 29») по вопросу о принадлежности сенокосов поставила точку в споре и зафиксировала раздел сенокосов с указанием их границ. «И по договору косить ему, Канмурзе с товарищи, по сей записи с нынешнего 707-го году впредь вечно в межах и в урочищах: с Токара перевозу по Усоклы-Илень на колок дубник и асинник, с Саклы-Илень на сосновой колок, которой подле озера Тюперю по обе стороны, а с того соснового колка на Базану речку по обе ж стороны до Бугинского устья, а с того устья за Ик реку на усть Усьясик по озера Ляликиль, а от того озера

на вершины Кыркуль, а Кыра озера на орему нискую, где сидят перевесом, а от аремы, что на Ик реку, на Елань яр, и с того яру по Ику реке до верхней межи, до того вышешанного Такаева перевозу». Зафиксировав раздел сенокосов, стороны договорились «великому государю не бить челом, и не продовать, и не убытчить, и насильства никакова не чинить» [3, с. 38].

Таким образом, разрешение этого спора, затянувшегося на многие месяцы, показывает, что определение границ своих сенокосов было одним из важных условий управления вотчинной землей. И это только одна сторона экономической жизни, а по другим вопросам, омрачавшим жизнь вотчинника, могло быть столько споров, – всех невозможно перечислить.

В рассматриваемом документе площади сенокосов (о них можно судить по гидронимам) Канмурзы и его товарищей поражают своей величиной. Названия названных здесь озер в других опубликованных источниках не встречаются.

Вместе с вотчинниками, в их деревнях жили татары других сословий. При этом вместо сословного названия, возможно, бобыльского, источники предпочитают указывать только национальность. Так, в документе 1706 г. сообщается о татарине Килмете Тимяшеве из д. Бикбов, который взял в долг 2 рубля у черемисина д. Каракулино. «А порукою в тех деньгах то же деревни башкирец Суюш Азаматов свидетельствовал» [5, л. 6].

Как видим, этот источник позволяет установить, что в д. Бикбов (ныне с. Бикбулово Мензелинского района РТ) в 1706 г. проживали татары двух сословий. Известно, что невоотчинники этой деревни платили теплярский ясак (например, в 1728 г.) [1, с. 84].

В одной из статей мы обратили внимание на житейскую запись от 7 марта 1707 г., данную «горным» татаринном Казанской дороги Уфимского уезда Юнусом Турабаевым (из д. Исамбаево) «башкирцу» той же дороги Минею Тютееву (д. Каинтуба). Там написано, что первый занял у второго 7 рублей и обязался жить с его семьей и работать на него в течение 3 лет [3, с. 32].

Рассматривая этот документ, мы подчеркнули, что «неаргументированное суждение о том, что Юнус Турабаев был жителем с. Исамбаево современного Илишевского района РБ, вызывает вопрос. Ведь кроме этой деревни, есть еще одна с аналогичным названием в Енейской поземельной волости (ныне с. Исенбаево Агрызского района РТ)» [2, с. 22].

По другим источникам известно, что в д. Каинтуба (ныне с. Кыр-Каентюба Актанышского района РТ), расположенной на земле Булярской волости, жили енейцы

(в т.ч. заимодатель Миней Тютеев. Возможно, он является братом енейца Апас муллы Тютеева из известного татарского рода Кара-бека). Поэтому логично предположить, что и заёмщик в лице Юнуса Турабаева тоже принадлежал к енейцам, следовательно, его деревня относится к Енейской волости.

Переходим к другим документам. В июне 1707 г. вотчинник д. Токуево Енейской волости Ирмяш Урмячев дал запись каракулинскому подьячему С.К. Арзамасцеву о совместной постройке мельницы в его вотчине на р. Биме. «С нынешняго 707-го году июня з 10-го числа строить мне, Ирмяшу, с ним, Степаном, в вотчине своей на реке Биме в деревне Шайтановой подошевную мельницу на 1 или на 2 постава ево, Степановыми, деньгами во что не станет. А лес наслатъ, и на анбар и на всякое мельнишное и дворовое и хоромное на той мельнице строение какой понадобится рубить в моей, Ирмяшевой, вотчине безоброчно. А как тое мельницу я, Ирмяш с ним, Степаном, ево деньгами построю и на ходу поставлю, и что на строение ево, Степановых, денег издержу, и те деньги докамест та и островная мельница вымелет, и лапатошную муку брать ему Степану, одному, а мне, Ирмяшу, лапатошные муки и денег до вымолии ево, Степановых, издержанных денег своего паю не брать. А что на ходу на той мельнице платина или железная снасть попортитца, и ему, Степану, чинить своими деньгами. А денежную издержек у иметь ему ис помольных денег. А докамест всю издержку, что на починку издержано будет денег, лапатошную муку брать ему ж, Степану, одному. А как та мельница все ево, Степановы, издержанные на строение и на починку деньги вымелет, держать тое мельницу со мною, Ирмяшем, вопче пополам. И мельнишная снасть и всякой на той мельнице завод строить и починивать пополам вопче. А помольные деньги и лапатошную муку делить пополам. И владенья тою мельницею своей половины на той мельнице мне, Ирмяшу, п по смерти моей жене моей и детям моим. Буде держать не похотим, кроме ево, Степана или жены ево, или детей на сторону русским людем, иноверцом и свойственником не здавать. А здавши ему, Степану, или жене ево, или детям той мельницы свою половину, и взять с него деньги, во что та мельница стала, половину. Да мне ж, Ирмяшу, молоть на себя в году на один постав хлеба тестеры сутки, как ево, Степановы, издержанные деньги вымелютца» [3, с. 35-36].

Эти выдержки из договора показывают, что Ирмяш Урмячев был одним из самых хозяйственных вотчинников Енейской волости. Его ум и деловая хватка проявились при составлении контракта. Кроме того, не каждый мог общаться с русскими крестьянами, устанавливая взаимовыгодные деловые связи и создавать совместное предприятие.

В другом документе 1706 г. также сообщается, что

Ирмяш Урмачев (Урмячев) происходил из д. Токусево и имел вотчину на реке Биме в д. Шайтаново [6, л. 9]. Имя Ирмяша Урмачева упоминается в генеалогии известного татарского рода Кара-бека.

Прежде чем перейти к другим вотчинникам, отметим документ, датированный 8 января 1707 г. Это расписка («запись») от Тойдыбая Бактаева (из д. Суксы) «башкирцу» Алмекею Иленчиеву (д. Аргамаково) о займе у последнего 5 руб. с обязательством отработать часть долга. Для этого Тойдыбай должен был жить и работать в хозяйстве кредитора в течение одного года (за что он освобожден от уплаты части долга в размере одного рубля), а остальную часть долга (4 руб.) погасить собственными деньгами [3, с. 30-31].

Эта первый известный документ, в котором упоминается марийская д. Суксы (ныне Мари-Суксу Актанышского района РТ), входившая в Енейскую волость. Вторая деревня (Аргамаково) относится к Елдякской волости. Этот документ является одним из свидетельств тесных контактов между отдельными представителями двух земельных волостей.

Примечателен договор от 1 апреля 1709 г. между вотчинниками Енейской волости Сулеем Ногашевым с его братьями и товарищами и подьячим Каракулинской приказной избы С.К. Арзамасцевым. Из-за экономических трудностей, возникших в результате восстания 1708 г., вотчинники передали последнему полный контроль над своими землями по р. Оса с условием уплаты ясака в казну. *«Апреля в 1 день. Уфинского уезду, Казанские дороги, Янейские волости, деревни Нагашевой башкирцы Сулей да Абла, да Зиян Ногашевы дети, Аптык да Усман да Ишмен Урусметевы, деревни Яланъяру Актуган Янгурчин с товарищи дали сию на себя в Каракулине запись Каракульские приказные избы подьячему Степану Кузмину сыну Арзамасцову в том, что в прошлом 708-м году была у нас башкирская шатость и в той шатости деревни наши и дома раззорены, и за раззорением нам, Сулею и Абле и Зияну и Аптыку и Усману и Шменю и Актугану с товарищи, с вотчин своих кунной ясак платить невмочь, и мы, Сулей и Аптык з братьи и с товарищи, поступились ему, Степану, в вотчине своей на пашню гаревые земли по Осе реке Бахтиские поля. И ему, Степану, на той земле на берегу Осы реки дворами строитца, и работников и половников в той своей деревне сажать, и тое землю пахать, и по Осе реке сено косить, что по надобитца, и хороменной и дровеной всякой лес, кроме бортевых деревьев, рубить, и хмелю про себя щипать, и рябчиков ловить в нашей вотчине, и всякой скот в той своей деревне водить. А с то нашей отданной вотчинной земли и сенных покосов платить ему, Степану, нам, Сулею и Аптыку з братьи и с товарищи, в платеж в казну великого государя ясаку в год по кунице, а за куницу деньгами по 4 гривны... Да ему ж, Степану, буде похочет,*

построить на Осе реке, где погодитца, мельницу за вышеписанным же оброком» [3, с. 48-49].

Документ свидетельствует, что «башкирские» восстания тяжело отразились на экономическом положении волощан («деревни наши и дома раззорены») и платить ясак стало невозможно («кунной ясак платить невмочь»). По этой причине припуск на вотчину стороннего человека, даже православного вероисповедания, был для них одним из вариантов смягчения тягот жизни. Только в этом источнике упоминаются дд. Нагашево и Яланъяр; их больше не найти. Название первой указывает на ее антропонимическое происхождение.

По договору от 11 января 1712 г. вотчинники д. Багады (ныне с. Старые Бугады Актанышского района РТ) Енейской волости Деум Айманов, Чюрай Азаматов с товарищами передали свои рыболовные угодья по р. Ик на 3 года мензелинскому служилому человеку Я.И. Ляховичу и Л.К. Суворову с условием выплаты вотчинникам годового 5-рублевого оброка. *«Отдали... ясашные рыбные ловли по Ику реке, словут Таралинские, верхняя межа по озеро Тудуш на низ по Ику реке по обе стороны, с-ыстоки и с озеры и с тубами, до нижней межи до Туралы озера, и с тем озером Туралою, от того озера на низ по Ику реке по правой стороне до Осиновой курьи с-ыстоки ж и с озеры, с прошлаго 710-го году с апреля месяца впредь на 3 года»* [3, с. 80-81]. Данные вотчинники названы только в этом источнике, имя Деум относится к числу редких и наблюдается только в Гарейской волости (Деум Тютюков из д. Мрясево в 1758 г.).

В 1712 г. «башкирцы» д. Аккузево Енейской волости Кинзя Азаматов, Токман Алпаутов, Мосей Мурзакаев, Ишинбай Аднагулов и Ильмет Ураев переселились на землю Булярской волости, вотчинники которой отдали им «на подселение на десять дворов землю, сенные покосы, рыбные ловли, хмелевое щипанье и протчия угодья». В своей статье мы отметили, что именно эти енейцы основали д. Аккузево Бирского уезда (ныне Илишевского района РБ), так как копия этого документа была в руках у их потомков в 1842 г. Ее название может быть связано с их бывшей деревней [2, с. 22-23].

Еще большее количество вотчинников Енейской волости называется в документе от 23 февраля 1714 г. Он представляет собой запись башкир Казанской дороги Кашевара Токаева с товарищами каракулинскому крестьянину И.Е. Золотухину об отдаче в оброчное владение на 5 лет своего вотчинного о. Кургу (а по-русские Соменовое). В числе арендодателей показаны «башкирцы» Кашевар Токаев, Полат Бектемиров, Беткиня Баталин, Урман Семенов, Тулумбай Токаев (из д. Семиостровная), Айман Уркуняков, Изубяк Тапысев (д. Иткинино). «А рядили мы, Кашевар с товарищи, у него, Ивана, за то свое отчинное озеро оброку на год по 11-ти руб., а наперед

здатку взяли в те вышеписанные годы 5 руб. с полтиною», — так сообщаются условия аренды [3, с. 108-109].

Выше мы говорили в основном о вотчинниках, географически называемом «башкирцами». Источники не позволяют в полной мере судить о них, как и о татарах других сословий. Так, перепись 1722 г. зафиксировала служилых мещеряков дд. Адаево (15 душ муж. пола) и Измеиково, что на речке Шабиз (2). Кроме них, 18 душ муж. пола служилых мещеряков д. Адаево учтены отдельно. Ясачные татары показаны в дд. Старой Тогуз, Косой тож, что на речке Кады (12 душ муж. пола), Кадыбаш, что на речке Кадыбаш (40), Кучюкова, что на речке Берклете (23) и Сарысаз, что на речке Сарысазе (7) [7, с. 25, 33, 38]. И эта, и следующая перепись (1747 г.) не отражают всех ясачных татар и марийцев Енейской волости; только в переписи 1762 г. они представлены полно.

Количество деревень Енейской волости также остается неясным; о них можно судить по информации из разных источников. Так, в документе 1722 г. впервые упоминается д. Кадырметево (ныне Старое Кадырметьево Актанышского района РТ) Уфимского уезда. А. Досаев из закамской д. Сармаш Зюрейской дороги «с ...[1709] году был в бегах в Уфинском уезде в деревне Кадырметеве, а из оной деревни пришел ...сего ...[1722] в сентябре месяце». Об этом сообщили представители д. Сармаш, староста Алмамет Дусметев, выборные Кадырмет Досаев и Зямей Досаев сотни Тоганая Бектемирова («которой ныне в той же сотни правит половиной нововыборной сотник Иркаш Кутуев») Зюрейской дороги Казанского уезда [4, л. 290].

В заключение отметим договор от 16 июля 1723 г., по которому вотчинники Буря Тойгильдин и Сурмет Урусметев (из д. Семиостровная), Кинзикей Зияшев (д. Шабыз) и их товарищи взяли в долг у С.К. Сапожникова (с. Каракулино) 49 руб. 50 копеек. За это они отдали ему половину

своего озера Енеевское и мелкие озера сроком на срок 10 лет (годовая арендная плата владельцам составляла 5 рублей, что покрывало сумму долга). *Взяли мы, Буря с товарищи, у него, Степана, на мирские расходы и на расплату долгов своих денег 49 руб. с полтиною. А за оные данные деньги владеть ему, Степану, нашим вотчинным озером Янеевским половиной и с малыми озерами з Забоишным, с Волоковым и с 5-ю озерами Аткульми и з духовую рыбую. А владеть ему, Степану, оным нашим озером и с означенными озерами нынешняго 723-го году с марта 3 месяца впредь по 733 год 10 лет до Светлова христовова воскресенья всякими ловецкими снастьми зимнею и летнею и в заливах ловлями и духовую рыбу ловить»* [3, с. 209-210].

Следует указать, что Буря (Буре) Тойгильдин был одним из влиятельных вотчинников, в более поздних документах упоминается его сын Рахман Бурин. В ревизской сказке 1859 г. д. Семиостровная показан человек по фамилии Акбурин, что дает основание говорить, что Буре – сокращенный вариант имени Акбуре (в переводе «белый волк»).

Итак, рассмотрение источников первой четверти XVIII в. дает определенное представление о хозяйственно-договорной деятельности вотчинников Енейской волости. Это проявилось прежде всего в заключении многочисленных договоров об аренде рыболовных угодий и решении спорного вопроса о сенокосе. Арендаторами промысловых угодий были русские крестьяне, их представитель также договорился с вотчинником о совместном строительстве мельницы на его участке. Эти и другие сведения позволяют в определенной степени судить о социально-экономической жизни татарских деревень Енейской волости, население которых составляли не только вотчинники. Однако о других категориях населения сведений сохранилось мало, что является источником недостатком рассматриваемого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. История башкирских родов. Еней. Том 1. / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин, Р.Р. Шайхеев, Р.М. Рыскулов, А.Я. Гумерова. Уфа, 2014. 432 с.
2. Каримов Т.Т. Булярская поземельная вошь Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №7. С. 21-26.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.-Л., 1949. 692 с.
4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1124.
5. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 1240.
6. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420.
7. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. 2 изд., испр. и доп. Казань, 2021. 240 с.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ИСТОРИИ Д. ЧЕРШИЛЫ САРАЛИМИНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII – СЕРЕДИНА XIX ВВ.)

Каримов Тагир Тимергазимович

*К. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru*

ON THE HISTORY OF D. CHERSHILA OF THE SARALIMA LAND VOLOST (FIRST QUARTER OF THE 18TH – MID 19TH CENTURIES)

T. Karimov

Summary: The article discusses basic statistical and other information concerning the history of the village of Chershily (now Chershely, Tukaevsky district of the Republic of Tatarstan). The approximate time of the founding of the village and the circumstances of the appearance of its first inhabitants have been revealed. The yasak Tatars of this and some other villages unsuccessfully tried to prove their rights to patrimonial ownership of land in the Saraliminsky land volost, citing close kinship with the "Bashkirs" of some villages. This indicates that the latter came from the same villages of the Kazan district from which the yasak Tatars came.

Keywords: votchinniki, genealogy, Saraliminskaya land volost, yasachnye tatars, tatar ethnocultural space.

Аннотация: В статье рассматриваются основные статистические и другие сведения, касающиеся истории д. Чершилы (ныне Чершелы Тукаевского района РТ). Выявлено приблизительное время основания деревни и обстоятельства появления ее первых жителей. Ясачные татары этой и некоторых других деревень безуспешно пытались доказать свои права на вотчинное владение землей в Саралиминской поземельной волости, ссылаясь на близкое родство с «башкирцами» некоторых деревень. Это указывает на то, что последние происходили из тех же деревень Казанского уезда, из которых перешли ясачные татары.

Ключевые слова: вотчинники, генеалогия, Саралиминская поземельная волость, ясачные татары, татарское этнокультурное пространство.

Саралиминская поземельная волость отличается от некоторых других большим количеством деревень ясачных татар. Они не стали объектом пристального внимания, хотя отдельные авторы рассматривали волость, причем, последний раз относительно недавно [1]. Без истории этих деревень степень изученности волости нельзя считать достаточной и полноценной.

Актуальность таких исследований заключается в том, что они позволяют выявить особенности заселения ясачных татар Казанского уезда в поземельной волости. Благодаря этой категории населения, известной из ранних источников под термином «чувашки», сформировалась башкирское сословие татар.

Основной источниковой базой для выявления исторических особенностей заселения ясачных татар, освоения ими территории поземельных волостей являются материалы I-X ревизий, фиксируя переход из одной деревни в другую. Другие источники дополняют и конкретизируют выявленные сведения.

Чершилы – одна из многочисленных деревень ясачных татар Саралиминской волости, известная по источникам начала XVIII в. Здесь поселилась большая группа ясачных татар д. Челны Зюрейской дороги Казанского уезда, по списку 1710-1717 годов это были: Тохтагул Исе-

ев (90 лет) и его сын Смаил (40 лет), Иштерьяк Ишимов (60) и его сын Бикчура (11), Уразбахты Иштуганов (55) и его сын Атарач (10), Акберды Кунашев (70) и его сын Муслюм (4), Ишкиня Ишимов (50) и его сыновья Сайка (6) и Мурат (4), Сулейман Айтуганов (45), Мюкей Тюкеев (45), Алакай Бурсаев (55) и его сын Максим (14). Всего зафиксировано 15 душ муж. и 11 душ жен. пола [7, л. 236 об.-237 об.].

Возраст жильцов, по нашим подсчетам, дан по сведениям 1712 г. Одному из вышуканных жителей – Сайке Ишкину в 1762 г. было 56 лет (см. сведения III ревизии ниже), а значит, он родился в 1706 г.

В 1724 г. деревня зафиксирована под названием Чершилы Шандытамак с 33 душами муж. пола [8, л. 306 об.]. Это говорит о том, что кроме перешедших из д. Челнов Зюрейской дороги, здесь были еще и другие жители.

По сведениям 1744 г. в д. Чершилы была мечеть, построенная 15 лет назад. Ясачные татары (17 дворов) входили в сотню Аиткула Тоганаева Зюрейской дороги Казанского уезда [6, л. 88 об.]. Судя по времени существования мечети и первым сведениям о деревне, последняя возникла незадолго до I ревизии (1719 г.), скорее всего, в начале XVIII в.

К середине XVIII в. население деревни значительно

увеличилось. Обо всех жителях деревни – ясачных татарах Чершилы Шандытамак тож – сообщается в документе III ревизии (1762 г.). В списке зафиксированы братья Мавлюкей (35 лет), Тюгалбай (32) и Биккиня (21) Сабанаевы, Ишмет Сулейманов (62) и его сыновья Абдрахман (36) и Балтак (12), Аптикей Азаматов (37) и его сыновья Ишмурат (18) и Абдулкарим (0,5 года), Абдулгази Азаматов (22), братья Салим (27) и Сагит (23) Ишбулдины, Надыр Акбердин (75) и его сыновья Ашир (37), Халил (34) и Магас (15) и внук Ахмер (13; сын Ашира), Юрты Муслимов (27), Тлявмет Абдулов (38) и его сыновья Мамет (16), Мядияр (14), Назир (12) и Гайса (9), Аптикей Абдулов (22 года) и его сыновья Абдулмен (3) и Абдулкарим (3 месяца), Ишай Иштерьяков (64) и его сыновья Биктимер (12 лет) и Юлдаш (10), братья Ишмулла (21), Юлдаш (18) и Айдагул (10) Тимкины, Сапер Аитов (38), Уразман Япаров (37) и его сын Аиткул (0,5 года) и родной брат Мавлюкей (9), Ишмет Ишкенин (63) и его сыновья Гали (37; у него 4-летний приемный сын Биктимер), Абдюх (22), Ибрай (16), братья Султан (21) и Ишморат (18) Бухарметевы, Сайка Ишкин (56) и его сыновья Адиль (10), Аскар (7) и Бакир (2), Смаил Асанов (46) и его сыновья Бакый (29; у него Абдуссалам, 3 года), Мавлюкей (22), Уразмей (19), Абдрахман (14), Абдрашит (9) и Абдулвагап (3), Мустай Ишкинин (57) и его сын Султан (33), Субханкул Маметев (47), Мурсалим Акбердин (57) и его Башир (15), Усман Смаилов (35) и его сыновья Губейдулла (9) и Фейзулла (0,5), Гумер Смаилов (32), и его сыновья Ахмер (7) и Абдрахим (4), братья Кинзя (35) и Максют (29) Маметевы, Булат Муксинов (29) и его сын Юзей (7), Юлдаш Курмаев (32), Субханкул Токанаев (37), Кусядык Азметев (66) и его сыновья Абдыч (46; его сын Абдулкарим, 13 лет), Абдрахман (40), Ибраш (31; его сын Халит, 8 лет). Последний родился в «Деревне, что было пустошь на горе, вниз по горе меж речки» и перешел в рассматриваемую деревню в межревизский период. В этот период в деревне насчитывалось 78 душ муж. пола. Из документа следует, что до перехода в ведение Уфимского уезда жители входили в сотню Аиткула Токанаева Зюрейской дороги Казанского уезда [9, л. 954-958].

Анализ списка жителей по двум переписям показывает, что в д. Чершилы частично переселились и родственники тех, кто ранее здесь поселился. Можно смело сказать, что выходцы из д. Челны Зюрейской дороги Казанского уезда составили костяк новой деревни, получившей название Чершилы Шанды Тамак.

Обратим внимание и на другую информацию в рассматриваемом документе. В д. Чершилы Шандытамак тож 3 человека связали свою судьбу с дочерьми «башкирцев»: Тлявмет Абдулов (38) с Юзмей Атяковой (25; из д. Сарайли-Бикметево), Аптикей Абдулов (22) с Ханифой Яркеевой (25; д. Баулы), Ишмет Ишкинин (63) с Боян Биккининой (д. Ургуды). Двоеженец Гумер Смаилов (32) взял себе во вторую жену дочь ясачного татарина из д. Янбахтино Ногайской дороги. Жена Кусядыка Азметева (66)

того же сословия Шарбустан Кунакбаева (55) родом из д. Ижбулдино Осинской дороги [9, л. 955-958].

Эти сведения показывают, что браки между ясачными татарами и «башкирцами» были обычным явлением. Татары этих 2 сословий жили в едином этнокультурном пространстве не только на территории Казанской дороги, согласно документу, это еще Ногайская и Осинская дороги, не говоря уже о других территориях.

Список III ревизии представляет также генеалогический интерес. Вышеназванный 64-летний Ишгали (в источнике Ишай) Иштиряков с сыновьями Биктимером (12 лет) и Юлдашом (10) – предок Рустама Габдулмазитовича Ганиева, генерального директора спорткомплекса «Шинник» (г. Нижнекамск). Раньше по I ревизии был известен Иштерьяк Ишимов (60), который является отцом Ишгалия. Эти и другие сведения помогли составить центральную линию шеджере Рустама Ганиева: Ишим (родился ~ в 1625 г.)–Иштиряк (1652)–Ишгали (1698)–Юлдаш (1754-1830)–Амир (1786)–Бикмурза (1804)–Габдулгани–Габдулмазит (29.09.1908-12.09.1980)–Рустам (10.01.1952), его дети Лилия (09.05.1977) и Ленар (20.03.1982).

После III ревизии численность населения неуклонно сокращалась. По документу V ревизии (1795 г.) в д. Чершилы (в источнике Чиршилы Шанды Тамак) проживали 55 душ муж. и 52 души жен. пола в 18 дворах. В документе содержатся сведения о семьях Биктимера (43) и Юлдаша (41) Ишалиных. Семья Юлдаша состояла из следующих лиц: жена Зюльканифа Абдрахмановна (39 лет), сыновья Амир (10; прапрадед Рустама Ганиева. – Т. К.) и Гумер (5) дочери Габида (вышла замуж за ясачного татарина деревни Гардали), Алима (умерла в 1794 г.), Хабейба (14 лет), Махуба (7) и Сафура (1 год) [2, 823-823 об.; 11, л. 128 об.].

Перечислим имена остальных жителей-мужчин деревни Чершилы, зафиксированных в документе той же 5-й ревизии. Это – Абдрахман Ишменев (67 лет) и его сын Балтач (отдан в рекрут в 1787 г.), Абдрашит и Апсалим Абдикеевы (оба отданы в рекрут 1791 и 1789 годах соответственно), Абдулгази Азаматов (53 года) и его сыновья Ибрагим (26), Исрай (23), Рахманкул (19), Амир (10) и Гумер (5), Минлиш Килметев (56) и его сыновья Исхак (30), Курбангали (28), Абдулгази (26), Абдуллатиф (20) и внуки Исмагил (10), Зайнулла (5), Габдулнасыр (3; все сыновья Исхака), Юлдаш Тимкин (49) и его сын Ярмухаммет (23), Гали Ишметев (скончался в 1789 г.) и его сын Биктимер (35 лет), Абдул Ишметев (53), Султан Мустаев (64) и его сыновья Мухамметрахим (отдан в рекрут в 1784 г.), Рахматулла (25) и Абдулла (21), Ахмер Гумеров (отдан в рекрут в 1782 г.), Булат Муксинов (скончался в 1788 году) и его сыновья Юзей (скончался в 1794 г.), Бикбатыр (13), Ямангул (10) и Бикмет (10; отдан в рекрут по 75 набору), Ибраш Кусядыков (62) и его сыновья Халит (отдан в ре-

крут в 1788 г.), Хамит (скончался в 1795 г.), Хусаин (15) и внук Мусагит (11; сын Хамита), Смаил Асанов (скончался в 1788 г.) и его сыновья Бакый (скончался в 1790 г.), Мавлюкей (53), Рахмей (50), Габдрахман (45), Габдрашит (40), Габдулвагап (34), Мунасып (25), Рафик (21) и внуки Габдулсалам (34), Хасан (26; оба сыновья Бакыя), Зябир (25), Валит (23), Гаделша (19; все сыновья Мавлюкея), Махмут (отдан в рекрут в 1783 г.), Ахмади (27) Ахтям (24), Адихам (21), Гадел (11; все сыновья Рахмея), Габдулла (11; сын Габдрашита) и Габдулнасыр (5; сын Габдрашита) [2, л. 822-827 об.].

Из этого списка особо отметим четырехженца Ибраша Кусядыкова. Его дочери Габида, Хабиба и Гульминя стали женами ясачного татарина из д. Такырмень, «башкирца» из д. Сеитзяново «Бирской округи» и «башкирца» из д. Такырмень «Мензелинской округи» соответственно [2, л. 825-825 об.]. Эти факты еще раз свидетельствуют о том, что татары разных сословий и территорий находились в тесном контакте и заключали брачные союзы.

В 1800 г. ясачный татарин Ахтям Рахмеев от имени жильцов своей деревни жаловался на действия землемера титулярного советника Добровольского «в размежевании немалого количества земель от их дачи, к пустоши Марьиной, к селу Новоспасскому Бишанды тож и селцу Шикарликаену» [10].

Тот же Ахтям Рахмеев упоминается еще раз в другом документе. Он и Сеит Нурметев (из д. Сеитово; указной мулла и бывший сельский заседатель) в 1805 г. выступали доверенными лицами от ясачных татар нескольких деревень. Далее предоставим слово документу. «Уполномочены они от поселян 1) Сеит Нурметев ради ходатайства о выключке в первобытное состояние башкирское и с коего сверх их желанья вписаны в оклад; 2) Ахтям Рахмеев для употребления просьбы о защищении жителей наших от несправедливости башкирцов Саралиминской волости, как неправо продают разным владельцам земли наши, изстари занимаемые, и приводят в конечное разорение. Первое. Мы и доверители наши действительно из роду башкирского Саралиминской волости, записанные в оклад ясашной, состоят ныне Мензелинского уезда в деревнях Кутусас (Иманово тож), Сарсас Тикирменовой, Саклов Чурашевой, Старой Дюрюш, Мрясевой, Сеитовой, Чершилы (Шанды Тамак тож) и Старой Сакловой по последней 5-й ревизии (1795 г. – авт.) в числе 297 душ (м. п.), что почислены в оклад из башкирцов Саралиминской волости, то доказывается, во-первых, что деревни они все состоят на земле не коронной (т. е. наказной или государственной. – авт.), а на жалованной предкам нашим за службы по грамотам, что подкрепляет выпись 1715 года декабря 8 дня, данная из производимого в Казанской губернской канцелярии дела и другие документы; второе, что немалое количество саралиминских башкирцев вообще и в смежестве с

нами живущих владеют теми же землями; в третьих, что многие из башкирцев саралиминских – ближние нам родственники, от чего доньше и мы сохраняем название башкирцы Саралиминской волости и в подкрепление сего и родословная у нас имеется. Что мы действительно поколения башкирского из волости Саралиминской, но записаны в оклад (татарской. – авт.), а потому Мензелинская нижняя расправа представила дела о выключке их из податного состояния. Саралиминцы же, считая окладных татар, не имеющих уже права владеть вотчинной землей, пытаются отторгнуть нас от владения землей, заселенной нами издревле и поныне владеемой, показывают, что мы будто по родству только имели пребывание на их земле» [1, с. 102].

Однако их надеждам стать «башкирцами» не суждено было сбыться. В последующей переписи они все равно были записаны как ясачные татары. Рассматриваемый документ является еще одним свидетельством того, что представители двух сословий тесно связаны, поскольку жили в едином татарском этнокультурном пространстве.

К 1816 г. ясачные татары деревни Чершилы (в источнике Чиршилы Шанды Тамак) входили в состав 6-го пятисотенного участка Макарьевской волости Мензелинского уезда Оренбургской губернии. Деревня состояла из 21 двора со 118 жителями (68 душ муж. и 50 душ жен. пола). Деревенский сотник Ярмухаммет Юлдашев в ревизском документе проставил свою родовую тамгу [3, л. 290 об.-291].

В последующие годы рост деревни оставался небольшим из-за высокой смертности населения. В 1834 г. в деревне Чершилы (в источнике Чершилы Шанды Тамак) по-прежнему насчитывался 21 двор, но жителей было лишь на 10 человек больше (всего 62 души муж. и 66 душ жен. пола). Деревенский сотник Габидулла Рахматуллин и сказкоподатель Хайбулла Валитов проставили в ревизском документе свои родовые тамги. Деревня показана в составе Бурдинской волости Мензелинского уезда Оренбургской губернии [4, л. 161 об.-163].

Надо сказать, что в Мензелинском уезде была еще одна ясачно-татарская деревня со похожим названием, но она относилась к Янурусовской волости (сейчас это территория Сармановского района РТ). Эта Верхние Чершилы в 1834 г. насчитывала 32 двора, 130 душ муж. и 119 душ жен. пола [5, л. 229-238].

По данным 1870 г., в д. Чершилы (Черышлы, Шанды Тамак-ь) проживало 123 душ муж. и 131 душа жен. пола (42 двора). В деревне было училище [13, с. 136]. Под училищем мы подразумеваем мектеб, действовавший при мечети, хотя последняя не показана.

Итак, история д. Чиршилы показывает, что приток

ясачных татар в Саралиминскую волость шел из Казанского уезда. До III ревизии они имели к нему административное отношение. С переходом в ведение Уфимского уезда их сословный статус не изменился, хотя такая попытка была предпринята в 1805 г. Исторически в земельном отношении преимущество имели вотчинники,

географически названные «башкирцами», чем и объясняется попытка смены сословия ясачными татарами. Но некоторые различия в экономическом положении не служили препятствием для общения татар разных сословий, поскольку они жили в едином этнокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. История башкирских родов. Минг. Том 17. Ч. 1 / С.И. Хамидуллин, Б.А. Азнабаев, И. З. Султанмуратов, И.Р. Саитбатталов, Р.Р. Шайхеев, Р.Р. Асылгужин, А.М. Зайнуллин, В.Г. Волков, А.А. Каримов. Уфа, 2016. 488 с.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-138. Оп. 2. Д. 48.
3. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 289.
4. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 462.
5. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 466.
6. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 5.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 126. Д. 803.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 160.
9. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1130.
10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795.
11. РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1012.
12. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879.
13. Списки населенных мест Российской империи. Т. 45. Уфимская губерния (по сведениям 1870 года). 1877. 195 с.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ЭГОИЗМ ЕСТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬ НАРОДОВ»: РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ И СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ 1880-Х — 1890-Х ГГ.¹

Котов Александр Эдуардович
Д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
a.kotov@spbu.ru

"SELFISHNESS IS THE VIRTUE OF PEOPLES": RUSSIAN THE 1880S – 1890S.²

A. Kotov

Summary: The article is devoted to the relationship between the foreign policy and domestic policy agendas in the works of minor publicists at the turn of the 1880s – 1890s. The attitude towards the Slavic question was one of the lines of demarcation between different branches of post-reform Russian conservatism. One or another form of sympathy for the Slavic peoples and their liberation movement has traditionally been characteristic of national conservatism: Slavophiles and "Katkovites". Ideologists of aristocratic conservatism in the 1860s contrasted it with the concept of "national egoism", which was most clearly reflected in the slogan "Russia for Russians", first formulated by the aristocratic newspaper "Vest". The turning point in the attitude of Russian society towards the Slavs was the Russian-Turkish war of 1877–1878. In 1888, even the nationalist Russian press again began to discuss the idea of a possible Russian-Turkish union. By this time, even Russian political nationalism found K.N. Leontiev's ideas in demand and the concept of "national egoism" became an organic element of the concept of Russian identity.

Keywords: Pan-Slavism, Slavophilism, nationalism, conservatism, Balkans, Slavism.

Аннотация: Статья посвящена взаимосвязи внешнеполитической и внутриполитической повестки в трудах второстепенных публицистов рубежа 1880-х – 1890-х гг. Отношение к славянскому вопросу являлось одной из линий размежевания между разными ветвями пореформенного русского консерватизма. Та или иная форма симпатий к славянским народам и их освободительному движению традиционно была свойственна национальному консерватизму: славянофилам и «катковцам». Идеологи сословного консерватизма 1860-х гг. противопоставляли ей концепцию «национального эгоизма», наиболее яркое отражение нашедшей в лозунге «Россия для русских» – впервые сформулированном аристократической газетой «Весть». Переломным моментом в отношении русского общества к славянству стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. В 1888 г. даже националистическая русская печать вновь начинает обсуждать идею возможного русско-турецкого союза. К этому времени даже русским политическим национализмом оказались востребованы идеи К.Н. Леонтьева, а концепция «национального эгоизма» стала органическим элементом концепции самобытности России.

Ключевые слова: панславизм, славянофильство, национализм, консерватизм, Балканы, славянство.

Историография славянского вопроса в русской общественной мысли потребовала бы отдельного очерка. Вместе с тем, несмотря на обилие работ, посвященных воззрениям ключевых мыслителей второй половины XIX в., некоторые его аспекты требуют уточнения. В данном случае речь идет о взаимосвязи внешнеполитической и внутриполитической повестки в трудах второстепенных публицистов рубежа 1880-х – 1890-х гг. Анализ этой взаимосвязи, в частности, помогает лучше уяснить контекст формирования воззрений таких крупных мыслителей эпохи, как В.С. Соловьев и К.Н. Леонтьев [13, 20].

Отношение к славянскому вопросу являлось одной из линий размежевания между разными ветвями пореформенного русского консерватизма. Та или иная форма симпатий к славянским народам и их освободительному движению традиционно была свойственна национальному консерватизму: славянофилам и «катковцам». Идеологи сословного консерватизма 1860-х гг. противопоставляли ей концепцию «национального эгоизма», наиболее яркое отражение нашедшей в лозунге «Россия для русских» – впервые сформулированном аристократической газетой «Весть» [14].

Именно неприязнь редакции «Вести» к любым про-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

2 The research was supported by RSF, project No. 23-78-10045 «National movements in the optics of imperial legitimacy: revolutions, uprisings, riots, rebellions in the Slavic lands in the rhetoric of Russian power in the long 19th century».

явлениям демократии логически вела её к неприятию одного из важнейших элементов последней: национального мессианизма, в том числе направленного на освобождение славянских народов. Задолго до В.С. Соловьева и куда более резко, чем этот философ, один из редакторов газеты, Н.Н. Юматов иронизировал над славянофильским мессианизмом: «Те самые публицисты, которые с иронией и скептицизмом указывают на жалкие мечтания “гениального” Мицкевича относительно польского народа, – народа, призванного *воскреснуть* и освободить все племена Европы из неволи, – те же самые публицисты-скептики, в свою очередь, с наивностью четырнадцатилетней католички, фанатизированной ксендзом, проповедают нам, русским, о какой-то особенной миссии русского народа [...] Миссия польского народа есть печальная фраза, но она прощительна только народу, который вымирает, ибо она напоминает собою несвязный лепет человека, находящегося в предсмертной агонии». Историческому мессианизму гибнущей Польши и разлагающейся эгалитарной Франции традиционно англофильская «Весть» противопоставляла эгоизм британского консерватизма: «Ее эгоизм вошел в поговорку; но те старомодные политики, которые осуждают ее за бессердечие, совершенно опускают из виду, что эгоизм есть добродетель народов. Народ, который великодушничают на *свой* счет, так же жалок и преступен, как отдельный человек, великодушничающий на *чужой* счет... Англичане никогда не считали себя народом-избранником какого-то непреклонного фатума, назначившего им совершить какую-нибудь возвышенную миссию. Но отсутствие кощунства в религии (политический мессианизм я считаю кощунством) и отрицание фанатизма в политике не помешало им совершить великие дела в истории народов и занять то первенствующее место, которое они в настоящее время занимают в политическом мире» [5].

Исходя из этого принципа, «Весть» еще в 1864 г. предостерегала Россию от вмешательства в дела Турции и Австрии: «Для России [...] невозможна наступательная, завоевательная и даже революционная политика, которой с таким успехом следует Луи-Наполеон. Наша политика достаточно уже обрисовалась за последнее время, – это политика в высшей степени охранительная и миролюбивая и мы всегда будем выигрывать, если станем ссылаться на трактаты [...] Славянофилы советуют нарушение Парижского трактата и утешают нас нелепою мыслью, что славяне – наши единственные союзники. Но что значит союз со славянами? Разве есть какое-нибудь славянское государство в Европе? Ведь это значит союз с идеей, союз с принципом утесненных национальностей. Союз со славянами столько же выгоден, как союз с человеком, не имеющим ни силы, ни средств. Наши родные русские люди ближе к нам, нежели турецкие славяне и не можем мы жертвовать нашими людьми и деньгами в

пользу болгар» [6].

Переломным моментом в отношении русского общества к славянству стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Разумеется, наиболее распространены антиславянские настроения в этот период также были среди сословных консерваторов – пусть и принадлежавших уже к иной генерации сословно-имперского консерватизма. Именно тогда В.П. Мещерский выпустил книгу «Правда о Сербии», в которой писал: «С тех пор, как я в Белграде, меня мучит другой вопрос: братья ли мы или чужие... Здесь так мало родственного, что право, не знаешь, не любите ли вы Австрию настолько же, сколько нас» [24, с. 151]. Другой консерватор, К.Ф. Головин вспоминал: «Наше сочувствие к единоверцам, в сущности, ни во что не верующими, было, с одной стороны подогрето истинными славянофилами и певшими с ними в унисон шальными дамами, а с другой – революционными поползновениями, всегда готовыми присоединиться к любому восстанию... Революционный черт пользовался им, показывая даже в иной час свое свиное копыто» [7, с. 299].

Из всех тогдашних противником славянофильского национализма наиболее известным сейчас является, конечно же, К.Н. Леонтьев. Окончательно разочаровавшись в славянофильстве после греко-болгарского церковного раскола, он утверждал, что «все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогом для меня *культурно-оригинальном* смысле, суть для нас, русских, не что иное, как *неизбежное политическое зло*, ибо народы эти до сих пор в лице «интеллигенции» своей ничего, кроме пошлой и обыкновенной *современной буржуазии*, миру не дают» [22, с. 269]. Плоды освободительного движения в славянских странах, по его мнению, выглядели так: «Демократический европеизм, безверие, поругание Церкви – вот нынешняя жизнь «сюртучного» сербского общества. В этом обществе нет и тени чего-нибудь стоящего внимания с культурно-национальной стороны» [23, с. 610].

Другой близкий к покровителю Леонтьева Т.И. Филиппову публицист Н.Н. Дурново вёл активную антиславянскую пропаганду на страницах закрытой в 1886 г. газеты Восток. Но и позднее он рассуждал схожим образом: «Племенное родство, на котором наши западные славянофилы хотели бы основать большую прочность, нежели на религиозном, оказалось несбыточным. В то время, как религия связывает с Россией единоверные ей народы, племенное родство при разности верований, не связывает, а разъединяет между собой народы и делает их не только друг другу чуждыми, но и враждебными» [11, с. 130–131].

И как это нередко случается, наиболее последовательные выводы из концепции классика сделал его

посредственность ученик. В.А. Грингмут утверждал на страницах «Русского обозрения», что «в настоящее время Россия могла бы принести славянам наибольшую пользу, посвятив себя всецело своему собственному государственному и национальному возрождению» [10, с. 398]. Отмечая, что «сущность сербского и болгарского вопроса вовсе не в Фердинанде и Милане», он приводил слова одного сербского чиновника: «Россия обязана освободить нас от азиатского ига и возвратить нам наше прежнее место в Европе, мы же впоследствии выразим России нашу благодарность тем же путем: мы и ей поможем войти в нашу европейскую цивилизацию» [8, с. 374]. Из этого публицист делал следующий вывод: «Лучшие из них любят Россию, искренне сокрушаясь об ее “варварстве” и ненавидят Австрию, столь же искренне завидуя ее “цивилизации”. Любить же Россию за то, что она Россия, а не “Европа”, никто из них не может» [8, с. 376–377].

На теоретическом же уровне это вело к следующим обобщениям: «Такой народ, как сербский, столь близкий нам по языку и по вероисповеданию, совершенно чужд нам по духу, по своему характеру, по своему уму и направлению. А между тем ведь общий язык и общая вера должны бы, по теории, создавать и общие духовные интересы; если они этого не делают, то очевидно, неверна теория, и нам, следовательно, было бы непростительно подчинять такой шаткой теории наши несомненные духовные и государственные интересы. А то, что здесь пришлось сказать о сербах, применимо с небольшими изменениями и к другим южным и западным народам, так резко отличающимся от народа русского своим сухим, мелким эгоизмом, своею корыстною расчетливостью, своими узкими низменными идеалами и своим неограниченным, доходящим до болезненности политическим и иным властолюбием» [9, с. 384].

Славянофилам ставилась в вину дезориентация внешней политики государства, которая неизбежно вела к революционным изменениям внутри страны: «До 1856 г. [...] русская политика знала, что нужно делать России на православном Востоке. Все войны с Турцией велись до того времени за православную веру и православных христиан [...]. Неудачная для России война и выдвинутый императором Наполеоном III вопрос о национальностях дал возможность недалеким, а может и враждебным монархическому принципу и православию людям проводить посредством печати националистическую идею объединения всех славян [...] с тем, конечно, чтобы русский народ, подобно двадцати пяти миллионам славян западных и восточных, был наделен конституцией. В всеславянском государстве было бы неудобно русскому монарху лишать самоуправления двадцать пять миллионов славян, почему и пришлось бы распространить конституцию на русский народ» [12, с. 126].

Конечно, славянофилы не оставляли эти нападки без ответа. А.А. Киреев возражал прежде всего против отождествления панславизма с революционным движением: «Нас обвиняют в сознательном или бессознательном сочувствии нигилизму, в солидарности с нигилистами!.. Пусть укажут нам хоть одного из представителей “славянофильской” идеи, который бы не был врагом нигилизма!» [19, с. 11]. Любопытно, что если К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов, говоря о болгарской схизме, видели в ней нежелательный раскол Церкви, то А.А. Киреев говорил об актуальности «стремления к соединению более или менее однородных церковных единиц», которое обусловлено «стремлением к группировке одноплеменных народностей». Публицист указывал: «И на Западе старое понятие о Государстве, рассматриваемом вне данных этнографии, отживает свой век; оно ... постепенно заменяется новым понятием племенной группы. И Бисмарк, и Кавур были совершенно правы, поняв требования своего времени и объединив первый – Германию, второй – Италию» [18, с. 26–27].

На распространённые обвинения в том, что именно славянофилы втянули Россию в ненужную войну за чужие интересы, Киреев отвечал следующим образом: «Не мы возбудили войну (в наших ли это было средствах!), нам пришлось считаться с совершившимся фактом, не нами созданным [...] Разве другие народы не делали сто раз того же самого?... Разве в 1863 г. Австрия и Пруссия не вступились за немцев Шлезвига и Гольштейна, притесняемых (не знаем, насколько) датчанами. Отчего же именно нам, русским, запрещено сочувствовать своим братьям и единоверцам?..» [19, с. 13]. Не принимал генерал и указаний на революционный характер панславистского движения: «Восстания славян против турок нельзя уподоблять революции нигилистического характера; ведь поэтому и Дмитрий Донской, и Александр Тверской, и Иоанн III должны попасть в революционеры! Разве ханы Золотой Орды не были нашими законными владыками? Разве владычество их не было освящено временем, не было торжественно признано князьями?» [19, с. 13].

Отмечал Киреев и то, что «если болгарская интеллигенция, и то далеко не вся, относится к нам враждебно, то она не имеет значительного влияния на народ, который по-прежнему питает чувства братской любви к русским и благодарности к «белому царю», называет его своим» [16, с. 836]. Собственно, с этим не спорили и его оппоненты – однако политику независимых балканских стран определяла та самая интеллигенция, которую сам Киреев характеризовал как «совершенную гниль» [17, л. 68]. Также генерал предупреждал, что «если мы уйдем с Востока, если мы оставим без участия и защиты без покровительства территорию нашей церкви и нашего племени, ее немедленно займут наши враги и, в конце концов обратят эти юные силы против нас же самих,

окажут нас целой сетью Польш» [18, с. 72]. Впрочем, в 1880-е гг. антиславянские выпады в русской консервативной печати становятся общим местом. Большинство представителей позднего славянофильства всё больше говорят о национальных интересах – все более сближаясь в этом отношении с Катковым. Активно критиковал сербское общество хорошо его знавший П.А. Кулаковский [2]. Другой публицист славянофильского круга, Н.П. Гиляров-Платонов, в 1886 г. указывал: «Русское великодушие к славянам упраздняется самым обстоятельством, самую историей» [33, с. 83].

Особенно болезненно во второй половине 1880-х гг. воспринимались отношения с Болгарией. Славянофильским публицистам трудно было возразить что-либо Н.Н. Дурново, писавшему, что накануне русско-турецкой войны будущим противникам России «оказывали довольно щедрое материальное пособие гг. А.И. Кошелев, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и некоторые московские коммерсанты... Так созидалась болгарская интеллигенция, ни во что не верующая, изолированная, жаловавшаяся всем и каждому на притеснения и угнетения болгарского народа не столько турками, сколько греками, ... выманивавшая у частных лиц немало средств и оправдывавшая переход болгар в римо-католичество и протестантизм» [11, с. 4]. В 1886 г. Гиляров-Платонов отмечал: «Русской партии нет в Болгарии [...] Давай теперь болгарам в князя кого угодно, хоть даже русского великого князя, – он будет вынужден действовать против России или сойти с престола» [6, с. 203].

Это было не совсем так: «русская партия» в Болгарии имела, но была физически уничтожена [1, с. 592–630]. А.В. Богданович на страницах своего знаменитого дневника сообщала о реакции М.Н. Каткова на подавление антистамболовского мятежа и последовавшие за ним кровавые репрессии: «Смерть Бузунова на душе Каткова, он болгар все отправлял, чтобы они произвели переворот. Сколько тогда погибло приверженцев России. Я помню, как мучило Каткова, когда он узнал, что расстреляли болгар, он нам говорил, что не может спать, не может закрыть глаз, все эти несчастные стоят перед ним, что может с ума сойти» [3, л. 9]. Поэтому «Московские ведомости» писали, что «Болгария в лице своих правитель тяжко провинилась пред освободившею и облагодетельшею ее Россией и несет за это действительно тяжкую кару. Эта кара заключается единственно в том, что Россия, исполняя желание Болгарии, «оставила ее в покое». Аналогичным было отношение и к Сербии – где династия Обреновичей переориентировалась на Австрию [22, 2].

В 1888 г. даже националистическая русская печать вновь начинает обсуждать идею возможного русско-турецкого союза. Наиболее показательной нам представляется позиция газеты А.С. Суворина «Новое вре-

мя», ставшей после смерти М.Н. Каткова одновременно «флагманом» националистической прессы и самым влиятельным проправительственным частным изданием страны. Туда же перешли те из «птенцов гнезда Каткова», что занимались прежде всего вопросами внешней политики: Ю.С. Карцов и С.С. Татищев. Именно последний выступал в качестве главного теоретика «национального эгоизма» – который Карцов, в свою очередь, называл «благородным культом интересов Родины» [15, с. 44].

При этом Татищев оговаривал: «Не подумайте только, чтобы я проповедовал войну! Боже упаси! При теперешней нашей внутренней неурядице и совершенной неподготовленности внешних союзов. Я желал бы только, чтобы в сознание русских дипломатов проникло убеждение в том, что в политике нет дружбы, а есть польза; что немцы сами по себе и мы тоже сами по себе и что наконец по мудрому правилу Фридриха Великого следует “бархатные слова оплачивать бархатными же словами, а дело делом”» [31, л. 135–135 об]. Публицист многократно возвращался к словам Бисмарка, считавшего, что «система солидарности консервативных интересов всех стран есть опасная фикция»: «Единственная здоровая основа великого государства, и ею только и отличается оно от государства малого, есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державы, бороться за дело, не касающееся ее собств. интереса» [32, с. 50].

Наибольший интерес в контексте славянского вопроса представляет обширная работа С.С. Татищева «Россия и Болгария. Историческая справка», которая печаталась в апрельских номерах «Нового времени». В преамбуле Татищев отмечал, что «в силу своего исторического призвания Россия освобождала одну за другою христианские народности Балканского полуострова, находившиеся под господством турок». Однако, «вглядываясь в отношения, установившиеся между державою освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отметить того поразительного по своему постоянству явления, что по мере достижения независимости каждую из упомянутых стран, русское влияние в них постоянно падало, и новообразованные государства становились часто в положение даже враждебное России, которая таким образом освободительную миссию свою совершала в явный ущерб себе и своему политическому воздействию на судьбы Востока». Однако именно события в Болгарии, по мнению Татищева, превышали «всякую меру политической благопристойности» – и требовали как анализа просчетов, так и альтернативной политической доктрины [26].

Главным объектом своей критики Татищев, по обыкновению, избрал Министерство иностранных дел и те общественные силы (включая славянофилов), что пытались проводить «благотворительную» внешнюю по-

литику. Настаивая на катковской концепции политики национальных интересов, в последней из вышедших на страницах «Нового времени» заметок Татищев утверждал, что на Константинопольской конференции, следовавшей за объединением Болгарии, Россия должна была отказаться от соблюдения Берлинского трактата. Татищев считал, что «Берлинский трактат пагубен для России не столько теми или другими из отдельных его условий, сколько подтверждением начала, провозглашенного впервые парижским договором 1856 года, начала, в силу коего, Россия лишена права самостоятельно ограждать и защищать свои интересы на Востоке, а обязалась все относящиеся до Балканского полуострова дела обсуждать и решать не иначе, как сообща с прочими державами, участницами обоих трактатов. Таким образом, упразднение берлинского договора имело бы прямым последствием возвращение России утраченной ею свободы определять свои отношения к балканским государствам сообразно собственным нуждам и пользам, не справляясь с мнением великих держав и не стесняясь так называемым «европейским концертом», который, по справедливому замечанию Аксакова, «вообще всегда был не чем иным, как заговором, направленным против интересов России, причем все участники концерта, кроме России, как римские авгуры перемигивались насмешливо между собою». Как следствие, «выгоды, проистекающие для России от возвращения ей полной свободы действий на Востоке, до того очевидны и неисчислимы, что разумная и патриотическая дипломатия обязана была бы поставить достижение такой свободы целью своих усилий и не только не устранять усложнения, к ней ведущие, но напротив, по возможности вызывать их. Так, вероятно, и поступили бы наши дипломаты, если бы по какому-то непонятному ослеплению, не усматривали в берлинском трактате палладиум европейского мира, провозглашаемого ими высшим интересом и конечную целью русской политики» [27].

На последней из процитированных рекомендаций публикация в «Новом времени» оборвалась. Оставшаяся часть «исторической справки» – прямо в газетных гранках – вышла в том же году отдельной брошюрой. В ней Татищев еще раз указывал на главный источник внешнеполитических провалов России – «политику отвлеченных начал», основанную на «великодушии и бескорыстии»: «Она имеет целью на Западе – мир и благоденствие Европы, на Востоке – счастье и процветание христианских племен, его населяющих. В этом отношении ... Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат – плоды одного и того же дерева» [30, с. 50]. Татищев указывал на «инородцев и иноверцев», завладевших «внешними сношениями России» и внесшими в них «пустоту внутреннего содержания», «посредственность и бездар-

ность» [30, с. 51]. Болгарии же публицист предлагал навянуть «союзную конвенцию», гарантировавшую «чтобы Болгария не являлась притоном для наших внутренних врагов и не обращалась в орудие против нас в руках врагов внешних» [30 с. 53].

В конце 1888 г. на страницах «Нового времени» появляется статья «Русская государственная идея и магометанство». Ее автор утверждал: «Хотя Россия государство по своему существу христианское, но это не мешает ее мусульманским подданным служить ей верою и правдою. Повоевав с Россией, мусульмане видят в ее торжестве проявление Божьей воли. “Не захоти того Аллах, вы бы нами не владели”, говорят они и сами очень довольны, что могут помирить свою мусульманскую щепетильность с искренним желанием примкнуть к России. Синтетичность их мировоззрения, наглядный экономический интерес, общность преданий Византии и восточных ханств – все их сблизает с русскими целями и русским государственным строем». Это, по мнению автора, предопределяло и внешнеполитические приоритеты Российской империи: «Простейшим средством разбить гордиев узел является союз России с турецким султаном» [28]. Во многом подобный «прото-евразийский» подход был связан с влиянием Ю.С. Карцова, бывшего учеником и последователем не только Каткова, но и К.Н. Леонтьева.

Показательно, что в то самое время, как последний на страницах сословно-консервативного «Гражданина» печатал свои статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции» и «Плоды национальных движений на православном Востоке» – ставшие наиболее яркими примерами консервативной критики национализма – на страницах националистической суворинской газеты эти статьи оценивались крайне высоко, только теоретические построения Леонтьева обращались не против болгарских «буржуа», а против греческих: «Теперь греческая “интеллигенция” еще держится за патриархов, за духовенство свое и на монастыри не может посягнуть прямо, минуя турецкую, столь часто, увы, спасительную для христианства, власть! Эта самодовольная в мелком европеизме своем интеллигенция держится за церковь в Турции лишь потому, что она до поры до времени ей оплот и удобный представитель среди иноверных сил и иноплеменных влияний [...]. Некоторые же из мирских греков мечтали даже, что именно оторвавшись от славянства, они создадут новую, свою особую оригинальную религию, на том основании, что греки уже дважды дали миру две религии» [28]. Таким образом, идеи К.Н. Леонтьева оказались востребованы и русским политическим национализмом, а концепция «национального эгоизма» стала органическим элементом концепции самобытности России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. М.: Кучково поле, 2018. С.592–630.
2. Бадалян Д.А., Котов А.Э. «...Бессмыслица конституционных учреждений, перенесенных на славянскую почву»: переписка П.А. Кулаковского и И.С. Аксакова 1880–1886 гг. // Славистика. 2014. Т. XVIII. С. 557–624.
3. Богданович А.В. Дневник. 11 января 1888 // РГИА. Ф. 1620. Д. 238.
4. Весть. 1863. №18. 8 декабря.
5. Весть. 1864. № 23. 7 июня.
6. Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2007. 440 с.
7. Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет (1859–1894). СПб.: Т-во М.О. Вольф, б. г. (2-е изд.). 684 с.
8. Грингмут В.А. (Спектатор). Наши братья // Русское обозрение. 1890. № 7. С. 360–382.
9. Грингмут В.А. (Спектатор). Сербские скандалы // Русское обозрение. 1891. № 3. С. 377–385.
10. Грингмут В.А. (Спектатор). Текущие вопросы международной политики. Восьмидесятые годы // Русское обозрение. 1891. № 1. С. 394–400.
11. Дурново Н.Н. (НД). Государства и народы Балканского полуострова, их прошедшее, настоящее и будущее и Болгарская кривда. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1890. 164 с.
12. Дурново Н.Н. (НД). Нечто о русской Церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева (открытое письмо ему). Вып. 2. Лейпциг: Тип. Ф.А. Брокгауза, 1887. 21 с.
13. Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетей, 2006. 227 с.
14. Иванов А.А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.
15. Карцов Ю.С. Сергей Спиридонович Татищев. (Страница воспоминаний). Пг.: Товарищество газеты «Свет», 1916. 47 с.
16. Киреев А.А. В защиту «братушек» // Русское обозрение. 1890. № 8. С. 830–896.
17. Киреев А.А. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
18. Киреев А.А. Краткое изложение славянофильского учения. СПб.: тип. А.А. Пороховщикова [и] С.-Петербург. славянского благотворительного обществ, 1896. 90 с.
19. Киреев А.А. Религиозные задачи России на православном Востоке. СПб.: С.-Петербург. славянское благотворительное общество, 1896. 49 с.
20. Киреев А.А. Славянское обозрение // Известия СПб. Славянского благотворительного общества. 1883. № 1. С. 7–19.
21. Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.
22. Котов А.Э. «Будь Катков и Аксаков в живых...»: переписка А.А. Киреева с П.А. Кулаковским (1887–1908) // Русский сборник. Т. XVI. М.: Модест Колеров, 2014. С. 134–180;
23. Леонтьев К.Н. Дополнения к двум статьям о панславизме (1884) // Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7 (1). СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 268–211.
24. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8 (1). СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 549–624.
25. Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб.: Б.и., 1877. 378 с.
26. Новое время. 1888. № 4347. 5 апреля.
27. Новое время. 1888. № 4370. 28 апреля.
28. Новое время. 1888. № 4578. 25 ноября
29. Современная летопись // Русский вестник. 1887. № 7. С. 249–270.
30. Татищев С.С. Россия и Болгария. Историческая справка. СПб.: Б.и., 1888. 56 с.
31. Татищев С.С. – Губастову К.А. 2 июля 1885 // ИРЛИ. Ф. 463. Ед. хр. 38.
32. Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. СПб.: А.С. Суворин, 1890. 567 с.
33. Шаховской Н.В. Н.П. Гиляров-Платонов. Ревель: Ревельские известия, 1893. 84 с.

© Котов Александр Эдуардович (a.kotov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АНГЛИИ В АНТАНТЕ В 1907-1914 ГГ.

Плекханов Андрей Евгеньевич

к.и.н., доцент, Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина
vkmagcur78ml@yandex.ru

THE FORMATION OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND ENGLAND IN THE ENTENTE IN 1907-1914

A. Plekhanov

Summary: The article analyzes Russian-British relations after the conclusion of the 1907 agreement on Afghanistan, Persia and Tibet. Britain and Russia have gone a difficult way from a certain consensus to the possibility of forming a military alliance. It is emphasized that the rapprochement of the two countries was caused by the growing influence of Germany. Both powers overcame their differences and were able to come close to forming a military alliance. However, due to the outbreak of the First World War, they were unable to do this.

Keywords: Russia, Great Britain, support, straits regime, diplomacy, rapprochement, naval cooperation.

Аннотация: В статье анализируются российско-английские отношения после заключения соглашения 1907 года по вопросам Афганистана, Персии и Тибета. Англия и Россия прошли трудный путь от определенного консенсуса до возможности оформления военного союза. Подчеркивается, что сближение двух стран было вызвано ростом влияния Германии. Обе державы преодолели свои разногласия и смогли подойти вплотную к оформлению военного союза. Однако из-за начавшейся первой мировой войны не сумели это сделать.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, поддержка, режим проливов, дипломатия, сближение, военно-морское сотрудничество.

Становление союза Англии, Франции и России с конца XIX в. до 1914 года было весьма сложным внешнеполитическим процессом. Интересы трех стран объединялись наличием германской империи и ее экспансией. И если русско-французский тандем можно считать союзом, то русско-английское звено Антанты не было столь единым.

Наряду с совпадающими интересами России и Великобритании, у них существовали и существенные разногласия. Франция стремилась сблизить Россию с Великобританией. Необходимым условием дальнейшего сближения между Англией и Россией было изменение режима проливов, а также уступок на Ближнем Востоке. Английская дипломатия решила более благосклонно отнестись к внешнеполитическим целям России. В апреле 1907 г. английская дипломатия заявила, что не имеет возражений против изменения положения проливов. Это уступка открыла путь к дальнейшему сближению двух стран по различным вопросам внешней политики.

Сближение внешнеполитических позиций двух стран положило начало и экономической зависимости России от своих союзников по Антанте. Идет рост английских вложений в российскую экономику. Развитие экономического сотрудничества, выгодная внешняя торговля друг с другом, займы Англии и Франции, которые способствовали развитию промышленности и перевооружению русской армии и флота, были одной из причин сближения взглядов двух стран на внешнюю политику.

Сложная международная обстановка, частое столкновение интересов европейских стран ставили перед русской дипломатией первостепенные задачи: свободу и безопасность черноморской торговли, защита черноморского побережья России, обеспечение в случае необходимости переброску судов с Балтийского моря на Черное.

Российская империя не имела возможности пополнить флот на Черном море за счет приобретения у других стран военных кораблей, при отсутствии возможности провести их через черноморские проливы. Поэтому проблема проливов, занимала во время англо-русских переговоров одно из главных мест. Заключив договор 1907 г. с Англией, А.П. Извольский – глава внешнеполитического ведомства России, обсудил отношения двух стран, России и Австро-Венгрии с ее министром иностранных дел бароном Л. Эренталем. Обе стороны договорились, что Россия благосклонно отнесется к аннексии Боснии и Герцеговины, а Австро-Венгрия поддержит усилия России в вопросе о проливах. Эренталь обещал сообщить заранее, когда Австро-Венгрия решит аннексировать Боснию и Герцеговину. Однако в России усилия Извольского поддержаны не были. Англия, решила сделать предложение русскому правительству и настояла на учреждении в Македонии должности генерал-губернатора, который будет отвечать за свои действия только перед великими державами, кроме того, сократить численность османских войск в Македонии [8, р. 280].

Русские дипломаты не были уверены, что Турция даст согласие на учреждение должности губернатора и сократит свои войска, находящиеся в Македонии. Они предлагали увеличить полномочия генерал-губернатора при турецком паше, а также, сделать равными в своих правах представителей России и Австрии с представителями Англии, Франции, Италии и Германии. Но в июле 1908 г. в Турции началась младотурецкая революция.

Россия надеялась воспользоваться нестабильностью в Турции дабы добиться для себя более приемлемого режима проливов. В апреле 1908 г. Извольский возобновил переговоры с Австро-Венгрией, а затем неформально дал согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Соглашение России и Австрии предполагало, что в Турции в ближайшее время стоит ждать распада и нестабильности. Но этого не произошло.

Извольский надеялся, что Англия не будет мешать России в осуществлении задуманного. В апреле 1907 г. английская дипломатия дала понять, что не будет иметь возражений против изменения положения в проливах в пользу России [3, с.209].

21 сентября 1908 года Извольскому стало известно, что Австро-Венгрия начала исполнять свои планы. Франция не поддержала внешнеполитические устремления России. 26 сентября Извольский нанес визит в Лондон. Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей не соглашался на открытие проливов для военных кораблей России и других черноморских стран. Извольский пытался уговорить его, заявив, что в данный момент можно укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией или разорвать их. Однако Грей отказал русской дипломатии в своей поддержке. Наличие в Константинополе правительства, придерживавшегося английской ориентации, сулило англичанам усиление их влияния в Турции [3, с.211].

Когда Извольскому стало ясно, что поддержки российского правительства ему достичь не удастся, он решил не предпринимать дальнейших усилий в отношении изменения режима проливов в пользу России. В этой обстановке Извольский принял решение довести до конца переговоры с правительствами Англии, Франции и Германии о созыве международной конференции и ее повестке дня. Он хотел заручиться поддержкой хотя бы части общественного мнения России. В России надеялись выиграть время и возлагали надежды, что Англия и Франция окажут поддержку в таком соглашении – вот мотивы, определившие тактику русских правящих кругов в те дни. Германское правительство оказало на Россию давление, требуя признать аннексию. Россия оказавшись без поддержки других стран Антанты вынуждена была это сделать [5, с. 672].

Боснийский кризис, который способствовал обострению отношений в Европе завершился. Россия без поддержки своих союзников не смогла добиться своих целей. Россия должна была пойти на более тесное сближение с Антантой. Боснийский кризис показал, что союзники России во внешнеполитических событиях стремятся получить выгоды прежде всего для самих себя, при этом мало считаясь со своим русским союзником.

Великобритания, проводя политику дипломатического сближения, в то же время не проявляла готовности к уступкам своих партнеров по Антанте и не связывала себя определенными обязательствами в европейских делах. Сближение в рамках Антанты в этот период развивалось опережающими темпами в рамках русско-французского союза, в меньшей степени затрагивая Англию [6, р. 125].

После Боснийского кризиса положение на Балканах оставалось напряженным. Россия добивалась создания блока балканских государств, который должен был стать преградой австро-германскому влиянию на Балканах. В грядущей войне блок этих государств мог оказать существенную поддержку в борьбе против Центральных держав. Российская дипломатия попыталась улучшить свою внешнеполитическую позицию в отношении с Турцией в 1911 году, что впоследствии было названо «Демаршем Чарыкова» - главой посольской миссии в Турции. Россия зондировала почву в столицах крупнейших держав для выяснения отношений к предполагаемому изменению статуса проливов. Османская империя не захотела дать точного ответа. Она решила затянуть переговоры. В Лондоне не хотели изменения статуса в проливах в пользу России. Грей сообщил турецкому правительству, что считает русские предложения не приемлемыми. Таким образом, русское правительство натолкнулось на непреодолимое дипломатическое препятствие. Прибегнуть к более решительным действиям оно не захотело. «Демаршу Чарыкова» предали характер личного выступления и вскоре его отозвали из Константинополя. Таким образом, еще одна попытка России открыть проливы для своего военно-морского флота окончилась неудачей. И снова на пути к достижению цели встали Англия и Франция, которые снова не поддержали Россию. [1, л. 15].

Россия так и не сумела получить контроль над проливами. Союзница России по Антанте – Англия не поддержала российские инициативы, поскольку не хотела утверждения России в проливах.

В сложный период Балканских войн 1912-1913 годов Россия стремилась упрочить и сохранить связи с Францией и Англией. И Россия, и Великобритания, смогли сохранить свои отношения в этот непростой период. Наметилось упрочнение Антанты. Однако в России не были уверены в поддержке Англии в случае большой войны.

В 1914 году дипломатия России предложила еще более теснее сплотить Антанту. Было предложено обсудить возможности более тесного сплочения России, Англии и Франции. Предложение положило начало новому этапу в развитии русско-английского звена Антанты. Диалог дипломатов двух стран проходил с февраля по июль 1914 года.

С точки зрения военного престижа и возможностей время накануне большой войны 1914 года дало России определенные успехи и возможности. В 1913–1914 гг. были приняты программы усиления армии и флота. Их успешное завершение могло повлиять на рост внешнеполитического авторитета России.

Исходя из военных обязательств и того развития франко-русских отношений, каким оно было в 1912–1913 годы русская армия в случае войны, могла быть использована исходя из интересов ее партнеров по Антанте – Англии и Франции. У России с Англией диалог мог вестись о военно-морском сотрудничестве. Но в Англии с большим сомнением оценивали возможности русских военно-морских сил и дальнейшее сотрудничество с Россией в этом направлении [2, л. 26].

Сближению России и Англии мешали противоречия и взаимное недоверие. Спорной была форма сотрудничества двух стран. Русские дипломаты предпочитали публичный военный союз. В английских общественных кругах было непопулярно соглашение с Россией, поэтому английские дипломаты рассчитывали на секретные договоренности по типу англо-французских. Англо-французские обязательства не связывали две страны и имели бы силу лишь в случае, если Англия и Франция

решили бы участвовать в надвигающейся войне вместе [4, с. 214].

Англия проявляла все больше интереса к России как к союзнику. Россия надеялась на более тесное сплочение с Англией в плане военного сотрудничества. Наметилось стремление России заключить соглашение о более тесном военном сотрудничестве с Великобританией. Весьма интересными были сведения полученные от первого лорда адмиралтейства Англии – принца Луи Баттенбергского о возможных действиях британского флота и о сотрудничестве Англии и Франции в военно-морской сфере. Информация содержала прогнозы Морского генштаба Великобритании о возможной позиции некоторых европейских стран. Кроме этого, были сведения о возможных вариантах действий военно-морского флота Англии в Средиземном и Северных морях. Далее указывалось, что в случае начала войны британские и французские суда могут пользоваться всеми портами друг друга на правах союзников [7, р. 229].

Россия стояла за заключение открытого военного союза. Однако английская дипломатия этого не хотела. Британским дипломатам выгоднее было секретное соглашение о военном сотрудничестве двух стран. Переговоры о соглашении по вопросам военно-морского сотрудничества велись в течении шести месяцев 1914 г. Основное содержание конвенции было готово, но союзники не успели его подписать к началу войны. Однако, сам факт переговоров показывает, что к началу мирового конфликта Россия могла рассчитывать на Англию как на своего союзника в будущем противостоянии с Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). АВПРИ. Ф. 133, оп. 470, д. 211, л. 15.
2. АВПРИ. Ф. 134, оп. 473, д. 27, л. 26.
3. Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1860–1910 гг. М., 1961. С. 405.
4. Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962. С. 239.
5. История дипломатии 1871–1914 гг. / Сост. В. М. Хвостов. Т. II. М., 1963. С. 780.
6. Mac Kenzie D. Imperial dreams and harsh realities Tsarist Russia Foreign Policy 1815–1917. Harcourt Brace College, 1994. P. 196.
7. Rossos. A. Russia and the Balkans. Inter-Balkan rivalries and Russian foreign policy 1908–1914. University of Toronto Press, 1981. P. 313.
8. Spring D. Russian foreign policy economic interests and straits question 1905–1914 // New perspectives in modern Russian history London 1992. P. 327.

© Плеханов Андрей Евгеньевич (vkmagcur78ml@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

Плохой Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
bedkazak@gmail.com

THE MAIN FORMS AND METHODS OF WORK OF THE GENERAL POLICE AT THE END OF THE XVIII-FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

D. Plokhoy

Summary: The presented material reveals the main forms and methods of work of the Russian police in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries to solve serious and especially serious crimes that caused the greatest public response. Special emphasis is placed on the fact that the police in special cases acted quickly, promptly, correctly identified the circle of suspects, successfully searched for suspects for a short time. Unfortunately, and the author points out this in particular, the so-called social approach was strictly observed in the activities of the police, when police officials made every effort to expose criminals from among the representatives of the lower strata of the population - petty bourgeois, peasants, poor nobles and made every effort to remove from criminal liability representatives of the so-called the so-called "upper classes" who have committed grave and especially grave offenses.

Keywords: criminal liability, legislation, general police, operational work, prevention, investigation, inquiry, investigative actions.

Аннотация: В представленном материале раскрываются основные формы и методы работы российской полиции во второй половине XVIII - первой половине XIX веков по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, вызывавших наибольший общественный резонанс. Особый упор делается на то, что полиция в особых случаях действовала быстро, оперативно, правильно определяла круг подозреваемых, успешно в течение короткого времени разыскивала подозреваемых. К сожалению, и автор особо указывает на это, в деятельности полиции строго соблюдался так называемый социальный подход, когда полицейские чины прикладывали все усилия для того, чтобы изобличить преступников из числа представителей низших слоев населения - мещан, крестьян, небогатых дворян и прилагали максимум усилий для того, чтобы вывести из под уголовной ответственности представителей так называемых «высших сословий», совершивших тяжкие и особо тяжкие правонарушения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, законодательство, общая полиция, оперативная работа, профилактика, расследование, дознание, следственные действия.

Введение

Исследовательница А.А. Волčkova, анализируя основные направления и способы проведения полицией предварительного расследования, указывает на то, что главной формой уголовного судопроизводства считался следственный или «инквизиционный» процесс. Следствие производилось нередко даже без формальной жалобы пострадавшего, часто начиналось по инициативе административного органа, например, на основании решения губернатора или губернского или уездного предводителя дворянства, исправника. Лицо, проводившее следствие, сочетало в себе функции обвинения и защиты. Следствие проводилось в закрытом режиме, точно также скрыто, негласно осуществлялось судебное разбирательство. При этом преобладающее значение имела формальная система доказательств. Состязательность отсутствовала, точно также в законе не были отражены нормы, жестко оговаривающие определенные, конкретные сроки окончания следствия и всего судопроизводства и др.» [2, С. 60].

По мнению В.В. Романова, достаточно тщательно законодательство регламентировало деятельность лиц,

осуществляющих контроль за судебно-следственным процессом. По его мнению, «прокурор и стряпчие, по званию суть взыскатели наказания их по преступлениям и проступкам и вместе с тем защитники невиновности. Законодатель наделял их относительно широкими полномочиями. Они были обязаны смотреть, чтобы следствие производилось с возможной скоростью, чтобы притом не производилось с одной стороны пристрастных допросов, каких-либо истязания и притеснений, а с другой – чтобы не было и упущения и послаблений преступлениям и проступкам, а особенно злодеяниям, и в сем случае они обязаны ходатайствовать и настоять, чтобы следствие приведено было в надлежащую ясность и точность и окончено с совершенным беспристрастием, дабы суду не оставалось ни сомнения, ни повода требовать дополнений; когда же следствие окончено, то они тщательно смотрят за правосудием. Также В.В. Романов считает, что одновременно законодатель четко определял их роль в процессе: «Сами они дела не производят, но в целях большего ограждения обвиняемого внимательно наблюдают за их ходом и заботятся о том, чтобы обвиняемый воспользовался всеми способами законом к его защите представляемыми» [18, С. 48-49]. В 1831 году

в Саратовской губернии была образована следственная комиссия в составе стряпчего Уголовной Палаты губернии, депутата от губернского дворянства, а также представитель Корпуса жандармов для расследования по уголовному делу о даче взятки губернским полицмейстером Прянишниковым жандармскому вахмистру Гребенникову [3, Л. 10-12].

В рассматриваемый период общая полиция при проведении оперативно-розыскной деятельности, в основном, руководствовалась Уставом Благочиния, или Полицейским, принятым 8 апреля 1782 года [21, С. 461]. Так, статья 42 регламентировала конкретно деятельность полицейских чинов. Частные приставы и квартальные надзиратели к 8 часам утра должны были предоставлять рапорты городничему о событиях прошедшей ночи, так как большинство преступлений совершались именно по ночам. Полицейским чинам было предписано не арестовывать (не задерживать) граждан за незначительные проступки. Если совершалось преступление, которое подлежит рассмотрению в суде, то полиция в ходе дознания должна была внимательно изучить все обстоятельства дела и передать его в суд.

1. Следственное производство.

Следствие, производимое полицией, организовывалось в двух стадиях: предварительное и формальное. В ходе предварительного следствия полиция имела право проводить осмотры, освидетельствования, сбор и приобщение к делу вещественных доказательств, допросы свидетелей, очные ставки, обыски и выемки, задержание подозреваемых. По мнению вышеупомянутой А.А. Волчковой закон разрешал использование таких средств, которые, не имея доказательственного значения, тем не менее, могли способствовать обнаружению следов преступления, его раскрытию и следованию [2, С. 61].

Статьи 43-47 регламентировали проведение предварительного дознания, в ходе которого было строго предписано выслушивать всех участников дела, как обвиняемых, так и преступников и свидетелей, четко определять наличие или отсутствие намерения совершить преступление, вырабатывать понимание того, насколько был нарушен закон, если совершено преступление гражданином другого государства, поступать также с ним, как и с гражданами. Если закон не опубликован, то Управа Благочиния не должна требовать его выполнения. В Управе Благочиния были обязаны вести две книги. В одну из них записывались все законы, постановления, распоряжения Императрицы, других органов власти. А в другую книгу записывались все распоряжения Губернатора и Губернского правления. В статье 70 было предписано все уголовные дела после словесного исследования, а также иски, сумма которых превышает 20 рублей, отсылать в суды [2, С. 465-468].

В статье 96 было прописано, что дом частного пристава не должен был быть заперт ни днем, ни ночью, а в любое время суток он должен был быть готовым принять и выслушать посетителей. Именно на частного пристава возлагалась функция в случае совершения в его части города уголовного преступления проведения предварительного дознания, в ходе которого он должен допросить подозреваемого в совершении преступления на месте. В случае, если преступник скрывается, или его по тем или иным причинам кто-то отказывается выдать правосудию, то в этом случае частный пристав был обязан немедленно доложить в Управу Благочиния для принятия мер. Всем городским начальникам было предписано в случае совершения преступления отдавать подозреваемых в руки частных приставов.

В статьях 102-108 четко регламентировались действия частных приставов при проведении предварительного дознания. Он был обязан найти свидетелей, допросить их, взять объяснения с подозреваемого и потерпевших, а самого подозреваемого в совершении данного преступления взять под стражу. Он должен был выяснить все об особе (личности) подозреваемого, способе и мотиве совершенного преступления, раскрыть орудия преступления, его цели, выслушать всех свидетелей, найти необходимые доказательства. Ст. 103 требовала от частного пристава ведения протокола допроса, вызывать для следствия тех людей, которых необходимо для того, чтобы «истина содеянного обнаружилась». Именно на частного пристава возлагалось принятие решения о взятии подозреваемого в совершении преступления под стражу.

В статье 105 четко указывались функции частного пристава в ходе расследования конкретного преступления. Так он должен был установить личность потерпевшего, мотивы преступления, способ и орудие преступления, мотивы и намерения подозреваемого, установить личность подозреваемого. Причем в данной статье конкретно описывались действия частного пристава при расследовании гражданских дел, уголовных дел, т.н. «лживого» поступка. Особо статья 106 возлагала на частного пристава обязанность подходить к расследованию дела разумно, не арестовывать лишних людей, а если дело «обширное» - подключать других следователей [21, Ст. 102-108].

После вступления на престол императора Александра I в 1801 году в деятельности общей полиции наступили определенные перемены. 25 февраля 1802 года новым императором был подписан указ, предусматривающий расширение функций частных приставов при проведении мероприятий в рамках уголовного розыска. Если раньше частные приставы расследовали уголовные преступления, совершенные государственными и крепостными крестьянами, купцами, мещанами, то есть

лиц т.н. «податных сословий», то теперь они получили право расследовать и дела дворян. Если взять в расчет тот факт, что исправники, частные и становые приставы входили в состав уездных и городских судов, можно однозначно сказать, что они совмещали судебные и полицейские функции. К проведению следственных действий привлекались и судебные заседатели [18, № 18673].

В 1832 году был принят Свод законов Российской империи. В нем были опубликованы ряд уставов, которыми в последующем руководствовались органы полиции. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений включал в себя 455 статей, сгруппированных в отделения, главы и разделы по предмету регулирования [15, 16]. Однако наличие всевозможных нормативных документов, регламентирующих деятельность полиции, не означало их высокого качества. По мнению исследователя М.В. Сидорчука, не все стороны ее деятельности были подробно регламентированы. Одни документы и даже отдельно взятые статьи противоречили другим статьям, содержащимся в этих документах [20, С. 112-113]. Однако, несмотря на несовершенство нормативной базы деятельности общей полиции, она все-таки помогла в целом эффективно организовать ее деятельность.

2. Оперативно-розыскная деятельность.

Если говорить конкретно, то ее оперативно-розыскная деятельность отличалась быстрым и эффективным принятием решений, направленных на поиск, в основном по горячим следам, лиц, совершивших преступлений, немедленный арест всех подозреваемых, независимо от их социального статуса, причем, если требовалось арестовывать дворян, то за разрешением совершить данное действие, полицейские чины немедленно обращались к губернатору, представив ему материалы проводимого расследования. Причем, если дело казалось дворян, то по разрешению опять же губернатора к дворянам могли в ходе расследования применяться пытки. По отношению к простолюдинам такого разрешения не требовалось и пытки применялись с разрешения полицейских начальников, например, частного пристава, расследующего дело.

В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению гвардейского подпоручика А. Жукова вместе с его женой в организации убийства своей матери. Он вместе со своей женой решил на организацию убийства своей матери с тем, чтобы инсценировать ограбление, получить желанные деньги и рассчитаться с многочисленными долгами. Был составлен план преступления, который поддержали жена офицера и его теща. Потенциальные преступники, окончательно решившись на убийство близкого человека, привлекли к его совершению двух крепостных девушек – горничных и крепостного калмыка, пообещав дать всем за совершен-

ное преступление денег и свободу. Затем к совершению преступления были привлечены еще двое крепостных. Ночью 9 сентября 1754 года убийство было совершено, причем вместе с матерью была убита и младшая сестра Алексея Жукова, деньги были забраны из дома [16, С. 229].

Рассмотрим, как действовала московская полиция при расследовании этого громкого преступления. Всю оперативную работу организовал частный пристав поручик В. Юренев. После того, как преступление было обнаружено, он приказал подчиненным полицейским немедленно арестовать всю дворню, проживающую в доме. Когда не обнаружили на месте двух горничных, дознались, где они находятся и также арестовали. Практически все слуги и служанки были подвергнуты пытке на дыбе, и участвовавшие в преступлении горничные не только сознались в участии, но и выдали всех участников преступления, включая своих господ – чету Жуковых и их тещу, дворянку.

После того, как московскому губернатору были доложены предварительные результаты расследования, он немедленно лично возглавил следствие. Под его руководством была образована следственная комиссия, в состав которой вошел не только губернатор, но и несколько частных приставов из других районов, помощники губернатора. Немедленно по всем возможным адресам были посланы вооруженные полицейские наряды, они быстро задержали всех заказчиков этого преступления.

Теперь о том, как полицией был организован сам следственный процесс. Так как все подозреваемые дали противоречивые показания, каждого пытали на дыбе и секли плетьюми, независимо от пола [16, С. 231]. После этого пригласили священников для исповеди и подозреваемые в совершении преступления под присягой на Библии подтвердили свои показания. В отношении простолюдинов комиссия немедленно вынесла приговор. Руководствуясь существующими законами, лица, непосредственно участвовавшие в убийстве, были казнены, остальные соучастники были заклеены раскаленным железом, включая женщин, у всех вырваны ноздри, они были отправлены на каторгу [1, С. 231-232]. Перед этим всех крепостных, участвующих в совершении преступления, подвергли жестоким пыткам, в том числе и на дыбе, некоторые из них умерли, в том числе и теща Жуковых - дворянка, которая была подвешена на кольцах и не выдержала жестоких пыток. Всех умерших закопали на свалке вместе с бродягами и нищими без похорон и отпевания [16, С. 459-460]. Судьбу же А. Жукова и его жены решала лично императрица Екатерина II после прихода ее к власти в 1762 году, а до этого времени они содержались в оковах в тюрьме, ожидая приговора [16].

Должностные лица и в последующее время нередко

вмешивались в деятельность полиции, брали на себя в особых, не терпящих отлагательства случаях, руководство следственными действиями. В Симбирской губернии факты жестокого обращения отставного генерал-майора Платцова со своими крестьянами в 1825 году расследовал губернский предводитель дворянства. Дело в том, что в иерархии Российского государства губернский предводитель дворянства занимал должность, хотя и выборную, однако только на один ранг ниже, нежели губернатор, а его приказы немедленно выполнялись чинами полиции. Полицейские, конечно, присутствовали, но главную роль играли, все-таки, не они [10]. М.А. Чельцов-Бебутов указывал на факты, когда следствием руководили штаб-офицеры Корпуса жандармов, как, например, в расследовании дела по обвинению в фальшивомонетничестве крестьян села Стерень, принадлежащих помещику Кроткову [10].

Полицейские всегда входили в состав следственных комиссий, создаваемых по приказу или губернатора, или Сената или императора для расследования особо тяжких уголовных преступлений. Однако они выполняли всю «черновую работу»: арестовывали подозреваемых и охраняли их под стражей, доставляли свидетелей, производили в необходимых случаях задержание лиц, укрывающихся от следствия, по приказу начальствующих лиц применяли к подозреваемым в совершении преступления пытки и т.п. Например, в 1839 году по решению Министра внутренних дел была создана целая следственная комиссия, которая расследовала в селе Шигоны Сызранского уезда Симбирской губернии убийство крестьянами помещика Кроткова. Ее возглавил начальник 2 округа Корпуса жандармов генерал-майор Перфильев [13].

Если происходило серьезное преступление, связанное с хищением крупных денежных средств, в состав комиссии входил чиновник Министерства финансов, специально командированный для оказания помощи при проведении расследования. Так было в 1829 году в Саратовской губернии, когда расследовалось дело по обвинению руководства соляных магазинов и копей в финансовых махинациях [4, Л. 1].

При совершении уголовного преступления полиция всегда прибывала первой на место и проводила предварительное расследование. Оно осуществлялось на основе норм, закрепленных во многих, противоречащих друг другу актах: Соборном Уложении 1649 года, Военском артикуле 1714 года, Учреждения для управления губернией 1775 года, Уставе Благодочиния и др. В 1828 году исполнительная полиция вместе с чинами Корпуса жандармов расследовали набеги кочевников на владения государственных крестьян на юге Саратовской губернии, примыкающих к пограничной степи. Тогда некоторые дома крестьян были сожжены, а несколько десятков

человек были уведены в рабство [5, Л. 9-10].

Автором было проведено исследование деятельности общей полиции в Симбирской губернии в рассматриваемый период по раскрытию тяжких уголовных преступлений. Выяснено, что несмотря на категорический запрет на применение пыток к подозреваемым в совершении преступлений, объявленный в указе императора Александра I [17, С. 56-57], в Симбирской губернии пытки полицейскими чинами применялись часто. По отношению к дворянам нами были установлены единичные случаи, с личного разрешения губернатора. Однако по отношению к крестьянам, мещанам пытки в ходе расследований применялись часто и практически во всех уездах.

Приведем конкретные примеры, взятые из материалов уголовных дел, рассмотренных симбирскими уездными судами. Так полицией пытки применялись при расследовании уголовного дела по отношению к крестьянину И. Улитину, принадлежащего полковнику Тоузакову, который в конце концов сознался в совершенном убийстве [9]. В марте –апреле 1818 года полицией пытки были применены к горничной симбирского помещика Воротникова, которая, будучи жестоко высечена плетьюми, созналась в попытке отравления своего хозяина [9, Д. 186].

Если в адрес полиции поступали сведения о жестоким обращении помещиков с крепостными крестьянами, полиция проводила оперативную проверку только в двух случаях. Во-первых, если потерпевший (или потерпевшая) крестьянка получали тяжкие телесные повреждения (или наступала смерть в результате побоев). А, во-вторых, если разрешение на проведение такого расследования давал или губернатор, или уездный исправник. Соответственно такое разрешение начальство давало только в том случае, если было известно, что обвиняемый дворянин не имеет серьезных покровителей «наверху». В частности, симбирский губернатор в 1803 году санкционировал проведение полицейского расследования по отношению к помещику Гладкову, который жестоко избил крепостную крестьянку П. Андрееву за побег ее мужа. Расследование было проведено оперативно, факт побоев и нанесения тяжких телесных повреждений был документально подтвержден, и помещик был привлечен к уголовной ответственности, над его имением была установлена опека [10].

В ходе оперативно-розыскной деятельности полиция проверяла факты, изложенные в жалобах и доносах, поступавших на имя губернатора или второго лица в губернии – предводителя местного дворянства [6]. Если сведения, поступавшие губернатору, признавались серьезными, тогда полиция обращалась к представителям корпуса жандармов и проводила совместное

расследование. Когда в 1853 году по Симбирску распространились слухи о том, что англичане и французы объявили России войну для того, чтобы заставить царя «освободить крестьян», они были признаны опасными, порочащими государство. Полиция совместно с представителями Корпуса жандармов передела нескольких полицейских и жандармов для того, чтобы они ездили на извозчиках как пассажиры или в качестве извозчиков и слушали разговоры, которые ведут сами извозчики, а также те господа, которых перевозили в качестве извозчиков переодетые полицейские. Оказалось, что извозчики никакие слухи не распространяли и из числа проверенных 48 экипажей не завели с клиентами ни одного разговора о политике, а вот богатые господа пытались вести подобные разговоры, провоцируя извозчиков присоединяться к разговорам [14, С. 207].

По просьбе помещиков полиция нередко проводила мероприятия по поимке и препровождению в полицейские участки, а затем и в уездные суды пойманных беглых крепостных, а по просьбам командиров воинских частей – беглых солдат-дезертиров. Как осуществлялись подобные мероприятия? Во-первых, в каждом уезде у исправника был на содержании целый штат осведомителей, которые имелись практически в каждом крупном селе. Они постоянно сообщали исправнику или становому приставу о чужих, появлении в деревне неизвестных личностей. Проверка осуществлялась по конкретным адресам. Были соглядатаи в помещичьих имениях даже среди крепостных. Именно они сообщили становому приставу о жестоком избииении крестьянки П. Андреевой помещиком [10]. Во-вторых, от соглядатаев полиция узнавала об укрытии тем или иным помещиком в своем имении беглых крестьян, за что следовала суровая ответственность, или огромные штрафы или даже конфискация имения по решению уездного суда. Подобных случаев мы не обнаружили, однако нашли факт проведения целой операции полицейскими Карсунского уезда по освобождению незаконно удерживаемый в своем имении помещиком Татищевым жены и дочерей пахотного солдата сызранской команды Ф. Трофимова. Когда они возвращались с одного из сел, дворовые помещика их задержали, как выяснилось, с целью превращения их в своих крепостных. Помещик заковал их в кандалы и заставлял таким образом работать на него. Когда полицейские, после получения заявления от Трофимова, узнали о месте их нахождения, провели стремительную операцию по их освобождению, пока помещик не перевез их в другое имение [11].

В-третьих, полицейские знали о всех крупных притонах, где скрывались серьезные преступники. Некоторые чины полиции даже тайно находились на содержании их владельцев. Однако в случае массовых побегов крепостных крестьян, которые иногда имели место, полиция внезапно совершала рейды по притонам и арес-

товывала всех, незаконно там укрываемых. Среди них нередко были и беглые крепостные. Подобных дел, по привлечению к ответственности хозяев таких притонов, рассматриваемыми уездными судами, было довольно много [11]. Иногда полиции удавалось накрывать места, где орудовали фальшивомонетчики. Во всех подобных операциях участвовали и чины Корпуса жандармов, так как фальшивомонетничество считалось серьезным антигосударственным преступлением, за которое следовала длительная каторга. Так, в одном из сел Карсунского уезда в ходе стремительного полицейского рейда была разоблачена в марте 1817 года банда фальшивомонетчиков, возглавляемая жителем г. Саранска [12].

Так как в Российской империи ведущим считался «высший» класс дворянства, то уголовные дела по преступления, совершенными дворянами, расследовались долго и нудно. Обратимся к конкретным делам, что позволит нам увидеть те огромные сроки, в рамках которых производилось следствие и осуществлялся судебный процесс. Казалось бы, по понятному делу о незаконном удержании помещиком Татищевым жены и дочерей пахотного солдата Ф. Трофимова, следствие и уголовное дело тянулось с 1816 по 1821 год. Это было потому, что у дворянина Татищева были многочисленные покровители в Санкт-Петербурге и совершенно понятное дело несколько раз отправлялось на дорасследование [11]. Другое уголовное дело, связанное с нанесением побоев казенными крестьянами с. Кошелевка сельскому заседателю уездного суда Усыкину, по причине «всплытия» все новых и новых подробностей взяточничества во стороны потерпевшего, длилось с 1820 по 1826 годы [8], а дело по обвинению татар деревни Горинки в избииении их соседа, владельца имения поручика Семенова длилось с ноября 1820 по ноябрь 1826 года [8]. Этот перечень можно продолжить.

Выводы

Подведем некоторые итоги. Проведенное исследование позволяет судить о том, что общая полиция, как важнейший институт поддержания правопорядка и законности в целом справлялся со своими функциями. Его в целом успешная работа была обусловлена тем, что в стране в рассматриваемый период было сформировано законодательство, регламентирующее деятельность полиции в целом, были определены обязанности ее должностных лиц, а также разработан порядок проведения следственных действий.

Однако в деятельности общей полиции имели место ряд системных недостатков, которые негативно влияли на следственных процесс, выводили из под ответственности лиц, которые принадлежали к правящим сословиям и совершили преступления. Несмотря на наличие указов и законов, запрещающих пытки в период прове-

дения следственных действий с подозреваемыми, они широко применялись. Причем, если до 1801 года пытки применялись с разрешения должностных лиц – губернаторов, предводителей дворянства, уездных исправников, то в последующий период полицейскими всех рангов, которые знали, что за подобные грубые нарушения действующего законодательства они не понесут ника-

кой ответственности.

В отношении же податных сословий – мещан и крестьян, в случае совершения ими преступлений следственные действия проводились быстро и решительно, и как правило, заканчивались обвинительным приговором с жестокими наказаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волчкова А.А. Следователи – полицейские России в XVIII – первой половине XIX столетий // Российский следователь. 2005. № 4. С. 60.
2. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 36. Л. 10-12 об., 24.
3. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 4 (1829). Д. 182. Л. 1, 1 об.
4. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 3 (1828). Д. 29, Ч. 1. л. 9-10.
5. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221 (86). Д. 1 в. Л. I – IV об.
6. ГАУО. Ф. 124. Оп. 3. Д. 304, 305.
7. ГАУО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 4
8. ГАУО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 184.
9. ГАУО. Ф. 115. Оп.3. Д. 42.
10. ГАУО. Ф. 115. Оп. 3. Д.250.
11. ГАУО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 258.
12. ГАУО. Ф. 115. Оп. 5. Д. 7.
13. Дубельта Л.В. Заметки и дневники // Российский архив. М.: Студия «ТРИТЭ» (Михалков), 2005. Вып. 14.
14. История полиции России. Краткий очерк и основные документы. М., 1999.
15. Полиция России. Документы и материалы: 1718-1917 гг. Саратов: СЮИ, 2002.
16. Корольков М. Матереубийцы (процесс Жуковых) // Русская старина. 1903. № 1.
17. Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское право России: Проблемы теории. СПб., 2001.
18. ПСЗ. Собрание 1. Т. 25. № 18673.
19. Романов В.В. Подразделения политической полиции в Поволжских губерниях в 1826-1860-е годы: формы и основные направления деятельности. Монография. Ульяновск, 2008. С. 48-49.

© Плохой Дмитрий Сергеевич (bedkazak@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОРТСМУТСКОГО ДОГОВОРА 1905 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ И УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

THE CONCLUSION OF THE PORTSMOUTH TREATY OF 1905 IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES AND PARTICIPANTS IN THE EVENTS

*Yu. Savosina
N. Pischikova*

Summary: This article examines the various points of view and conclusions about the conclusion of the Portsmouth Peace Treaty after the Russian-Japanese War of 1904-1905, as well as the negotiation process. The authors draw attention to Russia's position among the military leadership, the diplomatic corps and the royal family, and also cite the opinions of representatives of the United States, Great Britain, France and Japan. The article pays special attention to the role of the press in relation to the conclusion of the contract.

Keywords: the Portsmouth Peace Treaty, the Russian delegation, negotiation tactics, diplomacy, territorial concessions.

Савосина Юлия Вячеславовна

*к.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
yulya-savosina@yandex.ru*

Писчикова Наталья Петровна

*к.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
npischikova@mail.ru*

Аннотация: В этой статье рассматриваются различные точки зрения и выводы о заключении Портсмутского мирного договора после русско-японской войны 1904-1905 годов, а также процесс переговоров. Авторы обращают внимание на позицию России среди военного руководства, дипломатического корпуса и царской семьи, а также приводят мнения представителей США, Великобритании, Франции и Японии. Отдельное внимание в статье уделено роли прессы в отношении заключения договора.

Ключевые слова: Портсмутский мирный договор, русская делегация, тактика ведения переговоров, дипломатия, территориальные уступки.

На берегу Атлантического океана, в северо-восточной части США расположился портовый город Портсмут, где 5 сентября 1905 года был подписан Портсмутский мирный договор между Россией и Японией, который поставил точку в русско-японской войне.

Прежде всего, необходимо посмотреть условия, на которых был заключен договор. Остановимся на взаимовыгодных условиях, во-первых, Россия и Япония договорились о торговых взаимоотношениях, и обмене военнопленными. Во-вторых, оба государства подписывали рыболовную конвенцию. В-третьих, выводили свои армии из Маньчжурии в полном составе и в одно и то же время; использовали железные дороги в этом регионе только в коммерческих целях; давали обязательство не мешать торговле других государств и плавать в бассейне проливов Лаперуза и Татарский. Все эти положения договора были в интересах обеих договаривающихся государств и не вызвал резонанса во время переговоров, и после со стороны общественности как России, так и Японии. Однако самые большие споры, оценки современников и участников тех событий вызывали статьи договора, которые были составлены в интересах Японии. Во-первых, Россия уходила из Кореи и признавала за Японией весь спектр интересов. Заметим, однако, что Россия добилась от Токио обязательства, которое было отражено в протоколе, что Япония не будет предпринимать мер, которые бы нарушали суверенитет Кореи.

Во-вторых, Россия теряла арендные права на два порта: Порт-Артур и Дальний, южную часть маньчжурской железной дороги и все камменноугольные копи, которые были нужны для ее снабжения. В-третьих, Российская империя передавала Японии южную часть Сахалина и прилегающие к нему острова. Отметим, что Япония не имела права возводить военные укрепления на этих территориях [12, с.337-344].

Уже около 120-лет прошло с момента завершения военного конфликта между Россией и Японией и подписания мира. Однако и по сей день, исследователи спорят по поводу целесообразности заключения Портсмутского мирного договора. Одни поддерживают позицию США и Японии утверждая, что Россия потерпела сокрушительное поражение, поэтому перемирие было необходимо и своевременно, другие доказывают, что победа у русских была украдена. Разобраться в данном вопросе помогут воспоминания и документы современников и участников тех событий.

Один из главных современников и участников тех событий Рузвельт отмечал, что мирные условия отвечают условиям США. Поэтому он выражал свое удовлетворение заключенным миром. «Мир – одинаково хорош и для России, и для Японии, также хорош и для Англии, и для Соединенных Штатов», - писал президент 14 сентября 1905 года Спринг-Райсу. Однако Рузвельт указывал и

на то, что Япония допустила ошибку: «Я думаю, что японцы отказались от большего, чем было необходимо, когда они вернули северную часть Сахалина, которую, я уверен, я бы мог получить для них или, наконец, которую, я думаю, я бы мог заставить Россию выкупить за небольшую сумму денег» [1, с.261].

Двумя месяцами позже в письме к Спринг-Райсу (опубликовано в 1929 году по английской инициативе) Рузвельт подчеркивал, что японцы, руководствуясь «мудрым собственным интересом, отказываясь воевать дальше для получения контрибуции, которой они никогда бы не получили и которая стоила бы им несметных расходов и крови» [1, с.279]. Далее он подвергал критике позицию японской делегации: «Конечно, очень легко говорить пост-фактум, что дело надо бы сделать иначе; и в самом деле, лично я разыграл бы игру другим способом. Я не прибег бы к обману, от которого я не ждал бы хорошего, и я не стал бы в положение просящего контрибуции, в которой наверняка было бы отказано, и потому положение дающего, в конце концов, дало русским видимость дипломатической победы. Но русские... не отдали бы южную половину Сахалина, если бы японцы не прибегли бы к обману в вопросе о контрибуции». Но это все лишь небольшое замечание, а в целом президент был доволен договором: «... в целом все в порядке, и я думаю, что мир справедлив для России и для Японии, и также хорош для Англии и США» [1, с.280].

Таким образом, договор между Россией и Японией Рузвельтом был расценен как самый подходящий в сложившихся условиях. Необходимо заметить, что Портсмутский мирный договор приветствовали не только в Америке, но и в Лондоне: «Мы выиграли при этом мире, как и весь свет вообще; ибо как только мир был объявлен, долго длившиеся переговоры Германии с Францией относительно Марокко неожиданно пришли к концу, к громадному облегчению обеих – Франции и Англии, потому что ни одни из них не хотела, чтобы ей была навязана война, а поскольку этот несчастный вопрос оставался открытым, война всегда была возможна» [11, с.450] - подчеркнул Спринг-Райс в депеше к Лэнсдоуну.

При знакомстве с материалами, выходящими в газетах в сентябре 1905 года, можно увидеть, что даже не самая радикально настроенная «Осака Асахи-симбун» отрицательно восприняла мирный договор, называя его «предательством или преступной ошибкой». Правительство открыто обвинялось в «государственной измене и непрофессионализме» [10, с.23]. Главной мишенью для нападок газетчиков стали члены кабинета министров, особенно министр иностранных дел Комура, возглавлявший японскую делегацию на переговорах, а также члены Тайного совета при императоре.

Большинство японских историков поддержали дан-

ную точку зрения, в частности Нумада подтвердил, что «Портсмутский мирный договор был нетерпим для страны-победительницы» [9, с.80]. Комацу Мидори, анализируя действия Комура в Портсмуте сделал вывод о том, что дипломатические действия со стороны Комура можно признать неудачными. Однако некоторые японские газеты, рассматривая тактику ведения международных переговоров Японии с другими странами, подчеркивали, что именно она принесла им успех в войнах с Китаем и особенно Россией. Тем не менее, нельзя не упомянуть другую точку зрения японского журналиста Катаяма: «... эта же тактика, примененная японцами за зеленым столом дипломатических конференций, особенно в Портсмуте, ясно и резко выявила их слабость» [5, с.47].

Кроме того, в редакционных статьях за сентябрь 1905 года такие газеты как «Токио Нитинити», «Хоти», «Мияко» резко выступили с критикой условий договора и требовали его отклонения. Партия «Сейюкай», входившая в правительство заявила о том, что необходимо придерживаться в высказываниях и комментариях о договоре осторожности. Однако были и сторонники договора, так «Кокумин-симбун» хвалила договор и выражала удовлетворение его условиями, «заявляя, что цели войны достигнуты» [2, с.155].

Что же касается положения Японии, отношения к ней современников, то многие, в том числе и профессиональные историки сходились во мнении, что Токио вовремя пришел к мысли об окончании войны и началу переговоров. Военный историк из США Х. Бартон подчеркнул: «Если бы переговоры сорвались и военные действия возобновились, то для достижения скорой победы у Японии не было бы войск» [3, с.12].

Нельзя ни упомянуть мнение французского посла в Петербурге Бомпара, что в Петербурге восприняли подписание мира без энтузиазма: «Нет никого вплоть до Витте и Ламсдорфа, кто не был бы огорчен уступкой половины Сахалина; они думают, что при немного большем терпении и большем упорстве в сопротивлении этой уступки можно было бы избежать, и, во всяком случае, они предпочли бы заплатить небольшую контрибуцию, чем отказываться от территории» [11, с.463]. Далее Бомпар отмечал, что в Петербурге только делают вид, будто радуются миру.

Давайте рассмотрим, как же отнеслись в России к подписанию Портсмутского мира. В первый день возвращения русской делегации в Петербург Коростовец (секретарь Витте С.Ю.) записал в дневнике «История покажет, каков будет этот мир и заслужим ли мы признательность или упреки потомства. Сами авторы договора не верят в его прочность и длительность. Витте думает, что в данную минуту мир был необходим и что государь принял мудрое решение, поддавшись убеждениям Рузвельта, но

вместе с тем он считает, что мир недолговечен и что это лишь этап в борьбе рас и народов на Тихоокеанском побережье. Розен идет еще дальше: он называет Портсмутский мир перемирием и считает, что мы должны были продолжать войну и доконать японцев» [6, с.175].

Отметим, что сам участник событий С.Ю. Витте, которому было поручено ведение переговоров, а также он являлся главой правительства назвал Портсмутский мир более или менее пристойным. Но, подчеркнем, никакие утешения, или выискивания положительных аспектов заключения мира не могли разъять тягостное впечатление от него, доказать, что русская армия, а вернее некомпетентное командование привели к поражению России с Японией.

Петербург встретил подписание мира враждебно. Ведущая русская пресса «Новое время» подчеркивала нетерпимые для России условия договора и заявила, что они носят временный характер. «Московские ведомости» писали: «России... пришлось вести параллельно две войны за свое международное и государственное положение, войну внутреннюю и войну внешнюю. Если она ни той, ни другой не вела с достаточной энергией, а потому ни в той, ни в другой не достигла желанных успехов, то это отчасти может объясниться тем, что одна война мешала другой, и Россия не могла в достаточной степени сосредоточиться ни на внешних, ни на внутренних своих врагах» [11, с.462]. В начале сентября 1905 года Путилов направил Шипову телеграмму, в которой отмечал, что вся печать, кроме «Гражданина» и «Биржевых ведомостей» «высказывается очень сдержанно, ... приветствуя мир, считают его тяжелым» [4, с.43].

В петербургской газете «Сан» корреспондентами было отмечено, что «официальные сферы недовольны миром», они «не ожидали, что Япония уступит, и военная партия рассчитывала на продолжение войны». По заявлению военного министра генерала Сахарова на совещании в Царском Селе 6 июня военная партия боялась, что возвращение в Россию армии..., не одержавшей ни одной победы, ухудшит...внутреннее положение страны» [9, с.83].

Помимо военной партии, правительство, опасаясь, что мир в таком виде подорвет престиж власти, не выразило радости по поводу его заключения. Нельзя ни упомянуть о позиции Русского императора Николая II и императрицы Александры Федоровны по проблеме заключения мира. Императорская чета крайне отрицательно отнеслась к подписанию мира на таких условиях. Николай II говорил о блестящем положении русской армии, о ловкости японцев, отказавшихся от контрибуции. Он заявлял, что его обманули и заставили дать разрешение на отдачу половины Сахалина. Доказательства этому мы можем найти в письме Спринг-Райса, который пишет

о встрече нескольких его знакомых с императором: «Они в один голос говорят, что император выражается о себе самом, как о человеке, которого обманом заставили заключить мир: «Если бы я только знал, что японцы хотели уступить в вопросе о контрибуции, я никогда не согласился бы отдать половину Сахалина». Государыня также выражала глубокое сожаление о заключении мира. Оба они говорят, что-то была всецело вина Куропаткина, что русская армия не была победоносной, и что все было готово к завершающей победе. Они резко говорят обо всех, кто приложил руку к заключению мира, который, по их выражению, является позором для России» [11, с.450].

В Петергофе 24 августа был проведен молебен в честь заключения мира, в котором приняла участие вся царская семья. Генерал Редигер вспоминает, что государь выразил ему сожаление о том, что часть Сахалина была уступлена. Он считал, что Япония заключила бы мир и без этой уступки. Однако нет достаточных данных, чтобы судить об этом. За свою роль в заключении мира Витте был награжден графским титулом [9, с.85] (по злым языкам, он стал известен как граф Полусахалинский).

Рассматривая взгляды тех лет на подписание мира, необходимо отметить мнения, которые существовали по данному вопросу в русской армии. В воспоминаниях участника русско-японской войны Алексей Любичко-го, мы находим, что войска были огорчены подписанием мира, не было радостных мероприятий по случаю окончания войны, даже встречаются мысли о позоре, который царил в армии вместо чувства славы. Простые солдаты и матросы рассчитывали на скорую победу и думали о том, что противоборствующая сторона в лице японцев знала об этом, поэтому пошла на переговоры и вначале соглашалась с условиями русской стороны. В данных воспоминаниях также встречались рассуждения и о том, как японцы восприняли условия мира и переговоры, автор отмечает «сдержанность восторга японских армий и народное неудовольствие, с которыми встретила Япония условия мира...» [8, с.375].

Что касается генералитета, то можно обратиться к воспоминаниям командира 1-й Маньчжурской армии, генералу Куропаткину А.Н., который отмечал в своем дневнике, что мир в рядах русской армии был воспринят отрицательно, и в сравнении с пережитыми военными поражениями армии походу боевых действий, худшим образом отразился на всей армии.

Через месяц после подписания мира, Куропаткин, возмущенный ситуацией, написал письмо министру военных дел, в котором он выразил свое мнение о том, что в армии изначально прислушивались к общественному мнению Петербурга. История выяснит, кто прав, но позор Портсмутского договора во многом связан с

общественным мнением... В армии сильно негодовали против Витте. Нельзя действовать с таким цинизмом и предвзятостью, как он делал в Портсмуте. Его обманули, как ребенка. Японцы, вероятно, согласились бы на мир даже без половины Сахалина, они бы согласились на мир, не трогая... с теми условиями, которые мы имеем сейчас. Неприемлемо, что Линевица даже не спросили... о разделении сфер в Маньчжурии и разделили [их] позорным для нашей армии способом. Без нужды, без спора и борьбы Витте одним росчерком пера, услужливо поднесенному ему врагами России, отдал японцам три чрезвычайно сильных, укрепленных нашими войсками оборонительные линии: Сыпингайскую, Гунчжулинскую и Куанчензинскую... Пишу Вам... потому, что так, как думаю я, думает армия, а с этим надо считаться» [8, с.370].

Подводя итог сказанному, заметим, что мнений о заключении договора было много, некоторые совпадали, другие расходились по ключевым моментам. Однако одно мы можем сказать с полной уверенностью, что русской дипломатией было сделано все возможное для смягчения последствий русско-японской войны в сложнейших внутренних и внешних условиях, в которых находилась Россия в те годы. Таким образом, Россия не выиграла войну, но и не проиграла, так как подписала мирный договор, а не акт о безоговорочной капитуляции. Конечно, нельзя отрицать, что России нанесли удар в международном плане, который стал уроком для последующих поколений. Будем надеяться, что Портсмутский мирный договор послужит уроком для нашей дипломатии и поможет в дальнейшем удерживать позиции России на Дальнем Востоке как великой державы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dennett T. Th. Roosevelt and the Russo-Japanese War. – New York: Doubleday, Page & Company, 1925. – 357 pp.
2. Takeuchi. War and Diplomacy in the Japanese Empire. – London: Doubleday, Doran & Company, inc., 1935. – 505 pp.
3. Глушков В. «Позор Портсмутского мира...». К 100-летию окончания русско-японской войны // Красная звезда, 2005, 7 сентября, с. 12.
4. Из телеграммы Путилова Шипову // Красный архив, т.6, 19 августа/1 сентября, 1925, с. 43.
5. Катаяма Сен. Япония и Америка/ Пер. с англ. рукописи А. И. Певзнер. – М.: Литиздат НКВД, 1925. – 59 с.
6. Коростовец И.Я. Дневник секретаря Витте // Былое, № 4, 1918, с. 174-175
7. Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. // Былое, № 9, 1918, с. 83-84.
8. Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны / Под ред. Н.Л. Волконского. – СПб.: Полигон, 2002. – 527 с.
9. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР, 1905-1945 гг.). – М.: Соцэкгиз, 1961. – 291 с.
10. Овсянников Н. Реакция японского общества на результаты русско-японской войны (по материалам дневников архиепископа Николая Японского и японским источникам) // Восток: история, филология, экономика, 2004, Вып.3, с.103-126.
11. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 496 с.
12. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917/ под ред. Е.А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – 46 с.

© Савосина Юлия Вячеславовна (yulya-savosina@yandex.ru), Писчикова Наталья Петровна (npischnikova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андреева Дарья Андреевна

Аспирант, ФГБОУ ВО "Московский педагогический
государственный университет"
officedashaandreeva@mail.ru

THE MODEL OF FORMATION OF COOPERATION COMPETENCE THE YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE ORGANIZATION OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

D. Andreeva

Summary: In the article, the author defines the organizational and pedagogical conditions for the formation of the cooperation competence the younger schoolchildren in extracurricular activities. On the basis of a competence-based, activity-based and personality-oriented approach, the article examines the essence and educational potential of the cooperation competence in the organization of the educational process of younger schoolchildren. The author analyzes the influence of the specifics of extracurricular activities, taking into account the age of a younger student, on the development of cooperation skills, determines the importance of these skills in the context of the socialization of students and the formation of communicative skills, interpersonal communication, etc. The article presents the author's model of the formation of cooperation competence with a description of four structural components: motivational, cognitive, activity and reflexive. Based on the requirements of the Federal State Educational Standard for meta-subject and personal results, the author suggests forms, methods and means of implementing the author's model in accordance with each structural component, as well as taking into account the age characteristics of the younger student.

Keywords: cooperation competence, cooperation in creative activity, education in a team, extracurricular activities, personal development, socialization, competence approach.

Аннотация: В статье автор определяет организационно-педагогические условия формирования компетенции сотрудничества младших школьников во внеурочной деятельности. На основе компетентного, деятельностного и лично-ориентированного подхода в статье рассматривается сущность и воспитательный потенциал компетенции сотрудничества при организации учебно-воспитательного процесса младших школьников. Автор анализирует влияние специфики внеурочной деятельности на развитие навыков сотрудничества, определяет значение данных навыков в контексте социализации обучающихся и формирования коммуникативных умений, межличностного общения и т.п. В статье представлена модель формирования компетенции сотрудничества с описанием четырех структурных компонентов: мотивационного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного. На основе требований ФГОС к метапредметным и личностным результатам, автор рассматривает формы, методы и средства реализации модели в соответствии с каждым структурным компонентом, а также с учетом возрастных особенностей младшего школьника.

Ключевые слова: компетенция сотрудничества, кооперация в творческой деятельности, воспитание в коллективе, внеурочная деятельность, развитие личности, социализация, компетентный подход.

В Федеральном образовательном стандарте нового поколения особое внимание уделяется достижению обучающимися личностных результатов посредством организации внеурочной деятельности, ориентированной на духовно-нравственный идеал воспитанной личности. Компетенция сотрудничества является одним из базовых личностных результатов, так как отвечает за умение работать в команде, проявлять умение договариваться и распределять роли и ответственность, умение принимать точку зрения другого человека, добиваться командного результата.

В эпоху перемен и трансформационных процессов,

важно сформировать личностное стремление не только учиться в течении всей жизни, но и желание постоянно развивать свои личностные качества, творческие способности, что реализуется в процессах самообучения, самовоспитания, саморефлексии. Современный гражданин должен отвечать вызовам времени и уметь, оставаясь индивидуальностью и сохраняя личностные качества, работать в команде, нестандартно решать профессиональные задачи, быть квалифицированным и конкурентоспособным специалистом, востребованным на рынке труда. З.А. Андреева указала в своем исследовании, что школьное образование не только обеспечивает учащимся систематическим образованием, что само

по себе является важным фактором социализации, готовит учащихся к общественной жизни [1].

Анализируя требования общества к современному гражданину, мы приходим к выводу о необходимости и особой важности формирования компетенции сотрудничества школьников. Технология сотрудничества описана в работах таких ученых, как Л.С. Выготский, Ш.А. Амонашвили, Л.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.С. Макаренко, А.В. Сухомлинского и др. При этом, под сотрудничеством понимается совместная развивающая деятельность взрослых и детей, скрепленная взаимопониманием, совместным планированием, анализом хода и результатов этой деятельности [7]. Сотрудничество в нашем исследовании рассматривается как совместная деятельность преподавателей и обучающихся, которая характеризуется открытым взаимодействием и направлена на достижение поставленных целей коллективной творческой деятельности.

Сотрудничество всегда основано на демократичности, равноправии, равенстве субъектов. Это одна из педагогических технологий, основанных на гуманизации и демократизации образования.

С учетом специфики технологии сотрудничества, мы рассмотрели реализацию методологических подходов при организации внеурочной деятельности младшего школьника. Современная система основного общего образования выстраивается на основе трех важных методологических подходов – компетентностного, личностно-ориентированного и деятельностного.

- Компетентностный подход осуществляется во внеурочной деятельности через развитие коммуникативных навыков, умения преодолевать трудности в общении, умения взаимодействовать при выполнении групповой творческой деятельности, в умении организовать командные формы работы и т.д. Анализируя данные навыки диагностируется уровень развития компетенции сотрудничества у воспитанника.
- Личностно-ориентированный подход реализуется в учете особенностей личности каждого обучающегося (творческих способностей, характера, интересов, мотивов деятельности и т.п.), что важно принимать во внимание при организации взаимодействия и сотрудничества во внеурочной деятельности.
- Системно-деятельностный подход нашел отражение в нашем исследовании в систематизации и описания взаимосвязи компонентов модели формирования компетенции сотрудничества младших школьников. Деятельностный подход был реализован при организации мероприятий и событий внеурочной деятельности обучающихся, что предполагало активное участие детей в орга-

низации и проведении намеченных воспитательных событий. Активность ребят проявляется как на этапе составления плана внеурочной деятельности, так и в ходе организации мероприятий, а также рефлексии результатов совместной деятельности.

В ходе нашего исследования была разработана обобщенная модель формирования компетенции сотрудничества младших школьников во внеурочной деятельности (рис. 1).

Рассмотрим содержание этапов формирования компетенции сотрудничества на примере одного из коллективных дел класса - организации праздника для пожилых людей. Традиционно в каждой школе проходят подобные мероприятия, которые организуются классными руководителями и администрацией школы. С целью создания организационно-педагогических условий для формирования компетенции внутреннего (в классе) и внешнего (в социуме) сотрудничества, создавались условия для активного участия младших школьников в организации праздника.

Мотивационный этап. Сущность данного этапа заключается в создании положительного эмоционального настроения класса и определении направления и содержания предстоящего коллективного дела. Идею ребята могут предложить сами или по совету педагога определить цель, название предстоящего внеурочного события. Традиционно в школе проходят праздники для пожилых людей (ветеранов, пенсионеров) и праздничную, концертную программу могут составить сами обучающиеся. В классе важно обсудить цель и воспитательное значение данного события, подчеркнуть, как важно проявить заботу и внимание пожилым людям. Педагог может предложить придумать дизайн пригласительных билетов, афишу мероприятия, составить программу праздника с участием ребят класса. Это может быть как событие внутри класса с приглашением родственников школьников, так и общешкольный осенний праздник (1 октября в день пожилого человека). Мотивация и желание организовать праздник становится стимулом для кооперации обучающихся с целью совместной организации мероприятия с помощью классного руководителя. Подготовка и проведения внеурочного события имеет воспитательный потенциал в области формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся.

Когнитивный этап. Целевое назначение данного этапа заключается в достижении первого уровня воспитательных результатов – формирования знаний как о сущности духовно-нравственных ценностей, так и о возможностях сотрудничества ребят при подготовке и проведении праздника. Этот этап может быть реализован в форме классного часа под руководством классно-

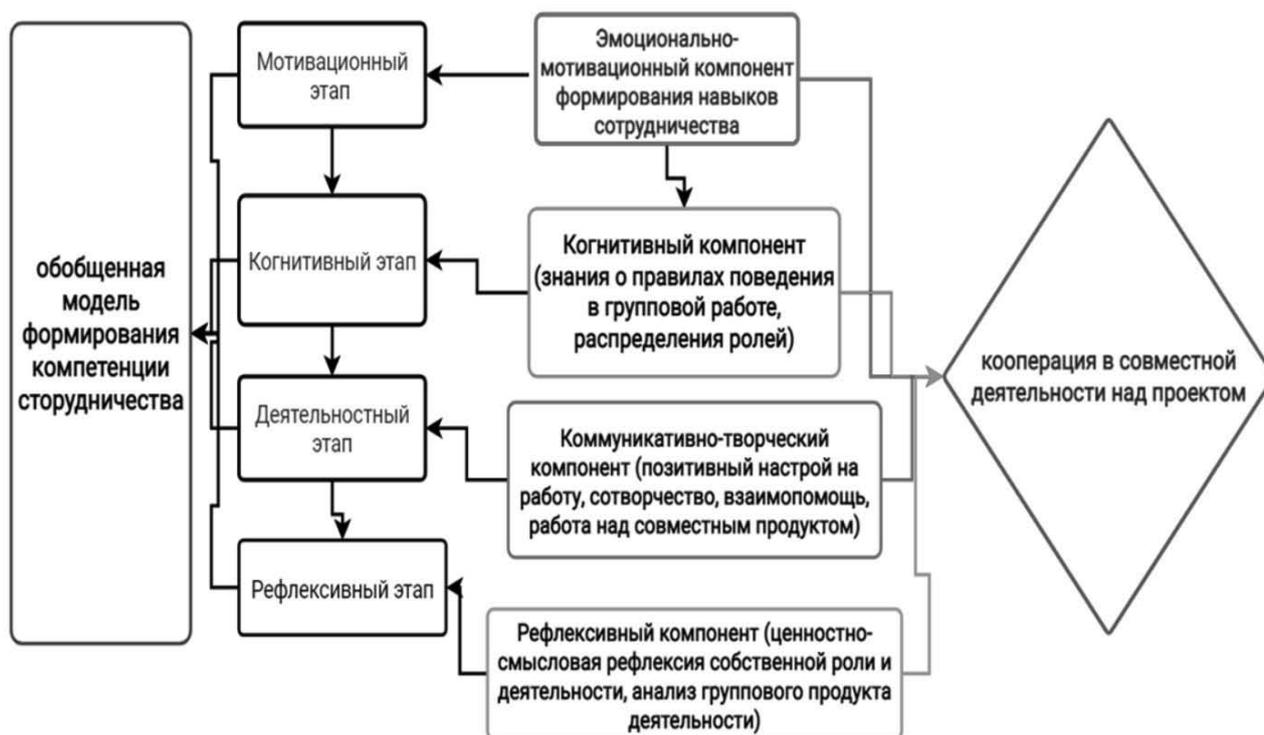

Рис. 1. Обобщенная модель формирования компетенции сотрудничества

го руководителя или беседы о важности проведения подобных мероприятий для пожилых людей. В результате у ребят возникает осознанное желание сделать доброе дело, появляются идеи по организации праздника, обозначаются этапы по подготовке и кооперации внутри коллектива сверстников, проявляются желающие по распределению обязанностей по подготовке праздника. На этом этапе мотивы деятельности наполняются содержанием и определяются пути по достижению результатов.

Деятельностный этап. На данном этапе реализуется коммуникативно-творческий компонент модели формирования компетенции сотрудничества школьников. Цель этапа: достижение второго и третьего уровня воспитательных результатов – формирование позитивного отношения к духовно-нравственным ценностям, опыта социально-значимой деятельности. Классный руководитель помогает организовать ребятам процесс подготовки к празднику, консультирует организационный комитет по составлению программы номеров и подготовке к ним, помогает утвердить дизайн пригласительных билетов, команде оформителей помогает определить идею подготовки кабинета к празднику и т.п. Важная задача педагога «быть рядом», помочь, посоветовать, поддержать ребят. Важно создать благоприятный психологический фон в коллективе, у ребят формировать желание поддержать и помочь друг другу, анализировать постепенное достижение желаемого результата коллективной деятельности. На этом этапе организуется проведе-

ние намеченного мероприятия.

Рефлексивный этап. Рефлексивный компонент модели формирования компетенции сотрудничества ориентирован на рефлексию и самооценку участия каждого школьника в организации внеурочного мероприятия класса. Рефлексия предполагает анализ успехов и неудач в организации и проведения внеклассного события, анализ личного вклада каждого в общее дело класса.

Анализируя взаимосвязь этапов и компонентов модели формирования компетенции сотрудничества, необходимо отметить их взаимосвязь и взаимовлияние с целью достижения конечного результата – формирования коллектива класса, развития кооперативного стиля совместной деятельности, формирования духовно-нравственных ценностей. На основе взаимопомощи и сотрудничества при подготовке и проведении мероприятия, у ребят формируются ценности долга и ответственности, дружбы и взаимопомощи, умения работать в команде и приходить к общему результату, а также опыт социально-значимой деятельности.

К организационно-педагогическим условиям формирования компетенции сотрудничества относятся также организация диагностики с целью определения уровня развития навыков сотрудничества младших школьников на каждом этапе реализации вышеописанной модели. В ходе нашего исследования были подобраны диагностические методики с учетом особенностей возраста млад-

ших школьников и специфики компетенции сотрудничества.

На эмоционально-мотивационном этапе, с целью определения уровня мотивации и позитивного эмоционального настроения коллектива класса, можно использовать такие диагностические методики, как Социометрия (Дж. Морено), Методика диагностики предпочтительных форм общения (по М. И. Лисиной), Социометрическая методика "Два домика" (Т.Д. Марцинковская).

На когнитивном этапе, с целью формирования умение выстроить без конфликтное взаимодействие в команде, умении кооперации в коллективной деятельности, можно использовать такие диагностические методики, как "Совместная сортировка" (Бурменская Г.В.), "Кто прав" (Цукерман Г.А.), «Лабиринты» (Е.Е. Кравцова).

На коммуникативно-творческом этапе, с целью повышения уровня общительности, умения распределить роли в совместной групповой деятельности, можно использовать такие диагностические методики, как "Ковер" (Р.В. Овчарова), Диагностика развития общения со сверстниками (Орлова И.А., Холмогорова В.М.).

На рефлексивном этапе, с целью развития умений самоанализа и рефлексии, умения анализировать эффективность сотрудничества, можно использовать такие

приемы рефлексии, как прием незаконченного предложения, "Плюс-минус-интересно", "Благодарю...", "Синквейн", таблица "ЗХУ" и другие.

Все подобранные диагностические методики и методы исследования направлены на выявление уровня общительности, коммуникативных навыков ребят, умения общаться в командных формах взаимодействия и сотрудничестве во внеурочной деятельности.

Таким образом, с помощью диагностики, педагог может осуществить педагогическое сопровождение в процессе формирования компетенции сотрудничества младших школьников при организации внеурочной деятельности.

При рассмотрении сотрудничества в контексте компетентностного подхода, можно сделать вывод о том, что сотрудничество входит в коммуникативные компетенции и способствует формированию навыков работы в коллективе, развитию умений выстраивать творческое взаимодействие, умению договариваться и решать совместные задачи.

Сотрудничество помогает формировать общекультурные компетенции и способствует социализации школьника, становлению воспитанной и творческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева З.А. Коммуникативная компетентность обучающихся на этапе перехода от младшего школьника к подростковому периоду развития / З.А. Андреева // Евразийский Союз Ученых – № 5, 2018 – С. 59-62
2. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. - М.: Учитель, 1999. - 563 с.
3. Недрогайлова Е.А. Воспитание сотрудничества - облагораживание сердец всех его участников /Е.А. Недрогайлова // Вестник Московского государственного педагогического университета, 2009. - С.81-83.
4. Организация внеурочной деятельности в начальной школе: учеб. пособие / Т.А. Колесникова, З.У. Колокольникова, О.Б. Лобанова, Т.В. Газизова, И.А. Власова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. – 144 с.
5. Русакова Т.С. Социально-педагогическая программа формирования компетенции сотрудничества молодежи в социально-культурной деятельности / Т.С. Русакова // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 5А. С. 243-251.
6. Серякова С.Б. О компетентностном подходе в образовании / С.Б. Серякова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: педагогические и психологические науки. – 2013. – № 12 (31) С. 20– 23.
7. Семенов А.В., Кисова В.В. Сотрудничество как форма инновационного развивающего обучения / А.В. Семенов, В.В. Кисова // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского, 2014, №3. - С. 186-188.

© Андреева Дарья Андреевна (officedashaandreeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Васюков Сергей Николаевич

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования Университет БРИКС (ЮниБРИКС),
г. Москва
ozik40@gmail.com

TECHNOLOGICAL WORKSHOP AS A MEANS OF FORMATION OF EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL MOTIVATION OF STUDENTS OF COLLEGES OF RAILWAY TRANSPORT

S. Vasyukov

Summary: The article examines the features of educational and professional motivation of students of colleges of railway transport. The basic requirements that apply to a graduate of a railway college are revealed. A special role and the primary place of functional literacy in the formed educational and professional motivation is highlighted. The possibility of using a technological workshop to form and increase the educational and professional motivation of students is being considered. The reflection of students of colleges of railway transport is studied as an integral part of the motivational value of students, their knowledge and activities.

Keywords: motivation, technological workshop, reflection, Railway College, educational and professional motivation.

Аннотация: В статье исследуются особенности учебно-профессиональной мотивации студентов колледжей железнодорожного транспорта. Вскрываются основные требования, которые предъявляются к выпускнику железнодорожного колледжа. Выделяется особая роль и первостепенное место функциональной грамотности в формируемой учебно-профессиональной мотивации. Рассматривается возможность применения технологической мастерской для формирования и увеличения учебно – профессиональной мотивации студентов. Изучается рефлексия студентов колледжей железнодорожного транспорта как составной части мотивационной ценности обучающихся, их познания и деятельности.

Ключевые слова: мотивация, технологическая мастерская, рефлексия, железнодорожный колледж, учебно-профессиональная мотивация.

Цель и задачи исследования – обосновать возможность формирования и роста учебно-профессиональную мотивацию студентов железнодорожных колледжей с применением технологической мастерской.

В данном исследовании определяются особенности мотивации учебно-профессиональной мотивации студентов колледжей железнодорожного транспорта. Мотивация обучаемых является важной составляющей успеваемости студентов, уже исследована и обнаружена положительная корреляция между формированием мотивирующей среды и успеваемостью студентов.

Парадигма образования характеризуется фактором важности не только традиционного принципа «формировать профессиональные знания, умения и навыки» но и принципом «формировать профессиональную компетентность» [5]. Говоря об арсенале знаний, опыта и компетенций у современного выпускника колледжа железнодорожного транспорта, следует отметить, что научно-технологическая и популярная литература

сформировала портрет выпускника железнодорожного колледжа, который должен включать в себя следующие компоненты:

- а) Владение наиболее эффективными технологическими приемами, технологиями, методами.
- б) Цифровая компетентность.
- в) Софт скилс (учитывая разные концепции, в рамках исследования предлагается воспользоваться ставшей уже классической концепцией 4К, к которой следует добавить эмоциональный интеллект как пятый элемент по формуле - 4К + EI).

Содержание и пространство технологического образования в России динамично трансформируется под влиянием современных тенденций, возможностей, внутренних ресурсов, а также стратегических факторов внешней среды. В настоящее время произошла переориентация в подготовке студента колледжа железнодорожного транспорта. В спектре формируемой учебно-профессиональной мотивации первостепенное место занимает функциональная грамотность. Под данным видом грамотности применительно к студенту железнодорожного

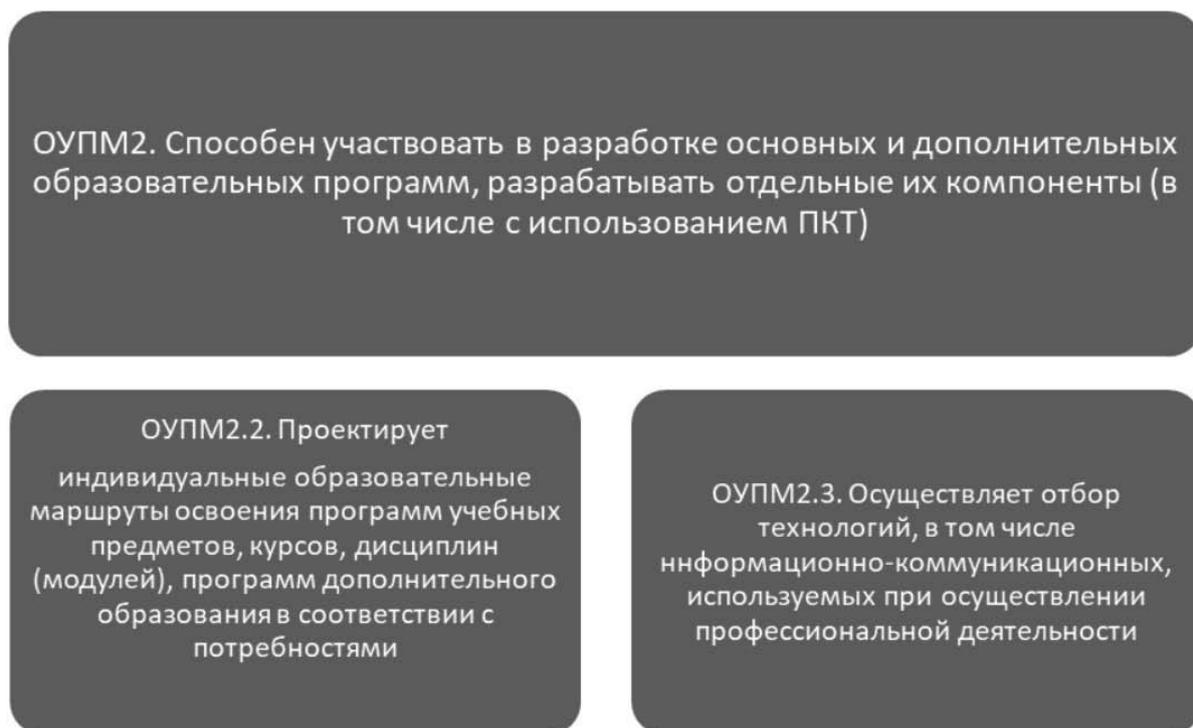

Рис. 1. Схема формирования компетенции ОУПМ2

колледжа понимается совокупность знаний и навыков, которые будут необходимы для оптимального участия человека в культурно-общественной, социально-экономической жизнедеятельности общества, а также для профессиональной деятельности. Уровень функциональной грамотности в рамках компетентного подхода отражает сформированность умений действовать по принятым в обществе нормам, правилам, инструкциям, т. е. характеризуется способностью решать стандартные и нестандартные жизненные задачи, связанные с реализацией социальных функций человека [11].

На рисунке ниже представлена схема формирования компетенции ОПК, которая содержит выборку индикаторов формирования учебно-профессиональной мотивации в соответствии с «Ядром среднего технологического образования».

Использование технологической мастерской как педагогической технологии и площадки ориентировано на развитие именно этих трех групп компетенций студента колледжа железнодорожного транспорта.

Н. И. Нагимова, Р. Р. Багаутдинов, М. А. Фахретдинова в своей работе «Развитие softskills-компетенций студента колледжа железнодорожного транспорта» отмечают следующие параметры формирования учебно-профессиональной мотивации студента колледжа железнодорожного транспорта в образовательных организациях:

- Общительный и способный эффективно общаться с преподавателями и студентами. Во время учебы он показал себя организованным и целеустремленным.
- Решение проблем, высокая моральная компетентность, креативность и инициатива, эмпатия; характеризуется целеустремленностью, ответственностью, энтузиазмом и творчеством.

По результатам опроса при анализе результатов мы обнаружили существенную разницу в сравнении до начала обучения и после первых шести месяцев по таким навыкам, как движение, управление, лидерство, способность к обучению, самораскрытие.

Определяя основы модели формирования учебно-профессиональной мотивации у студентов колледжа железнодорожного транспорта, следует обратить внимание на базовые принципы, каждый из которых успешно реализуется с помощью технологической мастерской:

- интерактивность (преобладание интерактивных и активных методов обучения);
- практико-ориентированность (нацеленность на формирование навыков и умений, необходимых в практической деятельности);
- творческий подход;
- открытость к новым идеям (подход «всегда говори «да», готовность помочь студентам в реализации любой идеи);
- открытость к экспериментам (готовность пробовать новые форматы, новые подходы, новые

Таблица 1.

Результаты опроса студентов колледжа.

	До начала обучения в колледже, 27 человек		Спустя 6 месяцев после обучения в колледже, 27 человек		Спустя 1 год обучения в колледже, 22 человека		Спустя 1,5 года обучения в колледже, 19 человек		Спустя 2 года обучения в колледже, 14 человек	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Умение слушать собеседника	20	7	19	8	20	2	19	0	14	0
Умение вести переговоры, договариваться, убеждать	22	5	22	5	21	1	17	2	13	1
Понимание невербальных сигналов и коммуникации	14	13	12	15	18	4	16	3	12	2
Самопрезентация	11	16	17	10	20	2	19	0	14	0
Умение говорить на публику	15	12	20	7	18	4	19	0	14	0
Навыки переписки, письменное общение	27	0	25	2	22	0	19	0	14	0
Умение избегать или решать конфликты	24	3	19	8	18	4	18	1	12	2
Менторство и способности обучать	26	1	20	7	22	0	19	0	14	0
Навыки менеджмента	12	15	10	17	10	12	9	10	6	8
Навыки фасилитации	17	10	12	15	11	11	11	8	8	6
Навыки эффективного делегирования	15	12	17	10	14	8	12	7	8	6
Умение создавать договоренности, союзы, соглашения	14	15	12	15	19	3	14	5	10	4
Эмоциональный интеллект	20	7	19	8	20	2	17	2	11	3
Позитивное мышление	17	10	18	9	15	7	12	5	13	1
Учтивость и вежливость	27	0	26	1	22	0	19	0	14	0
Умение проявлять дружелюбие	27	0	22	5	22	0	19	0	14	0
Стрессоустойчивость	21	6	17	10	19	3	15	4	14	0
Способности к эмпатии	27	0	22	5	21	1	19	0	14	0
Умение работать в команде	20	7	19	8	17	5	15	4	13	1
Самоорганизация	24	3	20	7	20	2	17	2	14	0

идеи – это хорошо проявляется в применяемых в Технологической мастерской подходах: от кейс-чемпионатов и «живых кейсов» до нестандартных конференций и оригинальных технологических игр);

- комплексность и системность (одно занятие может быть ориентировано на развитие различных элементов модели, например, занятие на освоение новых технологических приемов с использованием современных цифровых образовательных ресурсов);
- медийность – как активное продвижение всех работ, идей, форматов в соцсетях и СМИ.

В рамках текущего исследования предложена технологическая модель формирования учебно-профессиональной мотивации у студентов колледжей железнодорожного транспорта средствами технологической мастерской.

Педагогическая модель — это обобщенный мысленный образ, замещающий и отражающий структуру и функции конкретного технологического объекта в виде схематической совокупности понятий и взаимосвязей.

Технологии формирования учебно-профессиональной мотивации: мастер-класс, деловые (настольные, ролевые) игры, форум-театр, метод кейсов и кейс-

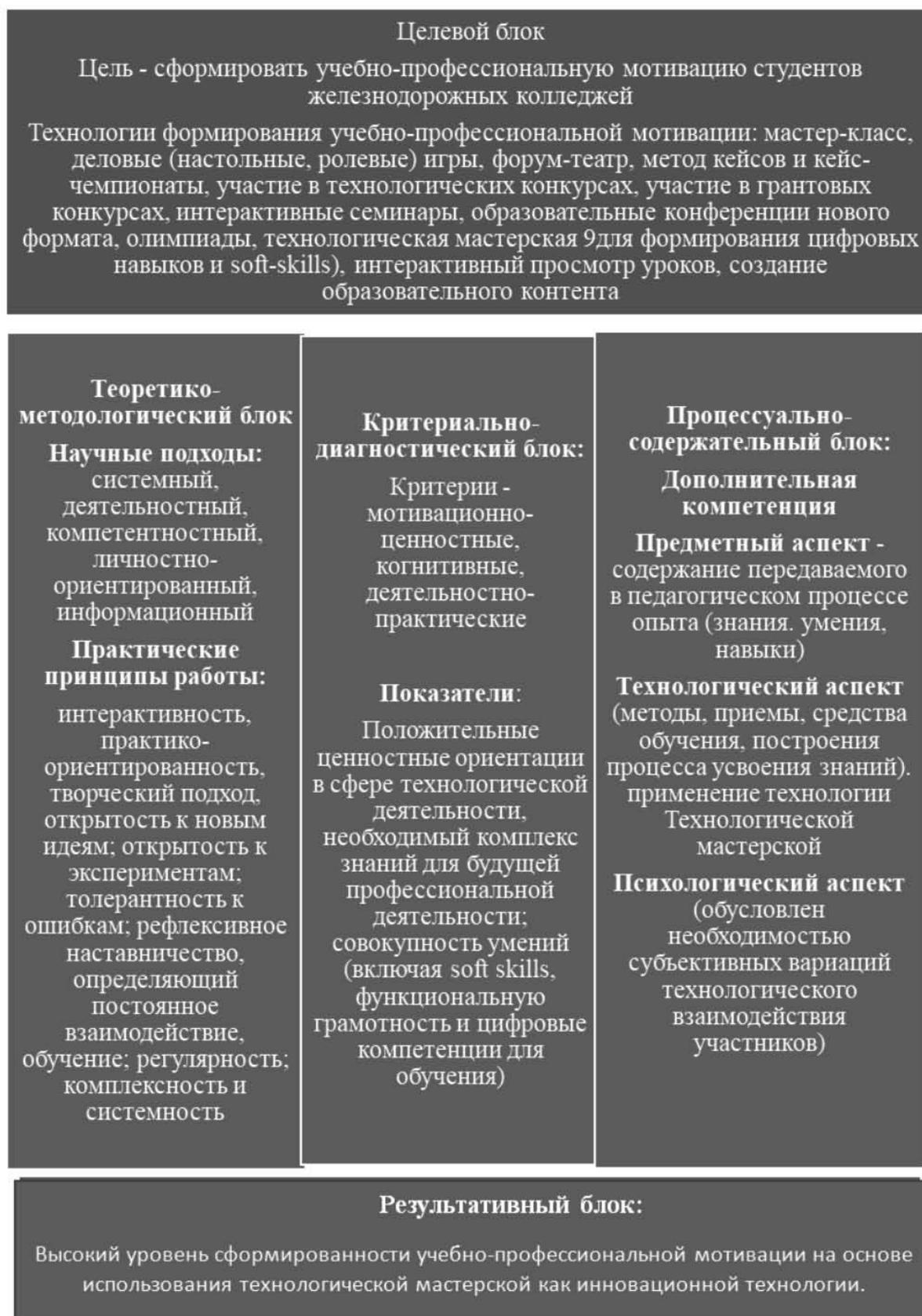

Рис. 2. Педагогическая модель формирования учебно-профессиональной мотивации у студентов колледжей железнодорожного транспорта средствами технологической мастерской

чемпионаты, участие в технологических конкурсах, участие в грантовых конкурсах, интерактивные семинары, образовательные конференции нового формата, олимпиады, технологическая мастерская (предполагает формирование цифровых навыков и soft-skills), интерактивный просмотр уроков, создание образовательного контента.

В методологической части модели представлены подходы: системный, деятельностный, компетентностный, личностно-ориентированный, информационный.

Использование принципов системного подхода (множественность, структурность и иерархичность, целостность и совместимость, ком-муникативность), выделенных Л. фон Берталанфи, И.В. Блаубергом, В.Н. Садовским и Э.Г. Юдиным [3], позволит рассматривать теоретическую модель как образец для проектирования вариативных моделей на практике.

Основные положения деятельностного подхода использовались в нашем исследовании для проектирования субъектного компонента модели.

В новых условиях развития общества и системы образования особую важность приобретает положение деятельностного подхода, которое определяет обучение как творческий процесс. Это положение стало основанием проектирования содержательного компонента и включения в него модуля «Культурно-образовательная инфраструктура», предполагающего социальное творчество педагогов и обучающихся как инструмент воспитания и развития.

В рамках личностно-ориентированного подхода (Н.А. Алексеев, Е.В. Бондаревская, Т.В. Лаврикова, В.В. Сериков, И.С. Якиманская, В.А. Сластенин и др.) образование рассматривается как создание условий для полноценного развития личности, проявляемое посредством таких функций, как избирательность, конструктивно-критическое мышление, волевая саморегуляция, смыслотворчество или построение личностной картины мира, рефлексия, стремление к самореализации, субъектность [8].

И.С. Якиманская обращает внимание на необходимость «во главу угла ставить личность ребенка, ее самобытность, самоценность, субъектный опыт каждого сначала раскрывается, а затем согласовывается с содержанием образования» [12]. Это послужило обоснованием выделения контингента обучающихся в отдельный модуль при проектировании модели.

В предложенной Е.В. Бондаревской парадигме личностно-ориентированного образования акцент делается на становление человека и обретение им индивидуального человеческого образа с помощью со-

ответствующих методов и приемов [4].

Положения личностно-ориентированного подхода позволили усилить в содержательном компоненте воспитательную и развивающую составляющие образования с целью формирования и развития у обучающихся и педагогов социальных качеств или компетентностей.

Компетентностный подход (В.А. Болотов, В.Н. Вербицкий, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Г.И. Ибрагимов, Т.Ю. Ломакина, В.В. Сериков и др.) ориентирует на конечный результат обучения, выраженный в компетенциях, и, по мнению В.В. Серикова, является высшей формой деятельностного подхода [9].

Э.Ф. Зеер отмечает, что компетентности, в отличие от обобщенных универсальных знаний, имеют действенный, практико-ориентированный характер, а смыслообразующим компонентом компетентностей являются деятельностные, процессуальные знания [6].

В контексте нашего исследования компетентностный подход и его принципы (непрерывность, профессиональная направленность, профессиональная мобильность и др.) стали основой разработки показателей таких модулей, как образовательный процесс, организационно-управленческая деятельность, кадры.

В модели также представлены практические принципы работы: интерактивность, практико-ориентированность, творческий подход, открытость к новым идеям; открытость к экспериментам; толерантность к ошибкам, определяющим принципом гуманистической педагогики является толерантность, которая рассматривается как терпимое отношение ко всем участникам учебного процесса [7]; рефлексивное наставничество, определяющий постоянное взаимодействие, обучение; регулярность; комплексность и системность.

Важное место занимает развитие познавательной деятельности студентов.

Современное образование — это процесс организации, стимулирования и управления познавательной деятельностью студентов. Согласно этой теории, в процессе обучения педагог должен уделять особое внимание развитию познавательной деятельности учащихся и стараться больше использовать ее в процессе обучения, используя инновационные технологии и интерактивные методы [1].

Далее в модели указаны критерии и показатели в рамках критериально-диагностического блока: мотивационно-ценностные, когнитивные, деятельностно-практические (таблица 2) [10].

Создание эталонов оценки параметров рефлексив-

Таблица 2.

Критерии, показатели и уровни сформированности учебно-профессиональной мотивации студентов колледжей железнодорожного транспорта на основе использования технологической мастерской как инновационной технологии.

Критерии	Критерии	Уровни сформированности		
		Высокий	Средний	Низкий
Мотивационно-ценностный	– Характер мотивации профессиональной деятельности; – Уровень оценки способности к саморазвитию и самообразованию.	– У студентов колледжей железнодорожного транспорта сформирован ясно осознаваемый внутренний мотив, устойчивое положительно-конструктивное отношение к профессиональной деятельности, сохраняющееся даже в ситуации неуспеха.	– У студентов колледжей железнодорожного транспорта внешний мотив осознается и соотносится с собственными потребностями, на основании чего формируется потребность профессиональной деятельности, саморазвития и самообразовании.	– Студент колледжа железнодорожного транспорта только внешне мотивирован, внутренняя мотивация отсутствует.
Когнитивный	– Осмысление понятия «рефлексивность»; – Осознание значимости рефлексивности в профессиональной деятельности	– Владеет знаниями о способах действия и эффективно применяет их на практике, в случае их недостачи для решения конкретной задачи, способен знания модифицировать.	– Владеет знаниями об общих способах действия, способен частично применить их для осуществления собственной деятельности.	– Владеет весьма ограниченными знаниями о способах действий для выполнения профессиональной деятельности.
Деятельностный	– Умение осуществлять рефлексивный анализ (самоанализ)	– Педагог оценивает собственные возможности и самостоятельно выстраивает новые способы действия	– Студент колледжа железнодорожного транспорта пытается оценить свои возможности до начала выполнения действий в решении новой задачи	– Студент колледжа железнодорожного транспорта не умеет оценить свои действия, отдельные операции выполняет без их внутренней связи друг с другом

ности студента колледжа железнодорожного транспорта предполагает выявление структуры и содержания компонентов рефлексивности студента колледжа железнодорожного транспорта и уровня их развития. Для рефлексии необходимо критическое мышление и умение сомневаться в наличном описании реальности [2].

Параметры указывают атрибуты модели. Рефлексия студента колледжа железнодорожного транспорта является составной частью мотивации ценности, познания и деятельности.

Метриками, оцениваемыми моделью, являются: качество в сфере воспитательной работы, набор знаний, необходимых для обучения студентов; набор навыков (включая социальные навыки, грамотность и способности к цифровому обучению).

Предметом является содержание деятельности, представленной в образовательном процессе (знания, умения и навыки). Технические аспекты (методы, приемы, инструменты, построение методики получения знаний), использование техники в учебном занятии. Психологическая ситуация обусловлена необходимостью изменения учебного взаимодействия участников.

Таким образом, согласно представленной модели, определенные в рамках исследования параметры учебно-профессиональной мотивации развиваются комплексно через использование различных современных технологий – мастер-класс, деловые-настольные-ролевые игры, форум-театр, метод кейсов, участие в технологических конкурсах, участие в грантовых конкурсах, интерактивные семинары, образовательные конференции, олимпиады, а также технологические мастерские.

Конечная цель реализации предлагаемой модели – высокий уровень сформированности учебно-профессиональной мотивации студентов колледжей железнодорожного транспорта на основе использования технологической мастерской как инновационной технологии.

Вывод

На основании выше сказанного можно сделать вывод о том, что для увеличения учебно - профессиональной мотивации студентов колледжей железнодорожного транспорта необходима дальнейшая разработка и исследование возможности использования технологической мастерской как инновационной технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыралиев, А. Сущность процесса воспитания, толерантность и компетентностный подход в обучении / А. Батыралиев, Д.А. Ташматова, Ж.Д. Абдуллаева // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 225-229. – DOI 10.33619/2414-2948/74/32. – EDN USCEXW.
2. Бекова, М.Р. Способы формирования профессиональной рефлексии у студентов / М.Р. Бекова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68-3. – С. 36-39. – EDN GDKPMС.
3. Берталанфи Л., фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования: ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 20-37.
4. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированное образование: опыт разработки парадигмы. Ростов н/Д, 1997. 28 с.
5. Гендина, Н.И. Новая парадигма образования и проблемы формирования информационной культуры / Н.И. Гендина // Информационная среда региона как условие формирования информационной культуры личности: Материалы Международной научной конференции, Самара, 27–30 сентября 1999 года / Самарская государственная академия культуры и искусств; Международная академия информатизации; Отделение информационной культуры. – Самара: Самарская государственная академия культуры и искусств, 1999. – С. 13-15. – EDN VOTMXJ.
6. Зеер Э., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23-30.
7. Самофалова, М.В. Педагогическая толерантность как основополагающий принцип гуманистической концепции образования / М.В. Самофалова, П.Д. Кондрашкина // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 91, № 2. – С. 179-183. – DOI 10.18522/2070-1403-2022-91-2-179-183. – EDN UANECG.
8. Сериков В.В. Опыт научно-технологической школы личностно-развивающего образования // Вестник Воронежского государственного колледжа. Серия: Проблемы высшего образования. 2018. № 2. С. 11-18.
9. Сериков В.В. От знания к деятельности: стратегия развития современного образования и подготовки // Вестник Калмыцкого колледжа. 2012. № 2 (14). С. 72-78.
10. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопросы психологии. – 1982. – № 1. – С. 99-104.
11. Фролова, П.И. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ понятия "функциональная грамотность" в педагогической теории и практике / П.И. Фролова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – № 1(23). – С. 179-185. – DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.179. – EDN VQBNMB.
12. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 1996. С. 32.

© Васюков Сергей Николаевич (ozik40@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ И КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВЕТЕРИНАРНЫХ ВУЗОВ ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ

Гомазков Денис Викторович

Аспирант, Московский информационно-технологический университет- Московский архитектурно-строительный институт
denis.gomazkov@yandex.ru

OBTAINING PROFESSIONAL SKILLS AND COMPETENCIES OF VETERINARY UNIVERSITY STUDENTS DURING THEIR INTERNSHIP

D. Gomazkov

Summary: In the context of global changes in the educational environment, there is a visible rethinking of teaching methods and principles in almost all areas of the educational process. Modern students, having already basic skills in computerization and informatization, navigate the educational field more successfully than the previous generation. Approaches to teaching have also changed in the field of medicine, in particular veterinary medicine. In this regard, the main difference between the modern approach and the previously applied one was the orientation of standards on the results of mastering the basic programs in the veterinary specialty through practical training. It is in practice that future veterinarians gain the necessary skills and gain experience.

Keywords: veterinary medicine, practice, students, skills, profession.

Аннотация: В условиях глобальных изменений образовательной среды происходит видимое переосмысление методик и принципов преподавания практически всех направлений учебного процесса. Современные студенты, обладая уже базовыми навыками по компьютеризации и информатизации, ориентируются в образовательной сфере наиболее успешно, чем предыдущее поколение. Подходы к преподаванию изменились и в такой сфере как медицина, в частности ветеринария. В этой связи главное отличие современного подхода от ранее применяемого стала ориентация стандартов на результаты освоения основных программ по ветеринарной специальности с помощью прохождения практики. Именно на практике будущие ветеринары получают необходимые навыки и накапливают опыт.

Ключевые слова: ветеринария, практика, студенты, навыки, профессия.

Образовательная среда на данный момент переживает серьезные изменения, обоснованные стремительным развитием технологий и внедрением информационных средств в процесс обучения. Получение новых навыков студентами в период обучения в ВУЗах становится главной задачей преподавателей. Особое внимание стало уделяться практическим занятиям, так как именно на практике студенты осваивают те навыки и знания, которые соответствуют требованиям экономики страны. Поэтому в ветеринарных ВУЗах практически 50% учебного процесса уделено именно практике.

Профессиональные, социальные и культурные проблемы и феномены ветеринарной практики в ВУЗах на данный момент являются признанными областями науки и вызывают особый интерес в исследованиях по организации образовательного процесса. Несмотря на то, что есть значительное число специальной литературы по изучаемому направлению, включая профессиональную практику и обучение на рабочем месте, все-таки остаются спорные вопросы, касающиеся изучения современных проблем в животноводстве и болезнях [2].

Знания и умения студентов как будущих ветеринарных врачей основываются на получении навыков профессионализации и идентичности. И это ключевой феномен ветеринарной практики. Этот феномен включает в себя междисциплинарную теоретическую основу на базе практических занятий.

Важность приобретения профессиональной идентичности студентами придает значение опыту такого рода вузовской практики, особенно посредством повествования и диалога между студентом и наставником. Эта теоретико-практическая база для ветеринарной практики и развития профессиональной идентичности будущих ветеринаров предоставляет богатые возможности для понимания, исследования и применения различных видов деятельности и явлений, особенно обучения, развития и изменений в рамках формального образования и за его пределами.

Как известно, ветеринарная сфера в первую очередь связана с контролем здоровья у самых разных видов животных. Это проявляется в повсеместном взаимодействии между людьми и животными, которое связано с

одомашниванием широкого спектра видов для различных целей, таких как производство продуктов питания, клетчатки, рабочей силы, экономической безопасности. Поэтому в условиях современных глобальных изменений возникают серьезные трудности, отражающие некую неопределенность и специфику возможных заболеваний [4].

В условиях сложности будущие ветеринарные врачи смогут решать возникающие проблемы в животноводстве. Студенты на практике получают необходимую информацию как коллективно, так и индивидуально, что позволяет им воспринимать последствия сверхсложности через свой опыт изменений, включая прогресс в технологиях и знаниях, демографические и политические сдвиги, глобализацию сельскохозяйственных рынков, а также экологические и климатические изменения.

Одной из важнейших и основополагающих современных компетенций студентов-ветеринаров является получение навыка профессионализации. Этот термин подразумевает, что студенту прививается интерес к профессии и формируются необходимые знания по избранной специальности.

Процессы профессионализации прослеживают различные траектории в географических, политических и культурных средах. Признание в качестве профессии ветеринара приносит значительные преимущества, такие как общественный статус, экономическое вознаграждение, притязания на самоопределение и надежность, что, по сути своей, является назначением, к которому следует стремиться в процессе обучения и прохождения практики.

Студенты во время прохождения практики учатся взаимодействовать в первую очередь с животными, так как это требует специальных навыков и понимания языка животных. Ведь еще с древних времен связь между человеком и животным стала устоявшейся чертой взаимоотношений, но вместе с этим ее характеристики меняются по мере изменения общества.

В современном развитом мире ветеринары несут огромную ответственность по отношению к животным, находясь при этом на стыке науки о защите животных, кодифицированной нормативной базы и этических соображений, касающихся ответственности перед другими людьми. В результате этого ветеринары выполняют свою повседневную работу в сложном и противоречивом философском аспекте, имеющем конкретные последствия для их практики. Поэтому студентов на занятиях также подготавливают к будущей профессии, исходя из знаний этических, моральных и правовых норм. Так как знание действующего законодательства является основой для

начала самостоятельной деятельности ветеринара [1].

Нормативные акты, регулирующие ветеринарную практику и содержание животных, создают условия, в которых ветеринары обязаны соблюдать баланс интересов человека и животных в конкретных ситуациях, а также консультировать и принимать соответствующие меры. Поэтому на практике студенты совместно с наставниками учатся данным правилам и принятию соответствующих решений в той или иной ситуации.

Еще одной важной компетенцией, которую можно освоить на практике, является профессиональная идентичность студентов, будущих ветеринаров. В ветеринарной профессии профессиональная идентичность начинает проявляться как тема, представляющая исследовательский интерес, причем наиболее устойчивое научное участие принадлежит исследователю Э. Армитидж-Чан и ее коллегам. Автор фокусируется на профессиональной идентичности с целью информирования студентов о разработке учебных программ по ветеринарии, придерживаясь позиции, что учебная программа, основанная на развитии профессиональной идентичности, обещает способствовать повышению удовлетворенности карьерой в дальнейшем и улучшению психического здоровья в ветеринарной профессии [6].

Исследования Э. Армитидж-Чан изучались не только студентами, но и дипломированными ветеринарами, которые приняли участие в нарративном исследовании (форма качественного исследования, возникшая в области управленческой науки, а позже также развившаяся в области управления знаниями, которая разделяет сферу управления информацией). И здесь важно сформировать сочетание моральных взглядов отдельного ветеринара, профессиональных приоритетов и ценностей при принятии решений в ветеринарной практике [5].

В процессе нарративного исследования было выделено два типа профессиональной идентичности, в которых участники рассказывали о своем практическом опыте. Первый тип, который доминировал в их самом раннем практическом опыте, была идентичность, ориентированная на диагностику [6].

Другой же тип профессиональной идентичности в большей степени ориентируется на то, чтобы решить сложные задачи без применения технических средств, основываясь на теоретических знаниях и умениях.

Исследователь в итоге сделала предположение о том, что идентичность первого типа, которая ориентирована на диагностику, была смоделирована на основе ролевой модели академического клинициста, ранее определенной в рамках профессии врача.

Студенты на последних курсах обучения в ветеринарных ВУЗах получают более узкие навыки, которые связаны уже с подготовкой материала для проведения различных бактериологических, серологических и вирусологических исследований. Они проводят на практике зоогигиенические оценки содержания сельскохозяйственных животных, учатся проводить также клинические и лабораторные методы исследования больных животных с целью постановки диагноза животным. Кроме этого, в последние годы обучения студенты получают хороший опыт по осуществлению природоохранных мероприятий в животноводстве и ветеринарии.

На базе специальных ветеринарных учреждений студенты в процессе прохождения практики закрепляют теоретические и практические знания о роли микроорганизмов, которые принимают непосредственное участие в порче сельскохозяйственного сырья, использующего для производства различных изделий и полуфабрикатов, консервов; сырья для производства молочных, яичных, рыбных и морепродуктов, а также кормов. Кроме этого, студенты получают навыки по товароведению и экспертизе сырья животного происхождения и учатся ориентироваться в вопросах предотвращения заражения людей и животных микроорганизмами, вызывающими различные заболевания бактериальной и грибковой этиологии [3].

Если студенты проходят практику на базе фермерских хозяйств, то здесь они изучают и описывают состояние окружающей среды, изучают сам фермерский комплекс, учатся благоустраивать территорию, оценивают санитарное состояние, технологическое оборудование.

Стоит сказать также, что за последние несколько лет в условиях быстро меняющейся информационной среды и глобализации была утверждена новая система ветеринарных компетенций для студентов, которая состоит из семи областей, не отличающихся от списка аспектов профессиональной жизни. К ним относятся:

- коммуникация,
- сотрудничество,
- здравоохранение и социальное обеспечение,
- профессиональное развитие,
- предпринимательство,
- ветеринарная экспертиза,
- стипендия [3].

Коммуникативный навык играет особую роль при выборе карьеры ветеринарного врача, так как специалист находится в режиме постоянного взаимодействия с клиентами клиник и ветеринарных учреждений. Данный навык необходим для общего успеха в профессиональной жизни ветеринара. Ведь межличностное общение тесно связано с чувством идентичности человека и уровнем уверенности в себе. Поэтому моделирование работы

с клиентами сейчас включено в учебно-практическую программу на различных уровнях, совместимых с уровнем медицинских знаний студентов.

В целом можно сказать, что существует набор базовых компетенций и определенные профессиональные навыки, которыми выпускники ветеринарных вузов должны получить к началу своей профессиональной карьеры (таблица 1).

Таблица 1.

Общие и профессиональные компетенции [4]

Код	Наименование результата обучения
ПК 1.1	Обеспечивать оптимальные зоогигиенические условия содержания, кормления и ухода за сельскохозяйственными животными
ОК 1	Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес
ОК 2	Организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество
ОК 3	Принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них ответственность
ОК 4	Осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личного развития

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что в ветеринарной сфере, наряду со специфическими навыками, студенты должны научиться коммуникативной компетентности, критическому мышлению, визуальному мышлению, умению работать в команде, навыкам использования информационных технологий. Также современные врачи-ветеринары должны иметь социальный интеллект, межкультурные способности. Все эти навыки являются базовыми и помогут будущим ветеринарам освоить свою профессию.

В целом профессия ветеринара основана на научном мировоззрении, которое хорошо послужило прогрессу в области клинической помощи. Однако, чтобы понять и изучить данное направление, необходимо расширять, обогащать свои навыки.

Профессиональные практики привносят свое собственное уникальное сочетание опыта, склонностей и способностей, а студенты, в свою очередь, сталкиваются с новыми и специфическими практическими ситуациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куламихина И.В., Бойко М.Г. Факторы формирования профессионально-коммуникативной идентичности ветеринаров в процессе профессиональной подготовки. Омск. 2022 – С. 152-157.
2. Марчукова Ю.И., Ключевые характеристики и факторы формирования субъектно-профессиональной идентичности курсантов на этапе адаптации в образовательной организации МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 209-214.
3. Мусихина Н.И. Формирование профессиональной компетентности студента посредством использования практико-ориентированных подходов к процессу обучения. С. 2021 – 52 с.
4. Шталева Н.Р. Формирование коммуникативной компетентности будущих ветеринарных врачей посредством учебной биофизической конференции.
5. Armitage-Chan E.A., May S.A. Developing a professional studies curriculum to support Veterinary professional identity formation // Journal of Veterinary Medical education. 2018. No. 45 (4). P. 489–501.
6. Armitage-Chan E. Best practice in supporting professional identity formation: use of a professional Reasoning framework // Journal of Veterinary Medical education. 2020. No. 47 (2). P. 125–136.

© Гомазков Денис Викторович (denis.gomazkov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ОНЛАЙН ОБРАЗОВАНИИ И ЕГО РОЛЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

PEDAGOGICAL IMPORTANCE OF CREATIVE THINKING IN ONLINE EDUCATION AND ITS ROLE IN THE DIGITAL SPACE

**A. Eferova
I. Pavlova
A. Kudasheva
S. Fedortsova
I. Pavlova**

Summary: Creative thinking in online education refers to the ability of educators and students to approach teaching and learning in a virtual environment through original, innovative, and unconventional methods. This includes applying original and unique ideas to improve the educational experience, encourage critical thinking, problem solving and student engagement, and create new solutions to educational challenges. It's also worth noting that creative thinking is not limited to just the arts or creative fields; it is a valuable skill in various aspects of life, including problem solving in business, engineering, science, and everyday decisions. It can lead to great innovations, artistic creations, and new approaches to complex issues. Developing critical thinking involves encouraging curiosity, embracing uncertainty, and creating an environment that supports risk-taking and exploration of new ideas.

Creative thinking in online education is important today because it gives students the opportunity to move beyond outdated approaches, adapt to rapidly changing technological and pedagogical innovations, and develop important 21st century skills. This allows educators to use technology and innovation in the educational process to create engaging, dynamic and adaptive learning environments that accommodate the diverse needs and learning styles of students.

Thus, creative thinking is a cognitive process that involves generating original and imaginative ideas or solutions to problems. It involves breaking away from traditional thinking and approaching problems with an open, investigative mind. Creative thinking includes the ability to think divergently, create new connections, and consider multiple perspectives to develop innovative solutions or unique concepts.

Keywords: creative thinking, critical thinking, online education, digitalization of education, digital space.

Ефферова Аделя Рафиковна

Кандидат педагогических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)
earkov@list.ru

Павлова Ирина Николаевна

Старший преподаватель, Оренбургский государственный университет
Raptanova@rambler.ru

Кудашева Александра Алексеевна

Методист, педагог дополнительного образования, Школа «РобоПолигон» (ООО «Центр «Снейл») (г. Омск)
anatskevich@gmail.com

Федорцова Светлана Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)»
fedorcova@mail.ru

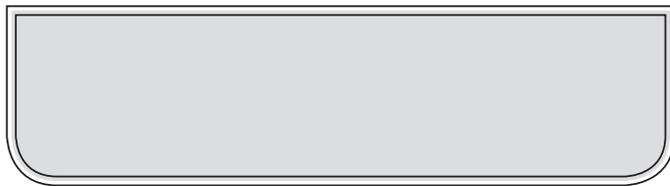
Павлова Ирина Викторовна

Кандидат химических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет
ipavlova@list.ru

Аннотация: Креативное мышление в онлайн-образовании относится к способности педагогов и студентов подходить к преподаванию и обучению в виртуальной среде с помощью оригинальных, инновационных и нетрадиционных методов. Это включает в себя применение оригинальных и уникальных идей для улучшения образовательного процесса, поощрения критического мышления, решения проблем и вовлечения студентов, а также создания новых решений для образовательных вызовов. Также стоит отметить, креативное мышление не ограничивается только искусством или творческими областями; это ценный навык в различных аспектах жизни, включая решение проблем в бизнесе, инженерии, науке и повседневных решениях. Оно может привести к великим инновациям, художественным творениям и новым подходам к сложным вопросам. Развитие критического мышления включает в себя поощрение любознательности, принятие неопределенности и создание среды, которая поддерживает принятие риска и исследование новых идей.

Что касается креативного мышления в онлайн-образовании, то оно является важным в наше время, так как дает студентам возможность выходить за рамки устаревших подходов, приспосабливаться к быстро меняющимся технологическим и педагогическим инновациям и развивать важные навыки 21 века. Это позволяет педагогам использовать технологии и инновации в образовательном процессе для создания интересной, динамичной и адаптивной обучающей среды, учитывающей разнообразные потребности и стили обучения студентов.

Таким образом, креативное мышление — это познавательный процесс, который заключается в генерации оригинальных и фантазийных идей или решений задач. Оно предполагает отказ от традиционного мышления и подход к проблемам с открытым, исследовательским умом. Креативное мышление

включает в себя способность думать дивергентно, создавать новые связи и рассматривать множество точек зрения для разработки инновационных решений или уникальных концепций.

Ключевые слова: креативное мышление, критическое мышление, онлайн образование, цифровизация образования, цифровое пространство.

В современном цифровом мире креативное мышление в образовании стало одной из важных развивающихся концепций, которая подчеркивает развитие ключевых навыков и установок, необходимых для успеха в современной среде [5, с. 104; 6, с. 92]. Оно побуждает учащихся думать не только с применением запоминания и стандартных методов решения задач, но и развивать инновации, адаптивность и способность генерировать новые решения сложных задач в соответствии с учетом потребностей развития «цифровой» экономики, цифрового гражданства, инновационного и креативного предпринимательства, научных возможностей, новых потребностей и вызовов страны и мира [16, с. 458]. Креативное мышление — это способность генерировать уникальные и оригинальные идеи, подходы или решения проблем, отходя от общепринятых мыслительных шаблонов и исследуя новые возможности и перспективы. Это включает использование воображения, интуиции и латерального мышления для создания инновационных и нестандартных идей. Сущность креативного мышления заключается в личностной значимости, поскольку его формирование связано с развитием качеств и свойств личности [2, с. 22]. Креативность, как личностная характеристика, способствует саморазвитию в различных областях [1, с. 38], включая медицину [14, с. 229], искусство [3, с. 31; 12, с. 33], науку [13, с. 21], бизнес [7, с. 421] и образование [10; 18]. Создание педагогических условий, способствующих развитию творческого мышления в онлайн-образовании, крайне важно для помощи студентам раскрыть свой творческий потенциал [4, с. 138].

В данной статье мы постараемся проанализировать, как креативное мышление влияет на онлайн образовательный процесс и его значительную роль в нем. В современном, быстро развивающемся образовательном ландшафте роль креативного мышления приобрела большое значение не только в образовательном контексте, но и в решение конфликтных ситуаций [19, с. 207]. Рассмотрим некоторые ключевые педагогические условия, которые способствуют развитию креативного мышления в онлайн-обучении:

1. Четкие цели обучения, где есть необходимость определить цели и результаты обучения курса. Когда студенты знают, что от них ожидается, они могут подходить к своим заданиям и активностям с творческим подходом. При этом есть возможность предоставить студентам определенную степень автономии в их обучении. Позволить им выбирать

темы, проекты или задания, которые соответствуют их интересам и желаниям, предоставив свободу исследования и творчества [15, с. 890].

2. Открытые вопросы, которые требуют наличие критического мышления и креативного поиска решений. Эти вопросы могут подстегнуть любопытство и творчество. Здесь есть постоянная необходимость широкого спектра учебных ресурсов, включая видео, статьи, подкасты и интерактивный контент. Это разнообразие может вдохновить творчество, предоставив студентам разные точки зрения и форматы [17, с. 1525].
3. Возможности для совместной работы, где преподаватель поощряет взаимодействие, создавая возможность для студентов работать вместе над проектами, участвовать в групповых обсуждениях и учиться, основываясь на разных точках зрения. Тем самым – обучая студентов предоставлять регулярную обратную связь и возможности для рефлексии об их учебном опыте. Поощрять их критически мыслить о своем прогрессе и о креативных решениях, которые они разработали. Не стоит забывать, что существуют гибкие и разнообразные методы оценки. Не стоит только полагаться на традиционные экзамены, которые выявляют прогресс учащихся, но и включать оценки, требующие творческого выхода, такие как проекты, портфолио или презентации [11, с. 43].
4. Прикладное обучение в реальном мире: подчеркнуть практическое применение знаний и навыков. Поощрять студентов работать над проектами, которые имеют реальное значение в реальном мире и требуют креативного поиска решений. Одним из способов такого поощрения служат инновации и эксперименты. Создание безопасного пространства, в котором студенты могут рисковать, пытаться найти новые подходы и извлекать уроки из неудач без страха перед осуждением. Также важно создать поддерживающую и инклюзивную онлайн-обучающую среду, в которой студенты чувствуют себя комфортно, делая это местом, где они могут свободно делиться своими идеями и выражать себя творчески. Использование технологий является неотъемлемой частью успеха в творческом подходе. Использование различных технологий для улучшения творческого образовательного опыта и внедрение интерактивных инструментов, виртуальных симуляций и цифровых

платформ для совместной работы благоприятно скажется на самом процессе обучения [9, с. 59].

5. Наставничество и руководство: предоставление наставничества и руководства может помочь студентам развивать свои навыки творческого мышления. Опытные педагоги могут предложить советы и рекомендации по креативному решению проблем, выделяя время для исследования и обучения, основанного на любопытстве. Не менее важно позволить студентам глубже погрузиться в темы, которые их интересуют, даже если эти темы не являются частью официальной учебной программы [8, с. 18].
6. Рефлексия о этических и социальных аспектах: процесс осознания и анализа важности этики и социальных норм в контексте образования. Он включает в себя размышления о том, как образовательные практики могут влиять на социальные и этические проблемы, такие как дискриминация, неравенство, насилие, экологические проблемы и т.д. Рефлексия также может помочь участникам образовательного процесса лучше понимать свои собственные ценности и убеждения, а также улучшить коммуникацию и межличностные отношения в рамках образовательного сообщества. Поощрять студентов критически мыслить о этических и социальных аспектах своих креативных решений, что способствует ответственному и сознательному творческому мышлению [14].
7. Культивация ментальности роста: процесс развития у учащихся убеждения в том, что их интеллектуальные способности и способности к обучению могут быть развиты и улучшены через усилия и настойчивость [6, с. 94]. Вместо того, чтобы считать свои способности неизменными и фиксированными, учащиеся с ментальностью роста видят свои неудачи как возможность для улучшения и роста. Это позволяет им быть более открытыми к новым знаниям и опыту, более настойчивыми в достижении своих целей и более уверенными в своих способностях. Культивация ментальности роста

является важным аспектом образования, который помогает учащимся достигать больших успехов в учебе и в жизни в целом. Необходимо существенно поощрять ментальность роста, которая подталкивает студентов верить в свою способность развивать свои навыки творческого мышления через усилия и настойчивость [10].

Создав такие педагогические условия, педагоги могут помочь студентам не только усвоить знания, но и развить свои навыки творческого мышления. В целом творческое мышление в образовании является неотъемлемой частью подготовки учащихся к будущему, которое требует не только крепкой базы знаний, но и способности адаптироваться и вносить вклад в общество в значимом смысле. Оно поощряет всесторонний подход к обучению, который выходит за пределы традиционного класса и включает в себя более широкое развитие навыков и установок, которые будут полезны учащимся как в их личной, так и профессиональной жизни.

В свою очередь, стоит отметить, что креативное мышление может помочь преподавателям создать индивидуальный подход к каждому студенту, учитывая его потребности и уровень знаний. Это может быть особенно полезно для студентов, которые имеют разные навыки и потребности.

Кроме того, креативное мышление дает уникальную возможность преподавателям создать интересную и мотивирующую обучающую среду, которая поможет студентам сохранять интерес к изучаемому предмету на протяжении всего курса. Это может быть особенно важно для тех студентов, которые начинают терять интерес к предмету из-за сложности материала или отсутствия мотивации. В заключение, стоит отметить, что креативное мышление в онлайн образовании является необходимым инструментом для преподавания в различных сферах, который помогает создать эффективную и интересную обучающую среду, а также индивидуальный подход к каждому студенту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ применения мезодиаэнцефальной модуляции в коррекции стрессовых нарушений / А.В. Юмашев, В.А. Павлов, О.И. Адмакин [и др.] // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2016. – № 12. – С. 38-48. – EDN YHPTGD.
2. Арябкина И.В., Алферьева-Термсинос В.Б. Креативное мышление младших школьников как составляющая функциональной грамотности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2023. – № 1. – С. 21-25.
3. Бочкина, Е.В. Влияние социально-исторического контекста на формирование представлений о цикличности пространственно-временных процессов детей дошкольного возраста / Е.В. Бочкина // Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 марта 2021 года. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2021. – С. 31-33. – EDN CNREXG.
4. Бочкина, Е.В. Основные компоненты образовательной концепции «life-long learning» / Е.В. Бочкина // Эпоха науки. – 2023. – № 34. – С. 138-142. – DOI 10.24412/2409-3203-2023-34-138-142. – EDN CQSQAM.

5. Ефорова, А.Р. Формирование критического мышления студентов технического вуза как актуальная педагогическая задача в смыслопоисковом обучении / А.Р. Ефорова // Системный подход в вопросах формирования молодежной политики со стороны общества и государства: Труды Всероссийской научно-практической конференции, Свободный, 25–26 марта 2010 года. Том 2. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2010. – С. 104–107. – EDN VUSZPP.
6. Ефорова, А.Р. Формирование критического мышления студентов технического вуза на занятиях по иностранному языку / А.Р. Ефорова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 7(51). – С. 92–95. – EDN MVITFJ.
7. Обухова, Н.И. Ценностно-мотивационные ориентации работников образовательных организаций в условиях неопределённости: эмпирический анализ / Н.И. Обухова // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 421–429. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-5-421-429. – EDN UEQTMH.
8. Обухова, Н.И. Эмпирический анализ ценностно-мотивационных ориентаций работников образовательных организаций в условиях неопределённости / Н.И. Обухова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 18–26. – DOI 10.35634/2587-9030-2023-7-1-18-26. – EDN HVUGMW.
9. Основные принципы реализации компетентного подхода в инклюзивной образовательной среде / Н.Л. Харченко, Н.В. Кузнецова, И.Ю. Багдасарова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1-2. – С. 59–63. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.01-2.31. – EDN PDTPSG.
10. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018615562 Российская Федерация. Контент электронного курса по учебной дисциплине высшего образования «Иностранный язык (английский) для направления подготовки «Социальная работа»: № 2018612718: заявл. 21.03.2018: опубл. 10.05.2018 / С.Н. Курбакова, М.А. Ганюшина, А.Р. Ефорова, Н.С. Варфоломеева; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет». – EDN DORLOE.
11. Сунами, А.Н. Выражение риск-рефлексов через формирование дискурса вражды в медиасфере / А.Н. Сунами, Г.А. Труфанов // Конфликтология. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 43–57. – DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-4-43-57. – EDN ZEXXAG.
12. Томин, В.В. О проблемах машинного перевода научно-технического текста в информационном поле кросс-культурного взаимодействия / В.В. Томин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 1(176). – С. 33–39. – EDN TWQXXL.
13. Усов, С.С. Формирование компетенции академического иноязычного общения студентов-магистрантов языковых специальностей / С.С. Усов, Е.В. Глухова // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: сборник материалов V международной научно-практической конференции (шифр -МКАА), Москва, 27 февраля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 21–25. – EDN PEQJCG.
14. Ensuring The Quality of Healthcare Services in Medicine and Dentistry: The Role of Medical Education, Regulatory Requirements and Effective Practices / K.S. Seitkazina, M.M. Burzakhanov, A.V. Yumashev [et al.] // Journal of Complementary Medicine Research. – 2023. – Vol. 14, No. 3. – P. 229–232. – DOI 10.5455/jcmr.2023.14.03.37. – EDN WYKIJZ.
15. Gushchin, A., Divakova, M., Trends of E-education in the context of cybernetics laws. Procedia-Social and Behavioral Sciences 214 (2015), 890–896.
16. Gushchin A. «To teach learning...» or on the culture of thinking of today's students // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 214. – P. 457–464.
17. Professional Development of Rural Teachers Based on Digital Literacy / H. Soekamto, I. Nikolaeva, A.A.A. Abbood [et al.] // Emerging Science Journal. – 2022. – Vol. 6, No. 6. – P. 1525–1540. – DOI 10.28991/ESJ-2022-06-06-019. – EDN MNMFDG.
18. Psychological and Pedagogical Aspects of Increasing the Educational Process Efficiency in a University for Specialists in the Field of Physical Education and Sport / I. P. Gladilina, A.V. Yumashev, T.I. Avdeeva [et al.] // Espacios. – 2018. – Vol. 39, No. 21. – P. 11. – EDN XNAYGT.
19. Trufanov, G.A. Governmental control over information distribution as a basis of the social conflict / G.A. Trufanov // Конфликтология. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – P. 207–221. – EDN SMRPDE.

© Ефорова Аделя Рафиковна (earkov@list.ru), Павлова Ирина Николаевна (Raptanova@rambler.ru),
Кудашева Александра Алексеевна (anatskevich@gmail.com), Федорцова Светлана Сергеевна (fedorcova@mail.ru),
Павлова Ирина Викторовна (iravlova@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Захарова Ирина Рудольфовна

Старший преподаватель, Военно-медицинская академия
им. С.М. Кирова, (г. Санкт-Петербург)
irina-schessler@mail.ru

PRAGMATIC DOCUMENTS AND THEIR ROLE IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

I. Zakharova

Summary: The qualification level of foreign language school graduate has to be extremely high according to the modern society. Students have to be proficient, they have to know not only the system of the language, but also how it is functioning, different speech communication tools and also they have to specialize in the field of cross-cultural communication. This requires knowledge of modern approaches to the strategies and policies in the field of intercultural communication. A person is surrounded by a lot of different texts nowadays. On the one hand, such a text presents features of functioning of foreign language, on the other hand, it indicates cultural identity, traditions and daily behavior. There is a need for learning process arranging to facilitate the text perception as a product of culture in order to cultivate students' abilities to organize intercultural communication.

While recognizing the pragmatic and cultural value of foreign language learning, attention is focused on the source of certain typology of the texts that service everyday communication – pragmatic texts. The aim is to identify methodological potential of pragmatic texts while learning German language within the school curriculum.

Keywords: text, pragmatics, pragmatic text, ads, Internet texts, document, authenticity, informativeness, situationality.

Аннотация: Современное общество предъявляет высокие требования к уровню подготовки выпускников школ по иностранному языку. Учащийся должен практически владеть системой изучаемых иностранных языков, знаниями ее функционирования применительно к различным сферам речевой коммуникации, а также быть способным осуществлять общение на межкультурном уровне. Это предполагает владение комплексом умений, которые обеспечивают успешность межкультурного взаимодействия. Человека окружает большое разнообразие текстов. Такой текст презентует, с одной стороны, особенности функционирования иностранного языка, а с другой стороны, информацию о национально-культурной специфике народа, его культурных традициях и повседневном поведении. Возникает необходимость организовать процесс обучения восприятия разнообразных текстов как продукту культуры с позиции формирования у учащихся способности к организации межкультурного общения.

В условиях осознания прагматической и культурной ценности обучения иностранным языкам внимание концентрируется на определенной типологии текстов, которые обслуживают повседневную коммуникацию – прагматических текстах. Целью работы является определение методического потенциала прагматических текстов в процессе обучения немецкому языку в рамках школьной программы.

Ключевые слова: текст, прагматика, прагматический текст, реклама, интернет-тексты, документ, аутентичность, информативность, ситуативность.

I. Прагматические документы

Изначально необходимо указать, что *каждый текст* обладает *прагматическим потенциалом*. Ведь, как утверждает В.Н.Комиссаров, всякий текст является коммуникативным, т.е. содержит некоторое сообщение, передаваемое от Источника к Рецептору, какие-то сведения (информацию), которые должны быть извлечены из сообщения Рецептором, поняты им. Воспринимая полученную информацию, Рецептор тем самым вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые *прагматическими отношениями*. Такие отношения могут иметь различный характер. Они могут иметь преимущественно интеллектуальный характер, когда текст служит для Рецептора лишь источником сведений о каких-то фактах и событиях, его лично не касающихся и не представляющих для него большого интереса. В то же время полученная информация может оказать на Рецептора и более глубокое воздействие. Она может затронуть его чувства, вызвать определенную эмо-

циональную реакцию, побудить к каким-то действиям. Способность текста производить подобный коммуникативный эффект, вызывать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации, называется *прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом (прагматикой) текста*. [3] Б.А. Зильберт пишет о том, что прагматический аспект включает в себя отношение создателя текста к тому, что и как он создаёт, социальную и ситуативную обусловленность текста, интерпретацию текстов получателем, проблемы речевого воздействия, убеждения и т.п. В таком понимании прагматика смыкается с теорией коммуникации, для которой текст представляется как зафиксированное в языковой форме течение мыслей с темой и коммуникативной интенцией. [2]

Прагматические тексты – тексты, которые относятся к сфере нехудожественной коммуникации, массовой коммуникации и характеризуются функциональностью,

практичностью, регуляцией в плоскости предметно-объектной среды.[1] Таким текстам свойственно практически полное совпадение прагматической установки текста и прагматической установки автора. К этой категории относится большое количество текстов информационного, регулятивного, инструктирующего характера, которые окружают человека в сфере его социальной активности. В соответствии с доминирующим способом воздействия на адресата предложена следующая типология прагматических текстов:

- а) *информативно-репрезентативные* (меню, вывески, таблички информационного характера, объявления, справочные материалы, программы, расписания, прогноз погоды, астрологический прогноз, афиша, план, карта, схема и т.д.);
- б) *инструктивно-директивные* (инструкции по использованию предметов, по соблюдению правил поведения, кулинарные рецепты, вывески, указатели инструктирующе-директивного характера, инструктирующий путеводитель по музею и т. д.);
- в) *убеждающе-воздействующие* (реклама, афиша, анонс, этикетка с рекламным компонентом, текст гида, текст путеводителя и т.д.);
- г) *документальные* (удостоверения личности, медицинского страхования, водительское удостоверение, свидетельство о рождении, документ об образовании (диплом, аттестат, свидетельство), финансовый документ (чек, квитанция) и т.д). [4]

Определение типа текста в процессе обучения чтению прагматических текстов облегчают понимание цели коммуникации, поставленной автором того или иного источника.

Анализ структурно-лингвистических параметров прагматических текстов выявил, что такие тексты имеют специфические особенности на композиционном, синтаксическом, грамматическом и лексическом уровнях. Сами тексты характеризуются: логичностью; конкретностью; эксплицитностью презентации информации; наличием национально-маркированной лексики; стереотипностью синтаксических и грамматических конструкций в зависимости от типа текста.

Согласно данной классификации, мы можем утверждать, что интересующие нас прагматические документы (тексты), относятся к разным типам по своему воздействию на реципиента:

1. **Объявления** являются *информационно-репрезентативными* текстами, которые доводят информационный текст до сведения реципиента. Реципиент волен сам выбирать, воспользуется ли он данной информацией или оставит её без внимания.
2. **Вывески** являются примером различных типов воздействия на реципиента. Они могут быть как

информационно-репрезентативными, так и *инструктивно-директивными*, т.е. при помощи таких текстов можно как *осведомить* реципиента, так и *предписать* его поведение.

3. **Указатели** (по данной классификации) обладают *инструктивно-директивным* характером, т.е. предписывают поведение, или ограничивают его, помещая в определённые рамки, соответствующие правилам безопасности или этики определённой страны. Но существуют также дорожные указатели (т.н. Wegweiser), которые по своей функции являются *информационно-репрезентативными*: напр. "Weimar 200m" не содержит в себе никакого предписания, а осведомляет о расстоянии до Веймара относительно местонахождения указателя, содержащего данный прагматический текст.
4. **Путеводители** относятся к убеждающе-воздействующим прагматическим текстам. Путеводители содержат информацию с субъективной окраской. Они выделяют отдельные события, достопримечательности, маршруты, предпочитая их массе других, этим самым убеждая и реципиента предпочесть их, наделяя их положительной окраской, делая их более привлекательными.

II. Прагматические документы в свете теории обучения иностранным языкам

Важнейшей целью при обучении иностранным языкам является формирование коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция есть способность человека понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально-детерминированных ситуациях с учётом лингвистических и социальных правил, которых придерживаются носители языка. В обобщённом виде, в компонентный состав коммуникативной компетенции входят:

1. Знание о системе изучаемого языка и сформированные на их основе навыки оперирования языковыми (лексико-грамматическими и фонетическими) средствами общения – **лингвистический** компонент коммуникативной компетенции.
2. Знания, навыки и умения, позволяющие понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением, – **прагматический** компонент коммуникативной компетенции.
3. Знания, навыки и умения, позволяющие осуществлять речевое и неречевое общение с носителями изучаемого языка в соответствии с национально-культурными особенностями чужого лингвосоциума, – **социо-лингвистический** компонент коммуникативной компетенции. [6]

В то же время Миранцева А.И. описывает коммуни-

кативную компетенцию как сочетание следующих тесно взаимосвязанных компетенций:

- Лингвистическая компетенция (в том числе социолингвистическая) (владение языковыми средствами, процессами порождения и распознавания текста);
- Тематическая компетенция (владение экстралингвистической информацией, в том числе страноведческой);
- Социокультурная компетенция (поведенческая, в том числе этикетная, знания социокультурного контекста);
- Компенсаторная компетенция (умение добиться взаимопонимания, выйти из затруднительного в языковом отношении положения);
- Учебная компетенция (умение учиться); [5]

Целесообразность использования прагматических текстов в процессе обучения в контексте формирования коммуникативной компетенции продиктовано их функциональностью и высокой социокультурной ценностью. По своим параметрам они способствуют формированию каждой из вышеперечисленных компетенций. Возьмём за основу компонентный состав коммуникативной компетенции и докажем, что прагматические материалы обладают высоким потенциалом в процессе обучения иностранным языкам. Итак:

1. Прагматические тексты обладают стереотипизированной структурой – что способствует формированию лингвистической компетенции.
2. Прагматические тексты являются национально-маркированной лексикой, отражают в себе нормы этикета и поведения – способствует формированию социокультурной компетенции.
3. Содержат в себе экстралингвистическую информацию - способствуют формированию тематической компетенции.
4. Прагматические материалы максимально приближают ситуацию на уроке к реальной ситуации общения, с её речевыми трудностями и неизвестными реалиями – способствуют формированию компенсаторной компетенции.
5. Прагматические аутентичные материалы повышают внутреннюю учебную мотивацию учеников, – способствуют формированию учебной компетенции.

Если говорить о неком текстотипологическом знании, то использование прагматических текстов в обучении ИЯ как нельзя лучше отвечает условиям его «приобретения», благодаря своей лёгкой «опознаваемости» - ведь они обладают стереотипной структурой, ярко выраженными текстовыми особенностями, определённой однозначной интенцией, т.е. такие тексты развивают рецептивную компетенцию. Также они являются легко воспроизводимыми, т.е. будут способствовать формированию продуктивной компетенции.

В связи со своими особенностями, такими как а) логичность; б) конкретность; в) эксплицитность презентации информации; г) наличие национально-маркированной лексики; д) стереотипность синтаксических и грамматических конструкций в зависимости от типа текста, прагматические тексты могут послужить как средство обучению лексике и грамматике при обучении всем видам речевой деятельности.

III. Прагматические документы как средство обучения иностранному языку в рамках школьной программы

Рассматриваемые нами прагматические тексты могут служить материалом обучения иностранному языку в школе. С их помощью мы можем формировать следующие умения и навыки, входящие в обязательный минимум содержания основных образовательных программ на всех ступенях:

Начальное общее образование:

- Членение предложений на смысловые группы
- Ритмико-интонационные особенности основных коммуникативных типов предложений (побуждения и утверждения на примере текстов указателей)
- Лексические единицы, обслуживающие ситуации общения в пределах тематики начальной школы
- Название страны изучаемого языка, её столицы
- Умение понимать на слух основное содержание облегчённых, доступных по объёму текстов с опорой на зрительную наглядность
- Читать вслух, соблюдая правила произношения и соответствующую интонацию, доступные по объёму тексты
- Читать «про себя», понимать основное содержание доступных по объёму текстов, в случае необходимости пользуясь словарём
- Простейшие устойчивые словосочетания
- Начальное представление о способах словообразования
- Начальное представление о заимствованиях из других языков
- Глаголы в настоящем времени
- Простые предлоги места и направления

Основное общее образование:

- Навыки распознавания и употребления в речи лексических единиц, обслуживающих ситуации в рамках тематики основной школы
- Клише речевого этикета, характерные для культуры страны изучаемого языка
- Признаки распространённых и нераспространённых простых предложений, безличных предложений, использование прямого и обратного порядка слов
- Понимать признаки и значение основных изучен-

ных лексических единиц

- Основные способы словообразования
- Особенности структуры простых и сложных предложений, полных и неполных предложений
- Роль владения языками в современном мире; особенности образа жизни, быта, культуры страны изучаемого языка – всемирно известные достопримечательности, правила поведения на улице и в обществе и т.п.
- Сходства и различия своей страны и стран изучаемого языка
- Понимание основного содержания коротких, несложных аутентичных прагматических текстов. и выделять значимую информацию.
- Понимание основного содержания несложных аутентичных текстов, относящихся к разным коммуникативным типам речи. Уметь определять тему/тип текста, выделяя главные факты, опуская второстепенные.
- Чтение аутентичных текстов разных жанров с пониманием основного содержания. (определять тему, основную мысль; выделять главные факты, опускать второстепенные; устанавливать логическую последовательность основных фактов текста)

Среднее общее образование:

- Расширение объема продуктивного и рецептивного лексического минимума за счет лексических средств, обслуживающих новые темы, проблемы и ситуации общения, а также оценочной лексики, реплик-клише речевого этикета, отражающих особенности культуры страны/стран изучаемого языка.
- Расширение потенциального словаря за счет овладения новыми словообразовательными моделями, интернациональной лексикой.
- Знание и понимание страноведческой информации из аутентичных источников, обогащающую социальный опыт школьников: сведения о стране изучаемого языка, её науке и культуре, исторических и современных реалиях, общественных деятелях, месте в мировом сообществе и мировой культуре, взаимоотношения с нашей страной, языковые средства и правила речевого и неречевого поведения в соответствии со сферой общения и социальным статусом партнёра.
- Понимание основного содержания и извлечение необходимой информации из различных аудио- и видеотекстов: прагматических, публицистических, соответствующих тематике данной ступени обучения.
- Чтение прагматических текстов с использованием различных видов чтения – ознакомительного, изучающего, поискового/просмотрового, в зависимости от коммуникативной задачи
- Создавать свои собственные прагматические тек-

сты (объявления) по форме принятой в стране изучаемого языка, делать выписки из иноязычного текста

- Общение с носителями изучаемого языка, ориентация в современном поликультурном мире
- Получение сведений из иноязычных источников информации любого типа, в том числе через Интернет, необходимых в образовательных и самообразовательных целях
- Расширение возможностей в выборе будущей профессиональной деятельности
- Изучение ценности мировой культуры, культурного наследия и достижений других стран. [21]

IV. Работа с аутентичными текстами объявлений

Итак, перед нами пример аутентичного текста объявления на немецком языке:

Immobilien

Wohnung für junges Paar

IW6596123 - 41066 Mönchengladbach

Homepage des Anbieters

Preis: 317,00 €

Vermiete provisionsfrei eine Einraumwohnung mit Raumteiler zum Schlafrum, EBK, E-Schr. sowie kompletter Beleuchtung.

Das Bad ist weiss gefliest mit Duschkabine und Fenster.

KM 317, 00 €

NK: 2 MM Kautiion.

Die Wohnung ist ab 01.12.2009 frei.

Das 6-Fam.-Haus liegt in ruhiger Anliegerstraße von Bettrath, Verkehrsanbindung Buslinie liegt zur Parallelstraße und BAB etwa 5 Fahrminuten.

Freier Zugang zu dem Internet.

Исходя из лингвистических особенностей объявлений мы можем использовать данный текст при обучении специфической лексике, связанной с продажей и покупкой квартиры, с обустройством самой квартиры.

Предтекстовый этап

На предтекстовом этапе следующие упражнения предназначаются для дифференциации в сознании учеников языковых единиц и речевых образцов, их узнавания в тексте, тренировки мгновенной их семантизации, овладения различными структурными материалами (словообразовательными элементами, сокращениями, видовременными формами глагола и т.д.) и языковой догадкой для формирования навыков вероятностного прогнозирования.

Упражнение 1. Выберите из текста слова, относящиеся к теме «Wohnung» (упражнение на узнавание слова по семантическому признаку):

Immobilien, Wohnung, vermieten, Einraumwohnung,

Raumteiler, Schlafräum, Beleuchtung, Bad, Duschkabine, Fenster, EBK, E-Schr., Anbieter, Kautiön, KM, NK, MM, ist weiß gefliest, provisionsfrei, 6-Fam.-Haus.

Из этих слов следует выбрать специфическую лексику, относящуюся к непосредственной теме урока «Miete/Immobilien»:

Immobilien, vermieten, Einraumwohnung, Anbieter, Kautiön, Anbieter, Kautiön, KM, NK, MM, t, provisionsfrei, 6-Fam.-Haus, Preis.

Следует отдельно разобрать значения всех аббревиатур, которые встречаются в объявлении. Семантизировать их можно при помощи дефиниций. Например, так:

a. EBK	1. der Schrank , der eingebaut ist
b. E-Schr.	2. die Miete pro Monat
c. KM	3. die Miete , die man für die „kalte“ Wohnung zahlt
d. NK	4. die Küche , die eingebaut ist
e. MM	5. die Kosten , die man neben der Miete trägt
d. 6-Fam.-Haus	6. das Haus , wo 6 Familien wohnen

Далее предложить детям самим составить сложные слова, пользуясь языковой догадкой при словообразовании композитов, тем более что первые буквы составляющих сложных слов им уже известны:

1. der Schrank, der eingebaut ist	- Einbauschränк
2. die Miete pro Monat	- Monatsmiete
3. die Miete, die man für die „kalte“ Wohnung zahlt	- Kaltmiete
4. die Küche, die eingebaut ist	- Einbauküche
5. die Kosten, die man neben der Miete trägt	- Nebenkosten
6. das Haus, wo 6 Familien wohnen	- Sechsfamilienhaus

Семантизацию остальных слов можно произвести таким же способом.

Упражнение 2. Расширьте предложения за счёт изучаемой словоформы. Таковой могут оказаться, например, придаточные определительные предложения с союзами *der, das, die*:

Текстовый этап:

Упражнение 3. Распространите неполные предложения (трансформационное упражнение). При необходимости разбейте их на меньшие по объёму предложения:

Beispiel:

Vermiete provisionsfrei eine Einraumwohnung mit Raumteiler zum Schlafräum, EBK, E-Schr. sowie kompletter Beleuchtung → Ich vermiete eine Wohnung, die einen Raum hat. Es gibt da aber einen Raumteiler, der den Raum in einen Schlafräum, eine Einbauküche und einen Einbauschränк teilt. Die ganze Wohnung ist gut beleuchtet.

- a. KM 317, 00 €
- b. NK 2 MM Kautiön.
- c. Die Wohnung ist ab 01.12.2009 frei.
- d. Das 6-Fam.-Haus liegt in ruhiger Anliegerstraße von Bettrath, Verkehrsanbindung Buslinie liegt zur Parallelstraße und BAB etwa 5 Fahrminuten.

Упражнение 4. Выделите и подчеркните в тексте элементы, которые, по вашему мнению несут ключевую информацию:

Здесь ответы детей могут быть различными, т.к. дети скорее всего начнут выделять различные элементы текста. Для кого-то важным окажется кафель в душе, для кого-то цена т.д.

Эталон ответа: Für mich ist/sind ... besonders wichtig, weil...

Данное задание также внесёт в обсуждение текста элемент дискуссии.

Упражнение 5. Определите к какому типу текста относится данный текст. Какие характерные черты данного типа текста вы можете выделить?

Дети без труда определяют, что это объявление об аренде квартиры. Здесь можно ввести понятие *die Anzeige*. Также они должны высказаться относительно структуры текста, стиля, синтаксиса и т.п.

Упражнение 6. Определите, является ли следующее высказывание правдивым или нет?

- der Anbieter will eine Wohnung mieten + / -
- die Wohnung hat drei Räume + / -
- in dieser Wohnung wohnen 6 Familien + / -
- das Haus befindet sich in Mönchen-Gladbach + / -
- die Wohnung steht ab 01.11.2009 frei + / -
- die Kautiön beträgt 635€ + / -
- das Haus liegt in einer lauten zentralen Straße + / -
- der Preis beträgt 317€ + / -

Исправьте неверные утверждения.

Послетекстовый этап:

Упражнение 7. Составьте план объявления.

В плане дети выделяют главные моменты, которые должны быть отражены в объявлении. В начале: адрес квартиры, предполагаемая цена аренды, описание того, что входит/не входит в арендную плату, количество комнат, их характеристика, наличие удобств, наличие транспортных линий поблизости от дома, сумма залога, дата возможного заселения, доступ к интернету.

Упражнение 8. Составьте своё собственное объявление.

ние о квартире вашей мечты.

Упражнение 9. Напишите объявление о сдаче в аренду вашей квартиры.

В дополнение можно познакомить учеников со списком специальных сокращений, принятых в текстах немецких объявлений.

Объявления являются очень удобным материалом для введения новой лексики на различные темы, т.к. дан-

ный тип прагматических текстов подразделяется на тематические разделы, такие как: Computer, Fahrräder, Freizeit, Gesundheit, Haushalt, Hifi, Immobilien, KFZ (Kraftfahrzeug), Soziale Kontakte, Renovierung, Stellenmarkt, Tiere, Vermietungen.

В заключении можно прийти к выводу, что наибольшую ценность прагматические тексты как средство обучения представляют для основной и средней образовательной ступени, т.к. выполнение большинства упражнений требует начальных знаний по иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М., 2007 - С. 19.
2. Зильберт Б.А. Социо-психо-лингвистические исследования текстов радио, телевидения и газеты. – Саратов, 1990 - С.22.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты. - М., 1990 - С.254.
4. Чичерина Ю.В. Методика обучения чтению прагматических текстов как основа формирования межкультурной компетенции старших школьников (французский язык). // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Нижний Новгород, 2009 – С.26.
5. <http://www.fos.ru/pedagog/9715.html> Миранцева А.И. Формирование коммуникативной компетентности подростков (на материале уроков иностранного языка).- Волгоград, 2003.
6. <http://www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/rub/standart/p1/1287> Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Часть I. Начальное общее образование. Основное общее образование. / Министерство образования Российской Федерации. – М. 2004. – 221 с.

© Захарова Ирина Рудольфовна (irina-schessler@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРЕЙМОВОЙ СЕМАНТИКИ ДЛЯ ОТРАБОТКИ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ

THE USE OF FRAME SEMANTICS TO PRACTICE LISTENING SKILLS

M. Larionova

Summary: The article discusses a methodology for developing introductory and detailed listening skills with students of economic specialties with an A2 (Pre-Intermediate) level of English proficiency using frame semantics. It is proposed to use the construction of frames of the main concepts of economic news discourse to facilitate students' understanding of news messages perceived by ear. The frame structure of the most frequent news messages is given - messages about changes in economic indicators.

Keywords: introductory listening, detailed listening, frame semantics, frame, economic news discourse.

Ларионова Маргарита Анатольевна

*к. филол.н., ст. преподаватель, Финансовый университет
при Правительстве РФ,
MLarionova@fa.ru*

Аннотация: В статье рассматривается методика отработки навыков ознакомительного и детального аудирования со студентами экономических специальностей с уровнем владения английским языком A2 (pre-intermediate) с использованием фреймовой семантики. Предлагается использование построения фреймов основных концептов экономического новостного дискурса для облегчения понимания студентами новостных сообщений, воспринимаемых на слух. Приводится фреймовая структура наиболее частотных новостных сообщений – сообщений об изменениях экономических показателей.

Ключевые слова: ознакомительное аудирование, детальное аудирование, фреймовая семантика, фрейм, экономический новостной дискурс.

У всех без исключения студентов, имеющих уровень владения английским языком A2 (pre-intermediate), аудирование вызывает огромные трудности. И действительно, восприятие иностранной речи на слух является сложным видом деятельности на начальном этапе изучения иностранного языка. Это обусловлено целым рядом причин.

Одной из основных трудностей является невозможность понять речь при первом прослушивании аудиофрагмента. Многие студенты уровня A2 жалуются, что с первого раза не могут понять даже основную мысль прослушанного текста. Для этого им необходимо прослушать аудиофрагмент три или четыре раза. Естественный темп речи кажется обучающимся слишком быстрым. При выполнении заданий по аудированию студенты часто просят поставить им видео фрагмент, вместо только лишь аудио записи, так как с опорой на «картинку» легче понять, о чем идет речь.

Помимо распространенной жалобы на «слишком быстрый» темп речи в аудировании, студенты говорят о еще одной частой трудности – «рассеянной забывчивости»: ситуации, когда внутренний темп понимания и осмысления у студента достаточно низкий, он не успевает за темпом речи в аудио записи, и забывает даже ту информацию, которую слышал, поскольку начал концентрироваться уже на том, что говорят дальше. В результате студент не может передать услышанную информацию, даже несмотря на то, что часть ее была им освоена.

Еще одна трудность выполнения заданий по ауди-

рованию связана с ограниченным набором слов на начальных и следующих за ним уровнях изучения иностранного языка. Обучающиеся часто жалуются на то, что буквально «тонут» в большом количестве незнакомой лексики. Если количество незнакомой лексики в предложении или связном тексте составляет более 70%, понимание данного предложения или текста крайне затруднено даже при чтении. Если такой процент незнакомой лексики присутствует в аудировании, можно почти со 100% уверенностью заявить, что аудио фрагмент не будет понято совсем.

Особую трудность вызывает характер языкового материала. Студенты, изучающие английский язык в рамках своей специальности, обычно лучше понимают тексты, связанные с ней, в отличие от текстов общего содержания.

На наш взгляд, все эти трудности можно успешно преодолеть, применяя в обучении английскому языку фреймовый подход репрезентации события. Особенно данная методика может помочь в обучении студентов английскому языку специальности благодаря конечности изучаемых в ней концептов.

Давайте проиллюстрируем возможности фреймового подхода на примере экономического дискурса и, соответственно, обучению восприятия речи на слух студентов экономических специальностей.

Для начала определим с базовыми понятиями. В нашей статье под экономическим дискурсом мы будем

понимать связный текст экономической тематики. Мы опираемся на классическое определение, данное еще в 1990 году Н.Д. Арутюновой, дискурса как связного текста в совокупности с экстралингвистическими факторами. [1] Мы сконцентрируемся на отдельном виде экономического дискурса – новостном экономическом дискурсе (НЭД). Текст в новостном дискурсе отличается своей краткостью и нацеленностью на подачу событий в их актуальности, осуществляемую посредством организации новостного материала в особую схему с определенными характеристиками [11, 13].

Объектом изучения, а также материалом, используемым для отработки вышеназванной методики у студентов, обучающихся по направлению «Менеджмент» и «Экономика», являются краткие информационные сообщения, посвященные событиям экономического характера, выделенными журналом *The Economist* в отдельную рубрику – *The world this week. Business*. Данные новостные сообщения можно послушать на сайте журнала, они доступны для скачивания. Поскольку это новостные сообщения, они очень краткие (от 30 до 43 секунд), а также читаются профессиональными британскими дикторами, что делает их идеальным материалом для отработки навыков аудирования.

Фреймовая семантика – это способ категоризации мира путем структурирования, моделирования мыслительного пространства в значениях языковых единиц [3]. Согласно интерпретации М. Минского, фрейм очень удобно использовать для представления стереотипной ситуации [10].

Описываемая нами методика также опирается на тезис, выдвинутый Т.А. ван Дейком о том, что человек понимает текст тогда, когда он понимает ситуацию, о которой идет речь. [11]. В связи с этим модели ситуаций необходимы нам в качестве основы интерпретации текста. Использование моделей объясняет и то, почему слушающие понимают «имплицитные» и неясные фрагменты текстов – в этом случае они активизируют соответствующие фрагменты ситуационной модели. У слушателя для лучшего, а иногда и для просто понимания текста на слух, должна быть сформулирована некая модель, на которую он может опираться.

Одно из наиболее важных свойств фреймовых структур, которое очень помогает в обучении, – это их взаимосвязь. Благодаря ей существует возможность фокусирование внимания на любой части фреймовой структуры без потери ее общего смысла [2].

В целом фреймовая семантика широко используется в когнитивной лингвистике с целью более наглядного построения концептов. У фрейма всегда есть внутренняя структура, «он всегда структурируется в соответствии

со схематизированным представлением о том объекте, вокруг которого он организуется» [2]. В своем широком представлении фрейм – это «объединение языковых средств разных уровней, необходимых для фиксации и передачи в процессе коммуникации информации или знаний о некотором объекте, некоей ситуации» [2].

Рабочая гипотеза заключается в следующем: используя фреймовую семантику, построить схему концепта наиболее часто встречающихся в экономическом новостном дискурсе событий, наполнить части фреймовой структуры базовой частотной лексикой, ознакомить с ней обучающихся и затем давать прослушивать экономические новости. При этом одновременно с прослушиванием студентам необходимо заполнять фреймовую структуру для каждой новости отдельно, а потом устно воспроизвести краткое содержание прослушанных новостей. Целью данной методики является отработка двух основных навыков аудирования – ознакомительного и детального.

Ознакомительное аудирование – это прослушивание аудиофрагмента с целью выделения основной мысли, наиболее важной информации, а также с целью базового анализа прослушанного материала – отделения существенной информации от менее существенной или второстепенной. Сразу оговорим, что в новостном экономическом дискурсе – это достаточно сложный тип задания для студентов из-за особенностей НЭД (краткости и нацеленности на передачу основной информации в сообщении).

Детальное аудирование – это прослушивание аудиофрагмента с целью его полного, точного и быстрого понимания, при этом нарабатываются также навыки быстрого запоминания полученной информации, осмысления всех услышанных факторов.

Методология фреймового анализа заключается в построении «многослойной» когнитивной структуры: фрейм – это и языковые средства, необходимые для речевой передачи услышанной или сообщаемой информации, и концептуальная схема, позволяющая реконструировать информацию на основании логических знаний человека об анализируемом событии. Таким образом, сначала строится концептуальная схема, а затем полученная матрица заполняется единицами языковой системы.

Изучение собранного материала показало, что тематически все новостные сообщения экономического характера можно разделить на несколько групп, но самая большая и частотная группа сообщений – это тексты, описывающие изменения экономических показателей. Данная группа насчитывает 32% (см. схема 1) от всех проанализированных текстов (1000 новостных сообщений).

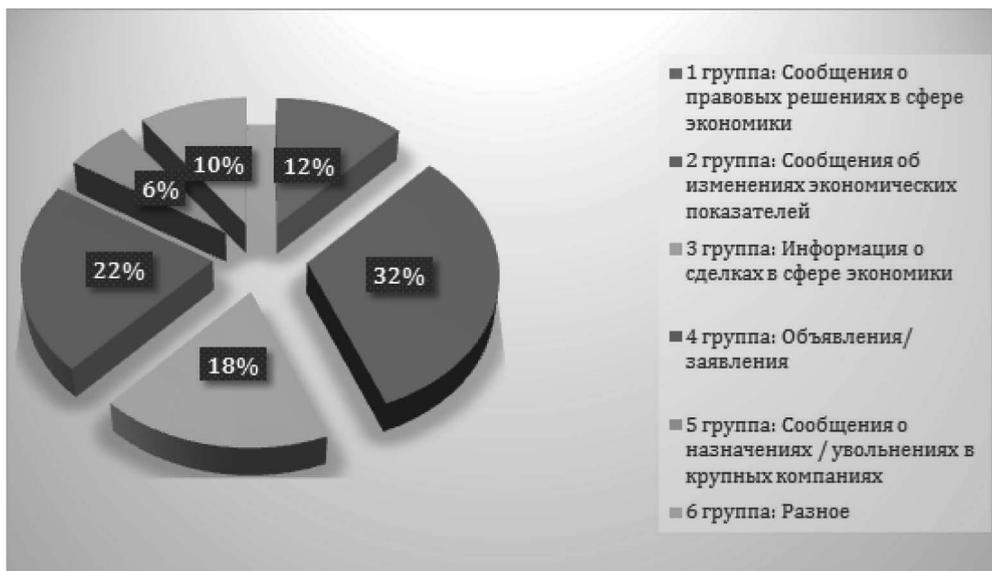

Схема 1. Тематическая дифференциация новостных сообщений экономического характера. Источник: Журнал The Economist за 2023 год/ составлено автором.

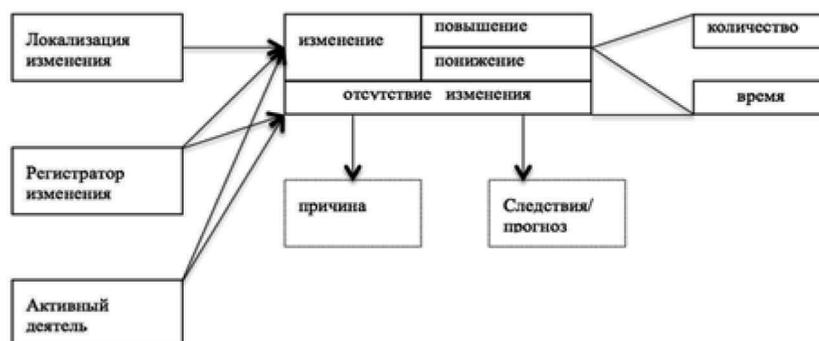

Схема 2. Фрейм события «изменение экономических показателей». Источник: составлено автором

Новостные сообщения данной группы описывают повышения или понижения основных показателей экономической деятельности разных стран: речь может идти о спаде или росте экономики, повышении или понижении ключевых ставок, падении цен на энергоносители и т.д.

Данная тематика понятна всем студентам экономических специальностей, и в силу этого автор предложил своим студентам составить фрейм данного события, исходя из их базовых знаний. На схеме 2 представлен получившийся фрейм.

Как видно из приведенной схемы, студенты выделили три источника, инициирующих изменения:

1. «Локализация» {1} - где, в какой стране, в какой отрасли, какой компании произошло «изменение».
2. «Регистратор» {2}- кто заявил о случившемся – банки, компании, правительство, рейтинговые / статистические агентства.

3. «Деятель»{3} - что подверглось изменению – цены на нефть, инфляция, ставка рефинансирования.

Дальше идет регистрация самого действия, о котором говорилось в сообщении – произошло какое-то изменение или нет– «изменение/ отсутствие изменений» {4}. Это ядро данного фрейма.

Неоспоримым является тот факт, что для данного вида события экономического характера всегда будут характерны числовые показатели, т.к. изменения должны быть измерены, поэтому числовая часть фрейма «количество» {5} также является ключевой в данной структуре.

Необходимо отметить тот факт, что в новостных сообщениях этой группы достаточно часто присутствует «временной показатель» {6}, фиксирующий, за какой период времени произошли изменения.

Блоки «причины» {7}, «следствия/прогноза» {8} были отмечены студентами как вариативные, их присутствие зависит от степени развернутости новостного сообщения.

После того как была создана фреймовая структура данного вида сообщений, студентам было предложено проанализировать, какие блоки фрейма являются основными для его понимания, а также для передачи впоследствии основной мысли услышанной новости.

На основании базовых концептов представления об экономическом событии, связанном с изменением какого-либо экономического показателя было сделан вывод о том, что для понимания аудио фрагмента с подобной новостью – достаточно распознать=услышать само «изменение», а также его «локализацию» и «деятеля». Все остальные части фрейма являются второстепенными и нужны для отработки навыков детального аудирования.

На следующем этапе началось заполнение частей фрейма активной лексикой. Для блока «деятель» было характерно присутствия базовых терминов, таких как *inflation, economic growth, oil price etc.*

Блок «Локализация» всегда хорошо распознаваем в аудировании, так как студенты уровня A2 знают, как произносятся большинство стран мира, а также как произносятся названия известных мировых брендов и компаний.

Блок «изменения» характеризуется синонимичным рядом глаголов «повышения и понижения» - *increase, fall, drop, climb etc.*

Блоки «время» и «количество» также легки для распознавания студентов, т.к. содержат в себе числа.

Трудность для понимания вызывают в основном вариативные блоки «причина» и «следствие/прогноз», при чем первый в большей степени, т.к. «следствие/прогноз» часто логически вытекают из основных блоков, и студенты догадываются об их содержании, не распознавая информацию на слух, а делая выводы исходя из своих знаний законов экономики.

Приведем пример новостного текста подобного содержания, а затем анализа его содержания, проделанного студентами на основе выше приведенного фрейма.

The IMF said it now expects the world economy to grow by 3.1% this year, up from the 2.9% it forecast last October. This is in part because of "greater than expected resilience" in the American economy, which expanded at annual rate of 3.3% in the last three months of 2023. But the fund's biggest upward revision was to Russian GDP, which it now thinks will grow by 2.6%. Despite sanctions by the West, Russia has been able to sell its oil elsewhere. Exports of Russian diesel

to Brazil, for instance, have soared over the past year.
Источник: The economist, February 3d 2024.

При первом ознакомительном прослушивании студенты заполнили блоки {3} – *the world economy* и блок {4} – *grow*. 80% студентов в группе смогли сказать – основную мысль данного новостного сообщения после первого прослушивания. Подобный успех объяснялся тем, что, представляя теперь основную структуру данного типа новостных сообщений, студенты с уровнем Pre-intermediate знали, на что надо обратить внимание и руководствовались уже знакомой лексикой, «ожидая» ее услышать.

При последующих 2-3 прослушиваниях студентам было предложено заполнить по возможности оставшиеся блоки фрейма.

Получилось следующее:

- {2} – IMF;
- {5} – 3,1%;
- {6} this year;
- {7} American and Russian economy grew.

Благодаря понятной схеме раскрытия концепта данного события, и используя базовую, несложную, хорошо знакомую лексику, студенты с уровнем A2 смогли успешно выполнить задание на детальное аудирование.

На конечном этапе эксперимента студентов попросили рассказать о том событии, сообщение о котором они недавно прослушали. На выходе автор получил следующую фразу от 75% прослушавших данное сообщение студентов: *According to IMF the world economy grew by 3,1% this year because leading economies of America and Russia grew.* Оставшиеся 25% построили фразу чуть проще: *The world economy grew this year.*

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. использование фреймовой структуры экономического события значительно облегчает студентам уровня A2 задания по аудированию;
2. фрейм события, заранее известный студентам дает ориентиры, на что надо обратить внимание при прослушивании аудио фрагмента, помогает вовремя распознать ключевую информацию и запомнить ее;
3. языковые средства фрейма помогают студентам не потеряться в обилии незнакомых слов, звучащих в аудио сообщении и в последствии воспроизвести полученную информацию на английском языке, построив собственные предложения, не копируя услышанное;
4. методику с использованием фреймовой семантики можно использовать как для тренировки навыков ознакомительного аудирования, так и для отработки навыков детального аудирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С 136-137.
2. Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора - синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // «Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки», – М. 2015. С. 5 -11
3. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 - 14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 62 - 69.
4. Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. – СПб.: Изд-во С.—Петербургского ун-та, 1994. -230 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика, 3-е изд., – М.: Издательский центр «Академия», 2006. С.161-189.
6. Девдариани Н.В., Рубцова Е.В. Трудности восприятия звучащей иноязычной речи и способы их преодоления // «Азимут научных исследований: педагогика и психология», Т10, #1 (34) – г. Тольятти, 2021. С. 216-219
7. Жарина О.А. «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал, — г. Тольятти, 2017. С. 43-46
8. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... доктора филологических наук, — М.: Институт языкознания РАН, 2003. - 90 с.
9. Мельничук М.В., Стародубцева Е.А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран). // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 6. С. 63-71.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. - М.: Энергия, 1979. 152 с.
11. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. - М.: Просвещение, 2002. 239 с.
12. Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса [Текст] / Т.А. ван Дейк. - Лондон, 1998. С. 4-10.
13. Yudina N.V., Melnichuk M.V., Seliverstova O.A. Language Policy and Planning in Russia, China and the USA through the Lens of Mass Media of the 21-st Century. // Journal of Social Studies Education Research. 2020. Т.11. №3. С. 242-269.

© Ларионова Маргарита Анатольевна (MLarionova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

METASUBJECT LEARNING OUTCOMES IN PHYSICS LESSONS

E. Levinskaya

Summary: This article examines the factors and educational processes that shape the meta-subject outcome of education in secondary school within the framework of modern society. The main purpose of the article is to analyze such a means of educational activity as TRIZ technology methods. To prove the application of TRIZ pedagogy methods, the fundamentals of the theory of solving inventive problems are considered. The main conclusion is made that the main principles of TRIZ make it possible to form thinking aimed at an individual search for knowledge, the ability to detect and solve problematic problems in a certain field of activity, as well as identify patterns and contradictions. The results of a practical study based on the introduction of an elective course in secondary school are also presented.

Keywords: meta-subject results, TRIZ technology, elective course.

Формирование современной парадигмы образования, отраженной в приоритетном национальном проекте «Образование», государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2018-2025 гг., концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, неизбежно привело к необходимости изменения содержания среднего образования, дало толчок для подготовки и реализации государственных образовательных стандартов нового поколения.

Федеральные государственные стандарты основного общего образования (ФГОС ООО) наряду с предметными результатами обучения определяют метапредметные и личностные результаты, что, несомненно, оказало влияние на систему подготовки по физике в школе как фундаментальной основы в естествознании.

В соответствии с ФГОС ООО овладение не только метапредметными терминами, но и универсальными учебными действиями (УУД) представляют собой фундамент метапредметных результатов. Основательность дисциплины «Физика» определяет ее доминирование в концептуальном значении междисциплинарных научных понятий естественного цикла. В работах Т.Н. Гнитецкой [1, С. 53-57], Е. Б. Ивановой [2] показано, что физика вносит более значимый вклад в сферу метапредметных понятий (в сравнении с прочими дисциплинами естественного цикла). Это дает возможность говорить о

МЕТАПРЕДМЕТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ФИЗИКИ

Левинская Елена Константиновна

*Преподаватель, Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Ставропольское президентское кадетское училище»
rygovisa@yandex.ru*

Аннотация: В данной статье рассматриваются факторы и образовательные процессы, формирующие метапредметный результат обучения в средней школе в рамках современного общества. Основной целью статьи является анализ такого средства образовательной деятельности как методы ТРИЗ-технологии. Для доказательства применения методов ТРИЗ-педагогике рассмотрены основы теории решения изобретательских задач. Сделано основное суждение, что главные принципы ТРИЗ дают возможность сформировать мышление, направленное на индивидуальный поиск знаний, способность обнаруживать и решать проблемные задачи в определенном поле деятельности, а также выявлять закономерности и противоречия. Так же представлены результаты практического исследования на основе внедрения элективного курса в рамках обучения в средней школе.

Ключевые слова: метапредметные результаты, ТРИЗ-технология, элективный курс.

достижении метапредметных результатов через межпредметность физики в комплексе с формированием универсальных учебных действий на уроках физики [3, С. 75-83].

В методической литературе описано достаточное число педагогических технологий, позволяющих достичь метапредметных результатов обучения, одной из которых является теория решения изобретательских задач [4].

Для развития не только высокой степени творческих свойств личности, но и формирования живого мышления, применение методов ТРИЗ в учебном процессе особенно эффективно. Выделение педагогического направления в ТРИЗ способствовало формированию особого места ТРИЗ в инновационной педагогике и созданию образовательных технологий на основе данной теории. Она не только способствует раскрытию содержания, предмета, цели и задачи всего процесса обучения и воспитания, но и позволяет опираться на обобщенные понятия и принципы теории решения изобретательских задач.

Если более подробно рассмотреть задачи, которые стоят во главе ТРИЗовского мышления, то базисом будет являться формирование осмысленного управления мыслительными операциями, применение приемов и алгоритмов для процесса поисковой, изобретательской, творческой деятельности, желание обучить учащихся ду-

мать системно, с осознанием происходящих процессов.

При этом можно проследить соответствие целей ФГОС ООО и внедряемых в образовательный процесс методов ТРИЗ-технологии. Например:

- развитие внутренней необходимости исследования окружающего мира у учащегося;
- формирование на основе законов всестороннего рассмотрения изучаемых объектов системного диалектического сознания;
- развитие навыка информации по собственной инициативе, извлечения требующейся информации;
- формирование навыка работы с информацией, при получении ее обучающимся из взаимодействий с окружающей реальностью, а также во время целенаправленного обучения;
- развитие определенных качеств личности;
- формирование воображения, фантазии и творческих способностей.

К настоящему моменту ТРИЗ-технология и ее содержание исследуется и анализируется с разных сторон. Вместе с тем лежащие в ее основе принципы остаются неизменными. Одновременно с этим базис ТРИЗ-технологии опирается общие законы эволюции, обобщенные основы определения противоречий, а также однозначные решения практических проблем.

Результативность применения в данном контексте ТРИЗ-технологии научно обоснована нами с точки зрения совокупности мнений и эмпирических результатов деятельности ученых, исследования которых ориентированы на раскрытие составляющих аспектов проблемного поля настоящего исследования [5], [6, С. 71-81]. В рамках исследовательских проблем ТРИЗ обосновано как один из наиболее эффективных инструментов решения технических задач на основе анализа имеющихся противоречий и использования потенциала этих противоречий. Полученные в данной части исследования результаты выступили в качестве основания для установления и обоснования наличия мощного потенциала ТРИЗ-технологий в достижении метапредметных результатов обучения учащихся в предметной среде физике.

Способ обучения с применением ТРИЗ-технологии предусматривал применение различных методик, начиная от технологии проблемного обучения до использования творческих задач на уроках при формировании знаний, умений и навыков. Однако в качестве наиболее эффективного приема, предлагаемого в рамках ТРИЗ-технологии, выступило решение творческих задач. В ходе решения применяется системный подход, позволяющий рассмотреть заложенную в задачу проблему с разных сторон, выявить противоречия, имеющиеся в условии задачи, соотнести её с имеющимся учебным, профессиональным и жизненным опытом, разложить

задачу на элементы и учесть значение каждого из них и т.п. Приём решения творческих задач лег в основу проведённого практического исследования, а именно введение в образовательный процесс элективного курса «Практикум по решению задач повышенной сложности (на основе ТРИЗ-технологии)».

С целью экспериментальной проверки выдвинутой гипотезы, согласно которой предложенная нами методика использования творческих задач на основе ТРИЗ-технологии в рамках элективного курса, осуществление принципа системности при работе с ними в совокупности, позволяют достичь заданных параметров в формировании метапредметных результатах обучения, были использованы результаты следующих оценочных методик: тест Bennett Mechanical Comprehension Test (методика в модификации Г.В. Резапкиной) как показателя сформированности метапредметных результатов; контрольных работ по определению достижения метапредметных результатов, сопоставимых с предметными по физике; оценка уровня интереса к изучению физики (анкетирование на выявление интереса к предмету, а так же числу желающих сдавать в качестве ГИА ОГЭ предмет «Физика» и выбравших в качестве профильного класса в 10-м физико-математический профиль обучения) (см. таблицу 2, 3).

На занятиях разработанного элективного курса учащиеся работали с заданиями, разбитыми на несколько уровней сложности. Так же разнообразие заданий формировалось в зависимости от методики составления, в основе которых лежали элементы ТРИЗ-технологии. Изучение учащимися метода генетического анализа систем происходило при помощи различных методик развития воображения, при этом происходило овладение алгоритмом решения изобретательских задач.

Учащиеся 7 класса применяли метода ТРИЗ-технологии, изучая тему «Взаимодействие тел», «Плавание тел». Применение принципов ТРИЗ-технологии в 8 классе происходило в рамках тем «Тепловые явления», «Электрические явления» [7]. Основным используемым инструментарием ТРИЗ-технологии на занятиях элективного курса:

- поиск противоречия, формулировка идеального конечного результата,
- генетический анализ ситуации,
- функциональный анализ.

Основными критериями достижения метапредметных результатов обучения на уроках физики были выбраны следующие показатели: умение формулировать проблему, поиск метода решения, навык преобразовать противоречие в задачу. Интерпретация вышеназванных критериев возможна через использование показателей поисковой и креативной направленности, а также ассоциативности мышления.

Анализ соотношения метапредметных и предметных по физике результатов обучения происходило через показатели критериев, определяемых специальными контрольными работами. Задания упомянутых контрольных работ состояли из текстов, в основе которых лежали принципы и методы ТРИЗ-технологии. Оцениваемыми показателями при этом являлись как количество выполненных заданий, так и множественные варианты решения, а также оригинальность предложенного метода (см. таблицу 1).

При анализе таблицы видно, более высокий уровень достижения метапредметных результатов обучения показали учащиеся экспериментальной группы. Этому способствовало посещение элективного курса «Практикум по решению задач по физике (на основе ТРИЗ-

технологии)», а также систематическое решение задач, в основе которых лежали принципы и методы ТРИЗ-технологии. Сравнение показателей экспериментальной и контрольных групп говорит о правильности выбранной методики и эффективности педагогической модели, основанной на применении методов ТРИЗ-технологии (см. рисунок 1).

Следует отметить, что использование ТРИЗ-технологии для достижения метапредметных результатов обучения не только повышает интерес учащихся к изучению предмета, качество знаний по предмету, но и формирует умение учащихся работать самостоятельно, творчески подходить к решению задач, повышает самооценку и эрудированность.

Таблица 1.

Показатели выполнения специальных контрольных работ, состоящих из задачного материала на основе ТРИЗ-технологии.

	Группа обучающихся (школьники)											
	Экспериментальная группа				Контрольная группа 1				Контрольная группа 2			
	Начало эксп.		Конец эксп.		Начало эксп.		Конец эксп.		Начало эксп.		Конец эксп.	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Высокий	6	30	8	40	5	25	6	30	6	30	5	25
Средний	12	60	12	60	11	55	11	55	11	55	12	60
Низкий	2	10	0	0	4	20	4	20	3	15	3	15

Источник: составлено автором на основании анализа контрольных работ учащихся, участвующих в исследовании

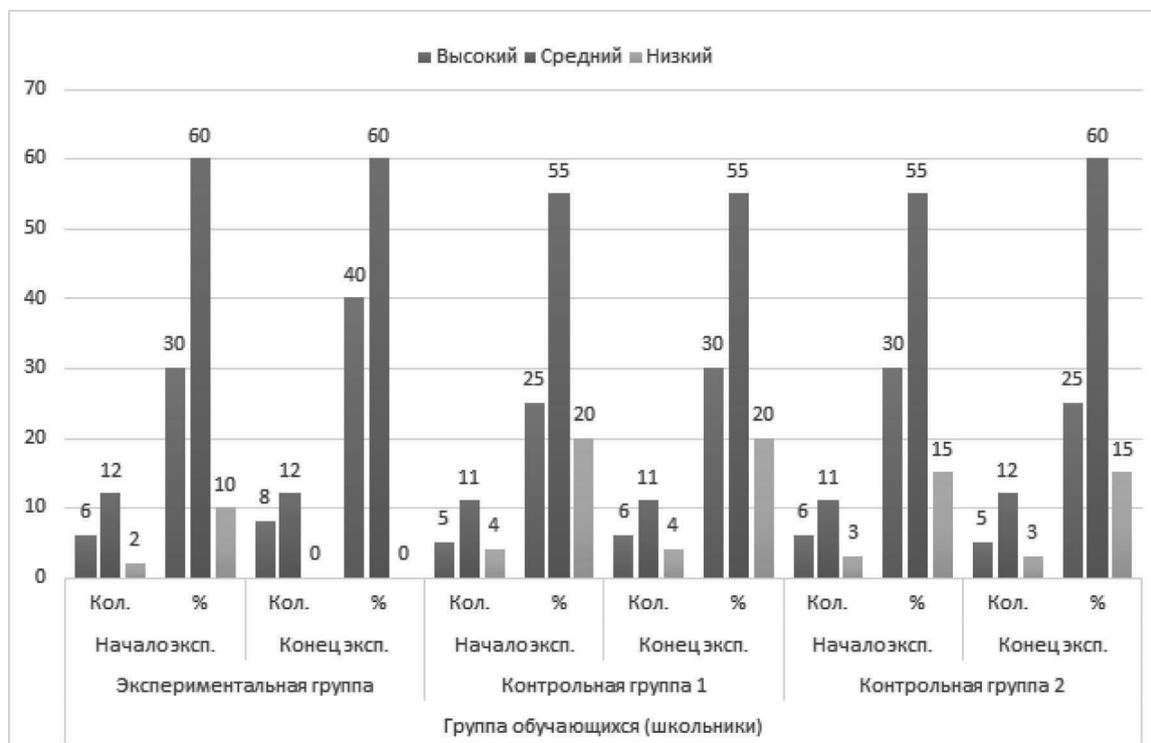

Рис. 1. Сравнительные данные выполнения специальных контрольных работ, задачный материал которых построен на основе ТРИЗ-технологии

Источник: составлено автором на основании результатов, представленных в таблице 1

Таблица 2.

Распределение результатов теста Bennett Mechanical Comprehension Test (методика в модификации Г.В. Резапкиной) по выявлению уровня достижения метапредметных результатов на контрольном этапе педагогического эксперимента, %

Уровни	ЭГ	КГ ₁	КГ ₂
на констатирующем этапе			
низкий	30	36	59
средний	50	53	37
высокий	10	7	4
очень высокий	10	4	0
на констатирующем этапе			
низкий	20	27	26
средний	20	28	48
высокий	25	39	26
очень высокий	34	6	0

Источник: составлено автором на основании анализа работ учащихся с тестом Bennett Mechanical Comprehension Test (методика в модификации Г.В. Резапкиной)

Таблица 3.

Результаты исследования уровня интереса на основании количества желающих сдавать в качестве ГИА ОГЭ предмет «Физика»

ЭГ		КГ ₁	КГ ₂
выбрали дальнейшее профильное направление		20	18
	инженеринг	2	2
	программирование	1	1
	социальные науки	6	8
	техническая прикладная специальность	7	2
	военное дело	4	5
выбранные предметы для проф. изучения		45	40
	математика	18	18
	физика	14	7
	информатика	2	2
	обществознание	6	5
	история	6	3
	биология	0	3
	химия	0	3
в 10 физико-математическом профиле обучается		13	7

Источник: составлено автором на основании анализа анкет учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Гнитецкая, Т.Н. Реализация метапредметных результатов освоения знаний при обучении физике в школе / Т.Н. Гнитецкая, Н.Н. Ковальчук // *Фундаментальные и прикладные вопросы естествознания: Материалы 58-й Всеросс. науч. конф.* – Т. 3. – Владивосток: ТОВВМУ им. О.С. Макарова. – 2015. – С. 53-57.
- Иванова, Е.О. Теория обучения в информационном обществе / Е.О. Иванова, И.М. Осмоловская. – 2-е изд. – М.: Просвещение. – 2014. – 190 с.
- Пурышева, Н.С. Концепция курса физики основной школы / Н.С. Пурышева, Н.Е. Важеевская // *Физическое образование в вузах.* – 1999. – Т. 5. – № 4. – С. 75-83.
- Гин, А.А. Педагогика + ТРИЗ: Сб. ст. для учителей, воспитателей и менеджеров образования / А.А. Гин. М: Вита-Пресс. Вып. 6. 2001. 79 с.

5. Хуторской, А.В. О метапредметной грамотности. Типичные ошибки учителей и дискуссия на Фейсбуке / А. В. Хуторской // Вестник института образования человека. – 2017а. – № 1. – С. 9.
 6. Шрагина, Л.И. Методологические возможности теории развития искусственных систем / Л.И. Шрагина // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2018. – № 1. – С. 71-81.
 7. Левинская Е.К. Формирование метапредметных компетенций учащихся средней школы на уроках физики // Физика в системе современного образования (ФССО 2019): сборник научных трудов XV Международной конференции / РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2019. С. 209-214.
-

© Левинская Елена Константиновна (rygovisa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ

TERMINOLOGICAL FRAMEWORK OF THE PROFESSIONAL SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT UNIVERSITY

*E. Polyudova
E. Bykova*

Summary: The article considers the definition of the concept of sociolinguistic competence in the terminological aspect. Despite the fact that the term exists in the framework of communicative competence, along with linguistic and pragmatic competencies, the development of society requires a new turn in the definition of traditional concepts. The authors explore changes in both the concept and the structure of the term "sociolinguistic competence", and its role in the field of teaching foreign languages in higher education.

Keywords: communicative competence, sociolinguistic competence, higher education, English for Specific Purposes (ESP), professionally oriented education.

Полюдова Елена Николаевна

*к. п. н., доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»
epolyudova@gmail.com*

Быкова Екатерина Александровна

*Преподаватель, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»
guider@yandex.ru*

Аннотация: Статья рассматривает определение понятия социолингвистической компетенции в терминологическом аспекте. Несмотря на то, что термин существует в рамках коммуникативной компетенции, наряду с лингвистической и прагматической, развитие общества требует нового поворота в определении традиционных понятий. Авторы исследуют изменения как в содержании и структуре термина социолингвистическая компетенция, так и его роли в современном преподавании иностранных языков.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, социолингвистическая компетенция, преподавание английского языка в вузе, английский язык для специальных целей, профессионально ориентированное обучение.

Компетентностный подход служит фундаментальной основой для формирования зрелой профессиональной личности современного студента, который ежедневно сталкивается с глобальным информационным потоком интернета, социальных сетей, системы образования. Общение как компетенция — это один из ценных гибких навыков, способствующих разностороннему развитию личности. Этот «сплав фундаментальных знаний, умений, опыта деятельности и личностных качеств» является в настоящее время значимым личностным новообразованием, которое формируется при обучении [Щепилова, 2017]. Особыми свойствами обладает коммуникативная компетенция, определяемая Е.Г. Таревой как «способность и готовность осознать, понимать и интерпретировать родную и иную картины мира в их взаимодействии и строить на этой основе процесс иноязычного общения с представителем другого лингвосоциума» [Тарева, 2016]. В настоящее время она включена в современную систему преподавания иностранных языков (далее - ИЯ) как ее важная продуктивная часть, нацеленная на осуществление общения с учетом множества нелингвистических факторов.

Социолингвистическая компетенция (далее – СЛК) рассматривается как часть иноязычной коммуника-

тивной компетенции, но ее статус в системе терминов, определяющих комплекс коммуникативных умений, окончательно не установлен и продолжает развиваться. Возникшая на базе социолингвистики, она стала необходимым ресурсом лингводидактики для преодоления прагматического подхода, когда язык преподавался, в первую очередь, с позиций усвоения грамматических норм, знания и усвоения лексических и синтаксических единиц.

Идея использовать арсенал социологических исследований во взаимосвязи с языком как формой выражения тенденций развития общества развивалась и продолжает развиваться в работе российских (Л.П. Якубинский, В.В. Виноградов, Е.Н. Соловова, Н.Д. Гальскова, Е.Г. Тарева) и зарубежных ученых (А. Мейе, Ф. Боас, Э. Сепир, В. Матезиус, Б. Гавранек, Р. Эллис, П. Традгилл). Понимание СЛК развивалось, в частности, под влиянием структуры, предложенной в 80-е годы XX века американскими учеными М. Канэйлом и М. Суэйном, которые выделили, наряду с грамматической и стратегической, СЛК как значимую часть коммуникативной компетенции. В составе социолингвистической компетенции было указано, во-первых, знание социокультурных правил использования языка (sociocultural rules) и, во-вторых, знание и

понимание контекстуальных правил (rules of discourse) [Canale, Swain, 1981]. В состав первой части правил вводится понимание уместности коммуникативных элементов, а также именно знание таких правил, которое имеет важнейшее значение для интерпретации высказываний в процессе общения. Знание правил контекстуальности, "rules of discourse", по мнению авторов, существует в рамках единства и последовательности группы высказываний в процессе решения коммуникативной задачи, что позволяет понимать общий смысл высказываний, мнений, комментариев даже при нарушении правил грамматики и культурных норм. Очевидно, что СЛК с первых этапов ее появления в научном терминологическом пространстве концентрировала внимание на обмен идеями и смыслами, ставя их во главу угла как наиболее важные для решения коммуникативной задачи.

Наиболее активное развитие концепция СЛК получила в последние десятилетия в связи со стремительными изменениями в обществе, в технологиях и, как результат, в способе освоения мира современным поколением студентов. Цели преподавания сместились с предмета преподавания и сконцентрировались на решение вопросов и проблем, самовыражении и понимании другого на ИЯ. Коммуникативная компетенция стала основополагающим элементом в изучении ИЯ, основой мотивации его изучения, движущим звеном методических экспериментов.

В зарубежной методике преподавания ИЯ «Common European Framework of Reference for Language: learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors» (далее – CEFR) является основополагающим для понимания контекста СЛК. В документе перечислены основные планируемые результаты изучения ИЯ для разных уровней, детальное описание и система оценки языковых компетенций. СЛК, определяемая как часть коммуникативной компетенции, — это «знания и умения, необходимые для понимания социальных особенностей использования языка» [CEFR 2018: 138]. Социокультурные умения описаны подробно для каждого уровня и рассматриваются обязательными для обеспечения эффективного межкультурного общения. Таким образом, «преподаватели не должны надеяться на приобретение социолингвистической компетентности учеников в одночасье, но, вводя контекст использования языка, анализируя влияние социальных и культурных факторов на язык и включая функциональный подход, можно повысить социолингвистический уровень учащихся.» [Feizin, 2019].

Российские исследователи также подробно рассматривают различные аспекты СЛК как в терминологическом, так и в структурном плане. В последнее время все больше и больше исследований разрабатывают это понятие с позиции самостоятельной части иноязычной коммуникативной компетенции. В диссертационных ис-

следованиях (Беленюк Н.А., Густомясова Т.И., Ломакина О.Е., Манухина Ю.В., Овчинникова М.Ф., Сеница Ю.А.) рассматриваются определение и структура понятия, его функциональные и методические особенности, способы формирования и развития в процессе изучения ИЯ.

Таким образом, современное понимание СЛК, объединяя результаты социолингвистических исследований с арсеналом методических средств преподавания ИЯ, обращает внимание на следующие факторы, которые в разных вариантах и вариациях присутствуют в определениях российских и зарубежных авторов:

- социальный аспект общения,
- языковые средства, используемые в зависимости от ситуации,
- личные качества,
- социальный статус участников общения,
- характер их отношений,
- цели общения
- обстоятельства общения [Беликов, Крысин 2001].

Особенно остро отмечается необходимость развития социолингвистической компетенции в методике преподавания, так как "никогда ранее не было большего несоответствия того, что преподают в классе, и тем, что на самом деле понадобится студентам в реальном мире, за пределами аудитории" [Kramsch, 2014]. Осознание проблемы, ее признание и анализ методических вопросов формирует качественно новый подход, который позволяет организовать работу с профессиональными материалами на разных уровнях владения ИЯ и в разных аспектах его преподавания. Для развития методических подходов, помимо определения круга вопросов, связанных с развитием СЛК, насущной задачей является развитие терминологической базы, формулирование определения понятия "социолингвистическая компетенция". Рассмотрим некоторые ключевые примеры. Н.Д. Гальскова определяет СЛК как «знания, навыки и умения, позволяющие осуществлять речевое и неречевое общение с носителями изучаемого языка в соответствии с национально-культурными особенностями чужого лингвосоциума» [Гальскова, 2006], обращая особое внимание на соответствие нормам иноязычного лингвосоциума. Е.Н. Соловова трактует СЛК как «способность осуществлять выбор языковых форм, использовать их и преобразовывать в соответствии с контекстом» [Соловова, 2006], заостряя важность сформированности компетенции выбора языковых норм. Ю.А. Сеница - как «владение набором языковых средств и способность осуществить их выбор в зависимости от различных аспектов контекста, в котором протекает общение, от общепринятых, соответствующих традициям определённого социума правил использования языка, а также от конкретной ситуации общения, а именно от таких её элементов, как коммуникативные цели, коммуникативные намерения, основные характеристики коммуникантов (их статусные и ситуа-

ционные роли), тема и обстановка» [Синица, 2000]. Это обширное определение раскрывает множество обстоятельственных аспектов термина, но ключевым моментов в нем является понимание аспектов контекста.

Наряду с этим, С.Е. Зайцева под социолингвистической компетенцией понимает «знания и умения, необходимые для понимания и продуцирования речи, соответствующей определенному контексту данного коммуникативного акта и ситуации общения; для эффективного использования языка в социальном контексте. К социолингвистической компетенции относится, в частности, умение выбрать нужный стилистический регистр языка в зависимости от ситуации общения: официальный, разговорный, нейтральный и т.д.» [Зайцева, 2012]. Исследователь вводит в определение важное понятие регистра общения, которое является одним из ключевых характеристик общения. Хотя Н.С. Горина отмечает, что «владение СЛК подразумевает не только способность организовывать свое речевое поведение в соответствии с социолингвистической нормой, но и способность выявлять и интерпретировать различные отклонения от языковой нормы, связанные с ее социальной вариативностью.» [Горина, 2012], ее определение вводит дихотомию выбора отклонения от норм (Лингв. энциклопед. словарь), которую участник общения в состоянии не только осознать, но и отразить в стилистике собственной речи. Анализируя СЛК и определяя ее с методической точки зрения и как рекомендацию для преподавателей ИЯ, М.Н. Ковалев заключает, что «ключевой компетенцией, которую необходимо развить преподавателю в своих студентах, являются навыки межкультурной коммуникации с представителями других стран. Очевидно, что данная компетенция основана на социологическом подходе, так как для ее реализации необходимо диагностировать и развивать социальную ситуацию.» [Ковалев, 2019]. Таким образом, становится очевидно, что СЛК активно исследуется в рамках преподавания ИЯ. Более того, определения рассматривают как общие, так и специфические характеристики термина, придавая ему научную глубину.

Несмотря на безусловную широту определений, некоторые аспекты остаются не охваченными. С нашей точки зрения, для более полного освещения существующего явления, необходимо расширение аспектности определения в сфере преподавания иностранного языка профессионального общения в вузе. **Социолингвистическая компетенция профессионального общения** — это владение комплексом лингвистических средств общего и профессионального ИЯ, которые студент знает и применяет на основе анализа ситуации общения и осознанного выбора использования языковых средств в рамках стилистических регистров и уместности языковых форм для решения коммуникативной задачи. Для лаконичности использования можно предложить «профессиональная социолингвистическая компетенция» - ПСЛК.

Так, А. Фейзин утверждает, что применение социолингвистики может изменить взгляд на изучение иностранного языка. Смысл социолингвистики заключается в том, что язык разнообразен и постоянно меняется, и меняется он не только от индивидуума к индивидууму, но и внутри одной социальной группы, определенной не только полом, социальной средой, но и одной профессиональной сфере деятельности. [Feizin, 2019]. Общеизвестно, что изучение ИЯ формирует вторичную языковую личность. Но, принимая во внимание изучение ИЯ в рамках определенной профессиональной деятельности, можно утверждать, что деятельность специалиста формирует профессиональную личность, которая взаимодействует в рамках определенного социально и профессионально обусловленного пространства. В этом пространстве существует не только своя терминология (ее изучить достаточно просто), но и свои нормы общения, свои речевые и поведенческие модели, - все те компоненты, которые включаются в состав социолингвистической компетенции. Наиболее важным в этом списке мы считаем не терминологию и даже не нормы общения, а умение высказывать и отстаивать свою точку зрения, объяснять идеи и концепции, принимать участие в профессиональных дискуссиях, разрешать проблемы в среде специалистов.

Рассматривая структуру понятия СЛК для профессионального образования, целесообразно выделить следующие компоненты:

- грамматический компонент: комплекс грамматических тем для обеспечения понимания профессионально материала и развития лингвистических знаний, который носит функциональный характер, обеспечивая необходимый уровень знакомства с грамматикой для понимания материала.
- социолингвистический компонент: набор речевых маркеров, языковых паттернов и ситуаций повседневного и делового общения, который включает речевые формулы, обеспечивающие взаимодействие и решение коммуникативных задач в рамках повседневного и делового общения;
- профессиональный лингвистический компонент: профессиональные термины - терминологическая база, в рамках которой возможно восприятие и выражение профессиональной информации и концепций.
- профессиональный социолингвистический компонент: речевые формулы и модели, позволяющие определять концепции в рамках профессиональной деятельности, особый профессиональный сленг; специфика ведения дискуссий в определенной сфере: особенности делового профессионального языка.

Профессиональный социолингвистический компонент не повторяет, но дополняет деловой стиль общения.

Будучи нейтральным, деловой стиль предоставляет знание общих речевых норм, применимых на первом этапе знакомства и общения. При развитии взаимодействия необходимо понимание специфики определенного профессионального общения. Такой подход требует знаний этой специфики от преподавателя, что делает задачу преподавания ИЯ в рамках ПСЛК достаточно сложной. Тем не менее, она разрешима, если скрупулезно изучить и использовать материалы по специальности. Частичная реализация этого принципа существует в профильных вузах, где создаются учебные пособия по определенной специальности. Например, учебники английского языка в юридических вузах или изучение транспортной системы – в транспортных. Их слабым местом является недостаток речевых формул для обеспечения практико-ориентированного обучения говорению на профессиональном ИЯ.

В этом контексте преподавание иностранного языка

через призму профессиональной социолингвистики становится как никогда актуальным и практико-ориентированным. В этом случае изучение ИЯ основывается не только на принципах лингводидактики или прагматики и даже не столько на принципах коммуникативного подхода. Каждый из них важен и составляет неотъемлемую часть методики преподавания ИЯ. Тем не менее, объединение различных сфер жизни, глобализация и всеобщее виртуальное пространство, “виртуальная Ойкумена”, требуют использовать процесс изучения ИЯ как точку роста и ещё одну возможность выйти за рамки привычного, взглянуть на мир по-новому, расширить горизонты понимания явлений. Сам процесс становится всеобъемлющим процессом личностного развития в процессе осуществления мотивированной деятельности, а иностранный язык в этом случае становится ещё одним инструментом для обеспечения эффективного процесса высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленюк Н.А. Формирование социолингвистической компетенции студентов младших курсов технического вуза в процессе обучения устному общению. (английский язык, базовый курс). 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). - дис. канд. пед. наук, Томск, 2008.
2. Беликов В.И. Социолингвистика: учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Гальскова. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
4. Горина Н.С. К вопросу о сущности социолингвистической компетенции // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-sotsiolingvisticheskoy-kompetentsii> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Густомясова Т.И. Методика формирования социолингвистической компетенции студентов на материале e-mail проектов (неязыковой вуз, английский язык). 13.00.02 -теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). дис. канд. пед. наук., Тамбов, 2010.
6. Зайцева С.Е. Исследование методики формирования социолингвистического компонента коммуникативной компетенции при обучении английскому языку студентов неязыковых вузов // Вестник Московской международной академии. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-metodiki-formirovaniya-sotsiolingvisticheskogo-komponenta-kommunikativnoy-kompetentsii-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku-studentov-neyazykovykh-vozov> (дата обращения: 15.10.2023).
7. Захарченко А.А., Кот Т.А. Специфика понятия “коммуникативная компетенция” на основе анализа отечественных и зарубежных исследований // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №68-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ponyatiya-kommunikativnaya-kompetentsiya-na-osnove-analiza-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovaniy> (дата обращения: 14.01.2024).
8. Ковалев М.Н. Методика преподавания английского языка в вузе в социологическом аспекте // Социология. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-prepodavaniya-angliyskogo-yazyka-v-vuze-v-sotsiologicheskom-aspekte> (дата обращения: 10.10.2023).
9. Ломакина О.Е. Теоретическая модель понятия «иноязычная социолингвистическая компетенция» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 476–481.
10. Манухина Ю.В. Формирование социолингвистической компетенции в процессе овладения формулами речевого этикета: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006.
11. Овчинникова М.Ф. Методика формирования социолингвистической компетенции учащихся общеобразовательной школы: (английский язык, филологический профиль): дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2008.
12. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Департамент по языковой политике, Страсбург: Московский государственный лингвистический университет (русская версия), 2005.
13. Путиловская Т.С. Овладение иностранным языком в современной парадигме нелингвистического образования // В сборнике: Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки бакалавров и магистров. Москва, 2018. С. 39-52.
14. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис. д-ра пед. наук. М., 1993.
15. Сеница Ю.А. Формирование социолингвистической компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению студентов неязыковых вузов: (в контексте национальной культуры Франции): дис. канд. пед. наук. М., 2000.
16. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова. – М.: Просвещение, 2006. – 239 с.
17. Социолингвистика. // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 481-482
18. Тарева Е.Г. Подготовка студентов к социокультурной и социолингвистической вариативности межкультурной коммуникации / Е.Г. Тарева // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы III Межд. науч. конгресса / Под ред. Е.В. Полховской. – Симфе-

- рополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 58-63.
19. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику. М., 1978.
 20. Щепилова А.В. Методика обучения иностранным языкам на современном этапе: полиподходность или полипарадигмальность? / А.В. Щепилова // Профессиональное становление учителя иностранного языка в системе педагогического образования. Материалы межд. конф. / Под общ. ред. Н.В. Языковой, Л.Г. Викуловой. – М.: МГПУ; Языки Народов Мира; ТЕЗАУРУС, 2017. – С. 24-30.
 21. Canale, M., Swain, M. A Theoretical Framework for Communicative Competence. // The Construct Validation of Tests of Communicative Competence. Includes Proceedings of a Colloquium at TESOL (Boston, MA, February 27-28, 1979. Ed. Palmer, A. and Others. Teachers of English Speakers of Other Languages. Washington, DC, USA, 1981, 171 p., pp. 31-37.
 22. Faizin A. Sociolinguistics in Language Teaching, 2019. p. 66-77. https://www.researchgate.net/publication/337736668_SOCIOLOGISTICS_IN_LANGUAGE_TEACHING
 23. Kramsch, C. Teaching foreign languages in an era of globalization: Introduction. The Modern Language Journal, 2014 — 98. p. 296 <https://www.sci-hub.ru/10.1111/j.1540-4781.2014.12057.x>
 24. Whorf, Benjamin L. "The Relations of Habitual Thought and Behavior to Language," in Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf, edited by J. Carroll. Cambridge: MIT Press, 1956, pp. 134-159.

© Полюдова Елена Николаевна (epolyudova@gmail.com), Быкова Екатерина Александровна (guider@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ ПРИ РЕШЕНИИ ТЕКСТОВЫХ ЗАДАЧ

Спиридонова Наталья Ивановна

Научный сотрудник, Центр изучения, сохранения и развития родных языков ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)» (г. Якутск)
tashachen@mail.ru

FORMATION OF READING LITERACY IN PRIMARY BILINGUAL SCHOOLCHILDREN WHEN INCLUDING WORD PROBLEMS

N. Spiridonova

Summary: The article examines the problem of developing reading literacy among junior schoolchildren in the process of solving word problems in the conditions of bilingual education. To determine the level of development of reading skills, criteria and assessment indicators were determined that correspond to the levels used in the PISA tests, as well as the stages of solving a word problem included in the federal basic educational program of primary general education. The results of this study will serve as the basis for developing pedagogical conditions for the formation and development of reading literacy in primary bilingual schoolchildren when solving text problems in mathematics.

Keywords: bilingual education, word problems, reading literacy, bilingual schoolchildren.

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования читательской грамотности у младших школьников в процессе решения текстовых задач в условиях билингвального образования. Для определения уровня сформированности читательских умений были определены критерии и показатели оценивания, которые соответствуют уровням, которые применяются при проведении тестов PISA, а также этапам решения текстовой задачи, включенным в федеральную основную образовательную программу начального общего образования. Результаты данного исследования послужат основой разработки педагогических условий формирования и развития читательской грамотности у младших школьников-билингвов при решении текстовых задач по математике.

Ключевые слова: билингвальное образование, текстовая задача, читательская грамотность, школьники-билингвы.

В настоящее время для достижения образовательных результатов, прописанных в обновленных федеральных государственных образовательных стандартах (далее – ФГОС), необходимо создавать условия, обеспечивающие формирование функциональной грамотности, то есть «способности решать учебные задачи и жизненные проблемные ситуации на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности» [1].

Как отмечают многие ученые, педагоги, умение читать является ключевым фактором, оказывающим значительное влияние на качество обучения, взаимодействия в обществе [2]. Анализ литературы по теме исследования показывает, что проблемой осмысленного чтения занимались известные отечественные ученые, как К.Д. Ушинский, А.В. Сухомлинский, А.С. Макаренко и др. [3]. На современном этапе развития образования также большое количество исследований отведено данной теме (М.В. Беденко, Г.М. Коджаспирова, Н.В. Медведева, С.П. Подсвиорова, П.В. Степанов и др.).

Результаты международных исследований (PISA,

PIRLS) показывают уровень читательской грамотности. Например, по итогам проведения PISA¹ в 2021 году 15,4% российских школьников не перешли пороговый (базовый) уровень, 77,8% – достигли его и только 6,8% – показали высокий уровень читательской грамотности [4]. Эти данные свидетельствуют о том, что существует потребность в повышении уровня сформированности читательской грамотности у российских школьников.

Решению текстовых задач отводится достаточно большое количество времени в курсе школьной математики на протяжении всех годов обучения. Для успешного решения задачи ребенку очень важно понять смысл текста. Учащиеся должны уметь работать с текстом, анализировать его, выявлять известные и неизвестные величины, а также соотношения, связывающие эти величины («больше», «меньше», «меньше или больше на», «меньше или больше в», «столько же» и т.д.). Но, как показывает педагогический опыт, дети испытывают затруднения: невнимательное чтение приводит к тому, что они не могут выделить условие и вопрос задачи, иногда они бездумно начинают выполнять те или иные арифметические действия, которые не отражают соотношения

¹ PISA (англ. Programme for International Student Assessment) – международное сопоставительное исследование навыков 15-летних подростков по чтению, математике и естествознанию, который оценивает функциональную грамотность школьников в разных странах мира и умение применять знания на практике.

между величинами, заданные в явном и неявном виде в тексте задачи и др.

В регионах России, где функционируют два государственных языка, не продуманы механизмы перевода на родной язык школьников текстов Всероссийской проверочной работы (ВПР). В начальных классах тексты ВПР по математике представляются на русском языке, вне зависимости от выбора языка обучения. В связи с этим для успешного выполнения ВПР младшие школьники должны понимать тексты на двух языках.

Таким образом, формирование читательской грамотности у младших школьников-билинггов на родном и русском языках, а также создание эффективных методик и средств ее достижения является актуальной задачей современного математического образования.

В нашем исследовании мы изучаем особенности решения текстовых задач по математике школьниками-билингвами, то есть учащимися, которые в процессе обучения (освоения образовательной программы начального общего образования) используют кроме родного (якутского) языка также неродной (русский) язык.

Опираясь на определения понятия «читательская грамотность» [5],[6], понятие «читательская грамотность школьников-билинггов» в контексте нашего исследования мы будем понимать, как способность понимать, анализировать тексты на родном и русском языках для решения текстовых математических задач на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности.

Целью нашего исследования является выявление уровня сформированности читательской грамотности у младших школьников-билинггов в процессе решения тестовых задач по математике.

В результате исследования мы хотим выявить уровень читательской грамотности на якутском и русском языках при обучении математике, а также основные ошибки, которые дети допускают на этапах решения текстовых задач. На основе анализа полученных результатов сделать выводы для дальнейшей разработки педагогических условий по повышению читательской грамотности на двух языках в процессе билингвального обучения математике.

Для достижения цели мы спроектировали диагностические материалы, позволяющие выявить уровень читательской грамотности на якутском и русском языках при решении текстовых математических задач. Применили такие *методы*, как анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы, изучение педагогического опыта решения текстовых математических задач в младших классах, билингвального математическо-

го образования, а также проведения международного сравнительного мониторинга PISA по части измерения уровня читательской грамотности.

Также нами применялись методы анкетирования и сравнительного анализа результатов письменной проверочной работы младших школьников по решению текстовых математических задач, составленных на якутском и русском языках.

Сравнительный анализ был проведен среди детей-билинггов, которые обучаются в классах с родным (якутским) языком обучения (далее – класс А), и детей-билинггов, которые в качестве языка обучения используют только русский язык, изучают родной язык в качестве учебного предмета (далее – класс В). Класс А решал две задачи, составленные на родном и русском языках, класс В – на русском языке. Для анализа работ учащихся класс А мы дифференцировали на две подгруппы группы: 1) Класс А1, который использует учебники по математике, написанные на русском языке; 2) Класс А2 – переведенные на якутский язык.

Исследованием было охвачено 60 детей – учащихся 4 классов школ города Якутска.

В виде источника дополнительных материалов к проверочной работе мы провели анкетирование среди учителей начальных классов. В анкетировании участвовало 23 учителя с педагогическим стажем от 4 до 38 лет.

Сформированность читательской грамотности мы будем оценивать по четырем уровням, которые применяются при проведении тестов PISA по выявлению читательских умений: 1) умение находить информацию, изложенную в явном виде; 2) умение формулировать прямой вывод на основе информации; 3) умение интерпретировать (толковать) и обобщать информацию; 4) умение анализировать и оценивать содержание и форму текста, в том числе его языковые особенности и структуру [7].

Также мы выявили этапы решения текстовой задачи по математике в начальных классах в соответствии с федеральной образовательной программой: чтение текста задачи; анализ данных и отношений в задаче; анализ зависимостей между данными и искомой величиной в текстовой задаче; представление текста задачи в виде рисунка, схемы или другой модели; планирование хода решения задачи; выбор соответствующих плану задачи арифметических действий; решение текстовой задачи, которая содержит несколько действия (в 1 классе в 1 действие); запись решения: оформление решения (по действиям с пояснением, по вопросам, с помощью числового выражения); запись ответа к задаче; проверка решения задачи (формулирование, проверка на достоверность, следование плану, соответствие поставленному вопросу); поиск других способов решения задачи.

Определили какие умения, должны быть сформированы в начальной школе при решении текстовых задач в контексте формирования читательской грамотности. Выявили критерии и показатели читательских умений в соответствии с этапами решения тестовых математических задач в начальной школе.

1 умение – поиск информации, заданной в явном виде

Для решения текстовой задачи необходимо умение работать с информацией, заключенной в тексте. А для этого нужно уметь читать, так как от сформированности данного умения зависит дальнейшая успеваемость по всем учебным предметам, в том числе и по математике. В начальных классах к чтению предъявляют следующие требования: осознанное, правильное, выразительное чтение, с соблюдением всех необходимых норм, с использованием средств выразительности устной речи (пауз, интонаций) [1]. Чтобы показать то, что школьник понимает смысл текста, он обычно использует средства выразительности устной речи, деля текст на смысловые части, то есть синтагмы. Это могут быть отрезки предложения, которые имеют некий законченный смысл. Общность, неразделимость смысловой нагрузки служит одним из критериев вычленения синтагм в речи [8]. Умение читать мы будем определять по умению читать синтагмами (использование средств выразительности устной речи). Читать дети могут как во внешней речи (чтение вслух, говорение), так и во внутренней (чтение про себя). В ходе нашего исследования школьники читают текст задачи про себя, затем приступают к решению задачи.

Чтобы понять содержание прочитанного текста задачи, детям нужно проанализировать данные и отношения в задаче. Анализ данных и отношений в тексте математической задачи мы будем определять по умению находить данные и искомые. Школьник должен прочитать синтагмы (предложения, части предложения), которые указывают на данные и искомые в задаче. При выполнении проверочной работы учащиеся подчеркивают данные (прямой линией), искомое (волнистой линией).

2 умение – формулирование выводов

Затем школьники переходят к следующему этапу решения задачи, к анализу зависимостей между данными и искомой величиной в текстовой задаче. Для формулирования выводов после прочтения текста задачи ученики должны уметь распознавать и анализировать зависимости между данными и искомой величиной. В итоге они должны прийти к некому выводу, как результат анализа, то есть четко и кратко сказать то, что надо найти и что дано. В проверочной работе дети записывают краткую запись к задаче.

3 умение – интерпретация и обобщение информации

При формировании и развитии читательской грамотности крайне важно умение интерпретировать и обобщать информацию. При обучении математике детям важна роль моделирования. Школьники, представляя содержание текста задачи в виде рисунка, схемы или другой модели, могут лучше его понять и осуществить планирование хода решения задачи, выбрать метод решения, а также соответствующие плану задачи арифметические действия. Во внешней речи дети устно комментируют модель, которую они чертят в тетради. В проверочной работе учащиеся чертят модель и про себя проговаривают. Также мы попросили прописать их план решения задачи и в соответствии с этим привести обоснование выбора арифметических действий.

4 умение – анализ и оценка содержания, языковых особенностей и структуры текста

Если предыдущие этапы решения задачи пройдены учениками, то они уже могут приступить к ее решению. Если говорить о читательских навыках, то они в ходе решения задачи анализируют и оценивают ее содержание, зная языковые особенности и структуру текста, могут выполнять записи, то есть переводить вербальный текст (на естественном языке) на символический (на математическом языке). В начальных классах дети решают текстовые задачи, которые содержат несколько действий (в 1 классе в 1 действие). Итак, они записывают решение задачи: оформление решения по действиям с пояснением, по вопросам, с помощью числового выражения и др. Во внешней речи школьники комментируют ход решения задачи. Делают записи в тетради (комментарии к действиям).

В конце школьники обязательно должны правильно оформить ответ к задаче (краткий или развернутый ответ) и сделать проверку (формулирование, проверка на достоверность, следование плану, соответствие поставленному вопросу).

При выборе текстовых задач мы ориентировались на следующие требования:

1. Информационная насыщенность текстового материала (задача решается в несколько действий).
2. Соответствие школьному курсу учебного предмета «Математика» (4 класс).
3. Соответствие возрасту и интересам учеников.

В текстовой задаче имеются слова: описывают сюжет задачи; не являются ключевыми в выражении математических отношений, но прямо влияют на изменения количественных связей; обозначают математические величины и единицы измерения; выражают отношения и зависимость между ними [9].

Все три группы детей решали текстовую задачу, составленную на русском языке:

«Две бригады рабочих выкладывают с двух сторон асфальтовую дорогу длиной в 2 км. На тот момент, когда бригады рабочих встретились, первая положила 10 участков по 80 м каждый, а вторая – 20 участков одинаковой длины. Участки какой длины (в метрах) кладёт вторая бригада?».

Классы А1 и А2 решали аналогичную задачу на родном языке (сюжет, величины, единицы измерения другие, но отношения и зависимости аналогичные):

«Күһүннү дьаарбанкаҕа үөрэнээччилэр барыанна атыылаабыттар. Барыта 5 киилэ барыаннаны оҕолор баанкаларга куппуттар. Улахан баанкаҕа 400 г барыанна киирэр, кыра баанкаҕа – 200 г. Оҕолор хас кыра баанканы туттубуттары, өскөтүн 4 улахан баанкаҕа барыаннаны куппут буоллахтарына?».

Проверочная работа содержит вопросы, которые выявляют уровни сформированности читательских умений по критериям PISA рассмотренные выше.

Для этого для каждого критерия определили по три показателя, выставляли от 1 до 3 баллов соответственно. По каждому умению нашли средний балл. Уровни овладения читательскими умениями: высокий (2-3 балла), средний (1-2 балла), низкий (0-1 балл).

Представим результаты анализа проверочных работ трех классов: классы А1 и А2, класс В.

Задачу, составленную на якутском языке, дети решили примерно одинаково. Разница составила только 0,03 балла в пользу класса А1. Аналогичную задачу на русском языке дети решили по-разному. Например, класс А2 набрал на 0,32 балла меньше, чем класс А1. Больше всего баллов набрали школьники-билингвы, обучающиеся в классе В. Таким образом, в целом уровни сформированности читательской грамотности на родном и русском языках следующие: класс А2 – низкий на двух языках, класс А1 – средний на двух языках, класс В – средний. Это показывает то, что имеют место когнитивные издержки билингвального образования при переходе на русский язык обучения в начальных классах. Традиционно в школах Якутии постепенный переход на русский язык обучения осуществлялся с 5 класса. Ведь «полноценное владение первым языком обеспечивает включение когнитивных механизмов, а второй язык обычно оттачивает их до совершенства» [10, С. 46].

Далее сравним результаты анализа работ учащихся по критериям сформированности читательских умений (PISA). Сначала посмотрим, как класс А1 и А2 решили задачу на родном языке.

Класс А1 лучше справился с поиском информации, заданной в явном виде (разница составляет 0,43 балла). То есть дети лучше анализируют данные и отношения в тексте задачи: могут указать на синтагмы, которые указывают на данные и искомое. Тем не менее оба класса показали средний уровень сформированности читательского умения – поиск информации, заданной в неявном виде.

По следующему критерию «Формулирование выводов» также класс А1 опережает (на 0,21 баллов). Данный критерий подразумевает анализ зависимостей между данными и искомой величиной. Школьники после прочтения текста задачи, формулируют выводы и оформляют их в виде краткой записи. Также уровень сформированности умения формулирования выводов – средний.

По критерию «Интерпретация и обобщение информации» класс А1 вновь оказался чуть впереди (на 0,05 балла). Данный критерий требует от учащихся представление текста задачи в виде рисунка, схемы или другой модели, планирование хода решения задачи, а также выбор соответствующих плану задачи действий. Умение интерпретировать и обобщать информацию в обеих группах сформировано на низком уровне.

По критерию «Анализ и оценка содержания, языковых особенностей и структуры текста» класс А2 набрал больше баллов (на 0,61 балл). Здесь мы оценивали, как школьники выполняют само решение текстовой задачи. Как они записывают решение: оформляют его по действиям, записывают ответ к задаче (развернутый, краткий, не пишут его), проверяют решение задачи (формулирование, проверка на достоверность, следование плану, соответствие поставленному вопросу). Данное умение также находится на низком уровне. Тем не менее класс А2 в целом решил задачу на родном языке лучше.

Теперь сравним результаты работ школьников по решению текстовых задач на русском языке. Здесь для сравнения мы дополнительно взяли класс В. Очевидно, что данный класс лучше решает текстовые математические задачи на русском языке. Дети, обучающиеся в этом классе, на высоком уровне могут искать информацию, интерпретировать и обобщать ее. Уровень умения формулировать выводы – средний, а умение анализировать и оценивать содержание, языковые особенности и структуры текста – низкий, как у двух других классов.

Класс А2 имеет низкий уровень сформированности умений поиска информации, ее интерпретации и обобщения, а также анализа и оценки содержания и др. Класс А1 показал средний уровень этих читательских умений.

Если сравнить читательские умения при решении задач на двух языках у одного класса, то класс А1 лучше справляется с поиском информации и формулиро-

ванием выводом, но хуже интерпретирует и обобщает информацию, анализирует и оценивает содержание, языковые особенности и структуру текста при решении задач на родном языке. Классы А2 лучше решает задачи на родном языке.

Анализ результатов анкетирования учителей выявил основные затруднения, которые дети испытывают при решении текстовых задач. В целом большинство школьников испытывают затруднения при решении текстовых задач: 74% учителей ответили «да», 13% – «нет», 13% – «иногда». Также они указали на то, что учащиеся затрудняются при нахождении из текста задачи данных и искомого: 60,9% учителей – «да», 17,4% – «нет», 21,75% – «иногда». Многие ученики испытывают затруднения при моделировании текста задачи (схема, рисунок и др.): 69,6% – «да», 17,4% – «нет», 13% – «иногда». При оформлении ответа к задаче учащиеся чаще записывают краткий ответ, развернутый – реже. Проверку решения задачи многие дети не делают.

Все опрошенные учителя считают, что уровень читательской грамотности у младших школьников влияет на качество решения текстовой задачи. Следовательно, учителя думают, что и на уроках математики необходимо уделять время на работу с текстом задачи (выразительное чтение текста, упражнения для анализа текста и др.).

В ходе исследования мы убедились, что успешное решение задачи зависит от умения читать текст, анализировать и понять его. Результаты анализа работ показали, что имеются когнитивные и лингвистические издержки билингвального образования, если его вводить слишком рано. Мы считаем, что усвоение второго языка должно происходить на основе уже сформированного мышления на родном языке. Следовательно, формировать умение решать задачи необходимо сначала на родном языке учащихся. Простые понятные тексты на родном языке учащихся помогут им усвоить алгоритм решения текстовой задачи (по типам задач), что приведет к успешному решению задачи. В начальных классах целесообразно обучать детей на их родном языке, использовать учебники, учебные пособия также на родном языке.

Для формирования читательской грамотности как основы умения решать текстовые задачи будет эффективным использование методов смыслового чтения, которые можно распределить по этапам решения задачи и соотнести с читательскими умениями по критериям PISA: просмотровое; поисковое и ознакомительное; учающее или выборочное; усваивающее чтение.

Для формирования умений и навыков смыслового

чтения школьникам необходимо выполнить специальные упражнения. Так как подобные задачи не включены в учебник по математике, возникает потребность в разработке системы задач, направленных на работу с текстом, формирование навыков смыслового чтения при решении различных типов текстовых задач. Комплекс таких задач должен дополнять учебник и активизировать приемы и методы смыслового чтения. Использование таких заданий должно быть систематическим на протяжении всего учебного года. Также можно дифференцировать задания по уровню сложности лингвистического и предметного компонентов текстовых задач, то есть процесс формирования читательской грамотности можно сделать поэтапным. Здесь вполне целесообразным может стать использование технологии CLIL (Content and Language Integrating).

Можно использовать практико-ориентированные задачи, которые наиболее близки детям, так как они приближены к реальной жизни. Также будет полезно предлагать младшим школьникам задачи, в сюжете которой заключены региональные и этнокультурные особенности их родины и родного народа. Так как в начальных классах происходит формирование идентичности личности детей. Составление учащимися собственных и обратных задач также играет особую роль.

Таким образом, определение уровня сформированности читательской грамотности у детей-билингвов, позволило нам выявить основные причины затруднений, которые возникают при решении текстовых задач по математике на родном и русском языках.

Практическая значимость исследования также заключается в диагностических материалах, разработанных на основе теоретико-методологического анализа литературы, педагогического опыта решения текстовых задач и билингвального обучения математике. Были выявлены показатели и критерии сформированности читательских умений по этапам решения задачи, представленной на двух языках. Данный анализ помог нам определить дальнейший путь в исследовании проблемы, который мы вкратце оформили в виде рекомендаций педагогам. На следующих этапах исследования будут разработаны и подробно описаны педагогические условия формирования и развития читательской грамотности у школьников-билингвов при решении текстовых задач по математике в начальной школе.

Результаты нашей работы смогут в дальнейшем быть встроены в образовательный процесс школ с родным (нерусским) языком обучения при обучении школьников-билингвов решению текстовых математических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. ФГОС начального общего образования (утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 286) [Электронный ресурс]. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://fgosreestr.ru/uploads/files/1afad6458692dc7b86f9b7d872243a60.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).
2. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды: проблемы возрастной и педагогической психологии / Д. Б. Эльконин; Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: МПА, 1995. – 224 с.
3. Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей / А.С. Макаренко. – Минск: Нар. асвета, 1978. – 96 с. 4. Сухомлинский В. А. Сто советов учителю / В.А. Сухомлинский. – Киев: Рад. шк., 1984. – 254 с.
4. Общероссийская оценка по модели PISA-2021. ФГБУ ФИОКО, 2022.
5. Куропятник И.В. Чтение как стратегически важная компетентность для молодых людей // Педагогическая мастерская. Все для учителя. – 2012. – № 6.
6. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 [Электронный ресурс]. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://fgosreestr.ru/uploads/files/46593b22b760acc6966815c78e5b95e.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).
7. OECD (2010). PISA 2009 Framework: Key competencies in reading, mathematics and science. Paris: OECD.
8. Даркулова К.Н. Синтагма как универсальная интонационная единица языка // Проблемы науки, образования и устойчивого социально-экономического развития общества в начале XXI в., посвященной 60-летию ЮКГУ им. М. Ауезова // Труды Международной научной конференции. – Шымкент: ЮКГУ им. М. Ауезова, 2003. – Т.7. – С. 138-141.
9. Демидова, Т.Е. Теория и практика решения текстовых задач / Т.Е. Демидова, А.П. Тонких. – М.: Академия, 2001. – 234 с.
10. Хамраева, Е.А. Формирование коммуникативных умений у младших школьников на уроках русского языка: в аспекте моделирования учебных средств: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических / Хамраева Е.А. – Москва, 2004. – 416 с.

© Спиридонова Наталья Ивановна (tashachen@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА

THEORETICAL ASPECTS OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF COMPETENCIES OF MEDICAL COLLEGE STUDENTS

V. Tikhomirova
V. Makarova

Summary: The use of information technologies in the formation of competencies of medical education students in the conditions of digitalization of secondary vocational education is reaching a new level. The purpose of the article is to analyze the actual problems of using information technologies in the formation of competencies of medical college students. The reliability of the obtained research results is provided by the theoretical analysis of the scientific literature, the analysis of the domestic experience of training medical personnel in the conditions of the level of secondary vocational education. Based on the theoretical analysis of the literature, the possibilities of using information technologies in the educational environment of a medical college are analyzed. As a result of the study, it was concluded that the choice and application of information technologies in the process of forming the competencies of future physicians is influenced by belonging to a particular chosen specialty.

Keywords: competence, competence, college, information technology, didactic tool, educational environment.

Тихомирова Виктория Александровна

Старший преподаватель, Негосударственное
образовательное частное учреждение высшего
образования «Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
vatih72@mail.ru

Макарова Виктория Анатольевна

Старший преподаватель, аспирант, Негосударственное
образовательное частное учреждение высшего
образования «Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
makarova-va67@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические аспекты применения информационных технологий в формировании компетенций студентов медицинского колледжа. Отмечено, что практическая деятельность студента медицинского колледжа предполагает формирование манипуляционных навыков и нетехнических, включающих применение когнитивных механизмов (сбор информации, анализ и оценка ситуации, умение планировать, принимать решения), а также социальных навыков (коммуникация с пациентом, умение работать в команде). Определено, что постепенно оформляются границы информатизации учебного процесса и цифровизации образовательной среды. Выявлено, что применение информационных технологий направлено на получение, актуализацию знаний, их модерацию в разных форматах, систематизацию учебного материала, повышение познавательного интереса, цифровые технологии ориентированы на усвоение практических навыков, дистанционные технологии направлены, по большей части, на самостоятельную работу, возможность своевременной и объективной оценки знаний, онлайн-технологии могут быть использованы для развития коммуникативной компетенции. Сделан вывод о том, что практика применения информационных технологий в формировании компетенций студентов медицинского колледжа опирается на теоретические аспекты стимулирования познавательного интереса и мотивации, необходимости методического сопровождения использования той или иной технологии в соответствии с задачами обучения, формирования высокого уровня цифровой и компьютерной грамотности, а также формирования коммуникативной компетенции в рамках взаимодействия преподаватель – студент, медицинский работник – пациент.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, колледж, информационные технологии, дидактический инструмент, образовательная среда.

Среднее профессиональное медицинское образование является важным звеном подготовки медицинских кадров. Особенностью данного уровня образования является его профильный характер, поскольку содержание обучения направлено на усвоение студентами медицинского колледжа практических навыков и формирование у них профессиональных компетенций [2].

Следует отметить, что студенты медицинского колледжа обучаются по программам «Лечебное дело» и «Сестринское дело». Практическое обучение начинается на первом курсе, где студенты изучают базовые мануальные навыки. На втором курсе студенты осваивают вмешательства средней степени сложности и высокотехнологические вмешательства посредством алгорит-

мов манипуляций с пошаговым выполнением. Третий и четвертый курсы предназначены для интеграции практических навыков и клинического мышления студентов в рамках решения как стандартных, так и сложных клинических задач, в частности, оценка состояния пациента, выявление отклонений от нормы, планирование диагностических и лечебных вмешательств [3]. Тем самым практическая деятельность студента медицинского колледжа предполагает формирование технических или манипуляционных навыков и нетехнических, включающих применение когнитивных механизмов (сбор информации, анализ и оценка ситуации, умение планировать, принимать решения), а также социальных навыков (коммуникация с пациентом, умение работать в команде). Несмотря на то, что такое обучение является традиционным, цифровое пространство активно внедряется в учебный процесс.

Значимость применения информационных технологий обусловлено следующими причинами:

- во-первых, внедрением в медицинскую практику технологий обработки медицинских документов и данных пациентов;
- во-вторых, широким использованием Интернет-технологий в работе медицинского работника;
- в-третьих, необходимость сочетания текстовых данных и визуализации (например, при проведении МРТ / МСКТ есть возможность представить информацию об исследовании как текстом, так и с визуализацией);
- в-четвертых, обучение современного поколения студентов требует широкого внедрения мультимедийных, цифровых, дистанционных и онлайн-технологий, позволяющих адаптировать любой учебный материал под потребности каждого обучающегося.

Анализ исследований по вопросам применения информационных технологий в медицинском образовании позволяет определить группы информационных технологий, применяемых в медицинском колледже:

1. Цифровые образовательные ресурсы, к которым следует отнести: текстовые документы, презентации, интерактивные задания (тесты, вопросы, задачи, задания с анимацией и визуализацией, графики), аудио и видео-учебные материалы, целью которых являются получение необходимых базовых и дополнительных знаний.
2. Программы дистанционного обучения, позволяющие проводить комплекс работ по предоставлению учебных материалов, выполнению разных видов учебной деятельности, оценивать результаты студентов.
3. Электронные учебники, интерактивные учебные материалы, служащие формой традиционных учебных пособий.

4. Тренажеры, симуляторы, направленные на формирование закрепление умений и навыков, проверку их сформированности, анализ результативности обучения по конкретным областям знаний.
5. Цифровые инструменты и приложения, позволяющие моделировать процессы, объекты с целью изучения их структурных и функциональных особенностей.
6. Цифровые инструменты и мультимедийные технологии, направленные на визуализацию объектов, процессов, явлений.
7. Обучающие сайты / приложения / инструменты в форме ситуационных и/или игровых задач.
8. Инструменты автоматизации данных, начиная с Excel и заканчивая сложными системами интеграции данных [12].

Различные аспекты применения информационных технологий в медицинском колледже изучаются разными авторами.

Т.А. Куликова, А.Ю. Дьяченко отмечают, что важными задачами применения информационных технологий в медицинском образовании на уровне СПО являются:

- обучение компьютерной грамотности;
- создание информационной инфраструктуры на базе образовательного учреждения с целью обучения студентов работать в базах данных, которые могут быть установлены для получения практических навыков обучающихся [8].

Другие исследователи (С.А. Долгарева и А.И. Конопля) отмечают, что профессиональная подготовка студентов медицинского колледжа должна соответствовать требованиям работодателей. В этой связи применение новых информационных технологий вполне обосновано [5].

Согласно Т.Н. Софроновой, постоянный рост требований к среднему медицинскому персоналу вызывает необходимость подтверждения уровня сформированности компетенций профессиональным стандартам. Автор указывает на то, что симуляционное оборудование служит цели отработки практических навыков по принципу «от простого к сложному». В своей работе исследователь представил алгоритм освоения практического навыка на основе использования симуляционного оборудования (Рис.1.) [13].

Представленный алгоритм позволяет утверждать, что методическое сопровождение каждого занятия и педагогический контроль играет первостепенную роль в приобретении практических навыков медицинских манипуляций, актуализации базовых знаний и повышению их качества. Методическое сопровождение занятий включает организационную часть, целеполагание, актуализацию базовых знаний, формирование новых прак-

Рис. 1. Алгоритм освоения практического навыка на основе использования симуляционного оборудования

тических умений, непосредственно симуляционное обучение, закрепление знаний.

С другой стороны, как отмечает Е.Г. Рипп, симуляционная практика, в первую очередь, на уровне среднего медицинского образования, позволяет осуществлять объективную оценку уровня практической подготовки будущих медицинских работников до встречи с реальным пациентом [11]. Данную позицию можно объяснить тем, что преподаватель имеет возможность при организации учебного материала оказывать влияние на развитие личности студента посредством подбора содержания вопросов, заданий, клинических задач, выбора оптимальных информационных технологий, то есть познавательную деятельность и тем самым стимулировать их интерес к саморазвитию и самообразованию, совершенствование профессиональных компетенций.

В работах М.Ю. Епанчинцева, Б.Е. Стариченко обращается внимание на эффективность использования мобильных приложений, в частности, «Справочник врача», созданный на основе МЭС, особенностью которого является наличие калькуляторов, регламентов по работе с пациентами, справочников, которые можно использовать с целью принятия клинических решений (по итогам проведения анамнеза, постановки диагноза, инструментального, лабораторного и консультационного подтверждения смежных специалистов) [6].

По мнению Е.В. Редькиной, применение дистанционных технологий в медицинском колледже способствует оптимизации совместной работы преподавателей и студентов [10]. Применительно к медицинскому образованию, программы, в частности, Moodle, позволяют представить комплекс манипуляций в форме видео-кон-

тента. Онлайн-технологии, например, Zoom позволяют работать удаленно и транслировать манипулятивные техники на реальных пациентах. Следует отметить, что дистанционные технологии в большей степени направлены на актуализацию и закрепление знаний, а также их визуализацию, однако не позволяют отработать практические навыки как в области манипулятивных техник, так навыки общения с пациентами, а также диагностического обследования.

В работе О.А. Никифоровой акцентируется внимание на 3D – моделировании анатомических структур в форме веб-моделей, компьютерных и мобильных, а также физических моделей [9]. Возможность вращать и наблюдать за структурами с разных точек зрения позволяет студентам идентифицировать их правильно и в дальнейшем проводить с ними медицинские манипуляции. Моделирование в трехмерном пространстве позволяет развивать у обучающихся зрительно-пространственную способность, что становится важным в процессе практической деятельности студента.

Развитие 3D-моделирования отдельных структур получило свое развитие на уровне лабораторий с целью визуализации физических и химических процессов, производства, проведения химических экспериментов. В качестве примера Т.Г. Дергоусова предлагает использовать виртуальные технологии CAVE с целью организации виртуальной экскурсии на химическое производство посредством применения очков дополненной реальности, а также FRAVE – виртуальные перчатки, позволяющие работать с отдельными блоками / модулями на производстве или в лаборатории [4].

Ряд авторов указывают на широкие дидактические

возможности аудиовизуальных технологий, рассматривая их в качестве:

- источника не только новой учебной информации, но и повторения, систематизации и контроля знаний;
- средством наглядности, способным конкретизировать понятия, события, процессы, повышая тем самым доступность материала и активизируя осознанность его усвоения;
- инструмента повышения мотивации и познавательного интереса студентов;
- источника активизации мышления, в том числе и клинического, пространственного, когнитивных процессов (анализ, синтез, оценка);
- средства визуализации взаимосвязи теории с практикой;
- эффективного средства реализации педагогических принципов обучения.

Ю.Э. Азарова и И.И. Коломиец отмечают, что выбор информационных технологий зависит от специальности, однако сходятся во мнении, что важно учитывать разные аспекты их применения: методические, организационные, психологические, мотивационные и направленность на формирование компетенций [1]

Тем не менее теоретические и практические аспекты применения дистанционных технологий были пересмотрены после пандемии. Осторожное отношение преподавателей к данной группе технологий было вызвано тем, что образование студентов -медиков, прежде всего, СПО, где особое значение имеют именно манипулятивные действия непосредственно на реальном объекте и коммуникация с пациентом. В Приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 31.07.2020 № 475н, а также во ФГОС СПО по специальности 34.02.01 Сестринское дело указано, что коммуникативная компетентность – это основа практически всех трудовых функций медицинских работников, соответственно, дистанционные и другие информационные технологии должны быть направлены в том числе и на формирование коммуникативной компетентности, однако на практике наблюдается иная ситуация [3].

Исследования Л.А. Камаловой, Н.В. Тарасовой, Р.Ф. Гайфуллиной подтверждают, что в современной подготовке будущих медицинских работников на базе СПО основной акцент делается на качество и автоматизированность выполнения манипуляций, однако игнорируется необходимость развития коммуникативной компетенции [7]. В период пандемии широкое применение онлайн-технологий способствовало развитию такого направления как телемедицина, которая потребовала от врачей, преподавателей и студентов не только навыка работы с компьютером и онлайн-инструментами, но и высокого уровня развития навыка коммуникации [2]. Данное направление выявило ряд факторов, влияющих

на эффективность предоставления медицинских онлайн-консультаций. В частности, в первую группу были включены: культура, язык, навыки общения, организационные условия (камеры, правила проведения консультаций и др.). Ко второй группе были отнесены навыки, образование, профессионально значимые личностные качества, а также компьютерную грамотность. В этой связи следует отметить, что современные информационные технологии характеризуются следующими особенностями:

- широкий выбор в соответствии с целями, задачами образования, направленность на актуализацию и закрепление знаний, стимулирование познавательной активности студентов;
- гибкость способа реализации разных видов деятельности, в частности, самостоятельного, индивидуального, командного обучения;
- возможность организации большого количества информации в различных форматах, объективной оценки результатов деятельности студентов.

Таким образом, практика применения информационных технологий в формировании компетенций студентов медицинского колледжа охватывает следующие теоретические аспекты:

1. Включение информационных технологий должно двусторонним процессом, направленным, с одной стороны, на формирование компетенций студентов, с другой, совершенствование компетенций педагогов (методической, организационной, информационной, коммуникативной).
2. Формирование высокого уровня цифровой и компьютерной грамотности становится одной из важнейших задач обучения студентов медицинского колледжа ввиду широкого распространения цифровых технологий в медицинскую практику и сферу образования.
3. Формирование устойчивой мотивации к получению и закреплению знаний должно базироваться на личном стремлении студента к самообразованию и развитию профессиональных компетенций.
4. Методическое сопровождение использования информационных технологий в СПО должно ориентироваться не только на непосредственную организацию обучения посредством тех или иных технологий, но и логическую обоснованность в их выборе, применении. Тем самым постепенно оформляются границы информатизации учебного процесса и цифровизации образовательной среды, когда становится понятным, что применение информационных технологий направлено на получение, актуализацию знаний, их модерацию в разных форматах, систематизацию учебного материала, повышение познавательного интереса, цифровые технологии ориентированы на симуляционное обучение, моделирование, то есть

применимы с целью усвоения практических навыков, дистанционные технологии направлены, по большей части, на самостоятельную работу, возможность своевременной и объективной оценки знаний, а онлайн-технологии могут быть использованы для развития коммуникативной

компетенции. Тем не менее формирование коммуникативной компетенции остается осуществимым, по большей части, в рамках традиционного обучения, когда требуется непосредственный диалог преподаватель – студент, медицинский работник – пациент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Ю.Э., Коломоец И.И. Компьютерные технологии в освоении биологической химии / Ю.Э. Азарова, И.И. Коломоец // Подготовка медицинских кадров и цифровая образовательная среда: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 84-й годовщине КГМУ (Курск, 1 февраля 2019 г.) / [ред. В.А. Лазаренко, П.В. Калуцкого, Н.Б. Дрёмовой, А.И. Овод, Н.С. Степашова]. Курск: КГМУ, 2019. 661 с.
2. Алексеев А.Ю., Балкизова З.З. Медицинское образование в период пандемии // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 1. № 2. С. 8-13.
3. Брагин А.В., Нагаева М.О., Орлова Е.С. Компетентностный подход в повышении качества профессиональной подготовки студентов медицинских вузов // Научный форум. Сибирь. 2022. Т. 8. № 1. С. 16-17.
4. Дергоусова Т.Г. Развитие современных технологий в фармацевтическом образовании // Подготовка медицинских кадров и цифровая образовательная среда: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 84-й годовщине КГМУ (Курск, 1 февраля 2019 г.) / [ред. В.А. Лазаренко, П.В. Калуцкого, Н.Б. Дрёмовой, А.И. Овод, Н.С. Степашова]. Курск: КГМУ, 2019. 661 с.
5. Долгарева С.А., Конопля А.И. Особенности информационного компетентностного подхода в образовательном процессе медицинского вуза на примере изучения дисциплины «Биологическая химия. Биохимия полости рта» // Подготовка медицинских кадров и цифровая образовательная среда: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 84-й годовщине КГМУ (Курск, 1 февраля 2019 г.) / [ред. В.А. Лазаренко, П.В. Калуцкого, Н.Б. Дрёмовой, А.И. Овод, Н.С. Степашова]. Курск: КГМУ, 2019. 661 с.
6. Епанчинцев М.Ю., Стариченко Б.Е. Индивидуализация самостоятельной работы при обучении математике студентов медицинского колледжа посредством мобильных технологий / М.Ю. Епанчинцев, Б.Е. Стариченко // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2023. №1. С.56-64.
7. Камалова Л.А., Тарасова Н.В., Гайфуллина Р.Ф. Формирование и развитие коммуникативной компетентности студентов медицинского колледжа и медицинского вуза в условиях пандемии COVID-19 // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 4А. С. 328-337.
8. Куликова Т.А., Дьяченко А.Ю. Организация образовательной деятельности студентов с использованием интерактивных средств обучения // KANT. 2017. № 2 (23). С. 42- 45.
9. Никифорова О.А. Инновационные методы обучения // Применение инновационных педагогических технологий в образовательном процессе медицинского колледжа. Волгоград, 2016. С. 40–46.
10. Редькина Е.В. Организация обучения практическим навыкам студентов медицинского колледжа с использованием дистанционных образовательных технологий / Е.В. Редькина // European journal of natural history. URL: <https://scienceforum.ru/2023/article/2018032359?ysclid=lo73nb61u3202571175> (дата обращения: 26.10.2023).
11. Рипп Е.Г. Симуляционные тренинги на рабочем месте (in situ) — эффективная технология практической подготовки и оценки медицинского персонала / Рипп Е.Г. [и др.]. М., 2017. С. 5–11.
12. Саркисян М.З., Шкутина И.В., Сраго И.А., Эрве А.Н., Голинец Е.М., Александров К.А., Полоцкий Ю.С. Цифровизация в сфере медицинского образования // Педагогический журнал. 2022. №3-1(12) С. 826-833.
13. Софронова Т.Н. Симуляционное обучение как современная технология обучения практическим навыкам оказания неотложной помощи // Мед. образование и вузовская наука. 2018. № 2 (12). С. 66-69.

© Тихомирова Виктория Александровна (vatih72@mail.ru), Макарова Виктория Анатольевна (makarova-va67@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

TEACHING WRITTEN COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT A NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATION INSTITUTION

N. Checheva

Summary: The development of foreign language written communication skills is one of the tasks in the course of teaching a professionally oriented foreign language. The specifics of writing as an independent type of speech activity and basic approaches to the development of written and speech skills are considered. Examples of standard tasks are given that are focused on the development of written communication skills and are widely used in the practice of teaching a foreign language at a higher education institution. Attention is focused on creative writing as a method of stimulating interest and motivation in the type of speech activity under consideration.

Keywords: foreign language written communication, development of written and speech skills, creative writing.

Чечева Наталья Алексеевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
checheva_99@mail.ru

Аннотация: Развитие умений иноязычной письменной коммуникации является одной из задач в курсе обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Рассматривается специфика письма как самостоятельного вида речевой деятельности, основные подходы к развитию письменных речевых умений. Приводятся примеры типовых заданий, ориентированных на развитие умений письменной коммуникации и широко применяемых в практике обучения иностранному языку в вузе. Акцентируется внимание на креативном письме как методе стимулирования интереса и мотивации к рассматриваемому виду речевой деятельности.

Ключевые слова: иноязычная письменная коммуникация, развитие письменных речевых умений, креативное письмо.

Обучение профессионально ориентированному иностранному языку предполагает развитие у обучающихся способности осуществлять устную и письменную коммуникацию в основных ситуациях профессиональной деятельности на иностранном(ых) языке(ах). Как показывает анализ практики, акцент в обучении иноязычной коммуникации неправомерно смещен к устной форме, а письменной речи уделяется недостаточно внимания на занятиях по иностранному языку [5]; время, выделенное на освоение письменной речи, используется нерационально и бессистемно [7]; учебная письменная речь преобладает над коммуникативной [1]. Письменная речь в процессе обучения языку специальности традиционно используется как средство обучения языковому материалу в процессе усвоения лексики (словарные записи, составление лексического поля темы, выполнение лексических упражнений), грамматического материала (выполнение грамматических упражнений), в ходе выполнения заданий по освоению других видов речевой деятельности (говорения, чтения, аудирования), обобщающего повторения изученного материала. Реже развитие письменно речевых умений рассматривается как самостоятельная задача.

Это актуализирует проблему целенаправленного обучения письменному дискурсу, развития умений иноязычной письменной речи, необходимость усиления внимания к этому виду речевой деятельности в практи-

ке обучения профессионально ориентированному иностранному языку.

Как самостоятельный вид речевой деятельности письмо предполагает овладение целым комплексом навыков и умений, к числу которых относятся:

- навыки применения типовых моделей,
- развитие импровизационных умений.

Типовые модели представлены совокупностью таких компонентов, как а) языковой (лексико-грамматические структуры, речевые клише, характерные для письменной речи); б) конвенциональный (связанный с содержанием, выбором языковых средств, графическим оформлением текстов); в) ситуативный (типичные ситуации применения письма); г) целевой; д) мотивационный. Импровизационные умения подразумевают вариативное применение типовых моделей и их сочетание в зависимости от особенностей ситуации взаимодействия для решения разнообразных коммуникативных задач. Если использование релевантных типовых моделей сводится к их применению в стандартных ситуациях в зависимости от сферы общения, культурных конвенций письменной речи, цели и темы высказывания, то овладение импровизационными умениями предполагает манипулирование типовыми моделями в новых речевых ситуациях с соблюдением лексических, грамматических, стилистических норм языка, письменной речи и куль-

турных конвенций письменных текстов [3].

К основным типовым моделям обучения иноязычной письменной речи в вузе в первую очередь следует отнести профессионально ориентированную письменную речь. Вместе с тем не утрачивает актуальность и совершенствование навыков использования других моделей письменной речи (формальная письменная речь, письменная речь творческого характера, письменная речь социокультурного назначения, учебного назначения). Овладение указанными моделями предполагает развитие умений создания текстов различных жанров.

Черемисинова Р.А., рассматривая процесс обучения письменной иноязычной коммуникации обучающихся в вузе, выделила типологические признаки письменного дискурса как продукта письменного иноязычного общения, которые необходимо учитывать при разработке методических приемов обучения этому виду взаимодействия:

- а) стратегический (планирование коммуникативного поведения и определение стратегии создания письменного дискурса);
- б) тактический (отбор оптимальных средств письменного иноязычного общения);
- в) жанровый (набор жанров письменной речи всех стилей и оформление письменного дискурса в соответствии с жанрово-стилистическими нормами);
- г) текстовый (связность (когезия и когерентность), целостность, завершенность письменного дискурса);
- д) лингвориторический (композиционная оформленность и определенная лингвориторическая структура письменного дискурса) [11].

Виды письменного дискурса, созданию которых нужно обучать на практических занятиях в неязыковом вузе, определяются с учетом цели обучения и специфики будущей профессиональной деятельности. К коммуникативно значимым на этапе вузовской подготовки можно отнести такие жанры письменной речи, как аннотация и реферат, деловое письмо, в том числе, в электронной форме, эссе (описательное, повествовательное, убеждающее, эссе-рассуждение и др.).

Обучение иноязычной письменной речи строится на методологических принципах разных подходов. Актуальными на сегодняшний день признаны продуктивный (product approach) и процессуальный (process approach) подходы. Основой первого является описание правил употребления языковых единиц и особенности дискурсивных моделей. Фокус внимания направлен на соблюдение языковых норм при создании письменного текста. Основная цель – формирование навыков производства продукта письменного дискурса. Методика обучения предполагает использование образцов письменных текстов, анализ их структурных особенностей и имитацию.

В качестве критериев оценки выступает соответствие грамматическим, орфографическим нормам, структурно-смысловая организация. К основным типам заданий относятся диктанты, переписывание (rewriting), создание текста на основе абзаца (expansion), заполнение пропусков (gap filling) и др. Результатом является создание обучающимися самостоятельных письменных произведений. В рамках процессуального подхода процесс порождения письменной речи является творческим, имеющим личностную направленность. Данный подход предполагает широкое использование проектного метода, а также заданий проблемного характера. Модель обучения включает реализацию следующих этапов: pre-writing, composing, revising, editing [8].

Выбор методического подхода определяется соответствующими целевыми ориентирами: научить обучающихся создавать тексты разных жанров (writing-for-writing) или сосредоточить внимание на креативном письме (writing-for-learning) [6].

Развитие письменных речевых умений должно осуществляться с учетом как процессуальных, так и результативных характеристик деятельности. Нельзя не согласиться с Т.П. Поповой, которая говорит о необходимости направлять усилия в целом на формирование привычки письма [6].

Обучение иноязычной письменной речи как процессу созданию текста определяет набор механизмов (соблюдение орфографических, пунктуационных норм; умение реализовать коммуникативное намерение, определяющее потребность написания текста; умение планировать содержательную, лексико-грамматическую и графическую стороны текста, умение реализовать план и оценить результат) и стратегий, которыми должны овладеть обучающиеся (постановка цели, определение адресата, выбор подходящего типа текста и регистр, применение дискурсивных элементов, выбор типа изложения, умение выстроить текст логически, выполнить самопроверку текста), а также систему заданий, релевантных решаемой задаче.

Традиционно к числу типовых заданий, ориентированных на развитие умений письменной речи и широко применяемых в практике обучения иностранному языку, в том числе профессионально ориентированному, относятся задания на определение характеристик текста, написание текста с соблюдением заданных параметров, составление списка ключевых слов, заполнение таблиц / схем, развертывание таблицы / диаграммы в текст, соединение частей текста в единое целое с помощью заданных дискурсивных элементов, подбор заголовка к тексту или его частям, составление плана текста, написание тезисов, редактирование текста, создание текстов разных типов, аннотирование и реферирование текстов и другие.

На практических занятиях по иностранному языку при обучении письменному дискурсу важно уделять большое внимание сочетанию языковых (имитационных, подстановочных, трансформационных) и письменно - речевых упражнений (репродуктивных, ситуативных, вопросно-ответных, переводных). Они основываются на поэтапном формировании и развитии речевых и речемыслительных умений и навыков, формируют навыки формулирования мысли с соблюдением стиля письменной речи, передачи информации в письменной форме, анализа и осмысления текста [4].

Овладение умениями иноязычной письменной речи требует от обучающихся приложения значительных усилий. Для стимулирования интереса и развития мотивации к этому виду речевой деятельности, а также развития творческого мышления, творческих способностей можно задействовать потенциал креативного письма, которое реализует в совокупности когнитивную, развивающую и воспитательную функцию.

Креативное письмо в процессе обучения иностранному языку обладает определенными характеристиками:

1. применение креативного письма возможно на любом этапе изучения языка;
2. творческая обстановка, в условиях которой реализуется креативное письмо, способствует снятию напряжения и формированию рефлексивной позиции обучающихся;
3. предполагает возможность игрового моделирования, применение различных форм организации познавательной деятельности (индивидуальной, парной, групповой);
4. способствует формированию лексико-грамматических навыков [2].

Письменные творческие задания (написание эссе по выбранной цитате, статье, результатам дискуссии; сочинение; продолжение прерванной истории, диалога действующих лиц; составление истории от лица какого-либо героя, написание истории при наличии первого и последнего предложений и др.) обладают значительным обучающим потенциалом. Успешная реализация этого потенциала сопряжена с соблюдением ряда условий, связанных с возможностью регулярно писать, проявлением личной заинтересованности, необходимостью демонстрации образца создания текста, наличием читательской аудитории, развитием привычки корректировать текст, чтобы реализовать грамотное воплощение идеи, возможностью получить помощь в процессе творческой работы [5]. Способствовать проявлению твор-

ческого потенциала обучающихся можно с помощью различных приемов, к числу которых следует отнести графику, визуализацию, аудиовизуализацию, активизацию ассоциативного мышления, музыкальные произведения. При повышении уровня сложности заданий, ориентированных на развитие умений креативного письма, и степени самостоятельности обучающихся рекомендуется реже прибегать к методу, выстроенному на опорах, а также «лингвометодической обучающей поддержке» (scaffolding) (А.В. Хэкетт-Джонс).

Эффективность процесса развития письменных речевых умений в контексте обучения иноязычной профессионально ориентированной коммуникации определяется рядом факторов, в том числе:

- системной, целенаправленной организацией практики письменной речи;
- комплексным подходом, в русле которого развитие письменных - речевых умений должно осуществляться с учетом как процессуальных, так и результативных характеристик деятельности;
- реализацией во взаимосвязи с другими видами речевой деятельности;
- поэтапным развитием письменных - речевых умений;
- сочетанием разных типов упражнений;
- тщательным отбором содержания с учетом уровня языковой подготовки обучающихся, профессиональной ориентированности учебного материала, владения обучающимися профессиональной терминологией;
- организацией рефлексии (групповой, индивидуальной);
- наличием четких критериев оценивания профессионально ориентированной письменной речи;
- поддержанием мотивации к изучению профессионально ориентированного иностранного языка в целом и стимулированием интереса обучающихся к иноязычной письменной коммуникации в частности.

Н.П. Хомякова отмечает, что обучение иноязычной письменной речи позволяет объединить профессионально значимые и сугубо иноязычные цели подготовки обучающихся вуза, способствует профессионально-личностному становлению обучающихся, развитию творческого профессионального мышления [9]. Овладение письменными речевыми умениями позволит обучающимся создавать семантически самостоятельные тексты разных жанров с целью эффективной реализации коммуникативного намерения в ситуациях профессионального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Э.В. Проблемы обучения профессионально-ориентированной письменной иноязычной речи студентов неязыкового вуза // Филологические

- науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. 1. С. 22-23.
2. Бородина Т.Ф. Креативное письмо в курсе аналитического чтения как метод креативного обучения иностранным языкам. – URL: <https://core.ac.uk/reader/197439370> (дата обращения 11.11.2023)
 3. Гроза О.Л. Программа курса английского языка к УМК Английский язык нового тысячелетия. Обнинск: Титул, 2011. 224 с.
 4. Думина Е.В. Интернет-дискурс как средство формирования умений иноязычной письменной речи у студентов нелингвистических специальностей (на примере деловой e-mail переписки юристов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 4 (833). С. 66–80.
 5. Дучко А.Н., Кошель Е.Ю., Рура Е.Г. Развитие творческого мышления студентов в процессе обучения иностранному языку посредством креативного письма // Вестник ТГПУ. 2014. № 11. С. 159-162.
 6. Попова Т.П. Современные подходы к развитию письменной речи на английском языке. – URL: https://nnov.hse.ru/data/2012/12/20/1303525950/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F.pdf (дата обращения 11.11.2023)
 7. Харламова Н. С., Фролова И. Ю. Этапы обучения иноязычной письменной речи в социально-политической области // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 1 (842). С. 84–89. DOI 10.52070/2500-3488_2022_1_842_84.
 8. Ходжаниязова У.К. Современные подходы в обучении иноязычной письменной речи // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2020. № 1. С. 110-117.
 9. Хомякова Н.П. Научный академический дискурс как важнейшая траектория формирования межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции студентов-нефилологов (на примере франкоязычных студентов-юристов) // Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат : электронный сборник научных трудов / ответственные редакторы: Д.Н. Новиков, Е.Б. Морозова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Москва: МГИМО–Университет, 2021. — 586, [1] с.
 10. Хэкетт-Джонс А.В. Переосмысление понятия «лингвометодическая обучающая поддержка» для полилингвального обучения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. т. 1. № 1. С. 58-63.
 11. Черемисинова Р.А. Типологические признаки иноязычного письменного дискурса // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей II Международной научно-практической конференции под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, 2016. С. 101-103.

© Чечева Наталья Алексеевна (checheva_99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ В КИТАЕ

Ян Баньжо

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
Технический институт Энши, (Китай)
546732793@qq.com

THE SIGNIFICANCE OF PEDAGOGICAL TRADITIONS OF THE RUSSIAN VOCAL SCHOOL IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL SKILLS IN CHINESE STUDENTS

Yang Banruo

Summary: This article is dedicated to exploring the significance of pedagogical traditions of the Russian vocal school in the context of shaping the professional skills of students in China. The author provides an overview of the key stages of development of the Russian vocal school, highlighting the fundamental principles and traditions that have evolved over time. The primary focus is on the impact of these traditions on the professional education of students in the field of vocal arts. Currently, in China, there is a constant presence of vocal students seeking more effective and high-quality results in vocal training, either by studying abroad or attending classes in Russia.

In recent years, the teaching practice has discussed the influence of outstanding elements in the teaching of Russian vocal music after their integration into vocal music education in Chinese universities.

Keywords: Russian vocal school, colleges and universities, vocal education in China.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию значения педагогических традиций русской вокальной школы в контексте формирования профессиональных навыков студентов в Китае. Автор проводит обзор основных этапов развития русской вокальной школы и выделяет основные принципы и традиции, которые с течением времени сформировались. Основное внимание уделяется влиянию этих традиций на профессиональное обучение студентов в области вокального искусства. В настоящее время, чтобы добиться более эффективных и качественных результатов в обучении вокалу, в Китае постоянно находятся учащиеся вокалу, которые либо учатся за границей, либо посещают занятия в России.

В преподавательской практике последних лет обсуждалось влияние выдающихся элементов в преподавании русской вокальной музыки после того, как они были интегрированы в преподавание вокальной музыки в китайских университетах.

Ключевые слова: российская вокальная школа, колледжи и университеты, вокальное образование Китая.

Введение

В первой половине XX века российская система преподавания музыки оказала наиболее глубокое влияние на Китай. Тогда страна приняла большое количество русских иммигрантов, которые собрались в северо-восточном регионе страны. Среди этих людей были бизнесмены, музыкальные и художественные таланты. Это не только способствовало быстрому развитию экономики и торговли в этот период, но и привело к развитию музыки и искусства относительно быстро. Эти российские музыкальные таланты основали множество музыкальных школ на Северо-Востоке, таких как ранняя Харбинская музыкальная школа и музыкальные школы в Ляонине и Шэньяне. Эти школы внедрились западные методы преподавания музыки и образовательные концепции, тем самым возвращая большое количество музыкальных талантов. Например, Сяо Шусянь и Хэ Лютин обучались у известного русского художника Захарова.

Кроме того, с появлением этих талантов большое количество русской музыки было представлено массам страны. Многие лирики и композиторы в стране испытали влияние западной музыки и искусства, создав таким образом ряд прекрасных репертуаров, которые интегрировались в китайскую и западную культуры, что дает огромный импульс интеграции китайского и западного искусства и культуры. Например, Цюй Цюбай отправился в Советский Союз и перевел советскую версию «Интернационала» и стал пионером пролетарской революционной музыки в Китае; Не Эр был вдохновлен и руководим советской музыкой и стал знаменосцем пролетарской музыки; Сянь Синхай также очень восхищался советской музыкой. После Октябрьской революции и 1950-х годов, с подписанием многих соглашений, таких как Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи и Соглашение о советско-китайском культурном сотрудничестве, Китай вновь привлек большое количество советских музыкантов для работы.

Влияние концепций российского музыкального образования на китайское музыкальное образование

Русский народ с его сильным национальным самосознанием и музыкальными произведениями с самобытными национальными особенностями оказал чрезвычайно важное влияние на развитие российского музыкального образования и преподавания музыки. Другими словами, концепция российского музыкального образования такова: «В России невозможно полноценное развитие личности человека без музыкального образования». Хотя культурное образование в Китае развивалось относительно быстро, оно все еще отставало от России по уровню музыкального образования. На ранних этапах музыка в Китае все еще принадлежала к относительно узкому кругу, а понимание музыки людьми было мелкобуржуазным чувством, на которое обращали внимание только богатые люди. Однако с непрерывным развитием музыкального образования люди стали постепенно осознавать. Поняв важность музыки для человеческой жизни и ее универсальность, люди постепенно позволили детям вступить в контакт с этими знаниями и усвоить их, и даже взрослые также стали развивать свои навыки.

Поскольку российская система образования относительно развита, это в определенной степени способствовало появлению в ней музыкальных талантов: многие выдающиеся музыканты в основном родом из России. Эта относительно передовая образовательная концепция оказала определенное влияние на музыкальное образование в Китае.

Прежде чем изучить влияние русской музыки, изучим недостатки музыкального образования в Китае, среди них:

(1) Музыкальное образование в рамках обязательного образования

В начальных, средних и старших классах музыкальное образование в целом носит бессвязный и повторяющийся характер. Некоторые понятия и знания преподаются неоднократно, не имея систематического характера. А в большинстве школ занятия музыкой сокращаются или даже приостанавливаются, а курсы отводятся к экзаменационным курсам, таким как математика, китайский и английский языки.

В университетах и колледжах, за исключением некоторых музыкальных или художественных школ, в которых музыкальные курсы преподаются как обязательный курс, в других школах музыка обычно преподается только как факультативный курс. Однако в сегодняшних колледжах и университетах популярна идея «если вы решите пропустить обязательные курсы, вы должны

пропустить факультативные курсы», и из-за отсутствия акцента на музыкальном образовании перед поступлением в университет у большинства студентов слабая музыкальная база, а факультативные курсы не могут преподать высшие знания, которые стали общественным уроком по изучению музыки.

(2) Разрыв между городскими и сельскими районами слишком велик.

В сельской местности страны серьезно отстает количество учителей музыки, их не только не хватает, но и качество их низкое. Многие учителя музыки на полпути стали монахами, а некоторые музыкальные курсы даже преподаются директорами или другими учителями, такими как китайский язык и математика. В то же время учебное оборудование в школе очень сырое. Это, несомненно, сыграло свою роль в музыкальном образовании в сельских школах и привело к серьезным ограничительным последствиям.

Влияние российского музыкального образования на нашу страну

После строительства Ближневосточной железной дороги большое количество русских приехало в Китай на заработки. Особенно после Октябрьской революции большое количество русских беженцев хлынуло в китайские Харбин, Синьцзян, Шанхай и другие места. Среди русских, приехавших в Китае было много певцов, исполнителей, композиторов, артистов балета и т. д. Они принесли в Китай русскую музыку и искусство, благодаря чему русская музыка и искусство получили широкое распространение в Китае.

После основания Нового Китая в 1949 году утвердилось место эстетического воспитания и музыкального образования в общем развитии образования. Большое количество советских специалистов представило в Китае передовые системы обучения различных русских фортепианных школ. Советская модель музыкального образования интегрирована с Китаем.

После реформы и открытости большое количество выдающихся молодых преподавателей и представителей элиты было отобрано из музыкальных школ и исполнительских коллективов и отправлено в Санкт-Петербургскую консерваторию, Консерваторию имени П.И. Чайковского, Московскую консерваторию и другие советские высшие музыкальные школы для дальнейших исследований. Позже они вернулись в Китай после завершения учебы, и большинство из них стали столпами музыкальной индустрии Китая.

Более того, Китай заимствовал у Советского Союза большое количество учебников для перевода, копиро-

вал большое количество советских программ и учебных материалов для начальной и средней школы. Например, музыкальная программа Кабалевского не только хорошо известна в России, но и имеет огромное влияние в Китае.

После «опиумной войны» постепенно открывались многие церковные и некоторые новые школы, что также сделало развитие музыкального, а именно фортепианного искусства в Китае более удобным. Развивается множество школ, и они сыграли большую роль в популяризации фортепиано.

В этот период также медленно зарождалась фортепианная музыка в китайском стиле. В 1934 году русский пианист и композитор Зильпин учредил конкурс пианистов, целью которого было развитие фортепианной музыки.

В этом конкурсе музыкальная индустрия получила одобрение «Колыбельной» Хэ Лютинга и других фортепианных произведений разных стилей. Позже из-за частых войн песен о сопротивлении Японии и спасении страны стало больше, что также тормозило развитие музыки. В это время фортепианная музыка Дин Шандэ играет очень важную роль.

«Путешествие существования» и «Вариации на тему китайской народной песни», которые он сочинил в ходе этого процесса, сделали фортепианную музыку более популярной. В следующие четыре года они больше сосредоточились на своей профессии и навыках, надеясь лучше создавать и представлять музыку. Например, его «Картина Башу» очень хорошо выражает его эмоции. Кроме того, некоторые другие выдающиеся композиторы также внесли большой вклад в фортепианную индустрию Китая. С точки зрения развития фортепианного искусства Советский Союз действительно сыграл незаменимую роль в развитии китайской музыки. Русская фортепианная школа оказала большое влияние на нашу страну не только в исполнительском, но и в творческом плане. Только изучая развитие музыки в Советском Союзе, можно развивать китайскую фортепианную культуру. В процессе развития китайской музыки необходимо поддерживать развитие собственной нации и укреплять ее интеграцию с миром.

Тао Ябин отмечал, что «русскую музыкальную культуру, связанную с Китаем в 20 веке, можно разделить на два периода: бывший Советский Союз и нынешняя Россия». Автор отмечал, что влияние сопровождалось развитием современной китайской музыки. Развитие левой пролетарской музыки в стране в 1920-1930-е годы, русские музыканты, приехавшие в Китай выступать и преподавать в Китае в 1930-1940-е годы, музыкальные эксперты из бывшего Советского Союза, нанятые Новым Китаем в 1950-е годы и группа студентов-музыкантов,

обучающихся в Советском Союзе, большое количество специальной советской музыки. Распространение песен в Китае, участие китайских музыкантов во всемирных музыкальных конкурсах для демонстрации достижений развития музыки Нового Китая и т.д. - все это включает в себя огромную поддержку и помощь, которую советская российская музыка оказывала китайской музыке. Музыкальный стиль Российской национальной музыкальной школы и эстетические взгляды советского революционного реализма стали образцами для подражания в развитии китайской музыки и оказали глубокое влияние на направление развития китайской новой музыки».

По словам Чжао Вэньюань, революционная музыка Советского Союза также стала духовным оружием революционного дела Китая. Советская версия «Интернационала» в переводе Цюй Цюбая, учившегося в Советском Союзе, стала предтечей пролетарской революционной музыки Китая. От Центрального советского района Жуйцзинь до Шанхайской группы левых музыкантов - распространение советских революционных песен стало первым революционным явлением культуры. Советская музыка дала новое направление молодой китайской новой музыке. Сянь Синхай очень восхищался советской музыкой и тесно сотрудничал с Прокофьевым и Хачатуряном, Григелем и другими Советскими композиторами. За пять лет пребывания в Советском Союзе Сянь Синхай переработал и завершил свою важную работу «Кантата Желтой реки», а также создал ряд музыкальных произведений на интернационалистическую тематику, таких как «Вторая симфония № 2 «Священная война». Можно сказать, что появление советской революционной музыки внесло исторический вклад в дело китайской революции и национального освобождения.

Советских российских музыкантов можно назвать наставниками новой музыкальной культуры Китая. После Октябрьской революции и в 1950-е годы в Китай приехало большое количество музыкантов, которые занимались музыкальными выступлениями и преподаванием. Сначала музыканты, известные как «белые русские» (за исключением Су Шилиня), такие как пианист Захаров, скрипач Тонов и певец Су Шилин, покинули свои дома и приехали в Китай в поисках убежища. Они преподавали музыку и стали у истоков развития талантов Ли Цуйчжэня, У Лэйи, Сянь Синхая, Не Эр, Лю Тяньхуа и музыкантов другого поколения. В Харбине были сформированы «Харбинский симфонический оркестр», оперная и балетная труппы, состоявшие преимущественно из русских музыкантов. Российские музыканты также составляли большую часть симфонического оркестра Шанхайского муниципального управления промышленности и техники, известного как «Азиатский номер 1». Русский композитор Аарон Авшаломов долгое время жил в Китае и создал ряд музыкальных произведений с китайской спецификой. Российский музыкант Зильпин также внес

свой вклад в поддержку молодых китайских музыкантов в развитии китайской музыки. В 1950-е годы музыкальная индустрия в Новом Китае начала развиваться. В профессиональных музыкальных школах и музыкальных коллективах более 30 советских специалистов преподавали композицию, дирижирование, музыковедение, исполнительство, пение и многие другие специальности, такие как Арапов, Арза Манов, Думасов, Балашов, Конзинский, Татулян, Кравченко, Михонский, Метведев и др., в то же время пианист Рихтер, скрипач Давид О. В Китай приезжали с концертами такие мастера музыки, как Истрах, приезжали музыкальные коллективы, такие как Советский государственный симфонический оркестр. Для выступлений, переведено большое количество русских музыкальных трактатов, музыка нового Китая всесторонне усвоилась у советского старшего брата.

С 1980-х годов музыкальные обмены между Китаем и Россией вступили в новую эпоху. Новое поколение китайских музыкантов продолжает учиться в России. Такие, как дирижер Чжан Гоюн, пианисты Бянь Мэн и Пань Чун, скрипач Лю Юйся, композиторы Лю Канхуа, Чжан Сюдун и музыковед Цянь Ипин. Обучение в России по-прежнему остается мечтой для студентов-музыкантов. В консерватории 6 молодых преподавателей имеют степень магистра и учатся в России, 2 кандидата наук.

Оглядываясь назад в начале прошлого века, можно сказать, что современная китайская новая музыка была вдохновлена школьной музыкой. Музыкальный стиль России с богатыми национальными особенностями послужил примером для развития китайской новой музыки. Г-н

Хуан Цзы высоко оценил национальный характер русской музыкальной школы и предложил создание китайского национального стиля. После образования Китайской Народной Республики она стала всесторонне перенимать советскую музыкальную систему, постепенно формируя собственный музыкальный стиль и быстро развиваясь.

По политическим причинам отношения между Китаем и Советским Союзом были разрушены с 1960-х по 1980-е годы. Между китайской и русской музыкой существовал раскол более 30 лет. Китай мало знает о новом развитии советской музыки, что является недостатком. После реформ и открытости китайская музыка вступила в новый период. Российская музыкальная культура по-прежнему является примером, которому можно учиться. Советские композиторы, такие как Шостакович, Прокофьев, которые были неверно истолкованы, стали объектами изучения и исследования, и необходимо также провести анализ русской музыкальной исполнительской школы. Как известно, вышел в свет первый том «Истории советской музыки» профессора Хуан Сяохэ, а второго тома еще ждут. Русская музыка сама по себе является важным предметом изучения.

Заключение

В целом русское фортепианное искусство оказывает глубокое влияние на отечественное искусство страны. Только при правильном использовании этого ресурса отечественное фортепианное искусство может развиваться лучше, усиливая тем самым свое международное влияние и воспитывая больше талантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ин, Хуан Хунхуэй, У На. Взгляд на текущую ситуацию с высшим музыкальным образованием в России и Китае [J]. Журнал Цзянсийского научно-технического педагогического университета, 2012.
2. Ли Сяоин. Влияние российского музыкального образования на китайское музыкальное образование – первая половина XX века [J]. Frontier Economic and Culture, 2011(11):2.DOI:10.3969/j.issn.1672-5409.2011.11.054.
3. Цинь Яньтао, Исследование влияния российского музыкального образования на китайское музыкальное образование [J], Музыкальное время и пространство, 2014(16):2.
4. Цзя Жуйцзя, Влияние российского музыкального образования на китайское музыкальное образование [J], Современная музыка, 2017(16):2.
5. Чжао Вэньюань. Влияние и вдохновение российского музыкального образования на преподавание музыки в моей стране [J]. Журнал Университета Хэйхэ, 2018, 9(7):2.DOI:10.3969/j.issn.1674-9499.2018.07.007.

© Ян Баньжо (546732793@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «POLLUTION» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Бальшева Ксения Александровна

Канд. филол. н., доцент, Марийский государственный
университет (г. Йошкар-Ола)
qsuaka@mail.ru

LINGUISTIC REALISATION OF THE CONCEPT "POLLUTION" IN THE MODERN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXT

K. Balysheva

Summary: The article presents the results of the analysis of linguistic means of verbalization of the concept "pollution" in the modern English-language media text. The relevance of the research is due to the reference to the issues of the state of the environment and ecology in linguistic scientific works and in English-language periodicals. During the analysis of the texts of media publications, the following properties of the concept "pollution" verbalized with one-word lexemes and phrases of various structures were revealed: "objects of pollution", "sources of pollution and pollutants", "negative consequences of pollution", "negative attitude to environmental pollution", "pollution control". The research was carried out on the basis of the online version of The Guardian publications from 2021 to 2023.

Keywords: concept "pollution", concept "environment", concept property, media text, lexeme pollution, means of concept verbalization.

Аннотация: В статье представлены результаты анализа лингвистических средств вербализации концепта «pollution» в современном англоязычном медиатексте. Актуальность исследования обусловлена обращением к вопросам состояния окружающей среды и экологии в лингвистических научных работах и в англоязычных периодических изданиях. В ходе анализа текстов медиапубликаций выявлены следующие признаки концепта «pollution», вербализованные однословными лексемами и словосочетаниями различной структуры: «объекты загрязнений», «источники загрязнений и загрязняющие вещества», «негативные последствия загрязнений», «негативное отношение к загрязнению окружающей среды», «борьба с загрязнениями». Материалом исследования послужили публикации онлайн-версии издания «The Guardian» за 2021-2023 годы.

Ключевые слова: концепт «pollution», концепт «environment», признак концепта, медиатекст, лексема pollution, средства вербализации концепта.

Актуальность изучения экологических проблем подтверждается, с одной стороны, научными работами, с другой стороны, публикациями на экологическую тематику в англоязычных и русскоязычных средствах массовой информации. В научных работах исследуются: 1) концепты «экология», «environment», концептосфера «environmental protection» [1; 3; 4; 8]; 2) неологизмы сферы экология [4; 6]; 3) новая отрасль языкознания эколлингвистика [2]. Тема экологии становится предметом обсуждения в публикациях современной англоязычной прессы: 1) в периодических изданиях представлены рубрики, посвященные данной теме; 2) выходят отдельные периодические издания экологической направленности такие, как «The Ecologist», «Organic Matters Magazine», «National Geographic».

Одним из ключевых вопросов экологической повестки является проблема загрязнения окружающей среды, что подтверждается наличием в англоязычных изданиях отдельных подразделов, в которых публикуются статьи о фактах загрязнения и мерах борьбы с ними: например, подразделы «Pollution» и «Pollutionwatch» внутри рубрики «Environment» в издании «The Guardian», подраздел «Clean it up» в составе рубрики «Environment» в издании «The Times».

Одним из способов репрезентации информации

об исследуемом феномене является концепт. Термин «концепт» представляется одним из наиболее широко используемых и неоднозначных в современной лингвистике, получившим множество интерпретаций с самых разных позиций. В данной работе, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, под концептом понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [5, с. 24].

Концепт «pollution» входит в многослойный концепт «environment» [4, с. 381], является одним из его компонентов. В работе данный концепт рассматривается как компонент концептосферы «environment», так как загрязнение представляет собой самостоятельную проблему, но в то же время становится причиной появления других угроз в окружающей среде.

Анализ лексики, вербализующей концепт в медиа-

текстах, позволяет выявить его концептуальные признаки. Анализ средств вербализации концепта «*pollution*» на материале англоязычных медиатекстов, с одной стороны, предоставляет объективный фактический языковой материал, подтверждая словарные и энциклопедические толкования, так как авторы публикаций специализируются на вопросах окружающей среды, готовят всесторонние обзоры заявленной проблемы. С другой стороны, в текстах периодических изданий, в связи с увеличением интереса к вопросам состояния окружающей среды, присутствуют индивидуально-авторские интерпретации, оценочность, выражение авторского мнения, что обогащает исследуемый концепт новыми составляющими.

Ключевое слово концепта, существительное «*pollution*», является многозначным в английском языке. На основе анализа словарной дефиниции лексемы-репрезентанта “*pollution*” выделяются три компонента концепта “*pollution*”. Данная лексема употребляется для обозначения: 1) вреда, наносимого окружающей среде вредоносными веществами или мусором; 2) процесса загрязнения; 3) самих загрязняющих веществ, которые причиняют вред окружающей среде [7].

В рассматриваемых статьях происходит актуализация всех трех значений данной лексемы. На основе анализа словарной дефиниции лексемы “*pollution*” выделяются следующие признаки концепта “*pollution*”: «объекты загрязнений», «источники загрязнений и загрязняющие вещества», репрезентированные и в газетных статьях. Кроме того, анализ контекстов медиапубликаций позволил выявить вербализацию следующих признаков данного концепта: «негативные последствия загрязнений», «негативное отношение к загрязнению окружающей среды», «борьба с загрязнениями». Состав средств вербализации концепта “*pollution*” обширен и представлен как отдельными лексемами, так и словосочетаниями различной структуры.

Лексема *pollution* частотна в текстах и заголовках статей издания “The Guardian”, она более употребительна по сравнению с лексемой *contamination*, обозначающей процесс загрязнения или отравления чего-либо, а также состояние, указывающее на наличие нежелательных или опасных веществ [7]. В текстах публикаций данные существительные используются как синонимичные: «*The researchers believe the contamination is the result of recreational activities and waste discharges in the tourist destination*» [9; 13/04/2022]; «*Under Nigerian constitutional law, Shell would no longer be able to argue it has no responsibility for the pollution because it took place more than five years ago*» [9; 23/11/2023].

Признак «объекты загрязнений» вербализован словосочетаниями существительных и прилагательных,

указывающих на объект загрязнения, с существительным *pollution*. Объектами загрязнений, по данным публикаций, становятся природные объекты и живые организмы: *air pollution, water pollution, soil pollution, human body pollution, organs and blood pollution, marine pollution, maritime pollution, river pollution, coastal waters pollution, outdoor air pollution, indoor pollution*.

Признак «источники загрязнений и загрязняющие вещества» репрезентирован единичными существительными и словосочетаниями, образованными по модели существительное + существительное, прилагательное + существительное, два существительных + прилагательное, два прилагательных + существительное. В данных словосочетаниях используются как существительные и прилагательные широкой семантики, например, *toxic, toxin(s), noxious, chemicals*, так и прилагательные и существительные, указывающие на конкретные загрязняющие вещества природного и антропогенного характера. Типы загрязнений по источнику представлены словосочетаниями, где определяемым компонентом выступают существительные *pollution* и *contamination*, источники загрязнений обозначаются прилагательными или существительными: *chemical pollution, lead pollution, lead contamination, radiation pollution, plastic pollution, oil pollution, radioactive contamination, microplastic pollution, sonic pollution, sewage pollution, PFAS contamination, nitrogen oxide pollution*. В статьях отмечены и словосочетания, в которых одновременно указывается объект и источник загрязнения: *marine plastic pollution, maritime oil pollution, indoor particle pollution*.

Для номинации загрязняющих веществ в текстах статей частотны родовые лексемы *pollutant* и *contaminant*, указывающие на субъект загрязнения, то есть вещество, вызывающее загрязнение. Выделяются источники загрязнений и загрязняющие вещества: 1) природного характера – *oil, fossil fuel, liquefied natural gas (LNG), chlorine, lead, arsenic*; 2) антропогенного характера – *ship noise, aircraft / plane noise, microplastic, cleaning solvents, incomplete combustion, carbon soot, diesel exhaust, marine fuel, marine gas oil, PFAS, nitrogen oxide, sulphur dioxide, trichloroethylene, methane*.

На выбросы отходов и химические выбросы как источники загрязнений указывают словосочетания с существительными *waste, dump, dumping, leak, leakage, spill, discharge, emission*. На источник загрязнения указывают и предлоги: *pollution from the sea, oil spills from ships, oil discharges from ships, use of fertilisers on farmland, use of tributyltin, outdoor air pollution from solid fuel heating, emissions from WA gas project, cause pollution from organic waste and the pesticides*.

Признак «источники загрязнений и загрязняющие вещества» широко представлен глагольными номина-

циями. Наряду с глаголами широкой семантики *contaminate* и *pollute*, используются глаголы, указывающие на специфические загрязнения, например, в следующих словосочетаниях: *discharge untreated sewage*, *release untreated sewage into rivers and waterways*, *dump waste*, *litter*, *release noxious gases*, *exacerbate the already heavily polluted air*, *spew out pollution*, *emit sulphur oxides*, *discharge waste*, *pump treated sewage into the river*.

Признак «негативные последствия загрязнений» подтверждает, что загрязнение является причиной возникновения других проблем. В большинстве случаев источником загрязнения становится деятельность человека, в то же время человек испытывает последствия загрязнений и разрабатывает способы борьбы с ними.

Последствия загрязнений отрицательно воздействуют на природу и на человека. Номинации, репрезентирующие данный признак, разнообразны по структуре и представлены, главным образом, словосочетаниями двух существительных, прилагательного и существительного. Среди последствий загрязнений для природы и окружающей среды выделяются: *climate change*, *climate impact*, *climate crisis*, *climate breakdown*, *forest destruction*, *litter crisis*, *toxic effect*, *environmental impact*, *forest dry out*, *acid rain*. Загрязнения и изменение климата настолько серьезны, что для номинации моря, в котором не обитают живые организмы, появилось словосочетание *wet dessert*, в основе которого лежит оксюморон.

Последствия для человека и его здоровья представлены номинациями-существительными и словосочетаниями существительное + существительное и прилагательное + существительное, обозначающими болезни: *autoimmune diseases*, *asthma*, *stroke*, *lung cancer*, *cardiovascular diseases*, *respiratory conditions*, *heart problems*. Одним из наиболее серьезных последствий для здоровья человека является смертность от загрязненного воздуха. Так, по данным издания "The Guardian", в 2023 загрязнение воздуха впервые официально признано причиной смерти: «*Khan told the Guardian that he visited children's hospitals after the death of nine-year-old Ella Kissi-Debrah, the first person to have air pollution listed as a cause of death at an inquest in the UK*» [9, 23/11/2023]. Более того, отмечается, что уровень детской смертности в столице Соединенного королевства по причине загрязненности воздуха достаточно высок: «*There are 4,000 premature deaths a year from toxic air in the capital*» [9, 23/07/2023].

Потепление климата как одно из последствий загрязнения воздуха вызывает цепную реакцию в виде лесных пожаров, так как из-за повышения среднегодовой температуры от недостатка влаги сохнут целые лесные массивы: *warmer temperatures are causing bigger fire seasons around the world; a symptom of global heating, with rising temperatures causing forests to dry out and become*

more suitable fuel for fire [9, 22/03/2022]; *Michael Mann, a climate scientist at Penn State University, said the fires in Ukraine fitted with that pattern of climate change-fueled wildfire that has repeatedly scorched places such as the US and Australia* [9, 22/03/2022].

Частотны глагольные номинации, репрезентирующие признак «негативные последствия загрязнений», среди которых глаголы широкой семантики, напрямую не связанные с загрязнением, их указание на процесс загрязнения определяется контекстом. Используемые в медиапубликациях глаголы отражают весь спектр последствий, вызываемых загрязнением, для окружающей среды и человека: *cause*, *aggravate*, *blight*, *hasten death*, *blight*, *hurt marine life*, *lead to a high risk of*, *contribute to air pollution*, *lodge deep in the lungs*, *latch on to the outer membranes of red blood cells*, *limit their ability to transport oxygen*.

Скрытый характер воздействия загрязнений точно передается аллюзией «*silent killer*», которая в издании "The Guardian" использована в отношении: 1) устойчивой жаркой погоды, вызванной потеплением климата, которое, в свою очередь вызвано загрязнением; 2) бактерий легионеллы, возбудителя пневмонии, иногда попадающего в питьевую воду: «*Miami's chief heat officer calls for action on 'silent killer' in climate crisis*» [9, 21/05/2021]; «*'Silent killer': experts warn of record US deaths from extreme heat*» [9, 01/08/2023]; «*'It's a silent killer': fears of legionella grow amid pandemic*» [9, 14/10/2020].

Наиболее значимым последствием загрязнений считается изменение климата, что подтверждается данными публикаций: 1) частотность и разнообразие словосочетаний существительного *climate* с другими существительными, указывающими на изменение климата; 2) наличие специализированных рубрик в периодических изданиях, например, "Climate crisis" в издании "The Guardian". По данным авторов публикаций, изменения климата настолько серьезные, что для них будут необходимы новые номинации, например, заимствования из шотландского: *fludder* – «обширный и интенсивный ливень, вызывающий затопление», *baffin* – «поражающая сила ветра и дождя», *to be drookit* – «промокнуть насквозь» [9, 29/09/2023].

Признак «негативное отношение к загрязнению окружающей среды» репрезентирован в периодических изданиях, так как в их задачу входит обратить внимание широкого круга читателей на проблему и вызвать у них соответствующую реакцию. Данный признак вербализован лексемами отрицательной семантики, отражающими негативное отношение автора к рассматриваемым проблемам: *the level of public outrage on the sewage pollution scandal*; *devastating climate breakdown*; *woeful pollution record*; *deadly impact*; *harmful blooms of algae*; *you become a pariah if you litter*. Отрицательное отношение

авторов публикаций отражено в устойчивых выражениях, метафорах и эпитетах: «a gigantic landfill site on the outskirts of Delhi known as the *“mountain of shame”*» [9, 29/03/2022]; *a symptom of global heating* [9, 22/03/2022]; “He could be the prime minister who puts a decade of progress on clean air in London into reverse. If he does, he will go down in history as *the polluting PM* who had the chance to save lives but refused to take it, stunting our children’s lungs in the process.” [9, 28/08/2023]; «Anderson warned many wealthier nations still only *paid “lip service”* to the idea» [9, 22/03/2022]; “Jets owned by the wealthy, entitled, third-home owners and *fake environmentalist celebrities*, who have zero idea of their impact on the valley and the planet, much less their neighbors” [9, 04/11/2023]. Негативное отношение автора может выражаться повтором с градацией: “Who is being asked to *bear the noise, bear the air quality, bear the traffic impacts there may be, bear the contribution to climate change,*” she added. “Whose community is being asked to bear all of that?” [9, 04/11/2023].

Признак «борьба с загрязнением» репрезентирован обширным лексико-семантическим полем. Данный признак представлен глагольными номинациями различной семантики. Преобладают глаголы с семантикой «прекратить, остановить» и ряд других глаголов, указывающих на предотвращение, уменьшение или устранение загрязнений: *treat ‘bilge’ water, remove pollutants, tackle toxic air, reduce plastic pollution, stop all oil and gas production, halt the most harmful pollution, stem the flow of water pollution, prevent devastating climate breakdown, limit noise, air pollution and lead exposure.*

Среди лингвистических средств репрезентации признака «борьба с загрязнением» представлены отдельные лексемы и словосочетания, указывающие на превентивные меры и меры по устранению последствий законодательного и социального характера, научные и технологические решения.

Законодательные и регулятивные меры репрезентированы существительными и словосочетаниями двух существительных, а также прилагательных и глаголов с существительными: *fine, set in law, enforcement measures, impose a ban, push ban, outright ban, institute more regulations, restrictions on emissions, enforce clean air zones, environmental watchdog, environmental custodianship.* К данной группе мер относится и акроним *Ulez*, обозначающий зону со сверхнизким уровнем выбросов (англ.

ultra-low emission zone), въезд в которую для автомобилей с уровнем выброса выхлопных газов выше установленного возможен только после уплаты въездного сбора. Данная мера, введенная в Лондоне, получила в британских периодических изданиях характеристику *controversial* «противоречивый»: «Khan has described *the Ulez* as “transformational” and claims extending it will mean “5 million more people will be able to breathe cleaner air and live healthier lives”» [9, 28/08/2023].

Социальные меры, репрезентирующие признак «борьба с загрязнением», вербализованы словосочетаниями двух существительных и существительных с прилагательными, например: *beach cleans, litter picking (pick up litter), litter picker, environmental services.* В публикациях зачастую сделан акцент на общедоступность социальных мер, например, каждый может поучаствовать в уборке пляжа, потому что для этого практически не требуется специального оборудования и усилий: «*Unlike surfing, dog-walking or cold-water swimming, beach cleans require little equipment or hardiness*» [9, 27/03/2022].

В семантическое поле признака «борьба с загрязнением» входят лексемы и словосочетания различной структуры (прилагательное + существительное, цепочка существительных, глагол + существительное, глагол + прилагательное + существительное), обозначающие научные разработки и высокотехнологические решения такие, как: *agroecology, agroecological and regenerative practices, biofuels, alternative fuels, carbon capture system, incinerate waste to generate electricity, shred down and turn plastic items into kayaks, recycle plastics into beach-cleaning stations.*

Таким образом, в ходе анализа лингвистических средств реализации концепта «pollution» в текстах англоязычных медиапубликаций выявлены следующие его признаки: «объекты загрязнений», «источники загрязнений и загрязняющие вещества», «негативные последствия загрязнений», «негативное отношение к загрязнению окружающей среды», «борьба с загрязнениями», вербализованные отдельными лексемами и словосочетаниями различной структуры. В связи с повышенным вниманием европейских стран, в целом, и Великобритании, в частности, к вопросам состояния окружающей среды, состав средств вербализации концепта «pollution» регулярно расширяется, следовательно, возможно выявление новых признаков исследуемого концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балышева К.А. Репрезентация концепта “environment” в современном англоязычном медиатексте // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. Сборник научных статей по материалам XIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Под редакцией Е.В. Романовой. Йошкар-Ола, 2021. С. 65-70.
2. Дойникова М.А. О некоторых возможностях эколлингвистики // Вестник МГЛУ, 2016. Выпуск 5(744). С. 47-52.

3. Катермина В.В., Макеева М.А. Особенности структурирования и восприятия информации в фреймах концепта «Экология» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3(31). С. 69-76.
4. Кузнецова Н.В., Лебедева А.Н. Лингвистическая реализация концепта "environment" в английском языке (на примере экологических новообразований) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 1(2). С. 380-383.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. 226 с.
6. Чепурная М.А. Неологизмы массмедийного англоязычного дискурса как пласт лексики концепта «экология» // Гуманитарные исследования, 2019. № 3 (24). С. 115-118.
7. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.11.2023).
8. Kashtanova I.I., Nikishina O.A. The peculiarities of realization of the conceptual sphere "environmental protection" in the English-language media discourse // Гуманитарные науки и образование, 2019. Том 10, №1. С.149-154.
9. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 20.11.2023).

© Балышева Ксения Александровна (qsuaka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК В ДИАЛОГАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Лумэй

Аспирант, Государственный Институт Русского Языка
им А.С. Пушкина
wanglumei@yandex.ru

LINGUISTIC FEATURES OF THE RESPONSE REPLICAS IN DIALOGUES IN RUSSIAN

Wang Lumei

Summary: The article is devoted to the consideration of the features of response replicas as a kind of colloquial speech, characterized by structural and semantic dependence on replica-stimuli and formal varieties. The article separates various types of response replicas depending on the stimulus replicas based on the achievements of many scientists about stimulus replicas and response replicas. Two approaches to identifying the typology of response replicas are raised: direct and indirect methods. It is demonstrated that indirect ways of expressing response replicas acquire saturated values and are more effective.

Keywords: dialogue, stimulus replica, response replica, semantic structure, direct method, indirect method.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей ответных реплик как разновидности разговорной речи, характеризующихся структурной и семантической зависимостью от реплик-стимулов и формальными многообразиями. В статье разделяются разнообразные типы ответных реплик в зависимости от реплик-стимулов на основе достижений многих учёных о репликах-стимулах и ответных репликах. Поднимаются два подхода к выделению типологии ответных реплик: прямой и косвенный способы. Демонстрируется, что косвенные способы выражения ответных реплик приобретают насыщенные значения и являются более эффективными.

Ключевые слова: диалог, реплика-стимул, ответная реплика, семантическая структура, прямой способ, косвенный способ.

Диалог является основным жанром разговорной речи: именно в диалоге проявляются типичные свойства высказываний и их иллокутивная сила. Исследование реплик диалога (Л.П. Якубинский, М.М. Бахтин, Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов), их взаимодействия, образования диалогических единств позволили ученым во многом раскрыть коммуникативно-прагматические закономерности разговорной речи. М.М. Бахтин создал целую систему теоретических методов, ориентированных на диалог, определив широкий подход к пониманию категории диалогичности. Впервые в русистике понятие диалогического единства было введено Н.Ю. Шведовой, которая определяет его как коммуникативную единицу диалога, состоящую из сочетания реплик, взаимообусловленных семантически и структурно. Что касается состава диалогического единства, Шведова понимает диалогическое единство как двухчленное, которое состоит из реплики-стимула и реплики-реакции [16, с.281]. Такие учёные, как Балаян, Балелина, Косогорова тоже разделяют такое представление диалогического единства. Несмотря на то, что некоторые учёные придерживаются иных точек зрения, в этой статье мы тоже разделяем идею Шведовой.

В диалогическом единстве реплика-стимул и ответная реплика взаимозависимы и тесно связаны: реплика-стимул ограничивает тематику ответных реплик; ответная реплика в свою очередь зависит от стимула структурно и семантически, но не ограничивается ею в плане формы. Отметим, что часто инициальные (стимульные) реплики диалога представляются более ин-

формативными и значимым для понимания коммуникативных интенций говорящих, изучения смысловой цельности диалогических единств. В то же время без ответных реплик (реплик-реакции) немислима связность общения и поддержание диалога. В связи с этим ответные реплики в диалоге представляют большой интерес для исследования вариативных языковых форм, при помощи которых выражается реакция на реплики-стимулы, определяются тенденции в развитии разговорных форм выражения, которые в ответных репликах появляются наиболее явно и многообразно.

Л.П. Якубинский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов изучили разные типы инициальные реплик, но общая классификация инициальных реплик (реплик-стимулов) проводится в словаре Т.В. Жеребило: 1) вопрос, требующий ответа; 2) побуждение к действию; 3) высказывание [8, с.304]. В соответствии с этим ответные реплики – не только ответ на вопросительное высказывание, но и реакции на другие речевые стимулы. Важную роль в изучении реплик-реакций играет Н.Д. Арутюнова, которая показал значимость вторых реплик в организации диалогического взаимодействия собеседников, прямую связь этих реплик с фактором адресата [11, с.5]. З.В. Валюсинская, Т.Г. Винокур, Т.В. Жеребило и др. также активно классифицировали реплики-реакции. Но традиционные способы классификации сориентированы на освещение значения языковой единицы, в прагмалингвистике акцент сделан на целостном смысле этих единиц, выводимом как из значения, так и из ситуации общения [10, с.45], поэтому в данной статье проанализируется типо-

логия ответных реплик с прямого и косвенного подхода в определенных ситуациях. Материалом для исследования послужило более 200 диалогических единств, извлеченных приемом сплошной выборки из произведений современных русских писателей и телесериалов XXI в. Языковой стиль этих материалов разнообразен и соответствует типичным ситуациям реального разговорного общения в повседневной жизни.

С точки зрения прагматики, при выборе формы высказывания учитываются коммуникативные параметры ситуации: кто, в какое время, где, при каких обстоятельствах, и с какой целью по отношению к кому высказывается. В теории речевых актов высказывание является речевым действием, имеющим целеполагание, которое в разных ситуациях имеет разное иллокутивное значение и порождает разный результат. В.В. Дементьев считает, что не прямые единицы оказываются содержательно и формально более сложными, чем прямые, в коммуникации косвенные высказывания включают смыслы, не содержащиеся, собственно, в высказывании, они требуют дополнительных интерпретативных усилий с стороны партнера, будучи несводимыми к простому узнаванию знака [7, с.4].

Анализ нашего фактического материала позволил выделить некоторые типичные разновидности ответных реплик в диалогических единствах, использованных говорящими в разговорном общении. Остановимся на них подробнее.

1. Ответные реплики на вопросительные предложения

Вопросительные предложения можно разделить на типы по разным принципам: по значению, характеру коммуникативной функции (собственно вопросительные и несобственно вопросительные) [2, с.95–96]. Специальный вопрос требует конкретной информации на вопрос: *как, кто, что, где, куда, когда, почему, как* и т.д. Общие вопросы предполагают два типа ответов: утвердительные или отрицательные. Однако данные вопросы могут происходить в ситуации косвенной коммуникации. В этом случае следует говорить о вопросах, ответы на которые нарушают логику типичного вопросно-ответного единства. Ввиду разнообразия типов вопросов соответственно разнообразны и типы ответов. Рассмотрим примеры различных вопросно-ответных ситуаций.

(1) Прямая ответная реплика на вопрос

а) Во время консультации с адвокатом Егорова, чья жена и сын были обмануты сектой:

Адвокат: Кто ответственный квартиросъемщик?
Егоров: Я. (Дашкова П. Золотой песок, с. 44)

б) В разговоре Глаши с подругой о смене работы:

Подруга: И где же?

Глаша: "На Достоевского." (Вильмон Е. Птицы его жизни, с. 32)

в) Во время осмотра оборудования на корабле:

Мастер: Шестьдесят две. Записал?

Ученик: Записал. (Телесериал «Капитанша», серия 3)

В данных диалогах видно, что во некоторых ситуациях ответные реплики использованы для прямого реагирования на вопросы. Со структурно-семантических позиций и в соответствии с принципом экономии средств [3] большинство ответных реплик собственно вопросительных предложений является прямым структурно-семантическим дополнением к неизвестной информации реплики-стимула, а ответными репликами на несобственно вопросительные реплики являются по значению прямые утвердительные или отрицательные единицы, включающие вербальные и невербальные элементы. Поэтому прямые ответные реплики обычно являются контекстуально полными структурно-семантическими сокращениями.

(2) Косвенные ответные реплики на вопросы

В процессе общения, из-за различия целей общения и позиций двух сторон, обычно возникают ситуации, когда ответные реплики выражаются в отсутствии прямых ответов на вопросы или намеренном отклонении, избегании ответить на вопросы. В результате анализа собранных данных были обнаружены следующие типы косвенных ответных реплик на вопрос: использование смысла высказывания; молчание или невербальное поведение, выражающее отклонение; вербальный отказ отвечать; отведение глаз в сторону; переход к несвязанной теме; сомнение в содержании реплики-стимула.

а) Использование смысла высказывания

Поскольку в общении учитываются и значение, и смысл высказываний, в диалоге адресат иногда использует смысл для непрямого реагирования на стимул. Например:

При встрече братьев:

Старший брат: Зачем ты её (бывшую жену старшего брата) сюда притащил?

Младший брат: А ты её запрети. (Телесериал «Капитанша», серия 4)

В данном диалоге младший брат на самом деле не просит брата остановить бывшую жену, но хочет выразить, что никто не может остановить ее поведение.

б) Избегание прямого ответа

Для избегания прямого ответа на вопрос адресат обычно молчанием и притворным невербальным пове-

дением, сомнением в содержании стимула, переключением к несвязанной теме разговора отклоняется от вопроса. Например:

При обсуждении жены и мужа о читающей книге:

Жена: Подожди, Гриша, откуда ты это знаешь? Ты же не читаешь его книгу.

Он не шелохнулся, не открыл глаза, продолжал сидеть, расслабленно откинувшись, но при ярком свете кухонной люстры было видно, как быстро задвигались под веками глазные яблоки. Забегали зрачки туда-сюда. (П. Дашкова, Золотой песок, с. 50)

В этом общении муж молча реагирует на вопрос жены, притворяясь сонным, чтобы избежать ответа на вопрос.

При разговоре мужа и жены о неприятном звонке:

Жена: Гришаня, ну что с тобой? Что за дурацкие ночные звонки? Почему ты так занервничал? К кому надо «дуть домой», сменив машину?

Муж: Ника, это совершенно неинтересно (П. Дашкова, Золотой песок, с. 23).

Здесь муж не хочет сказать жене о факте события, и он уходит от прямого вопроса под предлогом того, что событие неинтересно для нее.

Во время одной из ссор между капитаном и женой:

Жена: Не хочется из-за меня в тюрьме сидеть, да?

Муж: Это мне чай? (Телесериал «Капитанша», серия 4).

Поскольку капитан ответственно женился на девушке, которую не любил. В этом диалоге он хочет избежать от обсужденной темы из-за стыда, он переключил разговор на другую тему.

2. Реплики-реакции на повествовательные предложения

А.Г.М. Кучинский разделяет речевые реакции на выражение положительного или отрицательного отношения к сообщению [12, 1983]. По семантике ответные реплики на повествовательные предложения могут быть подтверждающими и отрицающими, прямыми и косвенными. Прямая ответная реплика характеризуется совпадением значения и смысла, а косвенная ответная реплика – их асимметрией [Дементьев, 2000: 99].

(1) Прямая ответная реплика на сообщение

Прямыми способами адресат непосредственно выявляет свое отношение к репликам-стимулам. Например:

При разговоре между Глашей и Андреем, нуждающимся в её помощи:

Глаша: Игорь, с которым мы тесно сотрудничаем, говорил, что вы чрезвычайно добросовестны, и ему вы не раз помогли...

Андрей: О, в таком случае я согласна! (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 14)

Вот общение между Глашей и шефом на новой работе:
Глаша: Переведу! Это же моя работа... А билетами и отелом тоже мне ...

Шеф: Нет. Это не ваша забота! У нас есть специальный человек... (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 47)

(2) Косвенная ответная реплика на сообщение

Косвенные ответные реплики на сообщения можно разделить на следующие типы: диалектическая реакция; высказывание с эмоцией; отрицание как риторический вопрос; отрицание с использованием противного факта; отклонение от темы.

а. Диалектическая реакция

В неточном ответе должен быть такие скрытые смыслы, как неудовлетворенность, непонимание подлинности, нежелание создания конфликта и т.д.

Во время разговора подруги о тайно влюблённом человеке Глаши:

Марьяна: И он (влюблённый человек Глаши), сдаётся мне, её (брокер) побаивается.

Глаша: Вероятно. (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 58)

Здесь Глаша не точно знает о правде или не хочет признать, что это правда, поэтому употребляет неопределённый ответ. В этой ответной реплике содержится растроенное чувство.

б. Высказывания с эмоцией

Высказывания с эмоцией часто употребляются в речевых реакциях, имеют психологические и коммуникативные цели [9: 150]. И они приобретают отличающийся смысл от значения. Эмоция может придаёт высказываниям различные оттенки, как гнев, радость, разочарование, огорчение и т.п., и даже противоположный смысл. В общем, положительная и отрицательная эмоция отдельно выражают принятое и непринятое отношение к сообщению.

В общении Глаши и жены начальника, стремящейся найти пропавшего сына:

Глаша: Частного детектива? Знаю! Знаю! Один мой одноклассник стал частным детективом! У нас в позапрошлом году была встреча выпускников, и он дал мне свою визитку!

Жена начальника: На самом деле? Это просто чудо! - взволнованно сказала она. (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 93)

В этом диалоге ответная реплика выражает восторг адресата в форме вопроса. Именно её эмоция показыва-

ет её принятое отношение к совету Глаши.

в. Отрицание как риторический вопрос

Риторический вопрос как вопрос с ответом не требует информации, а выражает отношение и эмоции адресата. Он и имеет эффект усиления тона. В ответной реплике обычно использован риторический вопрос для выражения резкого возражения.

Вот ссора между мужем и женой из-за взаимного непонимания.

Муж: И я не собираюсь тебя унижать. Это вы любите унижать мужчину.

Жена: Я? (Телесериал: «Капитанша», серия 3)

д. Отрицание с использованием противного факта

В ответной реплике использование противного факта тоже выражает своё косвенное несогласие к стимулу.

При разговоре дяди Саши с соседкой о племяннице Саше.

Дядя: Да, Сашка же в городе на художницу учится!

Соседка: Ага, в городе. Да я её сегодня тут видела, Иваныч. (Телесериал: «Капитанша», серия 2)

Хотя соседка подпоёт дяде, она и высказала противный факт для своего сомнения к сообщению дяди.

е. Отклонение от темы

Отклонение от темы часто употребляется в ответной реплике на сообщение, когда адресат не хочет продолжать ведущийся разговор из-за какой причины.

При разговоре друг о влюблённом Глаши.

Марьяна: Жалко, не удалось на него посмотреть.

Глаша: Да ну, ерунда это... пошли кофе пить! (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 56)

Из-за застенчивости Глаша перестала продолжать отвечать на эту тему, а переключилась на другую.

3. Ответные реплики на побуждение

Побудительное предложение - это предложение, содержащее просьбу, совет, приказ, требование или призыв, выражающие к действию. На побуждение, по исследованию почти всех ученых, можно выделить два варианта реагирующих реплик: принятие и непринятие, или выполнение и невыполнение (отказ от выполнения). Поскольку реакция на побуждение содержит осуществление какого-то действия, не только вербальные знаки, но и невербальные поведения являются основными составляющими ответных реплик.

(1) Прямая ответная реплика на побуждение

Способы прямого реагирования на побудительное

предложение могут быть и по высказыванию, и по невербальному поведению, также сочетанием высказываний и поведения. Давайте смотрим следующие примеры:

а. При приглашении на выставку:

Марьяна: Завтра суббота, ходим на выставку, а потом посидим в кафешке.

Глаша: Ладно, ходим, почему бы и нет. (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 53)

б. За обеденным столом муж просил жену передать перчик.

Муж: Перчик дай!

Жена передала и выпустил, - На. (Телесериал: «Капитанша», серия 2)

(2) Косвенная ответная реплика на побуждение

Анализ собранных материалов показывает, что существуют следующие типы косвенных ответных реплик: принятие в форме запроса подробностей; высказывание с эмоцией; молчание; непринятие в форме использования предлога; непринятие в форме риторического вопроса; диалектическая реакция.

а. Принятие в форме запроса подробностей

Если адресат запрашивает в нормальной интонации о подробной информации, это показывает, что он имеет сильное намерение принять побуждение адресанта.

Вот ситуация, когда Лёня показывает новобрачной жене Саше свою квартиру.

Лёня: Проходи, смотри.

Саша: А что это за комната? - Саша проходила и спросила. (Телесериал: «Капитанша», серия 5)

б. Высказывание с эмоцией

В некоторых случаях эмоция более значительная, чем собственное значение, и эмоция определяет отношение адресата к побуждению.

При ситуации, когда Андрей Олегович убеждает Глашу работать в его компании.

Андрей Олегович: Позвольте, это же совсем рядом (с вашим домом). А наша контора на улице Достоевского!

Глаша: Быть не может! Это же пешком всего ничего! (В. Пелевин, Чапаев и Пустота, с. 26)

В восторженной эмоции проявляется принятое отношение Глаши к побуждению адресанта.

в. Молчание

В общении молчание является часто употребляемым

способом реакции. В общении существуют молчаливое согласие и несогласие. Вот молчаливое согласие:

При утешении своей жены, которой снились кошмары:
 Муж: *Ладно, если что, зови.*
 Жена *ничего не сказала, сидя на кровати и уставившись на свои ноги. (Телесериал: «Капитанша», серия 6)*

Хотя жена ничего не сказала, но отвечает молчаливым согласием.

г. Непринятие в форме использования предлога

Если не хотят или не могут выполнить побуждение партнёра, необходимо отклонить, остановить или воспротивиться ним, могут использовать личные или неличностные причины в качестве предлога для того, чтобы гибко отказаться. Это может избежать конфронтации.

При просьбе начальника к Глаше помочь ему:
 Начальник: *И ещё у меня будет к вам личная просьба: не могли бы вы купить хороший подарок для моей жены, у неё на следующей неделе день рождения.*

Глаша: *Ну, переговоры меня не смущают, а вот подарок для жены - это куда сложнее. (Е. Вильмонт, Птицы его жизни, с. 22)*

г. Непринятие в форме риторического вопроса

Риторический вопрос на побуждение имеет общую функцию как ответная реплика на сообщение, выражая неприятие.

При ссоре между мужем и женой:
 Муж: *Я запрещаю тебе ночью одной находиться на палубе.*

Жена: *Почему ты мне приказываешь? (Телесериал: «Капитанша», серия 3)*

В этой ответной реплике адресат выражает свое неприятие и гневную эмоцию.

д. Непринятие в форме отклонения от темы

Когда мы не желаем или не в состоянии выполнить побуждения партнёра, для нас отвлечься от темы и сказать что-нибудь другое от побуждения - хороший способ выражения неприятия.

Новобрачные ссорятся из-за бывшей жены мужа:
 Муж: *Моя жена – это ты. Постырай, пожалуйста.*
 Жена: *Да какая я тебе жена? (Телесериал: «Капитанша», серия 5)*

Из-за гнева жена не реагирует на просьбу мужа, а отклоняется к бывшей теме.

е. Диалектическая реакция

Когда адресат не может точно дать утверждение или отрицание, по принципам вежливости и сотрудничества, он может давать двусмысленные ответы, чтобы выиграть время для размышлений и оставить место для будущих ответов.

Вот общение между братьями Лёней и Семёном.
 Семён: *Ты давай рассказывай, когда жениться успел.*
 Лёня: *Потом расскажу. (Телесериал: «Капитанша», серия 4)*

Проведенный анализ реплик-реакций на речевые стимулы разных типов показывает, что ответные реплики чаще всего зависят семантически и прагматически от реплик-стимулов. В общении не прямые способы высказываний используются для передачи информации, одновременно и достижения таких коммуникативных эффектов, как выражение вежливости, избежание конфликтов, выражение сильных чувств и создание иронических, юмористических эффектов и т.д. По сравнению с косвенным способом, роль прямого выражения относительно невелика и заключается в основном в передаче информации. Поэтому необходимо изучать не только прямые способы реагирования на стимул, но и не прямые способы в различных ситуациях, поскольку это может позволить людям более точно донести свои истинные цели и чувства до другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель. 1963.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений) / вступ. ст. В.К. Журавлёва, И.В. Журавлёва. 7-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011. (Лингвистическое наследие XX века).
4. Валюсинская, З.В. Проблемы изучения диалога в работах советских лингвистов [Текст] / З.В. Валюсинская // Синтаксис текста; Отв. ред. Г.А. Золотова; АН СССР.
5. Винокур, Т.Г. Диалог [Текст] / Т.Г. Винокур // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 119–120.
6. Вахрушева М.А., Ионова С.В. Эмоциональная коммуникация на русском языке. Учебное пособие. — М.: Научная мысль, 2021.
7. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.

8. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
9. Ионова С.В. Неэкологичное речевое поведение как реакция на речевой стимул // Термины в коммуникативном пространстве. Материалы научно-практической конференции. - Астрахань: Изд-во Астраханского медицинского университета, 2018. С. 150-158.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
11. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Т.Н. Колокольцева; СГУ им. Н.Г. Чернышевского. — Саратов, 2001. — 363 с.
12. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление [Текст] / Г.М. Кучинский. — Минск: Изд-во БГУ, 1983. — 190 с.
13. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. — М., 1986. — С. 22-129.
14. Пешковский, Александр Матвеевич (1878-1933). Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. - Изд. 9-е. - Москва: URSS: Либроком, 2009. - 450.
15. Распопов И.П. Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке [Текст]: (Автореферат дис., представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук) / Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. - Куйбышев: [б. и.], 1953. - 20 с.; 19 см.
16. Шведова Н.Ю. О понятии синтаксического ряда // Историко-филологические исследования. М., 1967.

© Ван Лумэй (wanglumei@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ РИКШИ В РОМАНЕ ЛАО ШЭ «РИКША», РАССКАЗЕ ЛУ СИНЯ «МАЛЕНЬКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ» И РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «БРАТЬЯ»

Го Юй

Юго-западный университет, Чунцин, Китай
guoyu5964@gmail.com

THE IMAGE OF A RICKSHAW IN THE NOVEL OF LAO SHE "RICKSHAW", THE STORY OF LU XIN "A LITTLE INCIDENT" AND THE BUNIN'S STORY "BROTHERS"

Guo Yu

Summary: The article examines the depiction of such a character as a rickshaw driver in a number of works of Chinese and Russian literature. There are many parallels at the level of interpretation of the image and stylistic techniques for its creation. Writers use such techniques as antithesis, detailing of human physicality, deaestheticization, the use of olfactory vocabulary and landscape descriptions. These stylistic and linguistic means help the authors to express sympathy for simple, poor people, to convey the idea of the inadmissibility of human existence in such conditions as in the early 20th century lived rickshaw pullers, about the importance of a humane attitude towards people of working professions.

Keywords: rickshaw, image, Chinese literature, Russian literature, antithesis, physicality, deaestheticization.

Аннотация: В статье рассмотрено изображение такого персонажа, как рикша, в ряде произведений китайской и русской литературы. Отмечается множество параллелей на уровне трактовки образа и стилистических приёмов его создания. Писателями применяются такие приёмы, как антитеза, детализация человеческой телесности, деэстетизация, использование ольфакторной лексики и пейзажных описаний. Данные стилистические и языковые средства помогают авторам высказать сочувствие к простым, бедным людям, передать мысль о недопустимости существования человека в таких условиях, в каких в начале XX в. жили рикши, о важности гуманного отношения к людям рабочих профессий.

Ключевые слова: рикша, образ, китайская литература, русская литература, антитеза, телесность, деэстетизация.

В литературе разных стран есть образы, которые являются очень значимыми в контексте истории и культуры страны и народа. Одним из таких образов в китайской литературе стал образ рикши. Согласно данным энциклопедического словаря, рикша – это «лёгкая двухколёсная коляска, в которую впрягается человек (тоже называется рикша); появилась в Японии. С начала XX в. распространилась в Восточной и Южной Азии и ЮАР» [3, с. 1126]. В нашем исследовании лексемой *рикша* обозначается управляющий коляской человек, то есть используется значение лексемы, возникшее в результате метонимии. В Китае первые рикши появились в конце XIX в., а широкое распространение как вид транспорта рикши получили на рубеже веков и в начале XX в. Идея перемещения одних людей с помощью физической силы других оказалась в Китае не нова; прообразом рикши здесь был паланкин – «носилки в форме кресла или ложа, укрепленные на двух длинных шестах, концы которых держат на плечах носильщики» [Там же, с. 961]. С одной стороны, такой вид транспорта (где один человек везёт другого) является антигуманным, с другой – в своё время он дал средства к существованию для десятков тысяч людей. С приходом к власти Мао Дзэдуна и изменением политического режима рикши начали восприниматься в

Китае как символ угнетения рабочего человека, в связи с чем в 1949 г. использование рикш в Китае было запрещено. Сейчас рикши (теперь это вело- или моторикши) используются в Китае как экзотический вид транспорта для развлечения туристов.

Для русской культуры рикша является экзотическим образом, связанным с китайской и вообще восточной культурой и историей. Попадая в Китай в начале XX в., русские путешественники ни могли не удивляться такому способу передвижения и не задаваться вопросом о его этической составляющей.

Необычный, оригинальный образ рикши не мог не отразиться в литературе разных стран, в том числе китайской и русской. Он становится предметом ряда исследований филологов Китая и России: Д.С. Барашковой [1], Е.М. Болдыревой [2], Син Не [8], М. Цзян [9] и др., однако проблема ключевых стилистических и языковых приёмов, с помощью которых изображается в художественной прозе рикша, филологами практически не поднимается.

Целью данного исследования стал сопоставитель-

ный анализ образа рикши в произведениях китайской и русской литературы – романе Лао Шэ «Рикша», рассказе Лу Синя «Маленькое происшествие» и рассказе И.А. Бунина «Братья», а также выявление ключевых авторских стилистических приёмов, которые использовались для изображения рикш. Выбраны произведения, созданные примерно в одно и то же время – в 1910–1930-х гг.; китайские источники рассматривались в русском переводе. В ходе исследования использовались методы анализа (в том числе сравнительно-сопоставительного), синтеза, описательный метод, метод интерпретации текста.

Роман китайского прозаика Лао Шэ «Рикша» – одно из наиболее известных произведений китайской литературы, в которых выведен образ рикши. В этом романе классика китайской литературы рикша является главным героем, а события разворачиваются в 1920-х гг. Произведение является своеобразной энциклопедией рикш, рассказывающей, какими они были, как становились рикшами и т. п. Герой романа Сянцзы – типичный представитель людей данной профессии, приехавший в город сын крестьянина, бедняк, желающий заработать себе на жизнь. Его история весьма печальна: трудолюбивый, порядочный, хорошо сложенный юноша, столкнувшись с тяжёлыми реалиями жизни, постепенно теряет свои принципы, становится бездельником, ни к чему не стремящимся, ни о чём уже не мечтающим, кроме того, чтобы набить себе живот.

Одним из ключевых стилистических приёмов описания рикши и его взаимоотношения с миром становится в романе антитеза. В первую очередь противопоставлен сам себе герой Сянцзы – в начале романа и в конце. Вначале «он мог подолгу стоять на руках, такие они у него были сильные! Ему иногда казалось, что он прямой и крепкий как дерево. Он и в самом деле чем-то походил на дерево, могучее, молчаливое» [6, с. 7]. От тяжёлой работы его здоровье не может на пошатнуться, и Сянцзы начинает мучать мысль: неужели он станет таким же слабым, как старые, некрасивые, измученные, убитые жизнью рикши? Противопоставляется и его характер в начале и в конце пути рикши. Автор особенно подчёркивает, что Сянцзы прекрасно понимает суть происходящих с ним перемен и тяготится этим: «Иногда он вспоминал прошлое, и ему хотелось снова стать порядочным, чистым и трудолюбивым; он очень страдал от того, что так опустился» [Там же, с. 187].

В рассказе Лу Синя «Маленькое происшествие» действие происходит в Пекине зимой 1917 г., когда использование рикш воспринималось как обычное дело. Героя, повествующего от первого лица, везёт по холодным улицам рикша. Повествователя, который с годами стал «все с большим презрением относиться к людям» [7, с. 70], поражает внимание, которое оказывает рикша пожилой женщине, задетой оглоблей коляски и упавшей на мо-

стовую, бережное отношение к ней. Главным приёмом описания образа рикши в данном произведении тоже является антитеза. Маленький рикша, совершающий добрый поступок, становится вдруг в глазах повествователя огромным: «...Мне показалось, что густо покрытая дорожной пылью фигура рикши сразу выросла, и чем дальше он уходил от меня, тем все больше становился, и вот мне нужно уже было закидывать голову для того, чтобы смотреть на него» [Там же, с. 71]. Он ощущает исходящую от рикши силу, которая вытесняет «то “мелкое”, что глубоко было спрятано во мне» [Там же]. Перед огромной душевной щедростью рикши герой особенно сильно чувствует собственную мелочность и возвращает себе веру в людей. Лексически антитеза выражается с помощью антонимов, помогающих автору «описать внутреннюю противоречивую суть окружающих его явлений» [5, с. 140]. В создании антитезы участвует также и название рассказа – «Маленькое происшествие», и сам размер произведения – две страницы. Внешняя краткость и происшествия, и описывающего его рассказа противопоставлены внутреннему масштабу события и произведённому им на героя впечатлению.

Рассказ И.А. Бунина «Братья» повествует о длинном дне цейлонского рикши, который возит в своей коляске англичанина. Рикша молод и миловиден, но уже сейчас у него нет будущего. Его невеста пропала в этом огромном городе, проданная кому-то собственным отцом. Его жизнь – это бесконечная и бессмысленная низкооплачиваемая работа на «белых» людей, колонизаторов. Юноша пытается забыться, одурманивая себя бетелем, папиросами и виски, но получается плохо. Узнав в молодой женщине, принадлежащей теперь англичанину, которого юноша возил весь день в коляске, свою былую невесту, рикша решает покончить с собой и покупает для этого ядовитую змею. Он мечтает утратить в смерти «то последнее, всеобъемлющее, что называется любовью, жаждой вместить в свое сердце весь зримый и незримый мир и вновь отдать его кому-то» [4]. Англичанин же продолжает свой путь, разглагольствуя о братстве и равенстве.

Антитеза проявляется в данном рассказе посредством противопоставления рикши и его седока. Рикша худ, а англичанин внушителен; рикша покорен и унижен, а англичанин – горд и полон достоинства; рикша беден и не образован, его ездок складно говорит, например, рассуждая о смерти других людей: «Я участник бурской войны, я, приказывая стрелять из пушек, убивал людей сотнями – и вот не только не страдаю, не схожу с ума, что я убийца, но даже не думаю о них никогда» [4]; у рикши нет будущего, а у англичанина есть. Рассказ насмешливо назван «Братья», что подчёркивает пропасть между героями, которые не являются братьями, равными хоть в каком-нибудь смысле. Они оба люди, но только один из них живёт, как человек, а существование второго скорее

похоже на звериное. Противопоставлены не только два человека, но и два мира – коренных жителей Цейлона и колонизаторов, не видящих в людях с другой кожей людей, тем более «братьев».

Во всех рассмотренных произведениях звучит сочувствие к простым людям, высказанное авторами. Син Не отмечает: «Рикша как специфическое явление социальной среды подвергается морально-этическому переосмыслению» [8, с. 33]. Писатели показывают, как тяжёлый труд разрушает тело рикш, для чего применяют тесно связанные приёмы антитезы и детального изображения человеческой телесности. Лао Шэ подробно описывает сильное тело молодого Сянцзы: «Крепкий и мускулистый, высокий, широкоплечий. <...> Покосится на свои плечи и думает – до чего могучие и широкие! А если еще надеть белые штаны да подвязать их узкой ленточкой у щиколоток – всем будут видны его крепкие ноги» [6, с. 7] и его слабое тело после перенесённых испытаний, когда он с трудом идёт, «согнувшись, низко опустив голову, жуя подобранный с земли окурок, едва волоча ноги» [Там же, с. 219]. Телесные детали призваны подчеркнуть нарушение законов человеческой природы рабским, невыносимо тяжёлым трудом рикш.

С изображением телесности тесно связан приём деэстетизации, например, применяемый И.А. Буниным при описании рикши: «...Посерели его длинные волосы, в пучок собранные на затылке и смазанные кокосовым маслом, сморщилась кожа по всему телу, или, лучше сказать, по костям; на бегу пот ручьями лил с его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокруг жидкого таза, узкая грудь дышала со свистом и хрипом» [4]. Неэстетичное изображение уставшего, жалкого тела рикши Е.М. Болдырева характеризует как «телесную деструкцию» [2, с. 234], то есть разложение, разрушение человеческого тела (и души) в нечеловеческих условиях существования.

Неприятательный внешний вид тяжело работающих рикш писателям помогает описать ольфакторная лексика. Неприятные запахи окружают рикш: «От земляного пола отвратительно пахло сыростью и пылью» [6, с. 45], ветер разносит «зловоние отбросов» [Там же, с. 147] и исходят от них самих, от их немых и уставших тел: «Запах его разгоряченного тела стал неприятен – это был запах теплого чая, смешанного с кокосовым маслом и еще с чем-то, как если взять и растереть в руках кучку муравьев» [4]. Запахи становятся ещё одной деталью деэстетизации телесного при создании различными писателями образа рикши.

Отметим также приём противопоставления эстетических описаний природы и неэстетических описаний – самих рикш. В каждом из рассмотренных произведений встречаются картины природы, окружающие мир человека. Явления природы прекрасны и привлекают взоры

рикш: «На юго-востоке засверкал исполинский занавес, сотканный из облаков и солнечных лучей. Темная зелень полей, яркая листва деревьев и трав засверкали, словно малахит» [6, с. 25]; «утих ветер, улеглась пыль, <...> расстилалась чистая белая полоса дороги» [7, с. 70]. Они создают общий контекст, в котором существуют рикши. В произведениях Лао Шэ и И.А. Бунина основным цветом, символизирующим природу, становится золотой: «Неожиданно небо на востоке вспыхнуло багрянцем и из серого стало чисто-голубым. Тучи расступились, и на землю хлынул **золотой** поток» [6, с. 25]; «...Среди высоких и тонких, в разные стороны и причудливо изогнутых темно-кольчатых стволов, стелются глубокие шелковистые пески, блещет **золотое**, жаркое зеркало водной глади» [4]. Цвет золота символизирует богатство природного мира, контрастирующее с миром людей, для которых золото становится объектом алчности. Природа наполнена светом, она яркая, живая и постоянная в своей прелести, а рикши в названных произведениях Лао Шэ и И.А. Бунина постепенно деградируют, меняются, утрачивают природную красоту.

Развёрнутыми описаниями природы наполнен рассказ И.А. Бунина; изображаемый автором мир прекрасен: «...Яркими самоцветами переливаются толстогорлые хамелеоны, мелькая и по гладким, и по кольчатым, как хобот слона, стволам деревьев» [4]. Полная жизни природа контрастирует с образом рикши, из которого постепенно уходит жизнь. Такие описания призваны подчеркнуть тяжёлое существование рикш, их неэстетичный внешний вид, постоянные заботы, болезни, невозможность заработать вдоволь денег, нормально питаться, заботиться о своей семье. В образе рикши в русской литературе реализовался очень значимый для неё образ «маленького человека» [1], который кажется ещё меньше и незначительнее в контрасте с полной сил и прелести природой.

Итак, в китайской и русской литературе рикша изображается как человек, которого побудила заниматься таким видом деятельности непреодолимая бедность. Сам способ передвижения, при котором один человек везёт на себе другого, понимается как порицаемый, недопустимый, символизирующий угнетение одних людей другими, антигуманность отношений в обществе с жёстким социальным расслоением. Ключевым стилистическим средством описания рикши в контексте окружающего его мира в рассмотренных произведениях китайской и русской литературы становится антитеза. Контрастные описания строятся на основе приёмов детализации человеческой телесности, деэстетизации. Ольфакторная лексика и описания природы также помогают авторам создать образы рикш как людей, погружённых в постоянные заботы о пропитании, выполняющих тяжёлый и грязный труд, который недопустим для человека в правильно устроенном обществе, постепен-

но теряющих человеческий облик внешне и внутренне, разочаровывающихся в жизни, утрачивающих всё самое важное и дорогое, теряющих будущее.

Перспективы настоящего исследования состоят в расширении круга анализируемых произведений китай-

ской и русской литературы, в которых авторами создавались и продолжают создаваться образы рикш. Необходимо увидеть линии соприкосновения между текстами двух литератур, провести нравственные, мировоззренческие, стилистические параллели, отследить динамику образа рикши на протяжении XX–XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашкова Д.С. Мир «маленького человека» в творчестве Лао Шэ (на примере романа «Рикша») // *Studia Humanitatis*. – 2016. – № 3. – С. 15.
2. Болдырева Е.М. Культурная символика рикши в русской и китайской литературе XX века // *Ярославский педагогический вестник*. – 2022. – № 1 (124). – С. 234-247.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. Энци., 1991. – 1628 с.
4. Бунин И.А. Братья [Электронный ресурс]. – URL: <https://bunin.eletsmuseum.ru/bratya-1914/> (дата обращения: 04.01.2024).
5. Крылова М.Н. Использование в речи лексических антонимов: удачи и неудачи // *Перспективы науки и образования*. – 2014. – № 5. – С. 140-144.
6. Лао Шэ. Рикша: роман / пер. с кит. Е. Рождественской; вступ. статья В. Петрова. – М.: Гослитиздат, 1956. – 232 с.
7. Лу Синь. Маленькое происшествие // Лу Синь. Повести и рассказы / пер. с кит.; вступ. статья Л. Эйдлина. – М.: Худ. лит., 1971. – С. 70-71.
8. Син Не. Образ рикши в рассказе И.А. Бунина «Братья» и романе Лао Шэ «Рикша» // *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. – 2017. – № 2. – С. 23-35.
9. Цзян М. «Сплавление горизонтов»: понимание образа рикши / извозчика в китайских и русских литературных произведениях // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат. IX междунар. науч.-практ. конф.* – Благовещенск: БГПУ, 2019. – С. 148-153.

© Го Юй (guoyu5964@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

ABOUT COMPLETE AND INCOMPLETE SENTENCES IN THE BASHKIR LANGUAGE

G. Isyagulova
G. Bikanova

Summary: The article is devoted to the study of incomplete sentences in the Bashkir language. These constructions, characterized by the absence of structurally necessary terms that can be easily restored from the context, were not the object of monographic research in Bashkir linguistics.

Keywords: Bashkir language, complete sentences, incomplete sentences.

Исягулова Гульназ Абдулхаковна

Доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
"Уфимский университет науки и технологий"
igulnaz75@yandex.ru

Биканова Гульнафис Фанисовна

ФГБОУ "Уфимский университет науки и технологий"
gulnafis.bikanova.98@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению неполных предложений в башкирском языке. Данные конструкции, характеризующиеся отсутствием структурно необходимых членов, легко восстанавливаемых из контекста, в башкирском языкознании не были объектом монографического исследования.

Ключевые слова: башкирский язык, полные предложения, неполные предложения.

Предложение в текстовом ряду является основной, самой своеобразной и многогранной единицей языка. Известно, что изучение предложения, которое занимает важное место в структуре языка, имеет, например, логические, структурные, коммуникативные и семантические аспекты, которые взаимодействуют друг с другом. В специализированной литературе больше внимания уделяется анализу наиболее важных особенностей предложения, являющегося одним из фундаментальных понятий синтаксиса, без придания ему унифицирующего и универсального определения. Суть этого, конечно, не в отсутствии определения предложения. Наоборот, определений предложения слишком много, и в них эта синтаксическая единица оценивается с разных аспектов.

Предложение играет важную роль, как в обычном общении, так и в выражении сложных мыслей. Оно сообщает слушателю или читателю что-то из явлений объективной реальности, или же из мира воображения. Это важное свойство языкознания называют предикативностью. Предикативность – это свойство, присущее всему предложению, именно такой особенностью оно отличается от не предикативных единиц, таких как слово, фраза, или от полупредикативных частей.

В грамматическом строении каждое предложение представляет собой завершённое целое, составляющее единство внутренних частей, порядка расположения слов и интонации. Для того, чтобы возникло предложение, словоформы, служащие основным строительным материалом в построении синтаксической конструкции, должны находиться в определённом соотношении друг к другу, в определённой связи и порядке, быть организованы единой интонацией. Например: Уйылдандың бөтә уйы хәзер

һандыктарзың аскыстарын кулға төшөрөүзә ине. Кисә ки-скелекте ашағанда ла ошо хакта ғына баш ватты, әсәһенең сәс үрмесенә бер нисә тапкыр күз һалды. Нескә сынйыр бауға икеһе куша тағылғайны улар. Әлбиттә, был эште сак кына ла һиззермәй эшләргә кәрәк. Әсәһе аскыстарзың сәс үрмесенән сисеп алынып, қабат тағылыуын белеп қалһа ла, һандык әсен, иң тәүзә кескәй һандыктағы аксаларзың теүәллеген тикшерә башлаясақ. Икенсенән, быны атаһы өйзә юкта эшләп қалыу уңайлырақ булыр кеүек тойола (Н. Мусин). "Все мысли теперь Уилдана были заняты тем, как заполучить ключи от сундука. Вчера вечером, когда ел, все время размышлял об этом, пару раз заглядывался на ленту для косы матери. Они были скреплены тонкой цепочкой. Конечно же, эту работу нужно было проделать как можно тише. Если мать узнает, что ключи снимались с ленточек, то в первую очередь проверит целостность денег, которые находились внутри сундука в маленькой коробке. Во-вторых, ему казалось, что все это нужно проделать, пока отца не будет дома".

Простые предложения могут быть полными или неполными, в зависимости от того, даны ли компоненты, составляющие грамматическую основу предложения, или части, служащие строительным материалом для предложения. Полнота-неполнота относится ко всем структурно-семантически значимым единицам простого предложения. В специализированной литературе отмечено несколько видов неполных предложений (структурно и семантически неполные; структурно полные, но не семантически полные; семантически полные, но структурно неполные). Неполные предложения, как правило, обусловлены контекстом. В диалогах и полилогах ответы-реплики относятся к неполным предложениям. Например:

Төлкөсура эйәрзә бөршәйә биреп ултырған

Миңлегөлдө яңы күрзе, низер низенде һәм атын саптырып килеп етте.

- Ни булды?
- Сак кына яраланы шикелле. – Һеңлеһенең матур алһыу сырайы ағарған, һоро күззәрәндә – ғазапланыу.
- *Кайһы ерең?*
- *Ботом...*
- Уйылдан, әйзә тизерәк кайтыу яғына! Бүреңде ал.

Ул арала бүтәндәр зә артабанырак бер тирәгә йыйылғайны. Шуларзың эргәһенә барзылар.

- *Һеззә – икәү, беззә – бишәү!*
- Туғыз ине, икәүе генә қасып қотолдо!
- Улары ла хәзәр был тирәгә яқын юламаң! – тип қаршыланьлар уларзы (Н. Мусин).

“Тулкусура толькo что увидел Минлегуль, которая сидела съезживаясь на седле, почуял что-то неладное, и прискакал к ней на коне.

- Что случилось?
- Немного цапнул. – Красивое личико сестренки побелело, а в карих глазах печаль.
- Где болит?
- Нога...
- Уилдан, давай скорее домой! Забери своего волка.

К этому времени все остальные уже собрались в одном месте. Они пошли к ним.

- У вас – два, у нас – пять!
- Было девять так-то, двое успели сбежать!
- И они больше никогда в эту сторону не придут! – кричали те, встречая их”.
- Уйылдан, һиндәгеһе иң қарт бүре, ахырыһы, бер һоро йөнә лә юк, күм-күк, – тиеүгә қаршы, Уйылдан:
- Уны Миңлегөл атып йықты, – тигәс, қыз хатта шатлығынан тыйнақ кына йылмайзы, ә бүтәндәр:
- *Китсе!*
- *Шулаймы ни!* – тип ах итте.

- Уйылдан Миңлегөл эргәһенә килде.
- Бир мылтығыңды. Бүрене алдыңа һал.
- *Куйсы.* Қуркам мин унан.

- Егеттәр берзәм көләп ебәрзе.
- Тере сағында қурқмаған, үлгәс – қурқа!
- Иллә-мәгәр һинең өнөңдө тықты Миңлегөл!
- *Һиңә?*
- Уға, буталып йөрәмә, тигәйнең бит... (Н.Мусин).

“– Уилдан, походу, у тебя самый старый волк, у него нет ни одного коричневого пуха, весь синий.

- Уилдан возразил:
- Его подстрелила Минлегуль.

После этих слов девушка скромно улыбнулась от ра-

дости, а остальные тем временем воскликнули:

- Да ладно!
- Действительно так?! – и ахнули.
- Уилдан тем временем подошел к Минлегуль.
- Дай сюда свое ружье. Положи волка впереди себя.
- *Нет, перестань. Боюсь я его.*

Парни в один голос рассмеялись.

- Когда был жив, не боялась, а теперь боится, когда мертвый!
- Ну, и заткнула тебя Минлегуль!
- Почему это?
- Ты же сам ей сказал, чтобы не путалась под ногами...”

Без понятия полного предложения невозможно изучить неполное предложение. В полных предложениях не опускается ни один из элементов и не добавляются никакие самоочевидные части. Однако нельзя думать, что при объяснении мысли в полном предложении не участвуют ни контекст, ни обстановка, ни мимика и жесты. Они могут прийти на помощь с любым предложением.

Решение проблемы неполных предложений является одной из важнейших задач синтаксической науки. Трактовка этой категории, ее существа, признаков, границ во многом зависит от решения основных проблем синтаксической теории. Несмотря на обширную литературу, посвященную неполным предложениям, граница между полными и неполными предложениями не определена. Вопрос о полных и неполных предложениях очень тесно связан с проблемой полноты предложения. При изучении неполных предложений одной из главных задач является определение их полноты или неполноты в структурном и семантическом отношениях.

В научной литературе неполные предложения редко становились объектом исследования. В более ранних трудах их разграничение от полных предложений было ориентировано на наличие / отсутствие только главных членов предложения. Этот принцип, предложенный представителями логико-грамматического направления Н.И. Гречем, Ф.И. Буслаевым, господствовал достаточно долго, и только А.А. Шахматов сузил объем неполных предложений. Он неполными признавал предложения, в которых опущен главный член, различал односоставные и двусоставные неполные предложения. Пропуск главного члена в большинстве случаев устанавливался по принципу “подразумевания” [9, с. 55].

Учение о неполных предложениях было развито А.М. Пешковским. В основу определения неполных предложений и их классификации положены сравнения с полными предложениями и установление недостающих членов. Пропуск члена предложения определяется А.М. Пешковским на основе подразумевания. Этот принцип дополняется требованием формальной полноты слово-

сочетаний, входящих в предложение, так как, по мнению ученого, полным является лишь такое предложение, которое состоит из полных словосочетаний [3].

Наиболее подробная характеристика неполным предложениям дана И.А. Поповой. С точки зрения автора, эти конструкции охватывают разные структуры [4]. Идея И.А. Поповой оказалась плодотворной и в итоге привела к той классификации неполных предложений, которая существует до настоящего времени.

В башкирском языкознании неполные предложения изучали Г.Г. Саитбатталов, Д.С. Тикеев, Л.А. Бускунбаева и т.д. [7; 8; 1].

Разграничение двух разновидностей неполных предложений – собственно-неполных и эллиптических – прочно вошло в лингвистику. Тем не менее, критерии их выделения кажутся недостаточно соотносящимися друг с другом, чтобы служить основанием для объединения этих двух явлений в общую категорию.

Основные свойства неполных предложений как конкретно-речевых реализаций тех или иных синтаксических моделей определены в литературе убедительно; что же касается так называемых эллиптических предложений, достаточных по смыслу независимо от контекста и ситуации речи, то вопрос о них требует обсуждения. Относя безглагольные “эллиптические” предложения к неполным, мы, таким образом, приписываем полным предложениям признак обязательной глагольности.

В изучении эллиптических предложений имеются три основных момента. В первой группе субъект выражается подлежащим (группой подлежащего), а предикат – второстепенным членом, трансформированным в сказуемое, во второй группе обнаруживается обратное соотношение членов: субъект выражается второстепенным членом, а предикат – подлежащим (главным членом односоставного назывного предложения), третью группу, по мнению Р.Г. Сибгатовой, образуют эллиптические предложения, оба состава (и субъект, и предикат) которых выражаются второстепенными членами [5, с. 137]. Одни ученые считают, что эти предложения являются разновидностью неполных, другие полагают, что данные конструкции занимают промежуточное положение между полными и неполными, третьи утверждают, что эллиптические

предложения являются самостоятельными простыми предложениями.

В качестве компонентов текста часто выступают неполные предложения – синтаксические конструкции, в которых отсутствуют структурно необходимые члены, которые, однако, легко восстанавливаются из зачина или предыдущего предложения. Благодаря этому пропуск вербально не представленных синтаксических позиций не затрудняет понимания высказывания (его опущенная часть продолжает присутствовать в сознании читателя). Например:

Григорий уның усын бармак остары менән генә кымтып аксаны алды, уның ысын алтын икәнәнә ышанмағандай, күз алдында әйләндереп-әйләндереп караны, шунан ғәжәпһенгән карашын Уйылданға төбәнә.

– Алтынданмы? – Уның тауышы тамак төбөнән кысылып, шыйылдап сықты.

– Эйе, Гриша. Булдыра алырһыңмы? Урталыктан уйып алынған өлөшөн каш итеп йәбештерһән, бигерәк якшы булыр (Н. Мусин).

– Ярай.

“Григорий кончиками пальцев взял из его ладоней монеты, с интересом разглядывал их, будто не веря, что они действительно из золота, потом с удивленным видом уставился на Уилдана.

– Золотые? – Его голос сдавливался и вышел со свистом из горла.

– Да, Гриша. Сможешь? Если приделаешь перстень из части, вырезанную посередине, было бы очень здорово.

– Хорошо”.

Таким образом, основным характерным признаком неполных предложений является компактность структуры, проявляющаяся в увеличении семантической нагрузки на каждый эксплицитно выраженный элемент предложения. Если в полных предложениях каждый элемент несёт определённый объём информации, то в неполных предложениях опущение одного или нескольких элементов ведёт к перераспределению информации на те элементы, которые сохранились. Возможность ошибки передачи информации сводится к минимуму.

Итак, неполное предложение – это особая синтаксическая структура, отличающаяся от полных предложений наличием элементов, восполняемых средствами общения, это контекст, ситуация, невербальные средства, интонация и т.д., обладающая смысловой полнотой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. – Уфа: Гилем, 2008. – 140 с.
2. Мусин Н. Вечный лес. – Уфа, 1984. – 480 с.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 180 с.
4. Попова И.А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 2. – 1953. – С. 42–71.

5. Сибгатов Р.Г. Теория предикативности. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1984. – 208 с.
6. Сибгатов Р.Г. Эллипсис в системе средств выражения предикативного отношения (на материале тат. яз.) // Советская тюркология. – 1983. – № 6. – С. 3–10.
7. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. 1 том. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 1999. – 352 бит.
8. Тикеев Д.С. Хәзерге башҡорт теле. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Ғилем, 2002. – 178 бит.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – СПб: Питер, 2015. – 620 с.

© Исянгулова Гульназ Абдулхаковна (igulnaz75@yandex.ru), Биканова Гульнафис Фанисовна (gulnafis.bikanova.98@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕГРАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИЖНЫХ БЛОГОВ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ НОВЫХ МЕДИА О ЛИТЕРАТУРЕ

Кобозева Анастасия Сергеевна

*Аспирант, Московский государственный институт
культуры, (г. Химки, Россия)
kobozeva.a@mail.ru*

THE INTEGRATION OF LITERATURE ONLINE MAGAZINES AND BOOK-BLOGS FOR CREATION A NEW FORM OF LITERATURE MEDIA

A. Kobozeva

Summary: In this study we analyze the state of modern online literary magazines and portals, such as "Prochtenie", "Formaslov", "Literatura", "Gorky.media" and popular book blogs. The review is identified as the dominant genre of both media platforms, also the differences between journal and blogger reviews are noted. As a connecting link between these two formats, we can name blogs of popular literary critics who have experience publishing in thick literary magazines and, accordingly, are qualified specialists in working with analytical genres of journalism. In recent years, literary blogs have been actively developing as a new media platform for observers of the literary process and book reviewers. Their goal is the same as the goal of online magazines — to reach new audiences and engage them in the literary process through the interactive features of blogs and multimedia content. New genres of online journalism, such as podcasts, literature collections, and audience surveys, are actively introduced into the blogosphere. As literary blogs developed, online magazines also became interested in attracting book bloggers to review modern Russian literature on the pages of their editions.

Keywords: online media, literary online magazines, literature portals, book-blogs, literature critic, reviews, thick literature magazines, social media.

Аннотация: В данном исследовании проводится анализ состояния современных сетевых литературных журналов и порталов, таких как «Прочтение», «Формаслов», «Литература», «Горький», «Год литературы» и популярных книжных блогов. Доминирующим жанром выявлена рецензия: в статье описаны отличительные характеристики журнальной и блогерской рецензии. В качестве связующего звена этих двух форматов можно назвать блоги действующих литературных критиков, которые получили филологическое образование, имеют опыт публикаций в толстых литературных журналах и, соответственно, являются квалифицированными специалистами в работе с аналитическими жанрами журналистики.

Цель книжных и литературных блогеров совпадает с целью сетевых журналов — привлечь новую аудиторию и вовлечь её в литературный процесс с помощью интерактивных функций блогов и мультимедийного контента. Блогеры активно внедряют подкасты, создают специальные литературные подборки, проводят опросы аудитории. По мере развития литературных блогов и в связи с ростом численности их подписчиков сетевые журналы начали привлекать книжных блогеров для обозрения современной русской литературы на страницах своих изданий.

Ключевые слова: сетевые СМИ, литературные сетевые журналы, литературные порталы, книжные блоги, литературная критика, рецензии, толстые журналы, социальные СМИ.

Цифровизация современных СМИ активно влияет на процесс конвергенции журналистики. Российская пресса неразрывно связана с интернет-средой, практически все газеты и журналы, за редким исключением, выпускают сетевые версии своих изданий. Это полноценные мультимедийные сайты с большим количеством оригинального контента, которого нет в бумажном формате. Помимо основного сайта издания развивают мобильные версии, самые крупные медиа занимаются созданием собственных мобильных приложений. Последовательность конвергенции форматов издания различается: от печатного к мобильному или от портала к радио. Примером может послужить культурный сетевой медиапроект «Арзамас», помимо основной сетевой версии издания популярность набирает мобильное приложение «Радио Арзамас», контент которого состоит из подкастов и аудиолекций.

Стоит отметить, что тематические издания развиваются медленнее новостных СМИ. Особенно эта проблема касается толстых литературных журналов, которые не продаются в книжных, не стоят на полках рядом с развлекательными журналами и интересны в большей мере специалистам по литературе и филологии. Тем не менее, сетевые версии изданий большинства литературных журналов, таких как «Наш современник», «Новый мир», «Знамя», существуют с начала 2000-х, когда первые самостоятельные сетевые издания «Газета.ру» и «Лента.ру» уже функционировали [1]. Первоначально сайты этих изданий не выполняли весь спектр функций СМИ, так как представляли собой архивы PDF-копий номеров журналов с каталогом авторов. Отдельными постами публиковались произведения наиболее известных писателей, отсутствовал оригинальный контент, предназначенный для сетевой версии издания. Лучше проработан

сайт журнала «Юность», он чаще обновляется, помимо анонсов новых выпусков на странице сайта появляются новости из мира литературы. Тем не менее, сайты толстых литературных журналов нельзя назвать самостоятельными сетевыми СМИ, они не содержат в себе эксклюзивного контента, отличного от печатной версии, обновляются недостаточно регулярно, не в полной мере используются технологии мультимедиа.

В условиях описанного выше кризиса литературных журналов критикам, которые раньше являлись постоянными авторами изданий, приходится искать другие платформы для самовыражения и привлечения аудитории. Уход литературной критики в блогосферу кажется одним из наиболее логичных событий в связи с технологическим прогрессом общества.

Методология исследования

Исследование построено на принципе анализа содержания критических рубрик сетевых изданий и контента книжных блогов. Для составления теоретического обоснования состояния литературного блогинга в России активно применяются методы классификации и формализации. В процессе практического исследования сравнивались различные издания, литературные порталы и каналы в социальных сетях.

Результаты исследования

Литературные сетевые издания начали активно развиваться как самостоятельные СМИ в последние десять лет, в отличие от первых новостных сетевых медиа, созданных уже в конце 1990-х годов. Электронный журнал «Формаслов» и литературный портал «Горький» были созданы в 2017 году [2], литературный портал «Pechorin.net» начал функционировать в 2019, но уже в 2023 году портал официально получил статус сетевого действующего средства массовой информации¹. Ранее в 2015 году начал работу портал «Год литературы», созданный по инициативе Оргкомитета по проведению Года литературы в России, порталу был присвоен статус интернет-СМИ, являющегося частью спецпроекта «Российской газеты». «Год литературы» регулярно публикует тематические материалы (от новостных до развлекательных) в рамках литературной и окололитературной сферы деятельности. Превалирующую часть публикаций сетевых изданий занимают аналитические жанры: рецензии, обзоры, тематические подборки книг с кратким анализом каждого произведения. Политика редакций сетевых литературных изданий строится на освещении современного художественного процесса, включающего в себя книжные новинки, бестселлеры, шорт-листы значимых

фестивалей и конкурсов.

Классический вариант масштабной аналитической проблемной статьи редко встречается в сетевых литературных журналах. Ещё не сформировался образ сетевого читателя, ориентированного исключительно на литературную информацию. Нет кардинальных различий в анализируемых произведениях: на сайте «Горького», как и «Года литературы» постоянно встречаются отсылки к творчеству Евгения Водолазкина, Алексея Сальникова, Михаила Елизарова и других известных писателей, чьи имена находятся на слуху, а книги числятся в списках премий. Получается, что мы не можем говорить о различии вкусов читателей разных литературных порталов, в то время как литературные толстые журналы имеют ярко выраженную мировоззренческую, стилистическую, а порой и политическую позицию, привлекающую за собой соответствующих подписчиков [3]. В печатных журналах этот вектор формировался десятилетиями, теперь для сетевых изданий также потребуется время на формирование собственной этики и направленности.

Проблемная статья – сам по себе жанр объёмный и многоаспектный, что не соответствует нормам сетевых публикаций. Крупная новостная статья в сетевых СМИ доходит до 5000 знаков, в то время как проблемная литературная статья может выходить за пределы 10000 знаков. Более того, меняется значимость аналитического жанра, популярен контент, где значимой становится развлекательная и рекламная составляющая. Это наглядно реализуется в жанре рецензии, наиболее востребованном жанре сетевых изданий. В связи с необходимостью увлечь читателя, журналисты всё реже пишут отрицательные рецензии, большую часть занимают положительные оценки со значительным процентом аннотирования в тексте.

В жанре сетевой рецензии главной становится развлекательная функция. Она может быть реализована критиком посредством интересной подачи материала: индивидуальный стиль автора рецензии, его художественная речь, чётко сформулированная точка зрения, высокая степень оценочности [4-6]. Тем не менее, некоторым авторам рецензий в сетевых изданиях всё же удается следовать принципу объективности, избегая восторженного пересказа содержания произведения в пользу анализа книги. Одним из ярких примеров являются материалы постоянного автора портала «Горький» – Артёма Роганова. С 2017 года он публиковался в толстых литературных журналах, его критические статьи можно найти на страницах «Дружбы народов», однако со временем критик перенёс свою творческую деятельность в сетевые литературные издания. Решение смены плат-

¹ Карпова А. Теперь официально! Pechorin.net – сетевое СМИ // Pechorin.net [Электронный ресурс] URL: <https://pechorin.net/articles/view/tiepier-ofitsial-no-pechorin-net-sietievoie-smi> (дата обращения: 12.12.2023).

формы для публикации в первую очередь оправдано свободой выбора материала. Если обратить внимание на список рецензий Артёма Роганова, то можно заметить, что основными героями его статей являются известные писатели: Алексей Сальников, Алла Горбунова, Оксана Васякина, Джонатан Франзен, Салли Руни. Критическому разбору подвергся роман Шамиля Идиатуллина «Всё как у людей», неоднократного финалиста премии «Большая книга»: «Сборник, куда вошли повести и рассказы разных лет, казалось бы, представляет собой проходной микс. К тому же в предисловии к нему говорится, что большинство этих текстов были написаны «на слабо». Но не секрет, что порой вещи, явно не претендующие на статус *opus magnum*, способны раскрыть автора и его прозу в новом и любопытном свете. «Все как у людей» – тот самый случай, хотя речь и не идет о безусловном шедевре»². Артём Роганов сформировал собственный медийный образ критика на страницах сетевого издания «Горький» со своими определёнными взглядами и вкусами. Соответственно, этот стиль привлекает определённую аудиторию, книжные вкусы которой совпадают с авторскими. Опыт «толстожурнальной» критики позволяет Артёму Роганову сохранить баланс между объективным анализом и авторской интерпретацией произведений. Другая интерпретация жанра рецензии прослеживается в статьях Эдуарда Лукоянова, специализирующегося на исторической литературе. В его рецензиях на первый план выходит его сугубо личная оценка текста, а в качестве главного художественного приёма журналист использует иронию: «В аномально лютом феврале 1692 года новоанглийское поселение Салем, большинство обитателей которого были благочестивыми пуританами, погрузилось в средневековый мрак. Сперва кто-то увидел, как три женщины летели ночью на метле, не справились с управлением дьявольским орудием и упали на опушке. Затем все стали обращать внимание на то, что дети, преимущественно девочки, стали себя вести очень странно: перечили старшим, уклонялись от работ по дому, не хотели читать нравоучительные книжки из библиотеки местного пастора – словом, демонстрировали все симптомы демонической одержимости»³. Используя приём стилизации, критик погружает читателя в атмосферу произведения. Высокая степень эмоционального и художественного аспектов привлекают читателей не столько к первоисточнику рецензии, сколько к тексту и личности самого критика [7-8]. Таким образом, критик сетевого издания может продвигать своё имя как бренд, создавая эмоционально насыщенные рецензии не только на художественные произведения, но и на литературу нон-фикшн, что можно наблюдать на примере работ Эдуарда Лукоянова.

В печатных изданиях свобода выбора анализируемых произведений для авторов ограничена, тематика раздела «рецензии», как правило, диктуется или тематикой конкретного номера журнала или предпочтениями самого издания [9]. Чаще всего приоритет отдаётся рецензиям на книги постоянных авторов издания, таким образом, в разделе «Критика» журнала «Наш современник» звучат имена писателей, состоящих в Союзе писателей России и в Совете молодых литераторов. Большой выбор имеют рецензенты с собственными авторскими колонками: колонка Татьяны Соловьевой о книжных новинках в журнале «Юность», колонка Ольги Балла в журнале «Знамя».

В поисках платформы для самовыражения литературные критики, ранее публиковавшиеся в тематических печатных изданиях, создают собственные аккаунты на платформах «Telegram» и «ВКонтакте». Блогом считается аккаунт социальной сети, где автор регулярно публикует свои заметки, фотографии, видео, также возможна публикация аудиофайлов в формате подкастов. Эти материалы объединены одной тематикой, которая определяет направленность блога и привлекает определённую аудиторию. Исследователь Грязева А.И. называет блогинг одной из самых востребованных сфер журналистики в настоящее время. Одной из главных причин популярности данной сферы она считает ее интерактивность – непосредственно подписчики могут влиять на содержание блога, комментируя публикации, реагируя на них и, таким образом, выступая в диалог с автором блога [10].

Книжные блоги ориентированы не исключительно на литературную тематику, публикации в той или иной степени должны затрагивать литературу, но сами блогеры могут выбрать и общекультурные темы: рассказывать о выставках, анализировать кино, делиться интересными фактами о культурах разных стран, к примеру, если блогер отправился в другую страну или планирует поездку, то на своём канале он может опубликовать обзор посещенных достопримечательностей. Однако не все исследователи согласны с объединением всех блогов о книгах под понятием «книжный блогинг». В своей научной статье «Литературные и книжные блоги: типологические различия» Рындина Л.С. говорит о тематическом разделении читательских блогов на литературные и книжные. В качестве «книжных» рассматриваются любительские блоги: «Книжный блог предполагает отзыв о прочитанном произведении, его краткий пересказ и/или рекомендации, «что можно почитать в свободное время». Такие блоги, как правило, ведут блогеры-любители, ре-

² Роганов А. Киборги против Егора Летова // Горький [Электронный ресурс] URL: <https://gorky.media/reviews/kiborgi-protiv-egora-letova/> (дата обращения 12.12.2023).

³ Лукоянов Э. Салемский террор [Электронный ресурс] URL: <https://gorky.media/reviews/salemskij-terror/> (дата обращения 12.12.2023).

ализующие информационную и модально-оценочную коммуникативную стратегии. Их публикации отличаются выраженной эмоциональностью и субъективностью» [11]. В то время как литературными блогами занимаются профессионалы, имеющие опыт в литературно-критической деятельности, которые знакомы с историей литературы и теорией литературоведения, обладающие писательскими и журналистскими навыками и критическим мышлением. Таким образом, литературных критиков толстых журналов, осваивающих блогосферу можно назвать авторами литературных блогов. Среди авторов литературных блогов стоит выделить Ивана Родионова, Дарью Лебедеву, Михаила Рантовича. Их имена неоднократно появлялись в шорт-листах премий для книжных блогеров: «_Литблог», «Блогер года», «Блог-пост». Также они являются авторами критических статей и художественных произведений, регулярно публикуются в литературных художественных журналах. На страницах своих блогов авторы пишут не только о прочитанных книгах, но и о современном литературном процессе, являясь его активными участниками. В блоге Ивана Родионова «СЧётчик» можно найти анонсы предстоящих лекций и круглых столов с участием самого критика, его отчёты о писательских съездах с его участием и выводы по результатам присуждения литературных премий, таких как «Ясная поляна» и «Большая книга». Блогер занимается больше освещением литературных событий, нежели написанием отзывов на прочитанные книги. Среди его постов также часто встречаются анонсы публикаций его статей и рецензий в толстых или сетевых журналах. Дарья Лебедева, напротив, на своём канале публикует полноценные тексты рецензий. Более того, она одна из первых стала использовать функционал цитирования в формате блога, оставаясь верной первоначальному формату жанра литературной рецензии. Несмотря на общее освещение картины литературного мира, блоги литературных критиков в первую очередь направлены на продвижение их имени для создания личного бренда. События, о которых пишет Иван Родионов, непосредственно связаны с его собственным участием, тем самым он подчеркивает профессиональную значимость для современного литературного процесса.

Книжные блогеры, напротив, не стремятся включить свою деятельность в поле литературного мира. Они выступают сторонними наблюдателями развития литературы. В книжном блоге выбор рецензируемого литературного произведения в первую очередь зависит от предпочтений рецензента, вне зависимости от рекламы произведения. Об отсутствии стремления к внутрилитературному признанию говорит и оформление шапки профиля книжных блогов, в которых нет отсылки на имя или фамилию автора – «Хемингуэй позвонит»,

«greenlampbooks+», «Книгусеница», «Bookовски». Эти блоги имеют достаточно приличную для сети «Telegram» аудиторию (от 2000 до 12000 подписчиков), авторы ведут страницы в формате дневниковых записей, в большей мере ориентированных на книги. В этих блогах много информации об их личной жизни: переезды, путешествия, сны и знакомства, при этом авторы придерживаются не только традиционного формата рецензии, оставляя на книги краткие отзывы, порой состоящие из пунктов «плюсы-минусы» или «отличия-сходства». Стоит отметить, что аудитория этих каналов превышает количество подписчиков литературных и книжных блогов, ориентированных исключительно на литературу. Исследователь Грязева А.И. разделяет блоги на три типа: развлекательные, политические и научно-популярные. Первый тип является наиболее распространённым и популярным среди аудитории [10]. Блоги Евгении Лисицыной, Егора Апполонова и Сергея Лебедянка однозначно относятся к развлекательным. Они также активно используют интерактивные методы, регулярно проводят опросы аудитории и формулируют задания для подписчиков: «Пожалуйста, напишите в комментариях ваши любимые детективы». Можно сделать вывод, что читателей привлекает откровенность и «простота» авторов, создаётся ощущение, что блогеры остаются на одной волне со своими подписчиками и о литературе говорят на понятном обывателю языке без примеси литературоведения [14].

За последние несколько лет книжные премии «_Литблог» и «Ревизор» получали авторы, пишущие на стыке книжного и литературного блога. Одним за представителей данного направления является Дина Озёрова, создательница канала «Книжный странник». Основная часть её материалов – отзывы и мини-рецензии, однако в 2023 году на канале также появились репортажи с книжных выставок, отзывы о посещенных литературных школах, репортажи с литературных премий, подведение собственных итогов по результатам премий. Дина Озёрова на платформе своего блога запустила серию литературных подкастов «Лёд и пламя», куда в качестве гостей регулярно приглашает медийных личностей из мира литературы.

Помимо ведения своего книжного блога Дина Озёрова также была приглашена редакторами для работы в литературных сетевых журналах. Её рецензии можно увидеть на страницах портала «Год литературы», в сетевых журналах «Прочтение», «Литература»⁴. Постепенно на страницах этих журналов формируется два противоположных критических лагеря: эксперты, имеющие опыт толстожурнальной критики и блогеры с готовой аудиторией и площадкой для «саморекламы».

4 Озёрова Д. Тишина в конце дороги // Прочтение [Электронный ресурс] URL: <https://prochtenie.org/reviews/31290> (дата обращения 12.12.2023).

Основные результаты

Тематические литературные журналы, долгое время существовавшие обособленно от сетевого медиапространства, в современных реалиях вынуждены использовать технологии и учитывать актуальные запросы аудитории, а значит встраиваться в мир сетевой литературы и журналистики. Благодаря этим изменениям появились интернет-версии толстых журналов «Юность», «Новый мир», «Наш современник». Помимо копий печатных изданий популярность набирают сетевые СМИ. В них предпочтение отдаётся аналитическим жанрам, так как главной задачей является освещение современного литературного процесса в целом и в частности знакомство читателей с новейшими произведениями русской и

мировой литературы [19].

Таким образом, журналисты и издатели ставят перед собой общекультурную задачу популяризации литературы в массы посредством диалога с аудиторией. Идея общения с подписчиками продолжается в творчестве книжных блогеров. Сейчас наблюдается взаимопроникновение «толстожурнальной» сферы деятельности и блогосферы. Литературные критики ведут собственные блоги, рассказывая не только о конкретных книгах, но и о событиях в мире литературы, делятся своими собственными достижениями и мыслями. В то время как авторы, начавшие с ведения книжного блога, публикуются в сетевых литературных медиа и расширяют границы своих литературных предпочтений, а значит и кругозор своих подписчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визель М.Я. Создатель. Жизнь и приключения Антона Носика, отца Рунета, трикстера, блогера и первопроходца, с описанием трёх эпох Интернета в России / Визель Михаил. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. – 490, [6] с.
2. Даниловцева А.А. Речевой жанр литературной рецензии как медиатекст (на материале Интернет-портала «Горький») / А.А. Даниловцева // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: Материалы VIII научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2022 года / Под общей редакцией Я.В. Солдаткиной. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 167-174.
3. Вичиктова А. Роль «толстых» журналов в современном русском литературном процессе / А. Вичиктова // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 68-90.
4. Казанцева А.Р. Отражение лексической стилистики постмодернизма в текстах современных СМИ (на примере журнала «Нож» и интернет-портала «Горький») / А.Р. Казанцева // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: Статьи 19-ой Международной конференции студентов и аспирантов и XIII международного «Конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей», Санкт-Петербург, 05–06 марта 2020 года. Том Выпуск 20. – Санкт-Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. – С. 85-91.
5. Молитвина Н.Н. Сетевая литературная рецензия: трансформация жанрово-стилистических характеристик или следование традиции // МедиаАльманах. 2016. № 1. С. 80–88.
6. Набиева Е.А. Рецензия как публицистический жанр: монография. – 3-е изд., стер. – М: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 160 с.
7. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль / Б.Ф. Егоров – 2-е изд., испр. – М.: Юрайт, 2019. – 231 с.
8. Даниловцева А.А. Репрезентация образа адресата в речевом жанре литературной рецензии (на материале рецензий интернет-портала «Горький») / А.А. Даниловцева // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых учёных, Томск, 13–15 апреля 2023 года. Том Выпуск 24. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. – С. 14-20.
9. Орлова Л.А. Систематизация научных подходов к проблеме жанров современной литературной критики в «толстых» журналах / Л.А. Орлова // Медиасреда. – 2020. – № 2. – С. 55-60.
10. Грязева А.И. Блог как жанр интернет-журналистики: основные аспекты / А.И. Грязева // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2022. – Т. 2, № 14-2. – С. 43-48.
11. Рындина Л.С. Литературные и книжные блоги: типологические различия / Л.С. Рындина // Скориновские чтения - 2021: роль книги в современном обществе: материалы V Международного форума, Минск, 07–08 октября 2021 года. – Минск: Белорусский государственный технологический университет, 2021. – С. 230-234.
12. Баженова Е. Блог как интернет-жанр / Е. Баженова // Вестник Пермского Университета. – 2012. – № 4. – С. 125-131.
13. Березина Т.А. Литературная критика: история и современность / Т.А. Березина – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 400 с.
14. Веренич Д.Н. Специфика презентации художественного текста в авторских литературных блогах / Д.Н. Веренич // Современные научные исследования и инновации. – 2023. – № 10(150).
15. Гмызина Э.В. Литературный интернет как среда взаимодействия автора и читателя / Э.В. Гмызина // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2018. – № 1. – С. 5.
16. Книжные блогеры: с любовью к чтению. // Университетская книга. – 2019. – № 8. – С. 46-53.
17. Корочкина Д.Н. Современные литературные интернет-порталы: обзор / Д.Н. Корочкина // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции: в 2 т., Москва, 22–23 апреля 2021 года. Том 1. – Москва: Российский

- университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 485-491.
18. Поух А.А. Литературный блог и литературный журнал: специфика критики / А.А. Поух // Гуманитарные научные исследования. – 2023. – № 8(144).
 19. Горошко Е.И., Землякова Е.А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология, социальные коммуникации. Симферополь, 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 225-237.
 20. Fedorov A. Media Literacy Function in Critical Blogs / A. Fedorov, A. Levitskaya // European Researcher. – 2015. – No. 4(93). – P. 331-334.
 21. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / H. Lasswell // The Communication of Ideas; ed. L. Bryson. – New York: Harper and Brothers, 1948. – P. 37-51.
 22. Golan G.J. Agenda-setting in a 2.0 World: New Agendas in Communication // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2014. V. 58: 3. P. 476-477.
 23. McCombs M., Reynolds A. News influence on our pictures of the world // Media effects: advances in theory and research – 2nd ed: Jennings Bryant & Doli Zillmann editors. 2002. P. 1-19.
 24. Folts, A. Meta-Media as a New Type of Online Media: an Attempt to Define the Concept / A. Folts – EDN: LBCTOF // Digital platforms and the future of legacy media: Четырнадцатые международные научные чтения в Москве «СМИ и массовые коммуникации–2022», Москва, 27–28 ноября 2022 года. – Москва: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», 2022. – P. 31.

© Кобозева Анастасия Сергеевна (kobozeva.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТЕРЕОТИП КАК ФОРМА УПРОЩЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Левкович Валерия Александровна

Аспирант, ассистент, ФГБОУ ВО «ДонГУ»

levkovich_v@internet.ru

STEREOTYPE AS A FORM OF SIMPLIFICATION OF THE ACCEPTANCE OF PUBLIC OPINION

V. Levkovich

Summary: This article raises the problem of stereotyping and its role in influencing public opinion. The text contains the concept of «stereotype», according to the concepts of leading researchers. The material provides information on the analysis of the classifications of stereotypes that an average user, a representative of the audience, encounters. An attempt was also made to trace the element of influence from the point of view of the aspect of media literacy. Stereotypes make life easier, but such a psychological action leads to the fact that the audience misses some important information, which further distorts the understanding and analysis of a particular situation.

Keywords: stereotype, media literacy, public opinion, elements of influence, media education, classification of stereotypes.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы стереотипизации общественного мнения, а также влияние стереотипов на формирование общественного мнения с точки зрения медиаобразовательных технологий. Понятие «стереотип» используется с опорой на концепции ведущих исследователей в сфере медиаобразования. Анализируется типологическая классификация стереотипов, с которыми встречается среднестатистический пользователь Сети – реципиент информации, рассмотрена целесообразность изучения стереотипов и форматы аудиторной борьбы с указанным явлением в контексте медиаобразования.

Ключевые слова: стереотип, классификация стереотипов, общественное мнение, элементы влияния, медиаграмотность, медиаобразование.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и систем масс-медиа, а также сила их влияния формируют потребность целенаправленной подготовки реципиентов к умелому и безопасному их использованию. Медиа превращаются в основной фактор социализации и стихийного влияния на мировоззрение человека. Вседоступность и неконтролируемость информационного рынка, актуализирование низкопробной медиапродукции, определённых идеалом и ценностей приводит к снижению в обществе иммунитета к социально опасным информационным влияниям.

Актуальность статьи определяется необходимостью совершенствования научного и организационного обеспечения медиаобразовательного сопровождения с опорой на анализ практических проблем современной информационной среды, а именно проблем стереотипизации общественного мнения.

Цель статьи – рассмотреть целесообразность акцентирования стереотипов в медиасреде и форматы противостояния указанному явлению, представить типологическую классификацию стереотипов, актуализировавшихся в последнее время.

Признавая наличие «проблемных зон» в медиаобразовательном процессе современного общества, с уверенностью можно рассчитывать на повышение интере-

са к развитию медиаобразования во всех сферах жизни современного человека, включая школьное, вузовское и последипломное образование.

Стереотип как форма упрощения принятия общественного мнения

Каждый тип общества отличается ключевыми характеристиками. Опираясь на этапы развития цивилизации, выделяют три типа общества: традиционное, индустриальное и постиндустриальное, которое в дальнейшем приобрело название информационного. При традиционном типе общества основная цель человека заключалась в собирательстве и земледельческом труде. Для индустриального общества характерно развитие машин, мануфактур и фабрик. Миром того времени владел тот, у кого был технический ресурс. Сейчас общество проживает период информационного владения миром. Активное развитие третий тип получает с 70-ых годов прошлого века, когда коммуникативная новинка «Интернет» проникает в общество.

Безусловно, появление и развитие ранних электронных СМИ, которые относят уже к традиционным, а именно радио и телевидение, оказали значительное влияние на привлечение внимания исследователей.

Вопрос информационной культуры связан с потреблением и восприятием в период увеличения спроса на

информационный продукт. Современный век выдвигает на новый уровень проблему поглощения контента, потому что население всех стран и всех возрастов находится в постоянном «шуме», что совершенно не способствует формированию информационной культуры или развитию основ медиаграмотности.

По мнению Ю.С. Зубова, «информационная культура представляет собой совокупность компетенций по производству, переработке, передаче, восприятию и практическому использованию информации в духовной и материальной форме, ориентирующих и направляющих социально-коммуникативную активность отдельных людей и человеческих сообществ в различных областях жизни» [5].

Ещё в 1922 г. У. Липпман провел ряд исследований, на основании которых опубликовал книгу «Общественное мнение». Отдельное место выделено под стереотип и его значение в современной, на тот момент, культуре.

Под термином «стереотип» принято понимать усредненное обобщение, то есть это убеждение, которое утрировано для простоты восприятия и при этом затрагивает какую-то категорию людей.

Однако изначальная трактовка связана с типографским делом, когда стереотипом называли машину, печатающую с клише. Это явление значительно упрощало и упрощает деятельность типографии. При помощи стереотипа нет необходимости набирать повторно.

У. Липпман выделяет следующие основные характеристики стереотипов:

- Нацеленность на упрощение восприятия в несколько раз. То есть понятия, тезисы и явления, сложные для восприятия, требующие долгих разъяснений и разбирательств, стереотип сводит к нескольким предложениям.
- Стереотип – приобретённое для человека. Этот процесс связан с общением, формирование происходит при помощи окружения. Воздействовать могут как знакомые, родственники, так и средства массовой информации и средства массовой коммуникации. Пользователь не создаёт стереотип самостоятельно, он только приобретает.
- Упрощенное видение приводит к лживым выводам. Связано это с тем, что неполная событийная картина не предоставляет аудитории весь обзор. Поэтому «в большей или меньшей степени, стереотипы приписывают конкретному человеку черты, которыми он обязан обладать лишь из-за своей принадлежности к определенной группе» [6].
- Сложность отказа. Отказаться от упрощенности сложно, ведь стереотип отличается особой «живучестью». Если пользователь отходит от одного

стереотипа, то он обязательно приходит к другому. Данный прием позволяет делить мир и происходящие события на две категории: «знакомое» и «незнакомое».

До подробного рассмотрения возникновения и развития процесса стереотипизации считалось, что оценочные суждения ложные, то есть представления о том или ином жизненном элементе под определенным углом развивается непосредственно при мозговой деятельности каждого человека. Однако проследив роль СМИ, зачастую однобокую подачу по отношению к персонажам материалов, был сделан вывод о необходимости стереотипов как атрибута реальной человеческой психики.

Когда СМИ приступают к работе по внедрению стереотипа, то тезис проходит три основных этапа: выравнивание, усиление и ассимиляция.

Исследователи при изучении стереотипизации сознания человечества выделили несколько классификаций стереотипов. По содержанию отмечают упрощенные убеждения людей как представителей групп. Сюда относят национальные, политические, социальные, культурные группы. Вторая категория отличается поведенческими стереотипами, то есть деление происходит по физическим, внешним и внутренним качествам.

Встречаются и более расширенные классификации, а именно:

- личностные и предметные,
- прагматические и когнитивные,
- гетеростереотипы и автостереотипы,
- положительные и отрицательные,
- целенаправленные и спонтанные.

Отдельно необходимо сказать об эмоциональной составляющей стереотипов. Так, Щекотихина И.Н. утверждает, что «в процессе стереотипизации оценочные признаки вплетаются в структуру образа и формируют определенное отношение к референту. Полагаем, что доминирующий признак определяет и характер стереотипа (прескриптивный / императивный или предикативный) или, точнее, степень выраженности (соотношения) данных параметров в структуре стереотипа, если исходить из того, что стереотип характеризуется наличием обоих параметров (приписывает референту набор признаков и предписывает нормы поведения и отношения к нему)» [11].

Стереотип всегда несет оценочность. Этот элемент дает установку на эмоцию. Стереотип апеллирует к иррациональному. То есть данное явление представляет собой не только упрощение, но и сильнейшее чувственное наполнение. «Оценочный элемент стереотипа (установки) всегда сознательно детерминирован, поскольку

стереотип, выражая чувства личности, ее систему ценностей, всегда соотносен с групповыми чувствами и групповыми действиями» [4].

Рассмотрим такой распространённый стереотип, как «женщина – плохой водитель». Этот стереотип давно закреплён в нашем обществе несмотря на то, что качество вождения не зависит от гендера человека. Также это не просто стереотип, но и ущемление женщин, потому что именно мужчин считают хорошими водителями. Однако согласно статистическим данным [7] на 10 тысяч ДТП 7 тысяч приходится на мужчин и 3 тысячи на женщин. В целом исследование доказывает, что женщины более осторожно водят автомобиль, потому что чаще едут с детьми, о безопасности которых думаю вдвойне. Зарождение стереотипа происходит в обществе, но именно СМИ подхватывают его для утрирования. Так, в развлекательных шоу регулярно встречаются номера/ сценки о глупой женщине-водителе.

Особенно болезненно воспринимаются этнонациональные стереотипы, когда негативные черты нескольких представителей этноса переносятся на всю группу. Так, можно столкнуться с мнением, что русские постоянно пьют водку и на их территории спокойно передвигаются медведи, японцы едят только роллы и суши, а евреи отличаются хитростью и пронырством.

Данные убеждения складывались веками на основе общественного сознания. Своё подкрепление они находят в продуктах СМИ и рекламы. В силах средств массовой информации создание новых и развенчание старых стереотипов.

К примеру, в криминальных хрониках нередко упоминают национальность преступника, хотя его принадлежность к определённой нации не играет никакой роли при совершении противоправного деяния. Таким образом, у аудитории программы вырабатывается стереотип «указанная национальность – преступная». Как следствие, представители национальной группы имеют проблемы с устройством на работу, арендой жилья, получением кредита и т.д.

Рекламные кампании ориентируются на противоположную характеристику стереотипа – положительную: в сознании реципиентов укрепляется положительный ассоциативный ряд.

За каждой страной закреплена одна-две ключевые стереотипизированные характеристики. Так, французы отличаются изысканностью вкуса и легкостью общения, жители Германии – надёжностью и прочностью жизненных устоев, русские – верностью и крепкой дружбой и т.д.

Подобные интенции, в том числе рекламные, подкре-

пляют стереотипное мышление представителей общества.

В массовой коммуникации стоит отметить теорию ритуала, подтверждающую указанный выше тезис. Основной функцией СМК теория ритуала считает не распространение сообщения в медиапространстве, а поддержание общественного мнения во времени, не передачу информации, а представление общих убеждений.

Но как при сложившейся стереотипизированной культуре в современном обществе внести аспект медиаграмотности, одной из основ которой является сопоставление нескольких точек зрения и поиск истинной причины той или иной публикации?

Медиаграмотность нацелена на воспитание критического мышления, на развитие навыков восприятия и воспроизводства, на умение фильтрации информации реципиентов, находящихся в постоянном состоянии «шума». Как было отмечено выше, стереотип упрощает сознание, помогает мозгу и психике легче проводить процессы осознания. Медиаграмотность транслирует противоположность в процессе восприятия, то есть её задача заключается в выработке не ассоциативного восприятия, а в обращении внимания на каждый отдельный случай, что, естественно, усложняет мыслительные процессы.

Бороться со стереотипами невозможно, потому что мозг будет стремиться к упрощению. В трудах К. Юнга представлена теория об архетипах, которые являются более прочными и устойчивыми проявлениями предрассудков.

«В свою очередь под влиянием развития эмоциональной сферы, усложнения в ходе развития культуры возникли стереотипы как новые устойчивые к изменениям ментальные структуры коллективного и индивидуального бессознательного. Новые жизненные практики, выходящие за рамки архетипического, требовали новой категоризации реакций людей на определение жизненных ситуаций. А это приводило к формированию не подвергающихся рациональному объяснению новых ритуализированных фреймов, создающих наряду с архетипами многоуровневую систему фреймов коллективного бессознательного, детерминированного религиозными, языковыми и социальными формами коммуникативного взаимодействия на уровне различных по характеру и охвату человеческих сообществ – от религиозных общин до имперских идеографически-пространственных геокультурных ареалов» [3].

В дальнейшем теория К. Юнга была дополнена идеями У. Липпмана. Посредством исследований были выделены стереотипы как категориальные элементы фреймов.

Выводы

Стереотипизация – длительный процесс, который не-

возможно купировать. Стереотипы упрощают жизнь, но такое психологическое действие приводит к тому, что аудитория упускает часть важной информации, которая в дальнейшем искажает осознание и делает невозможным анализирование той или иной ситуации. Единственное решение, помогающее удержать баланс в предложенных условиях, – тщательно анализировать контент, который потребляет каждый пользователь.

В условиях отсутствия сформированной информационной культуры и постоянного давления до стороны информационного «шума» необходимо обеспечить всему населению освоение базового курса по медиаграмотности.

На ранних этапах развития медиаобразовательной деятельности ученые делили подход к медиаобразовательным практикам на основной и дополнительный [10]: при первом варианте курс по медиаграмотности должны были освоить все пользователи, в то время как вто-

рой вариант гарантировал добровольное прохождение курса.

Современное развитие в Сети площадок, содержащих контент разнообразного характера, невозможность контролировать потребление той или иной информации детьми заставляют обратить внимание на назревающие проблемы.

В контексте происходящих глобальных трансформаций как в геополитической, так и в культурной сфере назрела необходимость введения обязательного курса медиаграмотности для всех пользователей Сети, поскольку на территории Российской Федерации нет политики «Золотого щита», которая была введена в КНР еще в 2005 году. Соответственно, нашим пользователям приходится фильтровать информацию самостоятельно, что приводит к искаженному видению ситуаций и мировых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации [Текст] / Н.Н. Богомолова. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 191 с.
2. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. От прецедента к стереотипу: три этапа информационной кампании // Политическая лингвистика. – 2016. №6. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-pretседenta-k-stereotipu-tri-etapa-informatsionnoy-kampanii> (дата обращения: 26.02.2023).
3. Вертиевец О.А. Стереотипы и коллективное бессознательное в информационной культуре // Культурная жизнь Юга России. – 2019. – №2 (73). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-i-kollektivnoe-bessoznatelnoe-v-informatsionnoy-kulture> (дата обращения: 26.02.2023).
4. Зубов Ю.С. Новое знание о проблеме взаимосвязи информационной культуры и информационного мировоззрения // Проблемы информационной культуры: сборник статей. – М., 1996.
5. Мингазиева К.Р. Массовые коммуникации и социальные стереотипы // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2011. – №5-1. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovye-kommunikatsii-i-sotsialnye-stereotipy> (дата обращения: 25.04.2023).
6. Новиков Д.В. Психология массовых коммуникаций: учеб. пособие / Д.В. Новиков, А.В. Иванов. - Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – 76 с.
7. О стереотипах. Женщины – плохие водители? – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fishki.net/4077386-pro-stereotipy-zhenwiny---plohie-voditeli.html> (дата обращения: 27.02.2023)
8. Пискунова Е.Ю. Стереотипы в психологии массовых коммуникаций // Наука и современность. – 2010. – №4-1. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-v-psihologii-massovyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 25.04.2023).
9. Психология массовой коммуникации: учебник для вузов [Текст] / под ред. А.А. Бодалёва, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева. - М.: Гардарики, 2008. – 254 с.
10. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций [Текст] / Р. Харрис. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
11. Щекотихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – №5 (19). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-aspekty-i-perspektivy-issledovaniya> (дата обращения: 27.02.2023).

© Левкович Валерия Александровна (levkovich_v@internet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ТРАКТАТА «ДАО ДЭ ЦЗИН»¹

Лю Лин

Старший преподаватель, Даляньский университет
иностранных языков, Китай
510034154@qq.com

Ван Ган

Доктор филологических наук, профессор, Даляньский
университет иностранных языков, Китай
66743771@qq.com

THE HISTORY OF THE TRANSLATION OF THE ANCIENT CHINESE TREATISE "TAO TE CHING"

**Liu Ling
Wang Gang**

Summary: One of the fundamental sources of Chinese philosophy is the ancient Chinese treatise "Tao Te Ching", which had a great influence on the culture of China and the whole world. The *relevance* of the work is explained by the presence of numerous translations into Russian, English, French and other languages. The *purpose* of the work is to study the history of the translation of the ancient Chinese treatise "Tao Te Ching". The *practical significance* of the article is directly related to the history of ancient Chinese literature, teaching history and philosophy in Russian and Chinese universities. The main methods of work are descriptive and comparative. The main *objectives* of the study are the following: 1) talk about earlier and modern translations of the book "Tao Te Ching"; 2) consider translation options for the main term "Tao", on which the content of the entire text and its direction depend: the philosophical, from the point of view of socialism, the modern concept of "comprehensive matter". The main *results* of the work are: 1) consideration of earlier and modern translations; 2) interpretation of the basic term "Tao"; 3) highlighting the distinctive properties that distinguish each translation. It should be noted that the different spelling of the name of the author and his work is due to its presentation in the translation, therefore, the text of the work specifically presents various interpretations that distinguish one translation from another. The author *considers* Yang Hing-Shun's translation to be close to the text, which is due to his studies at the Department of Philosophy in Russia and his perfect knowledge of the Chinese language. The author comes to the conclusion that translations of the ancient Chinese treatise "Tao Te Ching" by Lao Tzu differ in the history of writing and the interpretation of the book by the translator.

Keywords: translation, history, daily Chinese treatise, "Tao Te Ching", Lao Tzu.

Аннотация: Одним из основополагающих источников китайской философии является древнекитайский трактат «Дао Дэ Цзин», который оказал большое влияние на культуру Китая и всего мира. Актуальность работы объясняется наличием многочисленных переводов на русский, английский, французский и другие языки. Целью работы является исследование истории перевода древнекитайского трактата «Дао Дэ Цзин». *Практическая значимость* статьи непосредственно связана с историей древнекитайской литературы, преподаванием в российских и китайских вузах истории и философии. Основными *методами* работы являются описательный и сравнительно-сопоставительный. Главными *задачами* исследования можно назвать следующие: 1) рассказать о более ранних и современных переводах книги «Дао Дэ Цзин»; 2) рассмотреть варианты перевода основного термина «дао», от которого и зависит содержание всего текста и его направление: философское, с точки зрения социализма, современное понятие «всеобъемлющей материи». Основными *результатами* работы являются: 1) рассмотрение более ранних и современных переводов; 2) толкование основного термина «дао»; 3) выделение отличительных свойств, отличающих каждый перевод. Необходимо отметить, что различное написание имени автора и его произведения обусловлено его изложением в переводе, поэтому в тексте работы специально представлены различные толкования, отличающие один перевод от другого. Автор считает приближенным к тексту перевод Ян Хин-Шуна, что обусловлено его обучением на кафедре философии в России и знанием китайского языка в совершенстве. Автор приходит к выводу, что переводы древнекитайского трактата Лао Цзы «Дао Дэ Цзин» отличаются историей написания и толкованием книги переводчиком.

Ключевые слова: перевод, история, древнекитайский трактат, «Дао Дэ Цзин», Лао Цзы.

Введение

«Дао Дэ Цзин» является одним из основополагающих источников китайской философии, оказавшим большое влияние на культуру Китая и всего мира. Основной идеей произведения является «дао», обозначающее естественный порядок вещей. История создания и переводов древнекитайского трактата привлекает внимание исследователей.

тата привлекает внимание исследователей.

Материалом данной статьи стали переводы и комментарии «Дао Дэ Цзин», выполненные российскими (К. Петросян, Е.А. Торчинов, А.А. Маслов, В. Малявин, В. Абраменко, А.Е. Лукьянов, В. Антонов, Г.А. Ткаченко) и китайскими (Ханьшань Дэцин, Ян Хин-шун, Ю. Кан) исследователями. *Целью работы* является исследование

¹ Данная статья является результатом основного научно-исследовательского проекта ВУЗов 2022 года при Департаменте образования провинции Ляонин. (номер проекта: LJKMR20221522)

истории перевода древнекитайского трактата «Дао Дэ Цзин». *Практическая значимость* статьи непосредственно связана с историей древнекитайской литературы, преподаванием в российских и китайских вузах истории и философии.

Основные результаты

Традиционно написание древнекитайского трактата приписывают кисти мудреца Лао-цзы, древнекитайскому философу VI-V вв. до н.э. В.В. Малявин ставит этот трактат на второе место после Библии по числу иностранных переводов [8, с. 8]. Исследователь А.Е. Лукьянов в своем переводе ставит под сомнение авторство Лао Цзы, ссылаясь на то, что книга могла быть написана в III в. до н.э., что свидетельствует о возможности существования свитков более раннего написания [9, с. 71].

Самым первым переводом на русский язык был перевод, выполненный Е. Поповым и Л. Толстым, которые делали перевод мыслей об истинной вере и жизненном пути. Лао Цзе вел рукописи событий китайской истории и хранил их. Сущностью первого перевода на русский язык было стремление к достижению бестелесного духа, отделенного от мира личности, стремившейся достичь благополучия [10, с. 4]. Следующим переводом был труд Д. Конисси, которому также помогал Л.Н. Толстой, который в течение нескольких месяцев сопоставлял английские, немецкие и французские переводы. Впервые перевод Д. Конисси был опубликован в журнале «Вопросы философии» (М., 25 февраля 1912 г.). По мнению авторов, чистейший дух является бессмертным, ему чужды стремление к власти и улучшению своей жизни [6, с. 17]. В 1908 году появился поэтический перевод К. Бальмонта, написанный белым стихом. Русский поэт-символист перевел «Книгу пути и благого чарования» с заглавием «Лаоцзе», это сокращенный перевод древнекитайского трактата, в котором высшее и ценное представляется всемирным, тайным и необычным [1, с. 136].

Интерес представляет поэтико-семантический перевод Ю. Кана, особенностью которого являются примечания. Особенностью примечаний являются примеры буквального и поэтического перевода древнекитайских фраз: «Цзи – букв. «уто'к», но контекстуально – *священный, священный текст, молитва* [7, с. 214]. Автор самостоятельно осуществляет перевод древнекитайского трактата, подбирая наиболее точные слова, но в комментариях указывая оба возможных варианта, и по какой причине дословный перевод является менее удачным. Перевод Б. Виноградского отличается попыткой магико-алхимического перевода с названием «Трактат о любви и способах продвижения». Автор переводит древнекитайский канон не как религиозный текст с философским содержанием, а как трактат о любви как передаче души на растерзание любимому человеку [2, с. 76].

В работе А.В. Волкотрубова представлен первый перевод на русский язык уникального комментария чань-буддийского Патриарха династии Мин Ханьшань Дэцина к трактату Лао-Цзы «Дао Дэ Цзин», в котором трактат представляется осознанием даосизма и буддизма [3, с. 11]. «Дао» в комментариях понимается не как вечное Дао, а «имя» не вечное имя. Началом неба и земли является «*безымянное*». Интерес представляет то, что слово «Дао» не имеет перевода и эквивалента, это сокровенная «Матерь всех вещей» [3, с. 12].

Перевод К. Петросяна отличается тем, что в нем есть избранная библиография переводов трактата «Дао Дэ Цзин» на русский язык только полных. Автор насчитывает 11 авторских переводов, некоторые из них уже были представлены в настоящей статье. Так, перевод К. Петросяна отличается тем, что он выполнен по списку Ван Би (это указывается не во всех текстах), а также он сделан с учетом философских воззрений самого переводчика [4, с. 6].

В работе Е.А. Торчинова текст представлен как поэтическое произведение, имеющее стихотворные фрагменты из мавандуйского текста Лао-цзы. Кроме этого, перевод отличается обращением не только к классическим комментариям Ван Би, но и к поздним экзотерическим и алхимическим традициям его истолкования. В частности, первая часть «Ван пянь» является сокровенным текстом, который позднее стал широко распространяться среди даосов [5, с. 123]. Данные главы посвящены этико-политической проблематике по вопросам социально-государственного характера.

Исследователь Ян Хин-шун рассматривал учение Лао-цзы как социально-этическое со свойственными ему вопросами изучения философского понятия «дао» и вместе с этим теорией недеяния. По мнению ученого, происходящее в мире зло и несчастья народа происходят по причине нарушения естественного закона «дао» в обществе [11, с. 78]. Богатство одного социального класса и превосходство перед народом усугубляется роскошной одеждой, острыми мечами, разбоем и бахвальством. Такое противоборство социальных классов богатства и бедности противоречат естественным законам о «дао». Природой естественного «дао» предусмотрено отбирать у богатых и распределять богатства бедным, а человеческое «дао» предусматривает противоположный порядок. В этом противоборстве понятий Ян Хин-шун видит сущность учения Лао-Цзы. Следует отметить, что Ян Хин-шун в совершенстве знал китайский язык, а русский язык изучал на факультете философии с СССР, поэтому его перевод является точным, но рассмотрение «дао» как противоборства бедности и богатства воспринимаются исследователями критически.

Выводы

Таким образом, переводы древнекитайского трактата

тата Лао Цзы «Дао Дэ Цзин» отличаются историей написания и толкованием книги переводчиком. Книга, написанная в 1950 году, ориентирована на социалистическое понимание понятия «дао», в то время как перевод 2018 года отличается тем, что не имеет эквивалентов, перевода и толкования. Здесь «Дао» не жизнь, а «Сокровенная Матерь всех вещей». В более ранних переводах «дао» имеет толкование нечто сокровенного,

могущественного, распространенного среди даосов. Такое историческое развитие понятия «дао» можно проследить от более ранних переводов «Дао Дэ Цзин» до более поздних. Написание самого источника и его автора также отличается слитным или раздельным, с дефисами или нет, что свидетельствует о том, что памятник еще не до конца изучен и является актуальным и в современной науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К.Д. Гимны, песни и замыслы древних. СПб.: Изд-во «Пантеон», 1910. 190 с.
2. Виноградский Б. Трактат о Пути и способах Продвижения. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1993. 120 с.
3. Дао Дэ Цзин. Комментарий Патриарха чань-буддизма Ханьшань Дэцина (На русском и китайском языках) / Пер. с кит. А.В. Волкотрубова. Чита: Экспресс-Издательство, 2018. 208 с.
4. Дао Дэ Цзин. Опыт русского перевода / Пер. с древнекит., введение, примечания и приложения К. Петросяна. Рига, 2019. 160 с.
5. Даосизм «Дао Дэ Цзин» / Пер. Е.А. Торчинова. СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2004. 256 с.
6. Лао Си. Тао-Те-Кингъ или писание о нравственности / Под ред. Л.Н. Толстого, перевел с китайского профессор университета в Китае Д.П. Конисси, примеч. С.Н. Дурьлин. М.: Печатное дело, 1913. 72 с.
7. Лао Цзы. Даодэцзин. Основы Дао и Дэ или Канон выявления изначального / Пер. с древнекит. Ю. Кана // Собрание трактатов великих мыслителей. Т. 3. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1954. 103 с.
8. Лао-Цзы. Книга о пути жизни Дао-дэ цзин / с комментариями и объяснениями / Лао-цзы; пер. с китайского, сост., предисл., коммент. В. Малявина. М.: Изд-во АСТ, 2018. 256 с.
9. Лукьянов А.Е. Начало древнекитайской философии и цзин. Дао Дэ Цзин. Лунь Юй. М.: Радикс, 1994. 113 с.
10. Рубакин Н.А. Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л.Н. Толстымъ. М.: Типография И.Н. Кушнеревъ, 1910. 32 с.
11. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 169 с.

© Лю Лин (510034154@qq.com), Ван Ган (66743771@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ» В ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДА А.С. ПУШКИНА «ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»)

INTERPRETATION OF THE CONCEPT
"GOOD CONSCIENCE" IN HISTORICAL
AND FICTIONAL IMAGES (ON THE
EXAMPLE OF A.S. PUSHKIN'S WORK
"THE HISTORY OF PUGACHEV'S REVOLT")

S. Mushegyan
S. Semenova

Summary: The present paper investigates the comprehensive research of the formation of the principle of good conscience as a category defining public-private relations in the state on the example of Russian writer A.S. Pushkin's activities, in particular, in his work "The History of Pugachev's Revolt". The analysis in the article was carried out due to the poet's state activity to the objectively present circumstances of the revolt, the actions of persons and manifestations of dishonesty of the parties to the conflict. The authors used such methods in the study of the selected materials as: 1) historicism, 2) comparative analysis. The research is valuable considering the disclosure of the content of conscientious or unfair actions of public and private persons on the example of the historical facts. The study is structured by considering and interpreting the events described in the material from linguistic, historical and legal points of view.

Keywords: linguistic, historical and legal analysis, state interests, Cossacks, A.S. Pushkin, Pugachev's revolt.

Мушегян Самвел Ваняевич

*Преподаватель, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
mushegyan77@mail.ru*

Семенова София Новиковна

*Доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
sofiya.semenova75@yandex.ru*

Аннотация: В данной статье проведено комплексное исследование формирования принципа добросовестности как категории, определяющей публично-частные взаимоотношения в государстве на примере деятельности русского писателя А.С. Пушкина, в частности, в его работе «История Пугачевского бунта». Анализ в статье выполнен с учетом государственной деятельности поэта по объективному изложению обстоятельств бунта, действий лиц и проявлений недобросовестности сторон конфликта. Авторами в изучении выбранного материала использованы такие методы как: 1) историзм, 2) сравнительный анализ. Данный труд представляет интерес с учетом раскрытия содержания добросовестных или недобросовестных действий публичных и частных лиц на примере исторических фактов. Исследование выстроено путем рассмотрения и интерпретации описываемых в материале событий с лингво-историко-правовой точек зрения.

Ключевые слова: лингво-историко-правовой анализ, государственные интересы, казачество, А.С. Пушкин, Пугачевский бунт.

Введение

Рассматриваемая нами работа «История Пугачевского бунта» [6] поэтом была написана в период, когда 8 июля 1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский договор, в котором зафиксирован военный союз между Россией и Османской Империей на тот случай, если одна из них подвергнется нападению. По условиям этого соглашения разрешалось Турции не посылать войска, но требовалось закрытие Босфора для кораблей других стран, кроме России при возникновении конфликтов. Это позволило Турции одержать победу над его непокорным вассалом Мехметом Али Египетским, а России получить доступ к Средней Азии и Закавказью. Также к периоду написания рассматриваемого труда относится возникновение дипломатического термина «Большая игра» (Война теней) англ. (Great game), который был предложен Британским офицером А. Конолли и широко стал использоваться после публикации романа «Ким» Р. Кипплингом в 1901 г.

Цель данного исследования заключается в попытке раскрытия понятия добросовестности исполнения прав и обязанностей, на материале текста «История Пугачевского бунта» А.С. Пушкина, путем лингвистического истолкования образов и событий в историко-правовой ретроспективе.

Для поставленной в работе цели была решена задача – раскрыть обстоятельства подтвержденной недобросовестности с лингвистической и историко-правовой точек зрения. В совокупности авторами статьи использованы такие методы как: историзм и сравнительный анализ.

Методологической базой послужили такие источники как: 1) историко-правовое положение России в период написания сочинения А.С. Пушкиным [4]; 2) научные работы специалистов, исследующих исторический очерк писателя с различных точек зрения [1; 7]; 3) статьи ученых, изучающих концепты в различных измерениях и

нацеленные на описание и анализ добросовестности и уважения к праву [3].

Понятие «добросовестность» в филологическом значении можно истолковать буквально (добрая совесть). В правовом значении принцип добросовестного поведения сформирован в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая определяет меру должного, добросовестного поведения как недопущение осуществления действий с целью причинения вреда другим лицам [2]. Любые незаконные и недобросовестные действия с целью причинения вреда характеризуются как злоупотребление правом. В настоящее время формируется институт правоприменения по защите от недобросовестного поведения участников отношений как в частно-правовой, так и в публично-правовой сферах.

Характеристика добросовестных действий

Итак, в качестве примера добросовестных действий приведем исторически известный факт о том, что именно предок А.С. Пушкина, крестник Петра Великого, А.П. Ганнибал убедил отца А.В. Суворова, не видевшего в сыне военного, направить его на военное обучение и тем самым подарил России непревзойденного военного гения. Сам А.В. Суворов сумел этапировать Пугачева способом, исключаям всякое волнение и путем признания Пугачевым всего содеянного, в том числе под влиянием внешних сил, то есть недобросовестности своих действий как военного и подданного.

Подобную добросовестность предка поэта невозможно переоценить. В связи с чем и преследуется цель как государственного регулирования, так и общественно-духовного развития в виде стимулирования и поощрения добросовестного поведения.

Необходимо отметить, что поэт не считал добросовестными действия по декабрьскому восстанию, так как они не поддержаны народом. В заметке: «О дворянстве» поэтом задан логический ряд вопросов, формирующих содержание добросовестности дворянской организации, например, «Майоратства – уничтоженное плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из этого следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т.д.».

Нарушенный добросовестный принцип престолонаследия по старшинству (майоратство) было идеологической основой декабристов, так как Николай был младшим братом Александра и не имел права на престол. По этой причине указывается ревностное отношение Николая I к защите других престолов в Европе, за что он получил прозвище «Жандарм Европы». Пугачевский бунт имел теоретическую основу к предотвращению преступления – недобросовестного лишения власти законного

наследника – Петра III. Но А.С. Пушкиным были глубоко раскрыты антигосударственный и античеловеческий характеры бунта на примере пугачевского.

Обстоятельства недобросовестности

Мы рассматриваем в статье недобросовестные действия, подтолкнувшие к бунту, раскрытые писателем в работе в контексте проявления воли народа к сохранению государства. Возвращаясь к анализу, необходимо отметить, что после вступления в царствование Николая I, А.С. Пушкин был приглашен к императору и имел с ним беседу. По итогам этой встречи писатель был восстановлен в гражданской государственной службе, как и ранее, в Коллегию иностранных дел. По разным причинам эта сторона деятельности А.С. Пушкина не имеет отражения, в том числе во всех открытых источниках, не содержатся сведения о: его службе, в период несения которой он погиб; званиях; наградах. Несомненно, они должны были быть, так как А.С. Пушкин имел непосредственное общение с императором Николаем и имел, очевидно, заслуженный авторитет. Это проявляется не только в письме Николаю, разрешающего брак поэта с Наталией Гончаровой, и отсутствии замечаний к рассматриваемому очерку, но и других обстоятельствах.

В частности, многим известно, что именно А.С. Пушкин, в числе первых, будучи невоенным, посетил южные границы государства, как говорится, во всех «горящих точках» во время которых были сочинены им всемирно известные труды: Кавказ полностью («Путешествие в Арзрум»); Крым («Бахчисарайский фонтан»); Бессарабия («Евгений Онегин»). Он имел не понаслышке представление о состоянии войск и их внутренней организации невоенным взглядом, в особенности казаков, стоявших во всех этих «горящих точках».

Обращаясь к информации, представленной в тексте работы писателя отметим, что в заметках А.С. Пушкин подробно излагает список убитых в ходе бунта офицеров и членов их семей. Поэт «отрезвил» внутреннее общество трагедией гражданской войны. Известно, что общество, раздираемое внутренними противоречиями, переросшими в гражданскую войну, не способно защититься от проявлений внешней агрессии. Подробное описание поэтом в сочинении последствий взаимных недобросовестных действий только исчислением погибших, поименно государственных (военных) служащих и не виновных членов их семей, указывает на то, что обстоятельства недобросовестности, кажущиеся незначительными, при их развитии могут привести к следствию, которое невозможно было в «самом дурном предположении».

Возможно, если бы на вопросы А.С. Пушкина пытались бы дать ответы, присягнувшие на верность го-

сударства расширенные слои дворянства, то, может быть, можно было бы избежать предательских событий февраля 1917 года, совершенных высшими сословиями против Николая II и империи в период мировой войны, в которой являлся явным победителем. Трагедия, разрушившая цивилизационно-культурную основу государства, приведшая к планомерному уничтожению общества и государственности гражданской войной, прекратившейся Великой отечественной войной. Гражданская война, начатая привилегированными сословия недобросовестными действиями, в виде умышленного неисполнения своих обязанностей к существующему государству, получившая социально-национальный окрас, привела к ужасающим жертвам – десятки миллионов погибших сограждан одного государства.

Наиболее ожесточенные столкновения гражданской войны происходили в среде служилого казачества [5]. О чем пытался донести поэт до читателей в то время.

Пушкинисты указывают разные версии по поводу смерти писателя. Причины убийства поэта усматриваются в его достоверных и убедительных действиях по исключению внешнего вмешательства во внутренние противоречия путем их разрешения и достижения желаемой добросовестности ответственных лиц. Само преступление, обличенное в виде дуэли, имеющей исключительную цель – убийство А.С. Пушкина, не изучено обстоятельно, с учетом всех последующих событий, как проявлений недобросовестности.

Заключение

Таким образом, поэтом заложены в литературной форме и ценой собственной жизни первоначальные принципы добросовестности. Они заложены в недопустимости злоупотребления правами, в первую очередь лицами, осуществляющими государственные полномочия, так как вызывают нарушения всей регулятивной функции государства и неизбежно приводят к злоупотреблениям различных форм с исключительно корыстными целями. Поэтом описаны недобросовестные действия частных лиц, которые пытались оправдать преступные действия фактами злоупотребления публичных лиц, но это не является смягчающим обстоятельством, оправдывающим преступные действия, в особенности в отношении женщин и детей. Принцип «зло порождает зло», как система взаимной недобросовестности поэтом раскрыта высокохудожественно.

В работе не приводятся сведения конкретного состава преступлений, совершенных как сторонниками пугачевщины, так и действий госорганов и лиц (занимающих различные поста), недобросовестно исполнявших свои обязанности и злоупотреблявших своими правами, как причин бунта. Подобная работа планируется в дальнейших исследованиях выбранного нами материала и, возможно, будет проведена с учетом современных исследовательских техник, используемых специалистами-экспертами различных наук: лингвистов, историков, политологов и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова А.В., Боголюбов Е.А. Теоретическая и практическая взаимосвязь правовой идеологии и правовой пропаганды в советском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – №3. – С. 346–369. – doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-346-369.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. – №3. – С. 506–526. – doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-506-526.
4. Мауль В.Я. Протоколы допросов пугачевцев в зеркале новой парадигмы источниковедения // Диалог со временем. – 2014. – №46. – С. 72–79.
5. Мушегян С.В. Правосубъектность землепользователей на Северном Кавказе и Закавказье в XIX начале XX века // Право и политика. – 2009. – № 9. – С. 1960–1963.
6. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Правда. – 1981. – Т. 7. – 400 с.
7. Сарбаш Л.Н. Инонациональный контекст в исторических произведениях А.С. Пушкина («История Пугачева», «Капитанская дочка») // Вестник Чувашского университета. – 2012. – №2. – С. 355–363.

© Мушегян Самвел Ваняевич (mushegyan77@mail.ru), Семенова София Новиковна (sofiya.semenova75@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА FEAR / MIEDO В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EMOTIONAL CLUSTER FEAR / MIEDO IN THE ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES

M. Nagornov
Ya. Volkova

Summary: The present research is done within the framework of cognitive linguistics and dwells upon an emotion-based cluster. The article aims to describe both implicit and explicit similarities and differences in conceptualizing the emotion “fear /miedo” in the English and Spanish languages (the research is based upon the online versions of the English-language and Spanish-language press covering the topics of climate change and environmental protection). The study is carried out using the cluster analysis method. In the English articles, emotives with the meaning of fear-disgust and fear-panic were found, no units with the meaning «trepidation» were found. In the Spanish analyzed articles, no fear emotives with connotations of “risk”, “panic” were found. The common components of the “fear/miedo” emotional cluster are fear-anxiety, fear-fear, and fear-horror. The general characteristics of the studied emotional concept testify to its universality, as well as to the universal nature of the emotion of fear in general. Common linguistic representations of the emotional cluster “fear/miedo” also testify to the universality of linguistic means. The presence of features between the emotional concepts of the two languages and their linguistic representation proves the ethnic marking of this emotional concept and the uniqueness of each language. The differences between the national concept sphere and its linguistic representation within one language can be explained by the difference in the communicative goal set by native speakers of the language and culture who transmit information. The authors of newspaper articles strive not only to inform the reader, but also to influence emotionally, indicating a range of dangerous problems.

Keywords: emotion-based picture of the world, emotional concept, conceptual framework of emotion, conceptualizing, emotion-based cluster, emotive.

Нагорнов Михаил Игоревич

Аспирант, Российский университет дружбы народов
1142220072@rudn.ru

Волкова Яна Александровна

д.ф.н., профессор, Российский университет дружбы народов
volkova-ya@rudn.ru

Аннотация: Данное исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и затрагивает эмоциональную концептосферу. Цель исследования заключается в описании межязыковых: понятийных и имплицитных сходств и различий в концептуализации эмоции «fear»/«miedo» на материале английского и испанского языков. Описание проводится на материале онлайн версий статей англоязычной и испаноязычной прессы, освещающих вопросы изменения климата планеты и защиты окружающей среды. Исследование проводится с помощью метода кластерного анализа. В английских статьях найдены эмотивы со значением страха-отвращения и страха-паники, не обнаружено единиц со значением «трепет». В испанских анализируемых статьях не найдено эмотивов страха с коннотатом «риск», «паника». Общими компонентами эмоционального кластера «fear/miedo» стали: страх-опасение, страх-страх и страх-ужас. Общие характеристики исследуемого эмоционального концепта свидетельствуют о его универсальности, как и об универсальном характере эмоции страха в целом. Общие языковые репрезентации эмоционального кластера «fear/miedo» также свидетельствуют об универсальности языковых средств. Наличие особенностей доказывает этническую маркированность данного эмоционального концепта и уникальность каждого языка. Отличия между национальной концептосферой и ее языковой репрезентацией внутри одного языка можно объяснить различием коммуникативной цели, которую ставят перед собой носители языка и культуры, осуществляющие передачу информации. Авторы статей газет стремятся не только информировать читателя, но и воздействовать эмоционально, обозначая круг опасных проблем.

Ключевые слова: эмоциональная картина мира, эмоциональный концепт, эмоциональная концептосфера, концептуализация, эмоциональный кластер, эмотив.

Введение

Данное исследование посвящено анализу языковой репрезентации эмоционального кластера «fear/miedo» в англо – и испаноязычной прессе.

В настоящее время внимание лингвистов занимают вопросы, касающиеся уникальной «картины мира» каждого языка. Идея о национально-культурных осо-

бенностях языков восходит к работам Ф. Боаса, Э. Сепира, В. Фон Гумбольдта. Мысль о том, что различия в языке отражают различия в национальной ментальности, нашла продолжение в работах В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, В.В. Красных, Т.В. Лариной, В.А. Маслова, В.Н. Телии, С.Г.Тер-Минасовой, В.И. Шаховского, W.H. Goodenough, C. Goddard, G.H. Hofstede, S. Pinker, Z. Kövecses, A. Wierzbicka и др.

Исследователи сосредоточены как на поиске концептуальных межъязыковых различий, помогающих прояснить природу межкультурных несоответствий и трудностей в межкультурной коммуникации, так и напротив, на совпадении и пересечении мыслей и чувств людей, говорящих на разных языках, в силу растущего взаимодействия разных культур, взаимопроникновения идей и понятий. В связи с этим типологически ценным может оказаться изучение не только концептуальных различий, но и сходств между языками.

Лингвистика эмоций в настоящее время является актуальным научным направлением, которое также занимается изучением межкультурных совпадений и различий. Многими лингвистами изучается эмоциональная языковая картина мира, национально-культурная специфика выражения эмоций: Л.Г. Бабенко, А.А. Водяха, Н.Н. Волкова, М.Д. Городникова, В.В. Жура, А.С. Илинская, С.В. Ионова, Л.А. Калимуллина, М.А. Кормилицына, Т.В. Ларина, В.В. Леонтьев, Н.М. Фирсова, В.И. Шаховский, Н. Arndt, J.R. Fontaine, M. Bamberg, C. Izard, Z. Kövecses, R.W. Janney, K.R. Schere, C. Soriano, A. Wierzbicka и др.

Исследование эмотивной лексики в настоящее время является одним из наиболее активно развивающихся направлений в лингвистике, так как эмоции отражают ментальность определенного народа и формируют, наряду с другими факторами, языковую картину мира. Благодаря эмоциям мы можем проникнуть вглубь внутреннего мира человека, описать эмоциональную картину мира, отражающую многовековой опыт этноса. Под эмоциональной картиной мира мы понимаем вслед за Н.А. Красавским «совокупность эмоциональных представлений, эмоциональных понятий, передаваемых отдельными концептами» [1, с. 18]. Эмоциональная языковая картина мира является оценочной деятельностью человеческого сознания при ментальном освоении мира [там же]. Единицей эмоциональной картины мира является эмоциональный концепт. Существует разделение концептов на универсальные, этнические, групповые и индивидуальные [2, с. 284–285]. Достаточно трудно однозначно определить место эмоциональных концептов в этом перечне, поскольку в них есть черты как универсальности, так и этноспецифичности.

Универсальность эмоциональных концептов основывается на том, что «эмоции являются центральной частью жизни человека, которые и делают представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [3, с. 87]. «Но та же самая центральная часть человека делает каждого из нас уникальными в силу индивидуального варьирования базовых и других эмоций» [там же, с. 86]. Поэтому этническая маркированность эмоциональных концептов «предопределена индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры» [там же, с. 86]. Она базируется на таких

социокультурно-психологических факторах, как, например, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения. Универсальность эмоциональных концептов также может быть подчеркнута представленностью на лексическом и фразеологическом уровнях различных языков, но способы их вербализации являются специфическими

Согласно Н.А. Красавскому, эмоциональный концепт — это «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, лексически и /или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее, помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [4, с. 41].

Материалы и методы исследования

Цель данного исследования заключается в описании межъязыковых: понятийных и имплицитных сходств и различий в концептуализации эмоции «fear/miedo» на материале английского и испанского языков. В качестве анализируемого материала нами были выбраны онлайн-версии статей англоязычной и испаноязычной прессы, освещающих вопросы экологии.

Данное исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвистики эмоций; оно затрагивает одну из наиболее интересных и сложных лингвистических областей — эмоциональную концептосферу. По мнению Д.С. Лихачева, концепты возникают в сознании как отклик на языковой опыт в целом. Совокупность потенциалов (возможности домысливания, «дофантазирования») в словарном запасе как отдельного человека, так и языка в целом Д. С. Лихачев определяет как концептосферу [2, с. 28-37].

В.Ю. Апресян в своей статье «Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты» [5] предлагает использовать метод описания и сравнения эмоций в разных языках на основе сравнения семантических полей. В каждом кластере (весь диапазон эмоций внутри каждой группы и вся система эмоциональных концептов в целом) анализируется основная масса лингвистических средств, выражающих разные стороны эмоции, а именно: 1) весь спектр синонимов и аналогов в разных частях речи, представляющих разные оттенки эмоции; 2) весь спектр частеречно разнородных средств, представляющих разные аспекты появления и протекания эмоции: каузацию; внутреннее эмоциональное состояние; поведение, мотивированное эмоцией; физиологические реакции на эмоцию; поведенческие реакции на эмоцию. В.И. Шаховский делит языковые единицы – эмотивы – на лексику, называющую, обозна-

чающую эмоции, лексику, описывающую эмоции, и лексику, выражающую эмоции [6, с. 91]. Данные подходы к исследованию эмоций в языке легли в основу настоящей работы.

Поскольку цель данного исследования заключается в описании языковых эксплицитных и имплицитных сходств и различий концептуализации эмоции «fear/miedo», языковые параметры, которые входят в лингвистическую репрезентацию эмоции, следующие:

1. описание стимула-причины,
2. описание внутреннего эмоционального состояния (включая метонимии и метафоры),
3. Описание внешних проявлений (включая метафорическое описание).

Еще раз уточним, что данное исследование выполнено на **материалах** статей из интернет-версий качественных изданий на английском языке “The Guardian” (<https://www.theguardian.com/international>), “The Sun” (<https://www.thesun.co.uk/>), “The Economist” (<https://www.economist.com> /1843/2022/07/28/the-sun-is-both-our-creator-and-destroyer) и на испанском “El Mundo” (<https://www.elmundo.es/>), “20minutos” (<https://www.20minutos.es/>), “ABC” (<https://www.20minutos.es/>), опубликованных в период 2022-2023 гг. и освещающих тематику окружающей среды и климата. Поскольку функция воздействия все чаще становится на одну ступень с функцией информирования в таких текстах, свойства эмоций воздействовать, побуждать и мотивировать используются СМИ в управлении аудиторией. Именно для этого авторы текстов, в частности газетных статей, используют эмотивные единицы языка. Прагматическое воздействие, как правило, заключается в том, чтобы вызвать у читателя определенную эмоциональную реакцию и при помощи «чувственного сообщения» передать истинный замысел автора [7].

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение способов репрезентации эмоций в текстах онлайн версий газетных статей в рамках антропоцентрического подхода к анализу языковой системы и дискурса является важной задачей лингвистики. Эмотивность является важнейшим аспектом любого текста СМИ, реализация которого способствует более интенсивному воздействию на аудиторию за счет психологического воздействия на реципиента, создание эмоционального резонанса. Как правило, доминируют отрицательные эмоции в таких текстах. По словам В.И. Шаховского «доминируют слова и выражения, обозначающие отрицательные оценочные понятия, порождаемые нашим временем. <...> Негативно заряженные слова образуют безрадостные и агрессивные тексты, так формируется информационная среда современного человека, информационно-языковое пространство его жизни» [8, с. 123].

В этой связи можно назвать ряд причин, по которым изучение механизмов вербализации эмоций группы страха так важно. Мы выделили следующие:

1. Привлечение внимания. Страх является одной из сильнейших эмоций, которая может привлечь внимание аудитории к текстам статей.
2. Усиление эмоциональной вовлеченности аудитории. Когда люди испытывают страх или тревогу, это, как правило, вызывает более сильную эмоциональную реакцию и интерес к предмету новостей. Эмоциональная вовлеченность повышает вероятность того, что зритель останется на странице сайта газеты и будет следить за новостями дольше.
3. Формирование общественного мнения. СМИ имеют огромное влияние на формирование общественного мнения. Используя эмоционально заряженные материалы по темам, связанным с угрозами, опасностью и страхом, авторы статей оказывают влияние на восприятие аудиторией событий и создают определенную (напряженную, негативную) психологическую атмосферу.
4. Управление поведением аудитории. Страх может подталкивать людей к определенным действиям, например, к покупке т.н. «продуктов безопасности» или изменению своего поведения.
5. Увеличение доходов. Страшные или шокирующие заголовки могут увеличить просмотры новостных сайтов. Это повышает доходы СМИ от рекламы и подписок.

Все вышеперечисленное делает данное исследование актуальным и практикоориентированным.

Объектом исследования является эмотивная лексика англоязычной и испаноязычной прессы, отражающая эмоции кластера страха.

Предметом исследования — лингвистические особенности репрезентации эмоционального кластера «fear/miedo» в англо- и испаноязычной прессе.

В настоящем исследовании применены следующие методы: метод контекстуального анализа, который позволяет описывать контексты проявления лексических эмотивных единиц; метод описания и сравнения эмоций в разных языках на основе сравнения семантических полей В.Ю. Апресян; стилистический анализ, используемый при работе с выразительными средствами вербализации эмоций; описательный метод, который позволил систематизировать и описать материал для исследования; прием количественных подсчетов, который состоял в подсчете употребления лексических эмотивных единиц и интерпретации полученных данных; прием сплошной выборки при отборе фактического материала из текстов статей.

С учетом применения вышеперечисленных методов, в ходе работы была использована следующая **процедура пошагового анализа** и сопоставления языковых средств репрезентации эмоционального кластера «fear/miedo» в анализируемых текстах на английском и испанском языках:

- работа со словарными статьями с целью построения семантического поля концепта «fear/miedo» [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17];
- сбор достаточно репрезентативного объема текстового материала, предназначенного для обработки (30 статей на английском языке и 30 статей на испанском языке по нескольким тематическим блокам: природные катаклизмы и бедствия (наводнение, землетрясение, цунами, пожары) негативное воздействие человека на природу (загрязнения, экологические проблемы) и выделение значимых компонентов текста, берущихся за единицу выражения исследуемой эмоции (эмотивная лексика);
- разделение языковых единиц на стимулы-причины, описания внутреннего эмоционального состояния, описания внешних проявлений характеристики и реакции;
- характеристика языковых единиц-эмотивов эмоционального кластера «fear/miedo», выявление общих и национально-специфических черт репрезентации данного эмоционального концепта в англоязычной и испаноязычной культурах.

Научная новизна работы заключается в использовании комплексного подхода к изучению эмоциональных кластеров. Исследование характеристики и функционирования эмоционального кластера «fear/miedo» в газетной речи на материале английского и испанского языков, осуществленное в работе, ранее не проводилось.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализируя эмоциональный концепт «fear/miedo» по методу кластерного описания эмоциональных концептов В.Ю. Апресян и согласно определению и классификации эмотивов В.И. Шаховского, мы выделили стимулы и их описание, поведение и действия, мотивированные данным эмоциональным состоянием, попытались определить физиологические реакции, где они представлены (внутренние и внешние). В качестве иллюстративных примеров нами были выбраны по 5 статей на английском и испанском языках (материалы).

Стимулы являются самым интересным аспектом анализа, поскольку не входят в эмоциональный концепт «fear/miedo», построенный на основе словарных статей. Хотя Z. Kövecses считает, что появление эмоции всегда мотивировано какой-либо причиной (CAUSE). И только затем следует эмоция (EMOTION) и ответная реакция

(RESPONSE) [18, 19]. В поле концепта входит эмоция, представленная синонимами и эмоциональные, физические, поведенческие реакции на эмоцию. «Раздражитель», который ведет к появлению эмоции, не представлен в зоне ядра, но при анализе может быть обнаружен в зоне периферии. Между тем, таким «раздражителем»-стимулом в случае природного естественного страха, который выделяется всеми учеными, являются природные стихии, явления и все, что связано с жизнью и здоровьем. По этой причине мы считаем, что анализ кластера необходимо начинать с рассмотрения стимула-причины – некоего объекта, субъекта, явления (CAUSE), которое способствует возникновению эмоции.

Исследование показало, что как в английских, так и в испанских статьях основным источником страха являются природные явления, представляющие угрозу для здоровья и жизни человека. Страх наводнений, ливней и гроз, землетрясений, цунами, пожаров – основной страх, описанный в выборке статей. Поскольку данные катаклизмы и стихии представляют всегда опасность, связанную со смертью, эмоция страха является здесь ведущей.

Стимулами эмоции страха выступают не отдельные номинации стихийных бедствий или катаклизмов. Они сопровождаются различными лексическими и грамматическими средствами. На лексическом уровне авторы используют усилительные и описательные наречия образа действия, которые в равной степени характерны для всех статей. Например:

heaviest rain ever, the rain and gusts of wind were very, very strong, killed more than 200 people, it had already been raining for more than a week (1); acting unlawfully, polluting farmers may not even be informed of their rule-breaking, the river is now very close to complete ecological collapse (2); burned ferociously ever since (3).

Si bien todavía se desconoce con exactitud la repercusión negativa de los microplásticos sobre la salud humana (6), el más poderoso jamás registrado (7), que cobraron la vida de al menos una persona, su casa estaba completamente rodeada de agua, una situación muy peligrosa (8), Más de 3.600 fallecidos en un terremoto (10).

В англоязычных текстах номинативы природных явлений и стихий имеют множество синонимов. Авторы статей испытывают и поддерживают в читателях эту эмоцию с самого начала – заголовка – и до последнего абзаца статьи. В испанских статьях стихия названа, ее имя может повториться в статье несколько раз, но не более того. Стимулы эмоции страха в английских статьях представлены более широко и разнообразно. Например, в статье, посвященной наводнению в Китае (1), мы выделили 17 стимулов-причин: heaviest rain ever, deadly floods, landslides, triggered floods, heavy rainfall, powerful typhoons, the rainy season, global heating, blistering

heat, the rain and gusts of wind were very, very strong, and there was lightning, flooded river, a common hazard, rivers to burst their banks, several rivers have flooded ... and that landslides have occurred in various parts of the country, six people died, others were missing, the body of another man was found, a man in his 70s was later confirmed dead. Автор статьи использует широкую палитру, «нагоняя страх» на читателя. В испанских статьях авторы более сдержаны в назывании стимулов для поддержания страха. Например, в статье о наводнении (8) мы можем увидеть следующие стимулы: fuerte tormenta, fuertes lluvias, intensas inundaciones, posibles inundaciones, aguaceros y tormentas eléctricas. Согласно полученным данным, стимулов в английских статьях представлено гораздо больше, чем в испанских.

Описание причины страха – стимула – часто сопровождается рядом экспрессивных прилагательных, которые имеют сему смерти, разрушения, страха в импликационном, либо само словосочетание, образованное таким прилагательным и существительным, характеризуется коннотацией страха, испуга, угрозы и, даже, ужаса. Среди средств грамматического уровня можно выделить частое употребление сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных. Каждая ситуация, причина представлены в своей высшей степени, признак описан с возрастающей по силе характеристикой, тем самым подчеркивается его необычная степень, привлекающая внимание. Характеристики, имеющие негативное лексическое значение, таким образом усиливаются, заставляя читателей волноваться, опасаться, пугаться, бояться и ужасаться. Например:

have burnt an area 16 times larger than normal, the average air quality of the country was its worst in a decade, New York was for a time the most polluted major city in the world, that is greater than the total area burnt by wildfires in California last year, this makes 2023 so far the worst year for wildfire damage. (3)

Extraño amanecer (9), intensas inundaciones, La fuerza de la inundación repentina, el más poderoso, el estado de emergencia (8), La primera semana de julio fue la más calurosa jamás registrada en la Tierra (10).

Причина страха часто представлена действием-глаголом или глагольным словосочетанием с семой страха. Например:

to bullet train services, killed more than 200 people, cutting off roads and water supplies (1), pollute England's rivers with excess manure, acting unlawfully, some farm businesses pollute waterways, to complete ecological collapse, is covered with green slime (2), have burnt an area 16 times larger than normal (3), trigger a catastrophic tsunami, strike coastlines near the epicenter within minutes, burned ferociously (4), flattened thousands of buildings, threaten the survival, trapped under the rubble, devastated by years of war (5).

amplió sus avisos, de rescate intentaban recuperar el

cadáver, embistieron la casa, ha dejado daños por decenas (8), fue golpeada por un terremoto, devastó la ciudad, golpeó el Golfo (7), reducidos a escombros, eleva el nivel de alarma, dificulta las labores de rescate, han tenido que detener la actividad (10).

Многие из названных описательных единиц – это статистические данные. Каждая цифра представлена не отдельно, а употреблена с усилителем-наречием. Остальной контекст также способствует возрастанию тревоги и опасения, и их переходу в страх и даже ужас. Например:

killed more than 200 people (1), have burnt an area 16 times larger than normal, the area burnt in Canada was around 200,000 hectares, that is greater than the total area burnt by wildfires in California last year, the size of Costa Rica (3), 400 people had been reported dead, with many more injured. The numbers seem certain to rise (5).

la tormenta, que ha descargado más de 10 centímetros (4 pulgadas) de agua, ya ha dejado daños por decenas de millones de dólares.... La gobernadora declaró el estado de emergencia ... donde cayeron unos 20 centímetros (8 pulgadas) de lluvia. (8) Más de 250 personas habían muerto por el terremoto y el tsunami. (7) Turquía es un país acostumbrado a vivir bajo la amenaza sísmica y el primer balance de daños fija en 1.718 los edificios afectados, 900 de ellos en las provincia... (10)

Теперь обратимся к внешнему и внутреннему проявлениям самой эмоции страха. Внутреннее эмоциональное состояние в статьях не представлено. Это можно объяснить особенностями выборки. Анализируемые статьи не содержат элементов интервью непосредственно с участниками событий или цитирования людей, переживших или испытывающих страх и повествующих о своих переживаниях. В основном, статьи представляют описание событий, констатацию фактов и происшествий, положение дел на данном этапе и, в некоторых случаях, представление принятых мер.

Поведение, мотивированное эмоцией и внешнее эмоциональное состояние, указывающее на эмоцию, представлены в ограниченном количестве в статьях. В качестве неконтролируемой реакции на стимулы и внутренние эмоциональные состояния соответственно и в тех, и в других статьях это попытки убежать, спастись, эвакуироваться: *escape, evacuate / evacuar su casa, trató de escapar.* В английских текстах встречается выражения: *shock, panic, aftershock, bore the brunt, stay vigilant,* которые в контексте могут быть рассмотрены в качестве поведенческих ответных реакций на появление страха.

Таким образом, внешние и внутренние эмоциональные состояния почти не представлены в выбранных видах статей. Это связано с тем, что цель авторов статей – проинформировать читателя о происходящем или произошедшем, воздействовать, не изобразить чей-то страх и тем самым испугать читателей, а при помощи вы-

шеперечисленных средств прямо вызвать у читателей страх, ужас. В этой связи мы видим большое количество эмотивов-стимулов, их описаний и характеристик, но не встречаем деталей о физиологической реакции людей на события. В статьях нет повествования, которое характерно для художественного стиля речи, и эмоции, как мы отметили, передаются за счет других лексико-грамматических средств: введение причины-стимула, синонимов с семой «страх», повторов стимулов и их характеристик, метафор, эпитетов. Важными и достаточно многочисленными являются отложенные во времени реакции-меры, которые были приняты, действия, которые совершены для стабилизации ситуации, оказания помощи пострадавшим. Таким образом, можно заключить, что отсутствие названия внешних и внутренних проявлений эмоции является характерной чертой газетно-публицистического стиля новостных статей на экологическую тематику.

Некоторые поведенческие реакции страха представлены в статьях на обоих языках, как было замечено. В большей степени это эмотивы-действия, демонстрирующие меры, которые приняты или принимаются, чтобы не допустить подрыва здоровья, смерти, ухудшения ситуации, избавления от источника угрозы. Так, детально представив объект страха, вызвав волну ответных реакций у читателей, авторы статей обязательно освещают борьбу людей со стихией или социальными источниками угрозы. Лейтмотивом во всех статьях становится реакция предупреждения: *warning / alerta*. Другими реакциями в статьях на обоих языках стали оказание помощи, проведение спасательных работ, закрытие каналов, дорог, аэропортов. В испанских онлайн изданиях нам сообщают: *han tenido que detener, Los aeropuertos de Gaziantep y Hatay han tenido que detener, amplió sus avisos, las cuadrillas de rescate, Las autoridades instaron a residentes de poblados que se encuentran en la trayectoria de la tormenta a mantenerse alejados de las carreteras, declaró el estado de emergencia, de búsqueda y rescate, para ayudar con los rescates en áreas inundadas, La policía llamó a la población a evitar ese camino (6, 7, 8, 9, 10)* и другие реакции. В англоязычных источниках мы обнаружили идентичные реакции. Вот некоторые из них: *predict disasters, detect the fast-travelling pressure waves from a quake, give warnings, to prepare for the worst, are on high alert after, residents were urged to evacuate, urged locals to seek safety on higher ground and evacuate from coastal areas, people should move out of the water, issued a marine tsunami warning, to exercise caution and be aware of these potential hazards (1, 2, 3, 4, 5)* и другие.

Обратимся к некоторым особенностям анализируемых статей. Наряду со сходными типами страха (тревога, страх, ужас), нами был выделен отличительный тип «disgust» в английских статьях. Этот страх вызван причиной - сильное загрязнение реки навозом и другими от-

ходами сельского хозяйства. Именно в этой статье автор использует саркастическую метафору “green pea soup”, говоря о реке, описывает ее как “covered with green slime”. Достаточно позитивный цвет «зеленый» в таком контексте звучит как опасность, предостережение, отвлечение поскольку естественный цвет воды – голубой. Данный тип страха поддерживается в статье за счет таких лексем как «smells, slime, mud» и антитезой с последующей градацией в описании реки до загрязнения и после: “...what used to be beautiful clean gravel on the riverbed is covered with green slime. The river is now very close to complete ecological collapse.” (2)

Еще один подвид эмоции страх мы встретили на страницах английских газет – «panic» (shock, fears of horror) – чего нет в статьях испанских авторов. Лексема «panic» встречается в англоязычных газетах. Пример “fears of horror” является крайне интересным по семантике словосочетанием, поскольку состоит их синонимов, различающихся степенью силы эмоции. В качестве примера страха-шока страха-паники приведем статью о страшном землетрясении в Турции. Концептосфера «fear» включает в себя прилагательные (non-gradable adjectives), обозначающие качество, выраженное в максимальной или абсолютной степени: *enormous, violent, devastating (2 раза), dead (4 раза), injured (2 раза), damaging*. Все они имеют сему «horror», но их концентрация ведет к увеличению интенсивности; многократное повторение прилагательных с семой ужаса и страха ведет к созданию эффекта паники. Паника, как самый интенсивный вид страха (P. Ekman [20]) создается за счет частого использования форм превосходной степени: *strongest disaster in a century, the most powerful aftershock*. Панический страх в статье вызван эмотивом «trapped»: “trapping their inhabitants in the rubble” (5), который имеет в статье еще синонимический перифраз “leaving them little chance to escape” (5). Человек в ловушке часто начинает паниковать. Цифры, приведенные в статье в качестве доказательств силы землетрясения, количества погибших, показывают наивысшую рекордную точку разрушений, смертей и бедствий. Эти цифры можно назвать страшными, их концентрация и замечание автора о возможном возрастании цифр и ухудшении ситуации приводят читателя к осознанию панического страха, который испытывали жители Турции, и может испытать каждый человек в подобной ситуации: “...the numbers seem certain to rise, factors above the ground have made things worse” (5). В этой же статье мы видим другие единицы семантического поля «fear»: *winter, cold, night; flatten buildings, aftershock, threaten, years of war, struggle*. Среди перечисленных средств подавляющая часть является причинами страха-паники, и лишь только малая часть представляет внутреннее и внешнее проявление эмоции страха-паники.

Что касается схожих черт, то авторы статей представляют страх как тревогу (опасение, беспокойство), состо-

ание страха и состояние ужаса, которые вызваны угрозой, опасностью, связаны с разрушениями, смертями, потерями, ущербом. Лексические единицы, имеющие значение страха, подверглись статистическому подсчёту и анализу при помощи программы AntConc. Мы использовали 5 статей на каждом языке схожей тематики и равного объема.

В английских экологических статьях для создания атмосферы напряжения и страха чаще всего используются слова, называющие стихию, природное явление или объект, катаклизм: rain(y) + river(s) + water + currant + waves + flood(s/ed) + tsunami (57 раз), quake + earthquake (26 раз), (wild)fire(s) (8 раз), landslides (6 раз), wind(s) (4 раза). Итого 101 единица (на 1007 единиц, взятых для анализа). Далее по частотности необходимо отметить следующую группу единиц: dead, deadly, died, killed, body, burying (13 раз). Среди действий наиболее частотными с семой «разрушение» являются burn + collapse + hit + spread + break + pollute(tion) + damage (21 раз). Еще одной группой действий, выражающих реакцию на страх, являются слова warn + escape + evacuate (7 раз). Если говорить о характеристиках, представленных прилагательными, здесь выделим heavy(iest) (8 раз), bad (в 3х формах) (5 раз), strong (4 раза), large(er) (3 раза), а также enormous + dangerous + unpredictable (по 2 раза). Также необходимо выделить единицы, которые входят в зону ядра поля «fear», поскольку многие из них представлены в анализируемых статьях на экологическую тематику. Это alert + hazard (4 раза), fear(s) (4 раза), disaster (3 раза), aftershock (3 раза), threat (2 раза), danger (2 раза), emergency (2 раза).

В испанских статьях на тему экологии атмосфера страха, опасности и ужаса также, как и в английских, представлена лексемами, называющими стихию, природный объект или явление: aqua(s) + lago(s) (озера становятся опасными и вызывают страх из-за концентрации опасного микропластика в воде) + inundacione(s) + tsunami + lluvia + stream (40 раз), humo(s) + tormenta + incendio(s) + polvo + fuego (20 раз), terremoto (10 раз). Итого 70 единиц на 920 единиц текста. Лексемы группы «смерть», «разрушение» уступают по частотности количеству таких лексем в англоязычных текстах. Тем не менее, мы встречаем такие единицы как muertos (3 раза), fallecidos (2 раза); contomina(cion) (5 раз), daños (4 раза), destrucción (2 раза), anegaron (2 раза). Прилагательные, повышающие интенсивность опасности и страха не многочисленны в испанских экологических статьях. Самыми частотными являются fuertes, poderoso, rápidas (по 2 раза). Что касается единиц, входящих в зону ядра семантического поля «miedo», в статьях представлены alerta (5 раз), emergencia (4 раза), amenaza (3 раза), riesgo (2 раза). Остальные лексемы представлены только по 1 разу.

Статистический анализ позволяет сделать следую-

щие выводы:

- По частотности употребления стимулы занимают первое место в английских и испанских текстах. Все они являются метонимиями на основе причины и следствия, так как вызывают эмоцию страха.
- В англоязычных статьях авторами создается более напряженная эмоциональная атмосфера страха. Для этого использовано большее количество средств лексического и грамматического уровней, слов-эмотивов.
- В испанских экологических статьях представленные типы страха – это тревога-опасение/беспокойство и страх-угроза; страх-ужас лишь затрагивается непосредственным называнием лексемы и некоторой концентрацией лексем страха в статье; страх-паника не представлен. В англоязычных статьях из колонок по экологии и климату представлены все 4 типа: тревога, угроза, ужас и паника.
- Эмоциональный концепт «страх», представленный в словарях, имеет отличия от концепта в статьях онлайн изданий газет. Единицы из зоны ядра в статьях на обоих языках представлены малым количеством. Эмоциональное состояние достигается другими языковыми средствами: лексического, грамматического и стилистического уровней. Эмотивы зоны периферии, демонстрирующие внутреннюю и внешнюю проявления эмоции страха или реакцию на эмоцию, представлены в концептосфере статей малым количеством.
- Эмоциональный кластер «fear/miedo» в анализируемых текстах представлен общими характеристиками: угроза, тревожность/тревога, напряжение, напуганный, в ужасе, загнанность, уязвимость, осторожность, предусмотрительность, озабоченность, неуверенность, недоверчивость, испуг, парализованный, беспокойство. Ряд единиц входят только в кластер «fear»: шокированный, отвращение, паника. В кластер «miedo» включим «предчувствия».

Заключение

Полученные в ходе исследования данные раскрывают специфику языковой репрезентации эмоционального концепта «fear/miedo» в испанском и английском языках, определяют содержание эмоционального кластера «fear/miedo».

Особенными для национальной концептосферы испанцев являются семы «шок» и «риск», тогда как для концептосферы носителей английского языка характерны семы «боль», «трепет», «сметение», «страшило».

Анализ и построение эмоционального кластера «fear» и «miedo» посредством анализа экологических

статей из онлайн версий широкоформатных газет выявил некоторое расхождение с национальными концептосферами. Так в английских статьях найдены эмотивы со значением страха-отвращения и страха-паники, не обнаружено единиц со значением «трепет». В испанских анализируемых статьях не найдено эмотивов страха с коннотатом «риск», «паника».

Общими компонентами эмоционального кластера «fear/miedo» стали: страх-опасение, страх-страх и страх-ужас. Общие характеристики исследуемого эмоционального концепта позволяют еще раз говорить о его универсальности, как и об универсальном характере эмоции страха. Общие языковые репрезентации эмоционального кластера «fear/miedo» также свидетельствуют об универсальности языковых средств.

Наличие некоторых особенностей между эмоциональными концептами двух языков и их языковой ре-

презентацией доказывает этническую маркированность данного эмоционального концепта и уникальность каждого языка. Отличия между национальной концептосферой и ее языковой репрезентацией в одном языке в определенном виде текстах можно объяснить различием коммуникативной цели, которую ставят перед собой носители языка и культуры, осуществляющие передачу информации. В случае с анализируемыми видами текстов эта функция – воздействие. Авторы стремятся не только не столько проинформировать читателя, сколько эмоционально воздействовать, вызвать определенные эмоции.

Данное исследование имеет продолжение в плане изучения и сопоставления эмоциональных концептов и их лексико-семантических полей, в исследовании смежных эмоциональных кластеров, в определении связи функционального стиля и языковой репрезентации эмоциональных концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
2. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Д.С. Лихачёв – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
3. Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В.И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 80-96.
4. Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций) / Н.А. Красавский // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград, 2000. – 234 с.
5. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 19-51.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.
7. Стрельницкая Е.В. Эмоциональность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский. Автореф. дис. кандидата филол. Наук. – Москва, 2010. – 27 с.
8. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции / В.И. Шаховский. – Волгоград: изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.
9. Fear. Collins Dictionary. Available at <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fear> (дата обращения: 08.08.2023).
10. Fear. Cambridge English Dictionary. Available at http://dictionary.cambridge.org/dictionary/englishrussian/fear_1 (дата обращения: 08.08.2023).
11. Fear. MacMillan English Dictionary. Available at Available at http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/fear_1 (дата обращения: 08.08.2023).
12. Fear. Oxford English Dictionary. Available at <https://en.oxforddictionaries.com/definition/fear> (дата обращения: 08.08.023).
13. Roget's Thesaurus of English words and phrases. Available at <http://www.thesaurus.com/> (дата обращения: 08.08.2023)
14. Miedo. Словарь испанского языка Educatingo. Available at <https://educatingo.com/ru/dic-es/miedo> (дата обращения: 08.08.2023)
15. Miedo. The Free Dictionary. Available at <https://es.thefreedictionary.com/miedo> (дата обращения: 08.08.2023)
16. WordReference.com. Online Language Dictionaries. Available at <https://www.wordreference.com/es/translation.asp?tranword=be%20scared> (дата обращения: 08.08.2023)
17. Miedo. Diccionario de la lengua española. Available at <https://dle.rae.es/miedo?m=form> (дата обращения: 08.08.2023)
18. Kövecses Z. Metaphor, language, and culture. DELTA: Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada, 2009, 26, P. 739-757. 10.1590/S0102-44502010000300017.
19. Kövecses Z. Emotion concepts in a new light. 2020. Available at <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:225418682 DOI: 10.4396/SFL201917>.
20. PaulEkmanGroup. Universal emotions. Fear. Available at <https://www.paulekman.com/universal-emotions/what-is-fear/>. (дата обращения: 08.08.2023)

© Нагорнов Михаил Игоревич (1142220072@rudn.ru), Волкова Яна Александровна (volkova-ya@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА СТИВЕНА КИНГА «INSOMNIA» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

CHALLENGES OF TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LITERARY TEXT (BASED ON STEPHEN KING'S NOVEL "INSOMNIA" AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS)

V. Pankov
I. Kurbanov

Summary: This study aims at conducting a unit-by-unit analysis of phraseological units from the original text of Stephen King's novel 'Insomnia' with their Russian equivalents to determine their accuracy. Translating phraseological units has always been challenging for translators due to their historically and culturally predetermined unique features. Consequently, upon scrutinizing adequate and accurate translation criteria, the latter has been deemed more appropriate for the assessment of suggested Russian translations of phraseological units. The findings indicate that the most used method of literal translation does not always provide accuracy; therefore, a translator should similarly consider using either a translator's commentary or a descriptive method for a more accurate definition of an unknown to a reader cultural or historical phenomenon. Furthermore, the results of the analysis also reveal cases of omissions in translation and one example of an inaccurate translation.

Keywords: phraseology, phraseological unit, translation methods of phraseological units, adequate translation, accurate translation.

Панков Вадим Сергеевич

Сургутский государственный университет
v.pankov.shisso@gmail.com

Курбанов Ибрагим Алиевич

к.филол.н., профессор, Сургутский государственный университет
ibragimkurbanov@mail.ru

Аннотация: Настоящее исследование представляет собой анализ особенностей перевода фразеологических единиц англоязычного романа Стивена Кинга «Insomnia» на русский язык с целью определения их репрезентативности и описания возникших проблем при переводе. Ввиду изначальной сложности перевода фразеологических единиц заданной культурными и историческими различиями языковых систем, в исследовании было введено понятие репрезентативности перевода, рассмотрены критерии адекватности при оценивании переводов фразеологических единиц, сделан вывод о желательности применения к оцениванию перевода именно критериев репрезентативности. Результаты проведённого анализа показали, что чаще всего используемый переводчиками дословный перевод не всегда позволял перевести фразеологические единицы репрезентативно и в некоторых случаях требовал замены на описательный перевод или переводческий комментарий для более точного толкования неизвестного читателю явления. Более того, анализ раскрыл случаи необоснованного опущения перевода и один случай нерепрезентативного перевода.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, способы перевода фразеологизмов, адекватный перевод, репрезентативный перевод.

Фразеологические единицы (ФЕ) являются сложными элементами любого языка, создавая трудности для понимания не только для представителей других языковых систем, но и для самих носителей языка. Именно поэтому понимание и грамотное использование фразеологизмов в письме и речи требует от носителя языка высокого уровня владения данным языком, как и полную осведомлённость в культурном пространстве своей страны.

Перевод ФЕ с одного языка на другой, таким образом, является ещё более сложной задачей, так как в таком случае переводчик должен знать сразу два языка на высоком уровне, имея при этом полное представление о культуре языка оригинального текста и языка перевода. Особенно важен в данной ситуации именно культурный компонент перевода, ведь именно при его учитывании

возникают наиболее сложные проблемы перевода ФЕ, ставя под вопрос переводимости той или иной единицы вовсе. К причинам возникновения подобных трудностей и проблем можно отнести: отличия в лексической структуре и грамматическом строе двух языковых систем, несовпадение взглядов и мировоззрений, а также разные пути исторического культурного развития. Очень часто даже подобранный эквивалент ФЕ может не подойти для данного контекста, вынуждая переводчика обращаться к другим способам перевода.

Исходя из данного рассуждения, цель представленного исследования – рассмотреть переводы фразеологических единиц в художественном тексте с английского языка на русский язык для определения их репрезентативности или нерепрезентативности, выделяя наиболее проблематичные для переводчиков примеры ФЕ. Для

достижения поставленной цели были выделены следующие задачи:

1. Изучить теоретическую базу проблемы перевода фразеологических единиц в художественном тексте, в которую входят понятия: «фразеологическая единица», «репрезентативность перевода»; рассмотреть критерии репрезентативности, критерии оценивания перевода ФЕ, способы перевода английских фразеологизмов на русский язык.
2. Изучить содержание романа С. Кинга «Insomnia», выявив в нём встречающиеся фразеологические единицы.
3. Выполнить сравнительно-сопоставительный анализ представленных переводов обнаруженных фразеологизмов, а также определить способы перевода, использованные переводчиками.
4. Определить, какие из примеров переводов являются нерепрезентативными, выделяя конкретные проблемы и сложности для переводчиков в процессе перевода, а также по возможности предложить собственные варианты перевода.
5. Определить, какие способы перевода вызвали наибольшее количество примеров нерепрезентативного перевода.

Материалом для исследования послужил оригинальный текст романа Стивена Кинга «Insomnia», а также переводы данного произведения на русский язык.

В данном исследовании рассматриваются три различных перевода:

1. Перевод Елены Юрьевной Харитоновой 1995 года.
2. Перевод Феликса Бенедиктовича Сарнова 1999 года.
3. Перевод Татьяны Юрьевной Покидаевой 2003 года в новом переиздании 2019 года (в соавторстве с Н.А. Гордеевой и О.В. Ращупкиной).

Методами исследования послужили метод сплошной выборки при отборе примеров фразеологических единиц, сравнительно-сопоставительный метод при анализе и сопоставлении переводов ФЕ с оригинальным текстом, а также статистический метод для распределения количества репрезентативных примеров перевода по каждому из выбранных авторских переводов оригинального произведения.

Теоретической основой исследования послужили исследования отечественных и зарубежных авторов: труды по стилистике текста Ш. Балли, В.А. Кухаренко; по фразеологии – Е.Д. Поливанова, В.В. Виноградова, В.Н. Кунина, М.М. Гухан, И.С. Торопцева; по лексикологии – А.И. Смирницкого, И.В. Арнольда; по теории перевода – С.В. Тюленева, В.Н. Комиссарова, Т.А. Казаковой.

Под фразеологическими единицами, или идиомами

в исследовании понимаются «раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями с установкой на их устойчивость (воспроизведение в готовом виде, семантическая осложненность, постоянство лексического состава, морфологическая и синтаксическая фиксированность, немоделируемость по схеме переменного сочетания слов) [7, с. 7].

Общее количество рассмотренных текстовых фрагментов, содержащих фразеологические единицы за 313 страниц изученного оригинального текста, составило 112 единиц.

Сталкиваясь с переводом с иностранного языка на родной язык, при этом с языка другой языковой группы, исторически существующего и развивающегося в другом культурном пространстве, становится очевидным, что перевести при таких параметрах текстовый фрагмент или целое художественное произведение полностью адекватно и эквивалентно невозможно. Во-первых, между языками в условиях перевода всегда есть кардинальные отличия, как, например, **безэквивалентная лексика** или несовпадающие образы в стилистике текста и речи. Во-вторых, в контексте перевода художественного текста, составляющего художественное произведение, переводчику необходимо сохранить изначальное строение текста, заданную тональность, а также учесть особые лексические и стилистические проявления **идиостилия**. В-третьих, соотношение эквивалентных языковых единиц и языковых аналогов не гарантирует понимание и усвоение читателем переведённого художественного текста на уровне оригинального текста ввиду существенных различий исторических и культурных пространств двух языков.

Таким образом, данное рассуждение подводит к идее, что классическая задача переводчика при работе с художественным текстом – перевести текст с сохранением всех аспектов и тонкостей оригинального текста – является лишь частично выполнимой задачей. Более реальной задачей является стремление переводчика перевести текст с допущением наименьшего количества ошибок, чтобы приблизиться к адекватности и эквивалентности максимально близко.

Рассматривая подобную ситуацию, С.В. Тюленев определил, что «перевод – это также репрезентация оригинального текста средствами иного языка» [9, с. 150]. Другими словами, это адресованная реципиенту репрезентация оригинального текста, не требующая от перевода текстуальной полноты, не всегда нужной в силу тех или иных коммуникативно-обусловленных задач. По словам С.В. Тюленева, установка на репрезентативность позволяет сконцентрироваться на процессе осуществления переводческой деятельности именно с

точки зрения сохранения в окончательном тексте перевода важнейших черт оригинала, а ошибки оценивать, исходя из того, насколько они мешают достижению изначально поставленной оригиналом цели [9, с. 150]. Фразеологические единицы – одни из наиболее важных черт оригинального текста, которые определённо должны найти своё отражение в окончательном тексте перевода.

В своей книге «Теория перевода» В.Н. Комиссаров предлагает систему критериев оценивания перевода, основанную на градации ошибок [5, с. 242-244]:

1. Ошибки, грубо искажающие содержание оригинала (указание на иную ситуацию, изменение цели коммуникации, дезинформация рецептора перевода).
2. Ошибки, не искажающие смысл перевода полностью, однако приводящие к его изменению (неточная передача отдельных слов или деталей оригинала).
3. Ошибки, не нарушающие общего смысла, но изменяющие стилистические особенности перевода.
4. Нарушения норм языка перевода, свидетельствующие о недостаточном владении данным языком.

Соотношение данной системы с идеями С.В. Тюленева, который также отмечал, что репрезентативность должна достигаться на макро- (уровень текста) и микроуровнях (уровень компонентов текста), подводит к выводу, что вышеперечисленные критерии применимы к репрезентативности на макроуровне. Это же применимо и к общим критериям репрезентативности С.В. Тюленева [10, с. 146-147]:

1. Перевод должен верно отражать фактическую сторону оригинала, то есть правильно передавать план его содержания, заключенную в нём информацию.
2. Перевод должен верно отражать цель создания оригинала, то есть доносить до иноязычного реципиента прагматическую его компоненту.
3. Перевод должен воспроизводить тон и по крайней мере важнейшие стилистические особенности оригинала к тому или иному функциональному стилю.
4. Перевод должен точно доносить до реципиента авторское отношение к излагаемому в переводимом тексте предмету. Это требование исключает вмешательство переводчика во внутритекстовую оценку плана содержания.

Другими словами, так как фразеологические единицы являются именно компонентами всего текста, то есть имеют отношение к микроуровню репрезентативности, рассматривать их перевод слишком категорично будет некорректно. С.В. Тюленев отмечает, что с позиции репрезентативности перевод фразеологизмов возможен либо с сохранением образности оригинала (что более

приемлемо в письменном переводе, где переводчик видит развитие мысли автора), либо путём передачи семантического ядра фразеологизма [9, с. 174]. Тем не менее, полное или частичное искажение смысла фразеологической единицы – универсально применимый критерий к оцениванию ошибок перевода компонентов текста, поэтому он так же ляжет в основу проводимого анализа.

Более конкретные способы перевода образной фразеологии, а именно четыре способа, предлагают исследователи в области фразеологии (В.Н. Комиссаров, Л.Ф. Дмитриева, С.Е. Кунцевич, Е.А. Мартинкевич, Н.Ф. Смирнова) – метод фразеологического эквивалента, метод фразеологического аналога, дословный перевод и описательный перевод фразеологизмов.

В произведении Стивена Кинга «Insomnia» переводчики несколько раз встречались с ситуациями, когда перевод того или иного фразеологизма требовал использования описательного перевода или использования общих переводческих приёмов как, например, переводческого комментария [1, с. 141].

Один из таких случаев коснулся фразеологизма «coming out of the closet» [10, 206], который из-за отсутствия в русском языке эквивалентов или аналогов все три переводчика (Е.Ю. Харитоновна, Ф.Б. Сарнов, Т.Ю. Покидаева) перевели дословно:

- Е.Ю. Харитоновна: «выйти из кладовой» [2, с. 149].
 Ф.Б. Сарнов: «перестать прятаться в чулане» [3, с. 164].
 Т.Ю. Покидаева: «выйти из тени» [3, с. 180]

Указанные варианты переводов не передают точное контекстуальное и общее значение выражения, связанного с раскрытием человеком своей нетрадиционной сексуальной ориентации. На наш взгляд, более репрезентативным было бы использование либо переводческого комментария для толкования, либо существующей полукальки «каминг-аут».

Ещё одним похожим примером является авторский фразеологизм «does a bear shit in the telephone booth?» (авторская антонимичная трансформация оригинального фразеологизма «does a bear shit in the woods», означающего более саркастичный способ дать положительный ответ на вопрос) [11, с. 153]. Предложенные переводы:

- Е.Ю. Харитоновна: «гадит ли медведь в телефонной будке?» [2, с. 110].
 Ф.Б. Сарнов: «медведь гадит в телефонной будке?» [3, с. 123].
 Т.Ю. Покидаева: «гадит ли медведь в телефонной будке?» [4, с. 134]

Контекст произведения подразумевает саркастичный отрицательный ответ на вопрос главного персона-

жа, страдающего хронической бессонницей, об эффективности снотворных препаратов. Дословный перевод данного авторского фразеологизма не раскрывает смысла его употребления, потому более репрезентативным решением является использование переводческого комментария.

Дословный перевод – часто используемый способ перевода, который, несмотря на свою универсальность, не всегда позволял авторам достичь репрезентативности перевода, вызывая полное или частичное искажение смысла оригинального фразеологизма.

Одним из таких примеров является фразеологизм «to put one's feet up» [11, с. 192], означающий желание человека присесть или прилечь с целью отдохнуть. Ф. Б. Сарнов перевёл данный фразеологизм дословно как «задрать ненадолго ноги» [3, с. 154], что не является полностью репрезентативным переводом, так как в нём не утрачивается ключевой элемент семантического ядра ФЕ – действие, влекущее за собой цель отдохнуть. Е.Ю. Харитоновна предложила перевод «лучше мне немного вздремнуть» [2, с. 139], Т.Ю. Покидаева – «я, пожалуй, прилягу» [4, с. 169], каждое из которых можно признать репрезентативными, но более точным в данном случае будет перевод именно Т.Ю. Покидаевой, так как в нём указывается предшествующее отдыху смысловое действие «прилечь».

Ещё один пример вызванных дословным переводом проблем является фразеологизм «forty winks» [11, с. 72], который Ф.Б. Сарнов перевёл дословно как «всего чуть-чуть, хоть капельку, пока сорок раз моргну» [3, с. 61], что вновь не является полноценно репрезентативным, так как «пока сорок раз моргну» скорее относится не к полноценному акту сна, а к попыткам заснуть. Сам фразеологизм означает именно короткий сон или дрему, поэтому варианты «хотя бы сорок минут» [2, с. 51] Е.Ю. Харитоновой и «хоть сорок минут» [4, с. 64] Т.Ю. Покидаевой являются более репрезентативными в контексте желания главного персонажа вздремнуть.

Анализ переводов фразеологических единиц так же показал, что переводчики прибегали к необоснованному опущению перевода того или иного фразеологизма:

«to come clean» [11, с. 129] - перевод опущен Т.Ю. Покидаевой;

«to hell and gone» [11, с. 207] – перевод опущен Е.Ю. Харитоновой;

«at the best of times» [11, с. 305] – перевод опущен Е.Ю. Харитоновой и Т.Ю. Покидаевой;

Эти же примеры при этом были переведены Ф.Б. Сарновым как «раскалываться» [3, с. 104] в случае первого примера, второй пример был переведён как «в Богом забытом местечке» [3, с. 165] и последний – «в лучшие

времена» [3, с. 239]. Как указывалось перед непосредственным анализом, фразеологизмы не всегда возможно перевести с точностью оригинального текста, но опустить их перевод абсолютно точно нельзя – необходимо попытаться передать либо образность оригинального фразеологизма, либо его семантическое ядро, что и было сделано Ф.Б. Сарновым для репрезентативной передачи данных фразеологических единиц на русский язык.

Перевод с использованием метода фразеологического эквивалента возможен в случае перевода пословиц и поговорок. Однако между языками не всегда существуют очевидные фразеологические эквиваленты, поэтому чаще переводчику приходится прибегать к поиску аналога, то есть использовать метод фразеологического аналога. Такая попытка была предпринята Е.Ю. Харитоновой при переводе фразеологизма «a sight for sore eyes», подобрав к нему в качестве перевода русский фразеологизм «бальзам на душу», переработав его до «бальзам для моей души». Если обратиться к словарю Т.В. Пархамовича, то «бальзам на душу» является эквивалентном англоязычного фразеологизма «music to one's ears» [9, с. 7]. В контексте произведения выражение «a sight for sore eyes» использовалось главным героем в первую очередь для отражения красоты его подруги, чей облик полностью восстановился в первоначальное состояние после побоев со стороны её мужа. Другими словами, «бальзам на душу» скорее употребим в отношении услышанных приятных, долгожданных новостей, вызывающих чувство облегчения, в то время как «a sight for sore eyes» имеет первостепенную семантическую связь с атрибутом отличительной красоты человека. Дословно переведённый вариант Ф.Б. Сарнова «лучшее утешение для больных глаз» так же нельзя назвать репрезентативным, так как такой вариант не передаёт первостепенность атрибута красоты персонажа, в чью сторону употреблялось это выражение. В данном случае вариант Т.Ю. Покидаевой «ты замечательно выглядишь» хотя и имеет сниженную эмоциональную тональность, но при этом точно и акцентированно передаёт основное значение семантического ядра оригинального фразеологизма, поэтому такой перевод можно признать репрезентативным.

Проведённое исследование коснулось такой важной темы в переводоведении как перевод фразеологизмов. Опираясь на критерии оценивания адекватности перевода В.Н. Комиссарова, было определено, что полноценно применение их к переводу конкретных языковых единиц в тексте, в частности, фразеологических единиц, не является реалистичной задачей. Рассмотрев понятие репрезентативности перевода и критериев репрезентативности С.В. Тюленева, был сделан вывод, что критерии адекватности применимы к оцениванию перевода на макроуровне, в то время

как перевод фразеологических единиц, являющимся переводом на микроуровне, требует от переводчика нахождения компромисса между полнотой и адекватностью перевода. Такой компромисс находит своё отражение в понятии репрезентативности перевода, который позволяет выстраивать процесс перевода с точки зрения сохранения ключевых черт оригинального текста, определяя своей задачей также устранение искажающих цель оригинального текста переводческих ошибок. По этой причине, в исследовании была определена менее категоричная методика оценивания перевода фразеологических единиц, основанная на репрезентативности их перевода и заключающейся в задаче переводчика сохранить образность оригинальной ФЕ или передаче её семантического ядра.

Проанализировав 112 текстовых фрагментов с содержащимися в них фразеологическими единицами в романе Стивена Кинга «Insomnia» и три предложенных различными переводчиками перевода данного произведения, были сделаны следующие выводы. Во-первых,

все три переводчика, Е.Ю. Харитонов, Ф.Б. Сарнов, Т.Ю. Покидаева, не всегда предлагали репрезентативные варианты перевода в ситуациях встречи с уникальными языковыми явлениями зарубежной культуры, хотя они могли воспользоваться либо описательным переводом, либо, в случае дословного перевода, воспользоваться переводческим комментарием для трактовки неизвестного читателю явления. Во-вторых, наиболее часто используемый дословный перевод не всегда позволял получить репрезентативный перевод того или иного примера и требовал более точного соотношения слов со стороны переводчиков. В-третьих, переводчикам не всегда удавалось подобрать репрезентативный эквивалент и аналог на русском языке для того или иного фразеологизма англоязычного происхождения. Однако данную проблему частично удалось решить переводчику Т.Ю. Покидаевой путем репрезентативной передачи значения семантического ядра фразеологизма. Наконец, были также обнаружены некоторые необоснованные опущения перевода фразеологизмов и один случай нерепрезентативного перевода фразеологизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», -- 2001. – 320 с.
2. Кинг Стивен. Бессонница: Роман/Пер. с англ. – Х.: «Дельта», 1995. – 640 с.
3. Кинг С. Бессонница: Роман/Пер. с англ. Ф. Б. Сарнова. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 688 с.
4. Кинг, Стивен. Бессонница: [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой]. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 768 с. – (Темная башня).
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. - М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: Рус. Яз., 1984.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-ов и фак. иностр. яз. Изд-е 2-е, перераб. М. – Дубна: Высшая школа; Изд. Центр «Феникс», 1996.
9. Пархамович Т.В. Англо-русский, русско-английский словарь фразеологизмов/ Т.В. Пархамович. – Минск: «Попурри», 2011. – 128 с.
10. Тюленев С.В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
11. King S. *Insomnia*. Hodder and Stoughton, 2011. – 902 p.

© Панков Вадим Сергеевич (v.pankov.shisso@gmail.com), Курбанов Ибрагим Алиевич (ibragimkurbanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЗМА В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: МОТИВЫ И ТЕМЫ

Су Кэ

Аспирант, ФГБОУ ВО Московский государственный
университет им М.В. Ломоносова
suc3665@gmail.com

FEATURES OF ROMANTICISM IN THE LYRICS OF M. LERMONTOV: MOTIFS AND THEMES

Su ke

Summary: This article describes the characteristic features of the implementation of the traditions of romanticism in the lyrics of M. Lermontov. Using various methods of literary criticism, the author finds out that in the lyrics of most of M. Lermontov uses and reveals characteristic romantic motifs and themes and. An attempt is also made to systematize romantic themes and motifs, to identify the uniqueness of their refraction in the writer's works.

Keywords: lyrics by M. Lermontov, poet, romanticism, romantic hero, lyrical hero, freedom motif, loneliness motif, landscape lyrics, Caucasian theme.

Аннотация: В данной статье описываются характерные особенности реализации традиций романтизма в лирике М.Ю. Лермонтова. Используя различные методы литературоведения, автор выясняет, что в лирике большинства произведений М.Ю. Лермонтова применяются и раскрываются характерные романтические мотивы, темы и образы. А также предпринимается попытка систематизации романтических тем и мотивов, выявления своеобразия их преломления в произведениях писателя

Ключевые слова: лирика М.Ю. Лермонтова поэт, романтизм, романтический герой, лирический герой, мотив свободы, мотив одиночества, пейзажная лирика, кавказская тематика.

Михаил Юрьевич Лермонтов – один из самых выдающихся представителей русского романтизма в литературе. Об этом факте свидетельствует высокий уровень исследовательского интереса к этому аспекту его творчества. Многие известные отечественные ученые и критики такие, как И. Андроников, В. Виноградов, Г.В. Воловой, А.В. Попов, Л.А. Ходанен отмечают в его произведениях использование традиционных романтических тем и мотивов.

В самых ранних произведениях поэта отчетливо проявилось его увлечение романтической литературой. Особое влияние на творческий рост Лермонтова оказала поэзия английского поэта Дж. Г. Байрона и раннего А.С. Пушкина.

Романтизм как литературное направление сложился в конце XVII – начале XIX века в Западной Европе на почве разочарования во французской революции 1789–1793 гг. Русский же романтизм стал результатом патриотического подъема в стране после победы в войне с Наполеоном. Выделяют два типа романтизма: немецкий – созерцательный, философский (А.В. Шлегель, Ф. Шлегель, Л. Тик) и английский – активный, богоборческий, мятежный (Дж.Г. Байрон) [1].

Русский и западноевропейский романтизм имели много общего. Писатели-романтики раскрывали в своих произведениях внутренний мир человека, его чувства переживания и эмоции, его мир страстей, его стремление к неограниченной свободе, личной и гражданской

независимости. Тема свободы – внутренней и внешней – является ключевой для романтической литературы [2].

Романтический герой — бунтарь, отрицающий реальность, находящийся в состоянии внутренней дисгармонии и в неразрешимом конфликте с самим собой и обществом. Именно этот конфликт характеризовал русский романтизм.

Писатели-романтики часто обращались в своих произведениях к фольклору, к прошлому своих национальных героев. Главные мотивы их творчества — стремление к идеалам, одиночество и отчаяние, странствия и изгнание.

В то же время писатели-романтики использовали приемы описания пейзажа, чтобы отразить психологическое состояние своих героев, передать эмоции и чувства на более глубоком уровне. В своих произведениях они пытаются понять свое место в общественной жизни и найти свое предназначение. Для них поэт становится изолированным от внешнего мира гением, пророком, способным указать на все несовершенства мира [1].

Наивысшего своего развития романтическая лирика достигла в творчестве Лермонтова. Романтизм байронического типа был близок поэту. В своих ранних произведениях поэт наиболее последовательно отражал внутреннее состояние человека и его духовный мир, его переживания и чувства, страдания и поиски идеала.

Главным мотивом, доминирующей темой всего творчества писателя становится романтический мотив тра-

гического одиночества человека среди толпы, мотив разочарования и печали. В шестнадцать лет он писал: «Как ужасно нам провести эту жизнь в одиночестве. Каждый готов разделить наслаждения: никто не желает разделить горести» («Одиночество», 1830) [3, с. 127]. Возможно, здесь он отдал дань романтической «моде», но в то же время такое отношение определялось обстоятельствами его личной жизни — ранней смертью матери, вынужденной разлукой с отцом [3].

Впоследствии эти мотивы автор развивает в стихотворениях «Парус» (1832), «Воздушный корабль» (1840), «Листок» (1841), «Тучи» (1840), «Выхожу один я на дорогу» (1841). В качестве трансформации мотивации побега (эскапизма) можно рассматривать идеи, выраженные в личном творчестве романтического героя, а именно неприятие своего времени, неудовлетворенность настоящим, тоска по прошлому героической нации («Песня про купца Калашникова» 1837; «Бородино», 1837) или идеализация будущего (стихотворение «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась», 1830)).

Тема свободы также имеет особое значение в творчестве Лермонтова. Он провозгласил либеральную политическую мысль в духе романтической традиции и показал в своих произведениях замечательный образец анализа понятий долга, чести и других романтических тем, среди популярных писателей того времени.

Его романтический герой имеет свои особенности. Этот образ претерпел некоторые изменения во время творческой карьеры писателя. В ранних произведениях поэта центральный персонаж – титаническая, исключительная личность; он активен, деятелен и отвергает покой во имя подвига, действия, но не находит приложения своим силам. Это мятежный человек, всегда готовый к борьбе и не желающий терпеть свое положение.

Но эта борьба тщетна: он не имеет возможности покинуть реальный мир и войти в мир идеальный, поэтому он часто существует в мире грез. Трагический диссонанс между героем и реальностью у Лермонтова представлен в виде конфликта мечты и реальности.

На более поздних этапах творчества писателя его герои теряют свою индивидуальность, находясь в противоречии с миром. Они не свободны от типичных черт и пороков, свойственных современному обществу – так в творчестве писателя начинает проявляться реалистические тенденции.

В произведениях Лермонтова центральное место занимают его любимые пейзажи. Мотив единства природы и человека – это сквозная тема, которая проходит через все его творчество. По его мнению, пейзажи в поэзии романтического направления играют двойную функцию. Описание природы используется в его произведениях как средство выражения единства окружающего мира и внутреннего «Я» поэта [2].

Исключительное место в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова занимал Восток, его колорит, и, в частности, Кавказ. «Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благороднейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ был колыбелью его поэзии так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно-величавой природы, как Лермонтов» – писал критик Белинский. [4, с.210]

Освободительная война горцев, их быт, традиции и фольклор, реалии Кавказской войны – становятся сквозными темами произведений М.Ю. Лермонтова разных периодов. («Кавказский пленник», 1828; «Черкессы», 1828; «Каллы», 1830-1831; «Измаил-бей», 1832; «Хаджи Абрек», 1833-1834; «Аул Бастунджи», 1833-1834; «Валерик» 1840) [5].

Детские и подростковые впечатления о Кавказе оказали влияние на все творчество поэта и его жизнь. Как пишет известный лермонтовед А.А. Висковатов, «старожилы с Тарханах помнили, что Миша, побывав на Кавказе, все им был занят, из воску лепил горы и черкесов и “играл в Кавказ”» [6].

Одной из основных тем лирики Лермонтова становится описание кавказских пейзажей. Лермонтовский Кавказ – это край уходящих в небо вершин и буйно цветущих садов, гордых и вольнолюбивых людей, неиспорченных цивилизацией; это и земля, мистическим образом связанная с судьбой поэта. Поэтические изображения кавказской природы в его произведениях необыкновенно точны. И. Анненский пишет об этом: «Один живописец Кавказа мне говорил, что нередко поэзия М. Лермонтова служила ему ключом в кавказской природе» [7, с.270-282].

Изображение картин быта, эстетическое освоение обычаев и традиций разных народов Северного Кавказа и Закавказья – становятся второй по значимости «кавказской темой» поэта. В своих «северокавказских поэмах» Лермонтов стремится к достоверности исторических фактов, затрагивает тему русско-кавказской войны.

Особый интерес поэт проявляет к народному творчеству и фольклорным мотивам, которые впоследствии определяют тематику его произведений.

Органичное введение в ткань художественных текстов кавказских легенд, сказаний, героических песен, использование их как материала для своих сюжетов становится константой творчества писателя. «Грузия, ее своеобразная жизнь, историческое прошлое, овеянное героикой борьбы за свободу, ее народное творчество и живописная природа отразились в таких шедеврах Лермонтова, как «Мцыри» (1839) и «Демон» (1829-1839), «Герой нашего времени» (1838-1840) и «Спор» (1840), «Дары Терека» (1841) и «Тамара» (1841), «Свиданье», «Спеша на

север» и др. Грузинский цикл лермонтовских произведений - это целый мир великолепных поэтических картин, изумительных художественных образов, глубоких идей и идеалов.» писал И. Андроников [3 с.437].

В ранних произведениях творчества М.Ю. Лермонтова присутствует ярко выраженный юношеский максимализм его героев. Это типичный герой романтического мира, которому нужно или все, или ничего. Его основные черты — нетерпимость, нежелание терпеть любые недостатки, ощущение избранности, полное отрицание реальности и стремление к ясным, недостижимым целям. Все это можно найти в ранней лирике поэта: любовной, пейзажной, которая характеризуется максимальным слиянием авторского начала и лирического героя. Герой Лермонтова близок самому поэту – он одинок, но зачастую его одиночество сознательное, как результат его «непонимания» и непризнания со стороны общества.

Любовь, несомненно, является одной из центральных тем творчества поэта, хоть количество любовной лирики сравнительно невелико. Любовная тематика у Лермонтова также окрашена в задумчивые тона. Лирический герой ранней лирики Лермонтова испытывает к своей возлюбленной противоречивые чувства. Он обвиняет ее в непонимании и неспособности любить. Очень часто в любовной лирике присутствует разочарование и мысль о трагичности любви.

Произведения, созданные поэтом в период с 1837 по 1841 год немногочисленны, но более разнообразны.

Авторское «Я» уже не так ясно выражено, все чаще звучит романтическая ирония, развиваются аллегорические «повествовательные» тексты, а внешний мир становится гораздо более ясным, чем прежде, без романтических штампов, четко и подробно. Автор уходит от излишнего пафоса, отказываясь от таких языковых клише, как романтизм, преувеличения, сложные метафоры и сравнения, облекая эмоции в холодную иронию, соединяя свои чувства с причинами и историями [2].

Для более поздней лирики Лермонтова характерны имитация устной речи, редукция прозаического языка. Автор по-прежнему использует в своих произведениях мотивы бунтарства и сопротивления миру. Усиливается мотив одиночества. В то же время он связан с мотивом спокойствия и полного принятия жизни. В его зрелой лирике нет уже того драматизма, как в ранних его произведениях.

Таким образом, романтизм является одним из основных направлений в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова и отличается богатством и разнообразием тем и мотивов. В его произведениях находят преломление любовь и страсть, одиночество, возведенное в абсолют и отчуждение, свобода и независимость, смерть и судьба, единство природы и человека, поиск идеала. А воплощенные в лирике Лермонтова величественные образы кавказских пейзажей и яркие, глубоко жизненные образы горцев навсегда вошли в золотой фонд русской и мировой литературы. За столь короткий жизненный и творческий путь поэт успел оставить уникальное по силе и объему наследие, которое вошло в историю отечественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. История романтизма в русской литературе. Романтизм в русской литературе 20-30-х годов XIX в. (1825-1840). [под. ред.: Шаталова С.Е., Курилова А.С., Пигарева К.В., Тураева С.В., Фохта У.Р.]. – М.: Изд-во: Наука, 1979. – 328 с.
2. История русской литературы XIX века/ Дмитриева Е.Е., Капитанова Л.А., Коровин В.И. и др. Ч. 2: 1840-1860 годы. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/> (дата обращения 09.10.2020).
3. Андроников И.Л., Лермонтов. Исследования и находки/ И.Л. Андроников – 4-е изд-во. М.: Художественная литература, 1977 – 647 с.
4. Белинский, В.Г. О Пушкине, Лермонтове, Гоголе / В.Г. Белинский. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 326 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-09211-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/517194> (дата обращения: 22.11.2023).
5. Ходанен Л.А. Поэмы М.Ю. Лермонтова: Поэтика и фольклорно- классические традиции: Учеб. пособие / Науч. ред. Т. Г. Чернышева; Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1990. – 91 с. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/hodanen/poemy-poetika.htm> (дата обращения 24.11.2020).
6. Висковатов П.А., Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество/ П.А. Висковатов. – М.: Современник, 1987. URL:http://dugward.ru/library/lermontoviskovatij_erm.html (дата обращения 20.10.2020).
7. Савельев А.Е. Тема Кавказа и Кавказской войны в творчестве М.Ю. Лермонтова/ Проблемы истории, филологии, культуры. № 2(28). Магнитогорск: изд-во: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2010. – С.270-282. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tema-kavkaza-i-kavkazskoy-voyny-v-tvorchestve-m-yu-lermontova>
8. Андроников И.Л. Из наблюдений над стилем Лермонтова // Поэтика и стилистика русской литературы Л., 1971. С. 146-153
9. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Издание второе, исправленное и дополненное. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981. Т. 4, Проза. Письма. 1981.–591 с. URL: <https://filosoff.org/lermontovmikhail/tvorchestvo/sobranie-sochinenij-v-chetyrex-tomax-tom-4-proza-pisma/> (дата обращения 15.11.2020).

© Су Кэ (suc3665@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА «ХУАН-ДИ НЭЙ-ЦЗИН»

Сун Юйшуан

Хэйлунцзянский университет, КНР
songyushuang3@foxmail.com

PROBLEMATIC ASPECTS OF TAKING INTO ACCOUNT THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT WHEN TRANSLATING THE LITERARY MONUMENT "HUANG DI NEI-CHING" INTO RUSSIAN

Song Yu-shuang

Summary: The article is devoted to the peculiarities of translating Chinese primary sources related to the field of traditional Chinese medicine into Russian, using the example of the translation of the literary monument of Ancient China "黄黄" («The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner» or "The Inner Canon of the Yellow Lord – Huang Di Nei-ching"), which is a fundamental work in the field of Chinese folk medicine. The author notes significant differences in approaches to the perception of the system of knowledge about therapy and health care in the so-called "eastern" and "Western" worldviews, indicates the difficulty of unambiguous correlation of many concepts from the field of physiology, pharmacology, medical manipulations, etc. of the source language and the recipient language. The main reason for possible semantic losses in the execution of translations is insufficient consideration of the historical and cultural conditions in which knowledge concerning the understanding of nature, genesis and treatment of diseases in Ancient China was formed and recorded. The transfer of this context, taken in unity with the humanistic philosophy of China, the doctrine of the five elements, the theory of the interaction of the basic principles of «yin» and «yang», as well as the special importance attached to the circulation of vital energy in the human body, is a prerequisite for performing a qualified translation of ancient Chinese works on medicine. In addition, as one of the key problems, the author highlights the lack of a unified set of generally accepted definitions for the terms of traditional Chinese medicine (hereinafter – TCM), recognized by the international medical community, which generates discord in various versions of the translation of the same works. The paper summarizes recommendations on the use of certain techniques and techniques for translating Chinese texts related to the subject under consideration, in order to maximize the preservation of the ideological and artistic originality and applied meaning of these works, which is almost always implemented at several semantic levels, including due to the special semantic structure of Chinese hieroglyphic writing, as well as taking into account a complex of extralinguistic factors.

Keywords: Russian-Chinese intercultural communication, traditional Chinese medicine, The Yellow Emperor's Treatise on internal Medicine, «The Inner Canon of the Yellow Lord – Huang di Nei-ching, Huangdi Nèijing, difficulties of translation from Chinese into Russian.

Аннотация: Статья посвящена особенностям перевода на русский язык китайских первоисточников, относящихся к сфере традиционной китайской медицины, на примере перевода литературного памятника Древнего Китая «黄帝内经» («Трактат Жёлтого императора о внутреннем» или «Внутренний Канон Желтого Владыки – Хуан-Ди Нэй-цзин»), представляющего собой основополагающий труд в области народной медицины Китая. Автор констатирует существенные различия в подходах к восприятию системы знаний о терапии и здоровьесбережении в т.н. «восточном» и «западном» мировоззрениях, указывает на проблематичность однозначного соотнесения многих понятий из области физиологии, фармакологии, медицинских манипуляций и пр. исходного языка и языка-реципиента. В качестве основной причины возможных смысловых потерь при выполнении переводов выступает недостаточный учет историко-культурных условий, в которых формировались и фиксировались знания, касающиеся понимания природы, генезиса и лечения заболеваний в Древнем Китае. Передача данного контекста, взятого в единстве с гуманистической философией Китая, учением о пяти элементах, теорией взаимодействия базовых начал «инь» и «ян», а также особым значением, придаваемым циркуляции жизненной энергии в организме человека, является необходимым условием для выполнения квалифицированного перевода древнекитайских работ по медицине. Кроме того, в качестве одной из ключевых проблем автор выделяет отсутствие унифицированного свода общепринятых дефиниций для терминов традиционной китайской медицины (далее – ТКМ), признанного международным медицинским сообществом, что порождает разногласия в различных вариантах перевода одних и тех же произведений. В работе обобщены рекомендации по использованию определенных техник и приемов перевода китайских текстов, касающихся рассматриваемой тематики, в целях максимального сохранения идейно-художественного своеобразия и прикладного значения данных произведений, который почти всегда реализован на нескольких смысловых уровнях, в том числе по причине особого семантического устройства китайского иероглифического письма, а также с учетом комплекса экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: русско-китайская межкультурная коммуникация, традиционная медицина Китая, Трактат Желтого императора о внутренней медицине, «Внутренний Канон Желтого Владыки – Хуан-ди Нэй-цзин, Huangdi Nèijing, трудности перевода с китайского языка на русский.

Труды авторов Древнего Китая, связанные с описанием тактики и методов лечения различных болезней, объяснением природы недугов и их причин, а также представлениями о принципах и закономерностях функционирования человеческого организма в целом и отдельных его систем, весьма востребованы как мировым медицинским сообществом, так и широкой читательской аудиторией, далекой от сферы здравоохранения. Причина этого – симбиоз уникальных приемов врачевания (таких как акупунктура, мануальная терапия, специфические комплексы физических упражнений и пр.), стройной концепции взаимодействия (в том числе взаимовлияния) органов и систем жизнеобеспечения человека и глубокой философской подоплеку. Именно такое содержание современные исследователи вкладывают в понятие «традиционная китайская медицина» (ТКМ). Своеобразие традиционной китайской медицины очевидно, она стоит особняком от научной (доказательной) медицины, поскольку та и другая «исследуют один и тот же организм с крайне различных точек зрения», в частности, в китайском языке медицинские факты описываются в «сенсорных» терминах, которые отражают телесные ощущения [3, с. 140].

По сути, ТКМ представляет собой современное обобщение дошедших до нашего времени сочинений древнекитайских целителей и философов – подвижников народной медицины. Одной из вершин этого массива ценнейшей информации считается «Трактат Желтого императора о внутреннем» – «*黄帝内经*» («Хуан-ди Нэй-цзин», в пиньинь-версии – *Huángdì Nèijīng*).

В этом выдающемся литературном памятнике древнекитайская концепция врачевания изложена в наиболее систематизированном виде. Главное в ней – тесное взаимодействие человека и окружающего его мира, рассмотрение человеческого организма как сбалансированного единства двух противостоящих, но зависящих друг от друга начал «инь» и «ян», нарушение хрупкого равновесия между которыми и приводит к развитию всевозможных недугов. Не без оснований это произведение также считается проводником философских воззрений Дао.

Китайская народная медицина прошла долгий путь – от оккультных подходов к трактовке природы заболеваний и борьбе с ними (в том числе с помощью заклинаний и ношения талисманов), а также убеждения в том, что любое недомогание можно устранить мануальными техниками и лечебными настоями, до стройной системы воззрений по рациональному управлению потоками жизненной энергии в теле человека. Однако еще в XIX веке дипломированный русский врач А.А. Татаринов, долгое время работавший в Китае и подробно описавший теорию пяти элементов, отмечал важное значение для китайской медицины старинных первоисточников,

указывая, что «китайские медицинские книги пишутся по одному и тому же образцу, следуя до последнего слова определению древних» [10, с. 362].

«Хуан-ди Нэй-цзин» (далее – также «Нэй-цзин»), написан на рубеже V–III вв. до н.э. в распространенном в те времена жанре философского диалога (между императором Хуанди и шестью его министрами). Первое упоминание о «Нэй-цзин» встречается в начале II в. н.э. в своде примечаний к Книге Хань («*漢書*»). Однако известность получило издание этого труда, выполненное в период империи Мин (год издания – 1594-й), выпущенное с пространными комментариями издателя. Этот текст и стал основой всех последующих переизданий, включая переводные версии.

По своей содержательности, значимости для науки и тщательной проработанности изложенной в нем доктрины «Нэй-цзин» можно рассматривать наравне с работами известнейших античных эскулапов или медиков Древнего Востока. «Нэй-цзин» включает в себя два списка по 81 главе каждый – «Су вэнь» («*素問*») – «Вопросы о простом» и «Лин шу» («*靈樞*») – «Стержень духа». В первом тексте изложена методология выявления недуга и его целительства (включая технику и приемы лечебных упражнений «цигун», способы воздействия на особые области на теле человека, лечение травами, советы по организации жизненного пространства «фэн-шуй» и др.). Второй текст посвящен теории и практике акупунктуры.

В России данное произведение известно в настоящее время в трех основных вариантах перевода, в каждом из которых акценты повествования расставлены в соответствии с видением автора перевода. Речь идет о работах В.Ф. Дернова-Пегарева (1994), Д.Ф. Аланова (2006) и Б.Б. Виноградского (2007–2008). Высказывать суждения о качестве труда переводчиков не имеет смысла, поскольку при интерпретации столь сложного и многоаспектного текста специалист по переводу, безусловно, излагает свое субъективное видение смысла произведения. В данном случае мы сосредоточимся на тех проблемных моментах, которые ожидали и ожидают в будущем тех, кто обратится к тексту данного «Нэй-цзин» с тем, чтобы адаптировать его для русскоязычного читателя. При этом мы будем опираться на ряд научных методов, среди которых метод концептуального анализа (для выяснения семантики слов-концептов «Нэй-цзин»), описательный метод (в целях систематизации терминологии, используемой в тексте), а также метод лингвокультурологического анализа (в части оценки влияния историко-культурного контекста на формирование тезауруса традиционной китайской медицины).

Научно-методический инструментарий в области терминоведения, филологического и литературоведческого анализа иноязычных (в том числе китайских) пись-

менных текстов был почерпнут из содержания работ А.А. Реформатского, В.В. Виноградова, С.Д. Шелова, А.В. Сперанской, В.П. Даниленко и др. отечественных исследователей.

Основная сложность рассматриваемой проблематики состоит в том, что отправной точкой квалифицированного перевода текстов по традиционной китайской медицине (далее – ТКМ-текстов) является осознание факта ее полного сопряжения с традиционным мировоззрением китайского общества, с наличествующим в нем миром символов-концептов, понимания равновесного состояния природы, места в ней человека, стремления всего живого к гармоничному единству, поскольку «адекватный перевод с древнекитайского языка невозможен без знания его истории» [1, с. 142]. Но не менее важно учитывать особенности семиотики иероглифического письма, а также фактор апперцепции (как следствие естественного носительства китайского языка и культуры этой страны авторами первоисточников по ТКМ).

Так, следует учитывать фундаментальность значения для китайской народной медицины ряда стержневых положений:

- учения об «инь» и «ян» («**阴阳**»),
- теории о пяти взаимодействующих элементах (фазах, стихиях) – огонь, земля, металл, вода, дерево – «у-син» («**五行**»), которые характеризуют процессы «взаимостимуляции и взаимоугнетения между внутренними органами, органами чувств, тканями, субстанциями в организме и природе, объясняя этиологию и механизм» [4, с. 419],
- дифференциации органов в человеческом организме на типы («**五脏六腑**»-концепция):
 - а) «цзан»-органы («**脏**»), соотносимые с «инь»-началом, – сердце, перикард, печень, селезенка, легкие, почки – органы-хранители жизненной энергии (духа, «пневмы») «ци» («**气血**»), креативной энергии бытия «цзин» («**精**») и биологических жидкостей,
 - б) «фу»-органы («**腑**»), соотносимые с «ян»-началом – желчный пузырь, желудок, тонкий кишечник, толстый кишечник, мочевой пузырь, Сань-цзяо – пустотелые, предназначенные для накопления и переработки питательных веществ и выделения шлаков,
- сосудистой системы организма, включающей в себя коллатеральные пути и каналы («цзин-ло май» – «**经络**») – 12 парных сочетаний, по которым циркулируют энергетические потоки и питательные вещества и которые увязывают в единый функционал все органы человека, рецепторы и ткани.

Опираясь на совокупность понятий и терминов, со-

ответствующих указанным выше объектам и связям между ними, в учениях традиционной китайской медицины сформулированы подходы к объяснению природы и диагностике заболеваний, а также методам их профилактики, лечения и реабилитации. Трактат содержит, кроме того, главы, посвященные толкованию сновидений, объяснению влияния звезд на жизнь человека, исследованию душевных болезней, технике упорядочения жизненного пространства.

Поэтому основная сложность в вопросах качественного перевода ТКМ-источников касается корректной интерпретации понятий и символов, присутствующих в тексте, что, как указывалось выше, затруднительно сделать, не установив однозначных соответствий этим терминам (по их этимологии) в менталитете и культуре китайского общества. Не случайно до сего дня не существует общепринятого словаря терминов ТКМ с переводом на другие языки – просто это не всегда возможно, поскольку многие из терминов отражают мыслеобразы и концепты, свойственные лишь жителям Поднебесной. И этот факт заставляет переводчика искать максимально емкий по смыслу и близкий по форме вариант донесения информации до потенциального читателя. В самом Китае унификация ТКМ-терминологии стартовала лишь в 2000-х гг., причем, как утверждается, «терминологическая деятельность современного Китая происходит с учетом традиций китайского терминотворчества» [12, с. 351].

Так, концепты «душа» и «дух» в «Нэй-цзин» разделены, но не по природе (и то, и другое относится к области психики человека), а по месту нахождения – соответственно, в легких и печени.

В части описания теории пяти элементов в русской версии перевода их наименования приведены как имена существительные – «элемент», «фаза», «стихия», «субстанция», – однако в китайской доктрине это процессы – их смысл в акте взаимовлияния.

Случается и так, что ТКМ-термины, даже имеющие по своей структуре слова-аналоги в русском языке, могут, являясь похожими по форме и характеру описываемого явления, в то же время не соответствовать по содержанию: болезнь воспаления синовиальной оболочки описана как «вихрь в колене журавля», поскольку по внешнему проявлению (отек, увеличение в размерах сустава) этот недуг имеет много общего с коленом птицы. Очевидно, что прямой дословный перевод на русский язык затруднит восприятие клинического содержания термина для знающего человека. Или, к примеру, «ладья всех цзанфу-органов» – сердце – толкуется в «Нэй-цзин» не как отдельный орган, а как сложный комплекс жизнеобеспечения, к которому, в том числе, относятся управление нервной, умственной, мышечной деятельностью, а также проявления человеческой психики и вся

система кровообращения. Так же и остальные органы по смыслу «Нэй-цзин» включают в себя всю связанную с ними периферийную систему каналов, связей и центры, обеспечивающие нервную регуляцию функционирования всей этой системы. Иными словами, при переводе текста, повествующего о динамике состояния какого-либо органа, нужно донести до читателя главное: орган в ТКМ – это «функции, та работа, которую орган выполняет, его роль в цельном организме, его связи и влияния на другие органы и системы» [2].

Концепция четырех «ци» (气) – жар-тепло, мороз-прохлада – трактовалась древнекитайскими врачами целостно (качественные границы этих понятий-концептов четко не определены), и таких терминов немало в сфере древнекитайской медицины, они «имеют широкое значение и полисемантчны», так «ци» очень часто встречается в книге «Хуанди Нэйцзин...», и некоторые ученые в «Хуанди Нэйцзин» делят «ци» более чем на 270 видов» [11].

Такой широкий, даже абстрактный подход к представлению сведений о физиологии человека и нозологиях заболеваний, разумеется, требует профессиональных контекстных примечаний (без которых в случае с переводом ТКМ-текстов не обойтись переводчику).

ТКМ-термины часто апеллируют к привычным для китайского менталитета метафорам и аллегориям, а также зачастую имеют в своем названии отсылки к обыденной жизни китайского общества, что объяснимо, так как понятие изначально «устанавливается на основе определенного естественного языка, который является воплощением понимания мира языковой группой» [7]: диагноз может быть поименован исходя из способа его лечения (百合病 – «болезнь лилии» – по настойке из этого растения) или вызывающего его обстоятельства (客忤 – «болезнь от гостя» – эмоциональный дискомфорт от присутствия постороннего).

Именно поэтому русскоязычные переводчики стремятся компенсировать недостаток апперцепции читателя в части понимания содержания тех или иных терминов пространственными пояснениями (стратегия экспликации) или адекватной подстановкой понятий по смыслу. Экспликация позволяет заменить недоступное для осмысления однословное понятие многословной конструкцией, поддержанной указанием лексемы на языке оригинала («脏腑» – «цзанфу-органы», «精» – «энергия порождения всего живого»). Подстановка по смыслу представляет собой прием литературного перевода, когда переводчик во главу угла ставит смысл, а не семантику термина (условное название одного из участков потока энергии «ци» переводят как «荣» – «ручеек»)

Еще чаще при переводе ТКМ-терминологии русско-

язычные интерпретаторы используют такие стратегии перевода, как транскрипция и калькирование. В первом случае термин передается сочетанием букв кириллицы, повторяющим произношение его на китайском языке («白环俞» – «Бай-хуан-шу» – название активной точки на теле, «中丹田» – «Чжун дань тянь» – главная область в грудной полости). Во втором случае русский вариант термина строится из буквального перевода компонентов оригинального названия – см. названия каналов (меридианов) «цзин-ло май» в «Нэй-цзин», состоящие из следующих элементов: место, в котором канал начинается + его отношение к «инь-ян» + мера интенсивности его проявления + его орган-владелец + его уникальный идентификатор, «手太阴肺经» будет означать «желудок – светлый – ян – нога» [5].

Не менее эффективным является совмещение обеих приведенных выше стратегий: «卫气» – «охраняющая ци» или «五输穴» – «5 шутук». Такая стратегия позволяет решить вопрос перевода непереводаемых терминов, при интерпретации которых нужно соблюсти условие «сохранения термина с характерной для него соотносительностью с точно определенным понятием и образования нового термина русского языка, который соответствует его нормам и узусам» [6].

Российские теоретики китайского терминоведения рекомендуют обращать внимание на максимальное соответствие переводного термина значению переводимого, его содержательной полноте, однозначности и единству формальной организации, делая акцент на том, что терминоведение в китайском языке «в связи со своими структурными, семантическими, словообразовательными и стилистическими особенностями несравненно различается с общепотребительной лексикой, что приводит к занятию терминологией изолированного, особого места в лексической системе китайского языка» [8] – понятия здесь могут описываться краткой лексемой («精» – «цзин», «阳» – «ян») или развернутой фразой («心开窍于舌» – «ключом к изучению сердца является язык»). И надо стремиться минимизировать ситуации сосуществования в русском языке различных переводов одного и того же термина («经络», к примеру, переводят как «пути», «меридианы», «каналы и коллатеральные сосуды»).

Всё вышесказанное объясняет причины, по которым интерпретация древнекитайских текстов, относящихся к традиционной (народной) медицине, представляет собой весьма сложную переводческую задачу, требующую учета множества экстралингвистических факторов.

Кроме того, следует иметь в виду, что подавляющее большинство классической литературы Поднебесной, раскрывающей народные подходы к врачеванию (целительству), были созданы на заре цивилизации (V в. до н.э. – III в. н.э.) – «Трактат Жёлтого императора о внутреннем» –

VI–V вв. до н.э., «Канон трудностей медицины» (Нань-цзин – «*难经*») – IV–III вв. до н.э., «Трактат Шеньнуна о корнях и травах» (Шеньнун бэнцао-цзин – «*神农本草经*») – I в. до н.э. и пр. Они написаны на архаичной версии крайне образного и емкого с точки зрения подтекста литературного языка «вэньян», долгое время существовавшего независимо от китайского обиходного языка. Однако эти языки всё же взаимодействовали, и более поздние варианты перевода древнекитайских текстов несут в себе последствия этого взаимного влияния, что вносит лингвистическую полифонию в лексический строй в том числе текста «Нэй-цзин» из-за имеющей место интерференции. Если добавить к этому полисемию и богатую образность китайского языка, увязанные с колоссальным пантеоном символов-концептов китайской культуры, которыми изобилуют работы по традиционной китайской медицине, то сложность задачи, стоящей перед переводчиком ТКМ-произведений, становится еще более очевидной. И в данном случае многое будет зависеть от мастерства самого переводчика, его способности учитывать всё многообразие внетекстового ореола интерпретируемой мысли автора, для того чтобы постараться понять текст

«изнутри», и в этом смысле «интерпретация является больше искусством, нежели наукой» [9].

Выходом в такой ситуации может стать использование инструмента развернутых примечаний, которые будут содержать подробное разъяснение тех или иных понятий и положений, которые не имеют прямого соответствия в языке перевода. Что, на наш взгляд, имеет особое значение именно в отношении рассматриваемого произведения, поскольку нередко для того, чтобы обеспечить непротиворечивость «понимания смысла безэквивалентного термина необходимо провести теоретические исследования текста в рамках соответствующей специальности, используя необходимые методы теоретического анализа» [1]. Такой подход позволит донести до читательской аудитории, интересующейся тематикой, связанной с традиционной китайской медициной (и в части ее идейной платформы, и в части ее прикладного значения – терапевтических методик, специфических манипуляций и пр.), весь массив ценнейшей информации, накопленной за тысячелетия эволюции китайской национальной школы здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванденко, В.А. Проблема перевода медицинских терминов с древнекитайского языка // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №7 (133). — URL: <https://research-journal.org/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.13> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Вэйсинь, У. Энциклопедия целебного чая. – Санкт-Петербург: Нева, 2005. – С. 143.
3. Григорьева, А.Г. Трудности перевода терминов китайской медицины / А.Г. Григорьева, Ф.Ф. Шигапова // Terra linguae: сборник научных статей. – Вып. 2. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 140–142.
4. Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / под ред. М.Л. Титаренко. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2009. – Т. 5. – 1087 с.
5. Лувсан, Гаваа. Очерки методов восточной рефлексотерапии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 28–29.
6. Мурдускина, О.В. Проблема перевода терминов в научно-технических текстах на современном этапе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: сб. материалов V Междунар. науч. заоч. конф., под ред. Ю.И. Горбунов. – Тольятти: Изд-во Тольятт. гос. ун-та, 2016. – С. 114–120.
7. Романова, Н.П. Язык науки как результат и источник познания // История отечественного терминоведения (ТОМЗ). — Москва: Московский Лицей, 2003. – С. 218.
8. Рукавишников, О.И. Словообразовательные процессы в медицинской терминологии китайского языка (в аспекте перевода на русский язык) // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1 (86). – С. 451–453.
9. Спирин, В.С. Построение древнекитайских текстов. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2006. – 272 с.
10. Татарин, А.А. Китайская медицина // Труды членов духовной миссии в Пекине. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 1853. – С. 357–441.
11. Хунчжун, Цю. Научное мышление и эпистемология традиционной китайской медицины. – Пекин: Наука (Science Press), 2011. — 73 с. = (邱鸿钟. 中医的科学思维与认识论 [M]. — 北京: 科学出版社, 2011. — 73页).
12. Ялунь, Ци. Понятие «термин» в китайской языковедческой традиции // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1 (86). – С. 349–351.

© Сун Юйшуан (songyushuang3@foxmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОЛРОНИМ 青 (ЦИН) В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

COLORONYM 青 (QING) IN CHINESE LINGUOCULTURE

Sun Wumeng

Summary: The article is devoted to the problem of semasiological specificity of the color denotation 青 (qing), determined by both traditional religious and philosophical teachings of Wu-xing (five elements) and Wu-se (five pure colors) in China and a set of diachronic factors that caused semantic transformations of the coloronym and its symbolization. In this connection the etymological analysis of the character 青 (qing) is presented and its semantic load in Chinese idioms is considered.

Keywords: qing color symbol, character, etymology, linguoculture, meaning.

Сунь Умэн

Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (Москва)
sunwumeng@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме семасиологической специфики цветообозначения 青 (цин), детерминированной как традиционными религиозно-философскими учениями У-син (пять элементов) и У-сэ (пять чистых цветов) Китая, так и совокупностью диахронических факторов, обусловивших смысловые трансформации колоронима и его символизацию. В этой связи представлен этимологический анализ иероглифа 青 (цин), и рассматривается его смысловая нагрузка в китайских идиомах.

Ключевые слова: цветообозначение цин, иероглиф, этимология, лингвокультура, значение.

Распространением китайского традиционного учения У-син (пять элементов), соответствующая ему концепция У-сэ (пять чистых цветов) приобрела официальный статус¹, в связи с чем была сформирована теория 'чистые цвета – смешанные цвета'. В сознании древних людей, выделялись лишь пять чистых цветов – 青 (цин), 赤 (чи), 黄 (хуан), 白 (бай) и 黑 (хэй). С диахронической точки зрения цвета, представляемые иероглифами 黄 (хуан), 白 (бай) и 黑 (хэй), всегда можно узнать как *хуан – жёлтый, бай – белый и хэй – чёрный*. Цвет, представляемый иероглифом 赤 (чи), в древности обозначал красный, причём в современном китайском языке он уже стал означать тёмно-красный цвет². А цвет, представляемый иероглифом 青 (цин), несет разную цветовую и смысловую нагрузку. В различных ситуациях (контекстах) этот иероглиф обозначает разные цвета. Рассмотрим подробнее:

Как всем известно, Исаак Ньютон провёл эксперимент по разложению светового луча призмой. В полученном спектре семь цветов чётко различались по порядку – красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий и фиолетовый, в соответствии с этим, в китайском языке такой порядок цветов был представлен иероглифами 红 (хун), 橙 (чэн), 黄 (хуан), 绿 (люй), 青 (цин), 蓝 (лань), 紫 (цзы). Легко обнаруживается, что с физической точки зрения, цвет цин в китайском языке, как голубой в русском, считается группой оттенков синего со смещением

в сторону зелёного [6]. Ввиду того, что между цветами в спектре нет четких границ, каждый цвет постепенно переходит в соседний, иероглиф 青 (цин) в сознании китайцев в большинстве случаев (в контекстах) представляет собой зелёный или синий цвет. Например, если мы говорим словосочетание 青草 / 'цин трава', то цвет цин понимается как зелёный; а в выражении 青天 / 'цин небо', очевидно, что здесь цин уже обозначает синий.

Важно отметить, цвет цин в китайской лингвокультуре иногда также считается чёрным. Во многих древнекитайских литературных произведениях (особенно в период Тан и Сун) часто встречается выражение 青丝 / 'цин нити', которое понимается как 'чёрные волосы'³. К примеру, Ли Бо (701-762), один из выдающихся поэтов в истории Китая, в своём стихе «Поднося вино» написал: 君不见高堂明镜悲白发, 朝如青丝暮成雪 / 'Неужели вы не видите, как пожилые родители смотрят в зеркало и скорбят о белых волосах, – они в молодости были цин нитями (чёрными волосами), а ныне стали снегом?'

Таким образом, цин в китайской лингвокультуре считается колоронимом, несущим самую богатую цветовую нагрузку среди всех цветообозначений.

1. Этимологический анализ иероглифа 青 (цин)

Иероглиф 青 (цин) относится к группе идеофоно-

1 У каждого из пяти элементов системы есть соответствующий цвет: металл – белый, дерево – зелёный, огонь – красный и земля – жёлтый, вода – чёрный.

2 Иероглиф 红 (хун, красный цвет в современном китайском языке) в древности обозначал розово-красный или персиковый цвет, и рассматривался как один из смешанных цветов.

3 Это выражение считается метафоризацией волос в молодости, его антоним – белые волосы (в старости).

граммы, которая понимается как знак, представляющий собой одновременно идеограмму и фонограмму, то есть оба элемента влияют на значение иероглифа, но при этом один из них ещё и отвечает за фонетическую оболочку [7]. В истории своего развития, иероглиф 青 (цин) претерпел изменения в написании несколько раз, в целом их можно разделить на три вида:

- стиль 金文 (надписи на бронзе, обычно на ритуальных сосудах). Иероглиф 青 (цин) впервые встретился в эпохе Западной Чжоу (примерно 11в. – 771 г. до н.э.). В начале этого периода написание (a1) можно разделить на две части – верхнюю и нижнюю. Верхняя часть является иероглифом 生 (шэн) / 'родиться; рождать; вырастать'⁴ в современном китайском языке, и по образу она похожа на траву, растущую из-под земли; а нижняя часть – современный иероглиф 井 (цзин) / 'колодец; шахта'⁵, данная часть не только передаёт значение, но и указывает на звучание этого иероглифа. Таким образом, иероглиф 青 (цин) первоначально был не прилагательным, обозначающим цвет, а существительным, обозначающим некий минерал, который можно добыть в шахтах и имеет цвет новорождённой травы⁶.

К середине периода Западной Чжоу, начертание иероглифа получило небольшое изменение: нижняя часть 井 перешла в 𠂇 – современный иероглиф 丹 (дань) / 'киноварь; красный'⁷, в результате чего сформировалось написание (a2). Здесь иероглиф 丹 (дань) рассматривается как общее название минералов, добытых в шахтах. Значение написания (a2) осталось таким же, как и раньше;

- стиль 篆书 (получил наибольшее распространение на циньских и ханьских каменных стелах). Иероглифический знак 𠂇 (б) мало чем отличался от предыдущего начертания, но значение изменилось. Как было сказано ранее, в самом начале иероглиф 青 (цин) использовался как название минерала, имеющего цвет травы, и теперь он уже приобретал колористическое значение. Это можно найти доказательство в словаре 说文解字 / 'Шо-вэнь Цзецзы' («Происхождение китайских символов», наиболее значимый словарь в период Хань). Автор так объяснил значение этого иероглифа: «东方色也, 木生火, 从生丹, 丹青之信言象然».

凡青之属皆从青 / '«», цвет востока. Дерево порождает огонь, это то, что обязательно должно было произойти. Поэтому 生 (шэн) / 'родиться; рождать; вырастать' и 丹 (дань) / 'киноварь; красный' указывают на значение этого иероглифа. Во всех иероглифах, связанных с цветом цин, в качестве ключа используется «青» (цин)⁸ [4: 101];

- современная упрощённая форма. В современном китайском языке форма этого иероглифа была окончательно сформирована как 青 (в), нижняя часть изменилась на 月 (юэ) / 'луна'. Но значение иероглифа не имеет никакого отношения к луне, такое написание только является результатом ошибочного переписывания прежних текстов.

Так, можем сделать такой вывод, что иероглиф 青 (цин) в процессе своего развития первоначально имел значение 'минерал, добытый в шахтах, и имеет цвет новорождённой травы', и потом приобрёл колористическое значение 'цвет востока' (см. Рис 1) [5].

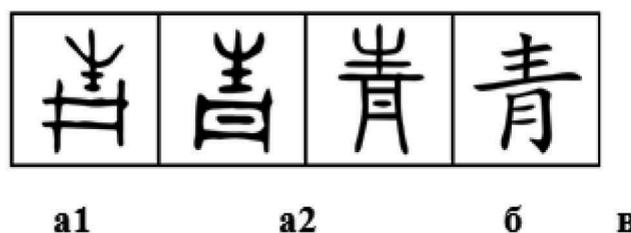

Рис. 1. Трансформации иероглифа 青 (цин) в китайском языке

2. Семантический анализ фразеологизмов с иероглифическим компонентом 青 (цин)

Как было упомянуто ранее, в контексте колороним цин в большинстве случаев обозначает синий или зелёный цвет, то же самое можно сказать и в идиомах при дословном переводе.

В изданиях 成语大词典 / «Большой фразеологический словарь» [2] и 新华成语词典 / «Фразеологический словарь Синьхуа» собраны всего 36 фразеологических единиц⁹, в состав которых входит иероглиф 青 (цин), при этом значение данного знака в идиомах различается:

4 Это не полные словарные дефиниции иероглифа 生 (шэн), в статье выбраны только те значения, соответствующие контексту.
5 Это не полные словарные дефиниции иероглифа 井 (цзин), в статье выбраны только те значения, соответствующие контексту.
6 Согласно данным об использовании минеральных пигментов в древнем Китае, иероглиф 青 (цин) первоначально употреблялся для названия минерала азурумалахита [3: 33].

7 Это не полные словарные дефиниции иероглифа 丹 (дань), в статье выбраны только те значения, соответствующие контексту.
8 Здесь важно отметить, что автор объяснил значение иероглифа 青 (цин) с точки зрения учения У-син, в котором восток и цин являются соответствующим направлением и цветом у элемента дерева.

9 После подсчёта находим, что «Большой фразеологический словарь» содержит все фразеологизмы с иероглифическим компонентом 青 (цин), которые встречаются в «Фразеологическом словаре Синьхуа», поэтому в статье отмечены только ссылки из первого словаря.

Зелёный цвет

1) 白璧青蝇 [2: 26] / 'белый нефрит, зелёная муха'
Коварный человек заманивает в ловушка верного человека.

2) 青钱万选 [2: 847] / 'как зелёная медь, выбранная из десяти тысяч медных денег'
О талантливости в литературе.

3) 青蝇点素 [2: 848] / 'зелёная муха пятнает белый шёлк'
Порочить честное имя; клеветать; обливать грязью [1: 343].

Символ мелких чиновников или простых людей

4) 白发青衫 [2: 27] / 'белые волосы, зелёная одежда'
В преклонном возрасте остаётся мелким чиновником.
5) 司马青衫 [2: 1012] / 'Сыма (должность маленького чиновника) носит зелёную одежду'
О крайней грусти.

Новорождённый; незрелый; молодость

6) 半青半黄 [2: 46] / 'половина зелёная, половина жёлтая'
Цвет незрелого урожая; о чём-н незрелом, неспелом.
7) 青黄不接 [2: 846] / 'зелёное и жёлтое не сходятся'
Новый урожай ещё не созрел, а старый уже съеден – не сводить концы с концами.

8) 青梅竹马 [2: 847] / 'зелёные сливы и бамбуковые лошадки (игрушка)'
О дружбе с детства; о влюблённых, которые дружили с детства.

Цвет прекрасной природы

9) 碧水青山 [2: 74] / 'изумрудная вода, зелёная гора'
Прекрасная природа; красивый пейзаж.
10) 绿水青山 [2: 689] / 'зелёная вода, зелёная гора'
См.: 碧水青山 [2: 74]
11) 青山绿水 [2: 847] / 'зелёная гора, зелёная вода'
См.: 碧水青山 [2: 74]

Причина или сущность вопроса

12) 不分青红皂白 [2: 105] / 'не различать, что зелёный, что красный, что чёрный и что белый'
Не разбираться в существе вопроса; не различать правильное и неправильное; без разбора; огулом.
13) 不问青红皂白 [2: 134] / 'не интересоваться, что зелёный, что красный, что чёрный и что белый'
См.: 不分青红皂白 [2: 105]
14) 青红皂白 [2: 846] / 'зелёный и красный, чёрный и белый'
Правда и неправда; истина и ложь.

Цвет лампы, часто используется для описания одиночества или бедной жизни

15) 黄卷青灯 [2: 491] / 'жёлтый канон и зелёная лампада'
Аскетическая жизнь ортодоксального буддиста или

усердно учиться в глубокой ночи [1: 188-189].

16) 青灯黄卷 [2: 846] / 'зелёная лампада и жёлтый канон'
См.: 黄卷青灯 [2: 491]

**Бамбуковые дощечки для письма
(на них летописцы записывали историю)**

17) 名垂青史 [2: 730] / '(чьё) имя увековечено в зелёных летописях'

Чьи подвиги запечатлены в анналах истории.

18) 青史传名 [2: 847] / '(чьё) имя остаётся в зелёных летописях на многие поколения'
См.: 名垂青史 [2: 730]

19) 青史留名 [2: 847] / '(чьё) имя остаётся в зелёных летописях'
См.: 名垂青史 [2: 730]

20) 青史流芳 [2: 847] / 'аромат остаётся в зелёных летописях'
См.: 名垂青史 [2: 730]

Вечность

21) 万古长青 [2: 1096] / 'вечно зелёный'
Часто используется для описания благородного духа или глубокой дружбы, которые никогда не умирают, исчезают.

Цвет синяка на ране

22) 鼻青脸肿 [2: 65] / 'синий нос и опухшее лицо'
Об избитой физиономии в синяках и кровоподтёках.

**Цвет неба, когда используется в словосочетании
青云 / 'синие облака', он считается
метафоризацией блестящей карьеры**

23) 碧海青天 [2: 74] / 'изумрудное море, синее небо'
Бескрайний простор; небо сливается с морем.
24) 平步青云 [2: 795] / 'лёгкими шагами подняться к синим облакам'

Быстро и легко вырасти в должности или подняться по социальной лестнице; без особых усилий сделать блестящую карьеру.

25) 平地青云 [2: 795] / 'подняться с земли к синим облакам'
См.: 平步青云 [2: 795]

26) 青云直上 [2: 848] / 'прямо подняться к синим облакам'
См.: 平步青云 [2: 795]

27) 直上青云 [2: 1421] / 'прямо подняться к синим облакам'
См.: 平步青云 [2: 795]

28) 青天白日 [2: 848] / 'белое солнце в синем небе'
Днём, среди бела дня.

29) 青天霹雳 [2: 848] / 'гром в синем небе'
Как гром среди ясного неба, полная неожиданность [1: 343].

Цвет огня

30) 炉火纯青 [2: 684] / 'огонь в очаге стал чистым синим'
О верхе совершенствования какого-то умения, знания, нравственности и т.д.

Цвет краски, получаемой из горца красильного

31) 青出于蓝 [2: 846] / 'синяя краска получается из индиго'¹⁰
Превзойти своего учителя или своих предшественников.

Цвет лица демона или безобразного чудища

32) 青脸獠牙 [2: 847] / 'синее лицо, выступающие клыки'
Демон; исчадь ада; безобразное чудище (о внешности человека) [1: 342].

33) 青面獠牙 [2: 847] / 'синяя лицо, выступающие клыки'
См.: 青脸獠牙 [2: 847]

Символ высоких сановников

34) 拖紫垂青 [2: 1087] / с фиолетовыми и синими шнурами печатей"
О высоких сановниках.

Минерал синего, зеленовато-голубого цвета

35) 妙手丹青 [2: 684] / 'великолепная рука в киновари и лазури'

Искусный, блестящий художник; замечательный живописец; великолепное мастерство [1: 286].

Наименование места¹¹

36) 青州从事 [2: 848] сделано цунши (должность чиновника) в Цин чжоу

Метафоризация прекрасного вина [1: 344].

Обнаруживается, что во фразеологических единицах когда иероглиф 青 (цин) при дословном переводе переводится как 'зелёный', он часто используется для описания цвета природы, цвета растения, или является символом мелких чиновников или простых людей; а когда иероглиф дословно переводится как 'синий', то обычно это выражает значения 'цвет раны', 'цвет лица демона', 'цвет неба', 'цвет огня' и т.д., и в то же время является символом высоких сановников, это прямо противоположно тому, что он означает, когда переводится как 'зелёный'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
2. 成语大词典. 北京 / Большой фразеологический словарь. Пекин, 2013. 1474 с.
3. 徐朝华. 析“青”作为颜色词的内涵及其演变. 南开学报 / Сюй Чжаохуа. Анализ иероглифического знака 青 (цин) как колороним и его эволюции // Вестник Нанькайского университета. 1988. № 6. С. 33 – 39.
4. 许慎. 说文解字. 北京 / Сюй Шэнь. Происхождение китайских символов. Пекин, 2013. 332 с.
5. <https://www.zdic.net/hans/青>
6. <https://t.me/dongbudong/403> (дата обращения: 01. 12. 2023)
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Голубой_цвет (дата обращения: 27. 11. 2023)

© Сунь Умэн (sunwumeng@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹⁰ Сюнь-цзы, древнекитайский мыслитель, утвердив, что возможности человеческого познания безграничны, сказал: «синяя краска получается из индиго, но она синее самого индиго».

¹¹ Данное значение иероглифа (Наименование места) не является стабильным, поскольку при сочетании с другими иероглифами значение знака расширяется путем включения различных диалектно-культурных сем.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ

PROBLEMS OF CREATING A TRAINING DICTIONARY OF PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS

Sun Jiabao
Li Zhi
N. Yakimenko
T. Pisarskaya

Summary: The article investigates the study of an educational dictionary as a special type of lexicographic work, studying the principles of dictionary compilation, familiarizing with the peculiarities of teaching a professional foreign language, developing the macrostructure and microstructure of the dictionary. Collection and processing of material for the dictionary, compilation of dictionary articles in order to determine the optimal component content of the dictionary article of the linguocultural dictionary of phraseological euphemisms. The material of the study was 1500 units of everyday and socio-political euphemisms selected from the explanatory dictionaries of the Russian language. According to the results of the study, such issues as the amount of linguistic material, its representation, illustrative contexts and the need for linguocultural commentary should be solved when working on a teaching dictionary of euphemisms. The article proposes solutions to some of the issues in this list.

Keywords: euphemisms, socio-political, daily, academic dictionary, taboo, Linguoculturology, Phraseological euphemisms, expressiveness, evaluativeness.

Сунь Цзябао

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
jiabao1996@mail.ru

Ли Чжи

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
st051221@student.spbu.ru

Якименко Надежда Егоровна

Кандидат педагогических наук, доцент; доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
yak.nadega@mail.ru

Писарская Тамара Радомировна

Кандидат философских наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики под научно-методическим
руководством ООИ РАН
tamara.tamrad@gmail.com

Аннотация: В статье проводится исследование учебного словаря как особого типа лексикографического произведения, изучение принципов составления словарей, знакомство с особенностями преподавания профессионального иностранного языка, разработка макроструктуры и микроструктуры словаря. Сбор и обработка материала для словаря, составление словарных статей с целью определения оптимального компонентного содержания словарной статьи лингвокультурологического словаря фразеологических эвфемизмов. Материалом исследования послужили 1500 единиц обиходно-бытовых и социально-политических эвфемизмов, отобранных из толковых словарей русского языка. Согласно результатам исследования, при работе над учебным словарем эвфемизмов решению подлежат такие вопросы, как объем языкового материала, его репрезентация, иллюстративные контексты и необходимость лингвокультурологического комментирования. В статье предлагаются решения некоторых вопросов из этого перечня.

Ключевые слова: эвфемизмы, социально-политические, обиходно-бытовые, учебный словарь, табу, лингвокультурология, фразеологические эвфемизмы, экспрессивность, оценочность.

Учебный словарь – это “особый тип словаря, он характеризуется как «лексикографическое произведение любого жанра и объёма, специально предназначенное для оказания помощи в изучении языка как средства своих и восприятия чужих информационных состояний» [1, С. 72]. Отличие учебного словаря от не учебного заключается в подходе к лексикографированию: «они создаются специально для целесообразного воздействия на языковое сознание человека» [2, С. 138]. В них сосредоточена необходимая для обучения информация в концентрированном виде”.

Эвфемизмы бывают лексические и фразеологические,

и те, и другие делятся на две группы: социально-политические и обиходно-бытовые. Социально-политические эвфемизмы используются для маскировки подлинной сути происходящего, дезинформации, а также в качестве способов речевого манипулирования. Обиходно-бытовые эвфемизмы берут свое начало от времени табуирования жизненно важных тем для человека, не доверяющего ещё не познанному им, а потому враждебному миру людей или миру природы. [3, С. 73-74]. Лексические эвфемизмы были предметом детального изучения в трудах Б.А. Ларина, Л.П. Крысина, В.Н. Телии, В.П. Москвина, М.Л. Ковшовой, Е.П. Сеничкиной, А.М. Кацева и других ученых. Фразеологические эвфемизмы в отечественном

языкознании детальному изучению и описанию еще не подвергались, хотя идет стремительное накопление знаний и работ в этом направлении. Несмотря на то, что учеными были предложены разнообразные интерпретации термина «эвфемизм», разработанные трактовки объединяют фокус на такие характеристики рассматриваемого понятия, как семантическая нейтральность и применимость с целью замены единиц, рассматривающийся в качестве неподходящих по контексту, неприличных или нетактичных. В практике перевода эвфемизмов часто используются следующие словари: «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сенечкина [СЭРЯ] [4, С. 462], «Словарь эвфемизмов китайского языка» Чжан Гунгуй [5, С. 267]. «Словарь практических эвфемизмов» Ван Яцзюнь [6, С. 426]. Эти словари включают как обиходно-бытовые эвфемизмы, так и социально-политические эвфемизмы.

Представляя собой субституты табуированных слов и вульгарных языковых единиц [7, С. 343], [8, С. 368], эвфемизмы реализуются в речи в необходимых контекстах как заменители обозначений, которые оцениваются адресантом как неподходящие, грубые или неучтивые [9, С. 34], [10, С. 18], [4, С. 9]. Наиболее полным, интегрирующим все основные признаки, представляется определение эвфемизмов, трактующее их, как слова-заменители, которые позволяют «избегать эстетически грубых слов и слов из табуированных тем, камуфлировать негативные реалии действительности, выражать субъективную оценку и влиять на мнение читателя (слушателя)» [11, С. 7].

Изучение особенностей создания учебных словарей эвфемизмов является актуальной темой в лексикографии и практических языковых науках. В современном мире эвфемизмы используются в широком спектре областей, включая политику, медицину, образование, бизнес и т.д. При этом использование эвфемизмов в научных, деловых и учебных контекстах требует особой осторожности и внимания к тонкостям и нюансам их использования. Кроме того, изучение особенностей создания учебных словарей эвфемизмов имеет значение для развития лексикографической теории и практики. Это позволяет лексикографам и лингвистам развивать новые методы и подходы к созданию словарей, а также исследовать специфические особенности языка в контексте эвфемизмов. Таким образом, изучение особенностей создания учебных словарей эвфемизмов является важной задачей в лексикографии и практических языковых науках, которая имеет практическое значение для обучения и коммуникации в современном мире.

В настоящей статье проводится исследование учебного словаря как особого типа лексикографического произведения с целью определения оптимального компонентного содержания словарной статьи лингвокультурологического словаря обиходно-бытовых фразеологических эвфемизмов. Поскольку словарь лекси-

ческих эвфемизмов уже создан [4, С. 2008], наш словарь нацелен на описание связанных словосочетаний по формальному признаку. Процесс отбора материала для учебного словаря может вызвать ряд сложностей в силу отсутствия в научной литературе унифицированных принципов идентификации таких субституттов. Результатом такого рода противоречий становится ситуация, когда «целый пласт лексики вторичных номинаций остаётся нигде не учтенным, ни в теоретическом, ни в практическом плане (т.е. в словарях)» [4, С. 6]. При создании учебного лингвокультурологического словаря авторы должны решить для себя целый ряд задач, важнейшими из которых становятся отбор языкового материала, выбор способа расположения этого материала в словаре (алфавитный или тематический), а также определение характера описания обиходно-бытовых и социально-политических фразеологических эвфемизмов в лингвокультурологическом аспекте. Однако самой трудной при создании учебных словарей является задача отбора лексико-фразеологического материала.

Лингвокультурология – наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [12, С. 9]. Эвфемизм, как особое лингвистическое явление, отражающее аксиологические ценности, национально-культурные особенности и законы языковой и речевой коммуникации привлекают наше внимание. В лингвистике эвфемизмы изучают с конца XIX века, однако только в последнее десятилетие XX века они стали объектом пристального внимания в российских лингвистических кругах. Слово «эвфемизм» произошло от греческого $\epsilon\upsilon \text{ } \phi\eta\mu\sigma\mu \text{ } \zeta$ ($\epsilon\upsilon$ — хорошо и $\phi\eta\mu$ — говорю, т.е. «звучать красиво»). Существуют различия во взглядах между лингвистами в связи с развитием языка, социальными изменениями и национальной культурой. Первоначально эвфемизм был языковым явлением лексического уровня, в котором одно слово использовалось вместо другого. Например, по определению А.А. Реформатского «Для замены табу слов нужны другие слова – эвфемизмы.» [13, С. 544]. Однако, по мере продвижения в изучении эвфемизма, его определение постепенно поднялось с лексического уровня до вопроса как лексических, так и языковых выражений. Д.Н. Шмелев расширил диапазон эвфемизмов: «Эвфемизм — это воздержание от неподобающих слов, смягченное выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [14, С. 879]. М.Л. Ковшова в своей монографии «Семантика и прагматика эвфемизмов» предлагает «инновационный» подход к изучению эвфемизмов с лингвопрагматической точки зрения, она предлагает считать, что эвфемизм - это отдельный речевой акт, как оборот, используемый для смягчения речи [15, С. 35]. О.С. Ахманова и ряд других ученых рассматривают эвфемизм как

«Троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [16, С. 521], однако, В.П. Москвин разграничивает эвфемизмы и тропы, поскольку: 1) эвфемизмы и тропы противопоставлены функционально; 2) в качестве эвфемизма могут употребляться термин, заимствования – семантически одноплановые слова [17, С. 29-30]. В свете вышесказанного, мнение о том, что эвфемизмы являются тропами, остается спорным в лингвистических кругах. Тем не менее, из определений эвфемизмов, данных лингвистами, легко понять, что эвфемизмы имеют две ключевые характеристики: 1) суть эвфемизмов заключается в том, чтобы избежать “негативных” или “неприятных” слов. Это означает, что подавляющее большинство эвфемизмов часто содержат “негативную оценку” в своей семантике, но были выбраны более двусмысленными и тонкими, чтобы подорвать эту “негативность”. 2) Эвфемизм – это “замена” оригинального дискурса, которая служит для того, чтобы сделать его более приемлемым средством “замещения”.

Материалом исследования послужили данные различных словарей русского языка, в первую очередь – «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [4]. При описании лексических эвфемизмов нельзя избежать включения в словарь словосочетаний. Словосочетания из этого словаря стали основой компилируемой картотеки. Материал извлекался из толковых словарей, включая «Современный толковый словарь русского языка» [18], «Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения» [19], «Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка» [20], «Словарь сочетаемости слов русского языка» [21], «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» [22], «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [23], «Толковый словарь русского сленга» [24], «Словарь современного русского города» [25]. Объем материала составил 1500 единиц эвфемизмов. Материал оказался очень разнородным, состоящим, по степени слитности компонентов, по крайней мере, из трёх блоков: фразеологизмы, фразеологические эвфемизмы, свободные словосочетания. Нежелательность какого-либо слова, выражения или запрет порождают эвфемизм. Лингвисты выделяют четыре обязательных признака эвфемизма: 1) обозначение нежелательного денотата; 2) семантическая неопределённость, отражающая функциональный потенциал эвфемистической единицы к нивелированию негативной оценки денотата; 3) улучшение характера денотата; 4) формальный характер улучшения денотата. Благодаря этому признаку, говорящий понимает, о каком предмете или явлении идет речь [4, С. 8-10]. Другими словами, **фразеологические эвфемизмы обозначают нежелательный денотат, отражают функциональный потенциал эвфемистической единицы к нивелированию негативной оценки денотата; создают формальный характер улучше-**

ния денотата и обладают следующими качествами фразеологизмов-частичной целостностью значения, экспрессивностью, устойчивостью в языке и воспроизводимостью в речи. (определение наше – Сунь Цзябао)

Экспрессивность большинством авторов понимается как изобразительность. Средствами экспрессивной выразительности фразеологизмов является образность. Важность образности фразеологизмов заключается в том, что именно этот признак лежит в основе всех остальных их выразительных качеств: эмоциональности, оценочности, экспрессивности. Эмоциональность фразеологии – это способность фразеологизма не только называть предмет, явление, но и выразить определённое чувство говорящего или пишущего. Оценочность фразеологических единиц – качество, производное от их эмоционального значения. С точки зрения оценочности фразеологизмы можно разделить на две группы: фразеологизмы с положительной оценкой и фразеологизмы с отрицательной оценкой. К первой группе относятся фразеологизмы с эмоциональностью одобрительности; почтительного уважения; восхищения. Ко второй группе относятся фразеологизмы с эмоциональностью ироничности; пренебрежительности. «Экспрессивность – это интенсивность проявления действия или признака.» [26, С. 5].

Использование эвфемизмов позволяет смягчить негативную сущность обозначаемого предмета или явления, тем самым смягчив резкость высказывания или обойти запрещенное слово. Наличие табу предшествует образованию эвфемизмов в языке. Считалось, что звучащая речь может иметь негативные последствия для людей, и то, что считалось вредным или угрожающим, запрещалось к произнесению – табуизировалось. (Табу — полинезийское слово, заменялись на так называемые “подставные” слова, которые являлись оберегами личности. Табу защищало от таинственных сил, угрожавших человеку. При разделении словосочетаний на эвфемизмы и не эвфемизмы, хорошие результаты дает опора на аксиологию. Аксиология (от др.-греч. ἀξία «ценность» + λόγος «слово, учение») — теория ценностей, раздел философии. Аксиология изучает вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами. Так в древности запрещалось произносить слово смерть и всех ее производных. Охотники старались не произносить названия животных, на которых предстояло охотиться. Но это разные случаи «смерть» и слово и денотат, были под запретом. Медведь мог услышать и прийти, поэтому его называли хозяин «ведающий мед», а как он назывался изначально, сейчас уже никто и не знает, но денотат сам по себе, то есть само животное под запретом не было и его нельзя отнести к анти-

ценностям. Медведь – главный герой русских народных сказок, песенок – потешек, главное действующее лицо в народных игрищах и театральных постановках. Явление смерти всегда было под запретом и относилось к антиценностям, поэтому все синонимичные средства могут считаться эвфемизмами. Следовательно, все фразеологические синонимы слова и денотата смерть – будут эвфемизмами, на том основании, что это “признак нежелательного денотата” (суть эвфемии в том, что это — не прямое наименование нежелательного денотата). Денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся негативной коннотацией. [4, С. 6]. Эвфемизм прикрывает человеческий страх перед смертью и, чтобы не накликать беды, предоставляет множество синонимических замен.

Эвфемизмы появляются в языке под влиянием двух видов факторов – системы социальных запретов, которая вырабатывается в процессе существования человеческого общества и “признака нежелательного денотата”. И на этом основании к эвфемизмам мы относим все обозначения старости, такие как *закат дней жизни, на закате дней, склоняться к закату дней, возраст осени, золотая осень, золотой возраст, быть в годах, в летах,*

в возрасте, входить(войти) в года, выходить (выйти) из возраста, года выходят (вышли), годы не маленькие, лета не маленькие, люди старшего возраста, дожить до клюки, преклонного возраста. Старость относится к антиценностям, и упоминание о ней может обидеть человека. К антиценностям относят отсутствие ума, глупость человека и такие выражения как *без царя в голове, не все дома, винтиков не хватает, заклепки (клепки, заклепок, клепок) не хватает пустая голова, голова мякиной набита, мякинная башка, каша в голове, опилки в голове, мухи (тараканы) в голове у кого.* Но такие выражения как 1. *до самой смерти, стоять насмерть*, 2. *круглый дурак, петый дурак, дурак дураком, дурак набитый, законченный дурак* в словарь эвфемизмов не попадают, на том простом основании, что они ничего не смягчают и ничего не приукрашивают, даже чисто номинально – это не эвфемизмы.

Таким образом, в статье определяется понятие фразеологический эвфемизм, определяется какие единицы будут отбираться для учебного словаря. После анализа трех тематических групп фразеологических эвфемизмов (возраст, интеллект человека и смерть) для учебного словаря отобрано 120 единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дисс. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада [Текст] / В.В. Морковкин. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1990. – 72 с.
2. Шахматова М.А., Зиновьева Е.И., Абыякая О.В. Учебная лексикография: учебное пособие / под ред. М.А. Шахматовой. – СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2011. – 300 с.
3. Ковшова М.Н. Семантика и прагматика эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 73–74.
4. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 462 с.
5. Чжан Гунгуй. Словарь эвфемизмов китайского языка. – 1996. – 267 с.
6. Ван Яцзюнь. Словарь практических эвфемизмов. – 2005. – 426 с.
7. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 345 с.
8. Буй В. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь народных выражений Текст. / В. Буй. – М.: Альта-принт, 2005. – 368 с.
9. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 34 с.
10. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М.: Ленанд, 2017, 18 с.
11. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии / Н.Е. Петрова., Л.В. Рацибурская. – М., 2011. – 7 с.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001, – 9 с.
13. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1967. – 544 с.
14. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
15. Ковшова М.Н. Семантика и прагматика эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 319 с.
16. Ахманова О.С. Словарь лингвистической системе современного русского языка / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 521 с.
17. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2010, – С. 29–30.
18. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 960 с.
19. Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Г.Я. Солганик. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 749 с.
20. Бирюк О.Л. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка / О.Л. Бирюк, В.Ю. Гусев, Е.Ю. Калинина. – 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 23.12.2023).
21. Денисов П.Н. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 2002.
22. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени / Г.И. Кустова. – М., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 23.12.2023).
23. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб.: НОРИНТ, 2004. – 762 с.
24. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. – М.: Аст-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.

25. Осипов Б.И. Словарь современного русского города / Б. И. Осипов. – М.: «Русские словари», 2003. – 565 с.
26. Гришечко Е.Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: автореф. дис. . . . канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2011.
-

© Сунь Цзябао (jiabao1996@mail.ru), Ли Чжи (st051221@student.spbu.ru),
Якименко Надежда Егоровна (yak.nadega@mail.ru), Писарская Тамара Радомировна (tamara.tamrad@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИКРОПОЛЯ «ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ» В РОССИИ И В ГЕРМАНИИ

Табацкая Александра Михайловна

Аспирант, Государственный гуманитарно-технологический университет (г. Орехово-Зуево)
alexandrazarkowa@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MICROFIELD "ROAD ACCIDENT" IN RUSSIA AND GERMANY

A. Tabatskaya

Summary: This paper considers the semantic field, highlights the definitions of the semantic field from the point of view of different linguists, describes the structure of the semantic field, and also presents some of the linguists involved in this issue. The relevance of this work is considered both for Russian employees of the Ministry of Emergency Situations and for foreign ones, due to the lack of detailed analyzes of different types of incidents. This article is a comparative analysis of the microfield in the type of accident as «Traffic Accident» based on two countries, Russia and Germany. The paper defines a traffic accident. The article discusses all kinds of accidents that exist in Russia, then the classification of a traffic accident that exists in Germany, based on the considered existing laws of the federal lands, is presented. All the nuances are highlighted when dividing into categories and subcategories, additional circumstances for classification are considered, due to different perceptions of situations in different circumstances. At the end of the article, conclusions are drawn on the topic of similarities and differences in the variability of a road accident in Russia and in Germany, similar features and radically different ones are highlighted. The vocabulary of the semantic field «Road accident» has been studied.

Keywords: traffic accident, semantic field, vehicle, rescue, collision.

Аннотация: В данной работе рассмотрено семантическое поле, выделены определения семантического поля с точки зрения разных лингвистов, описана структура семантического поля, а также представлены некоторые из языковедов, занимающихся данной проблематикой. Рассмотрена актуальность данной работы как для российских сотрудников МЧС, так и для зарубежных, в связи с отсутствием подробных анализов разных видов происшествий. Эта статья представляет собой сопоставительный анализ микрополя в таком виде происшествия, как «Дорожно-транспортное происшествие» на основе двух стран, Россия и Германия. В работе дается определение Дорожно-транспортному происшествию. В статье рассмотрены всевозможные виды ДТП, существующие в России, далее представлена классификация Дорожно-транспортного происшествия, существующая в Германии, основанная на рассмотренных существующих законах федеральных земель. Выделены все нюансы при разделении на категории и подкатегории, рассмотрены дополнительные обстоятельства для классификации, в связи с различными восприятиями ситуаций в разных обстоятельствах. В конце статьи сделаны выводы на тему сходства и различий вариативности Дорожно-транспортного происшествия в России и в Германии, выделены сходные черты и кардинально различающиеся. Изучена лексика семантического поля «Дорожно-транспортное происшествие».

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, семантическое поле, транспортное средство, спасение, столкновение.

Семантическое поле изучалось многими языковедами как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Оно многогранно и имеет сложную структуру.

И.А. Стернин определяет поле как совокупность элементов, находящихся между собой в системных отношениях [1].

А.В. Бондарко в структуре семантического поля выделяет центр и периферию, ядро рассматривается как единица языка, и определяет семантическую категорию. Периферия связывает значения с ядром [2].

В современном языкознании лексико-семантическое поле изучается на материале различных языков [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

В данном исследовании остановимся подробно на сравнительном анализе микрополя «Дорожно-тран-

спортное происшествие» в русском и немецком языках, являющееся составной частью лексико-семантического поля «Спасение».

Актуальность данной работы заключается в том, что в современном языкознании отсутствуют работы по изучению лексико-семантического поля Спасение в немецком и русском языках, также на данный момент не существует специального словаря для работников МЧС, который мог бы использоваться как российскими сотрудниками, так и зарубежными.

Цель исследования состоит в изучении такого вида происшествия как «Дорожно-транспортное происшествие» на основе двух различных стран и видов восприятия.

Предметом исследования выступает лексика, составляющая микрополе «Дорожно-транспортное происшествие» в русском и немецком языках.

ДТП (дорожно-транспортное происшествие) – это событие, возникающее в процессе движения транспортных средств (ТС) или с его участием, при котором могут пострадать или погибнуть люди, или ущерб может быть нанесен только транспортным средствам [10].

Группа столкновения состоит из следующих подгрупп:

- лобовое столкновение (фронтальное);
- боковое столкновение;
- касательное столкновение. [11].

Если ТС сталкиваются при встречном движении, то такое столкновение называют лобовым. Боковое - это столкновение ТС с боковой стороной другого транспортного средства. А касательное это столкновение ТС с боковыми сторонами при встречном движении и/или при однонаправленном движении.

Следующий вид ДТП это наезд, под наездом понимают ситуацию, при которой ТС наезжает на препятствие или другой вид транспорта, или на другой иной предмет. Наезды так же подразделяются на несколько подгрупп:

- наезд на стоящее ТС;
- наезд на препятствие, не являющееся участником дорожного движения (столб, дерево, стена и так далее);
- наезд на гужевой транспорт;
- наезд на пешехода;
- наезд на животных.

Наезд на стоящее транспортное средство – ДТП, при котором одно ТС сталкивается с стоящим ТС, прицепом или же полуприцепом.

Наезд на препятствие, не являющееся участником дорожного движения – вид подвид ДТП, когда ТС наезжает на любой предмет, например, на столб, дерево, стену, открытый колец и так далее.

Наезд на гужевой транспорт- ТС наезжает на упряжку животных, повозки, или же в ситуации, когда повозки или упряжки животных ударяется в движущее ТС.

Наезд на пешехода –ТС наезжает на стоящего или движущегося пешехода. При таком подвиде ДТП опасность заключается в возможности зажатия пешехода под частями автомобиля, в такой ситуации пешеход не в силах самостоятельно выбраться из-под технического средства, в таком случае, в первую очередь, требуется помощь аварийно-спасательных служб для извлечения пешехода.

Наезд на животных- ТС сбивает стоящее или движущееся домашнее или же дикое животное, а также птиц, или же в ситуации, когда само животное ударяется в техническое средство.

При опрокидывании одно или несколько транспортных средств переворачивается вокруг своей оси вследствие наезда на что-либо или же при ударе с другим автомобилем.

И последняя группа ДТП - это прочие виды ДТП. Это такие виды дорожно-транспортных происшествий, при которых происшествие осложнено опасными факторами и, как правило, требуют привлечения дополнительных средств. Они разделяются следующим образом:

- падение перевозимого груза;
- ДТП с участием общественного транспорта (троллейбуса, трамвая);
- ДТП с падением технического средства в воду;
- ДТП с возникновением пожара;
- ДТП с техническим средством, перевозимым опасные грузы;
- попадание ТС под завал;
- ДТП на участке железной дороги;
- ДТП в туннеле или на путепроводе [12].

В Германии классификации по типам дорожно-транспортных происшествий кардинально отличается от классификации в России. В законах о дорожном движении Германии можно найти следующее распределение дорожно-транспортных происшествий:

1. Fahrurfall (одиночное ДТП) – ДТП, произошедшее по вине водителя, возникающее из-за превышения скорости (*wegen nichtangepasster Geschwindigkeit*), неверной оценки дорожной ситуации (*falscher Einschätzung Straßenverlaufs*). ДТП происходит без участия других транспортных средств, но может также привести к столкновению с другими участниками дорожного движения. Сюда же можно отнести ДТП с опрокидыванием ТС (*Überschlagunfälle*). Опрокидывание (*Überschlag*)- любое вращение транспортного средства вокруг продольной или поперечной оси с достижением угла поворота 90 градусов и более. Все опрокидывания можно разделить на несколько видов:
 - опрокидывание с столкновением (*Rollover mit Zusammenstoß*)
 - аварийный переворот (*Rampen-Rollover*), наезд автомобиля на пандус, ограждение или стену может вызвать такого вида переворот;
 - опрокидывание из-за помех на дороге (*Verhakter Rollover*)- происходит из-за попадания колеса в люк, яму и т.д. [13].
2. Abbiege-Unfall (ДТП на повороте) – авария, вызванная конфликтной ситуацией между 2-мя и более транспортными средствами, а также ТС и пешеходом, двигающимися в одном направлении или противоположном.
3. Einbiegen/Kreuzen-Unfall (ДТП на повороте/пере-

сечении дорог)-несоблюдение правила проезда на повороте, на развязках (Einmündung von Straßen), на железнодорожных путях (Bahnübergängen).

4. Überschreiten-Unfall (авария на перекрестке). Для данного вида ДТП характерно участие транспортного средства и пешехода (Fußgänger), вне зависимости от того, пешеход был просто на проезжей части или переходил дорогу в специально оборудованном для перехода месте. ДТП с участием пешехода считается любой физический контакт пешехода с неподвижными (unbewegten) или движущимися препятствиями (bewegten Hindernissen) [14].
5. Unfall durch ruhenden Verkehr (ДТП с припаркованным автомобилем). Данный тип аварии классифицируется, когда одно ТС сталкивается с припаркованным (parkenden Fahrzeug) автомобилем, с остановившемся ТС (haltenden Fahrzeug) или при маневрах задним ходом (Fahrmanöver).
6. Unfall im Längsverkehr (ДТП с другим ТС, движущимся по проезжей части в том же или противоположном направлении). Данное ДТП можно классифицировать при условии, когда ситуация не подходит под любой другой тип аварии.
7. Sonstiger Unfall (Прочие виды ДТП)- любые по-

вреждения ТС (Fahrzeugschaden), например прокол шин (Reifenschäden, отказ тормозов (Bremsversagen), наезды на препятствия и на животных (Hindernis auf dem Fahrbahn, Tier auf dem Fahrbahn) [14].

Рассмотрев виды ДТП в Германии и в России можно сделать следующий вывод, несмотря на одинаковый вид происшествия, классификация ДТП очень различается в разных странах. В Германии, в отличие от России более обширный список условий, при которых то или иное происшествие на дороге попадает под определенный класс ДТП. Например, в России нет такого понятия как ДТП на перекрестке, а в Германии это является отдельным подвидом ДТП. Интересный факт, что для Германии наезд на пешехода может подразделяться на 2 вида, когда пешеход передвигается по проезжей части не по правилам движения и когда пешеход передвигается по предназначенной для пешеходов части дороги. Одно из различий, что в Германии нет такого подвида ДТП, где бы участвовал общественный транспорт или же опасный груз. Еще одно различие заключается в том, что в Германии есть вид ДТП, происходящий по вине водителя (неверная обстановка ситуации, уставший водитель и т.д.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. – 136 с.
3. Кузнецова О.А. Лексико-семантическое поле «гордость»: мотивационно-генетический аспект. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.dissercat.com/content/leksiko-semanticheskoe-pole-gordost-motivatsionno-geneticheskii-aspekt> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Обвинцева Н.В. Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.dissercat.com/content/leksiko-semanticheskoe-pole-otnosheniya-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh> (дата обращения: 10.12.2022).
5. Полякова Г.М. Анализ лексико-семантического поля «Одежда» в русском, английском и немецком языках в аспекте сопоставительной лингвокультурологии. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.dissercat.com/content/analiz-leksiko-semanticheskogo-polya-odezhda-v-russkom-angliiskom-i-nemetskom-yazykakh-v-asp> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Самородин, Г.В. Вербализация чрезвычайной ситуации, вызванной коронавирусной инфекцией, в дискурсе СМИ Германии / Г.В. Самородин // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 1(41). – С. 116-122. – DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.12. – EDN FUHXPF.
7. Самородин, Г.В. Вербализация чрезвычайных ситуаций в СМИ Германии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Самородин Георгий Владиславович; [Место защиты: ГАОУ ВО ГМ «Московский городской педагогический университет»]. – М., 2022. – 207 с.
8. Цзянь Нань. Лексико-семантическое поле «город» в современном русском языке. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.dissercat.com/content/leksiko-semanticheskoe-pole-gorod-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 10.12.2022).
9. Шатилова, Л.М. Понятие лексико-семантического поля в современной лингвистике / Л.М. Шатилова // Россия и Франция: взаимодействие языков и культур: Материалы Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2018 года / Отв. ред. Л.М. Шатилова, О.А. Касаткина, Ковалевская И.И. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2019. – С. 100-104. – EDN IEDDYJ.
10. Википедия, дорожно-транспортное происшествие [Электронный ресурс]. -URL.:https://ru.wikipedia.org/wiki/Дорожно-транспортное_происшествие (дата обращения: 10.12.2022).
11. Чуприян А.П. Руководство по ведению аварийно-спасательных работ при ликвидации дорожно-транспортных происшествий с комплектом «типовых технологических карт разборки транспортных средств, деблокирования и извлечения пострадавших при ликвидации последствий ДТП». [Электронный ресурс]. – URL.: «Руководство по ведению аварийно-спасательных работ при ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий с комплектом «Типовых технологических карт разборки транспортных средств, деблокирования и извлечения пострадавших при ликвидации последствий ДТП» (утв. МЧС России) (legalacts.ru) (дата обращения: 10.12.2022).
12. Одинцов Л.Г., Недбайло К.А., Легошин В.Д. Виды дорожно-транспортных происшествий // Технологии гражданской безопасности. 2009. – Том 6. – № 1–2 (19-20). [Электронный ресурс]. – URL.: Виды дорожно-транспортных происшествий (cyberleninka.ru) (дата обращения: 10.12.2022).

13. Burg Heinz, Moser Andreas. Handbuch Verkehrsunfall-rekonstruktion. 2. Auflage, Wiesbaden: Vieweg+Teubner Verlag / GWV Fachverlage GmbH, 2009. 1032 S.
 14. Unfalltypen-Katalog Leitfaden zur Bestimmung des Unfalltyps. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.udv.de/resource/blob/80022/89b4d80028aacf8cab649d3a3c6157a0/unfalltypenkatalog-data.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).
-

© Табацкая Александра Михайловна (alexandrazarkowa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АРХЕТИПИЧНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ЭОНИМИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ – ПОЛИТИЧЕСКИХ АФОРИЗМОВ

Туманова Екатерина Олеговна

Кандидат филологических наук, доцент, Московский
городской университет управления Правительства
Москвы имени Ю.М. Лужкова
TumanovaEO1@edu.mos.ru

ARCHETYPAL METAPHOR AS THE BASIS OF EONYMIC EXPRESSIONS – POLITICAL APHORISMS

E. Tumanova

Summary: The research is devoted to the study of archetypal metaphors in contemporary political discourse on the example of political aphorisms. The study of metaphors in texts of ideological and political discourse is a necessary component to identify the hidden attitudes of communicators and determine the power of discourse impact on the perception of the information message. Based on the assumption that the knowledge of power representatives' metaphorical repertoire helps to identify subconscious mechanisms of their activity and their real attitude towards the situation, in the given work stable phrase unities - language aphorisms, that became winged expressions in German language and belonging to prominent political figures of Germany in the late XIX - early XX century, were subjected to linguistic analysis. The studied political maxims include both programme slogans and maxims of politicians on the social and political state of society and its development. Some researchers do not consider it possible to deploy metaphor in a small political genre. The aim of the article is to refute the existing theory and justify the possibility of deploying metaphorical imagery on the example of German-speaking political aphorism as a small genre. The analysis identifies a group of political aphorisms, the brevity of form and depth of content of which are built on account of metaphorical images used in their structure, in particular the skillful treatment of archetypal metaphors by the authors of the statements. This type includes metaphors based on universal archetypes, such as the images of the natural cycle, navigation and navigation, heat and cold. The author provides five examples of political aphorisms based on archetypal metaphors, describes their linguistic features, conducts historical and etymological analysis of their content, reveals the metaphorical image in their basis and notes the significance for modern political communication. The result of the study is the substantiation of the theory put forward about the possibility of deploying metaphor in a small political genre, which could form the basis for further scientific research.

Keywords: political discourse, political communication, political aphorism, linguistic aphorism, quote, German language, metaphor, archetype, archetypal metaphor.

Аннотация: Исследование посвящено изучению архетипичных метафор в современном политическом дискурсе на примере политических афоризмов. Исследование метафор в текстах идеологического и политического дискурса является необходимой составляющей для выявления скрытых установок коммуникантов и определения силы воздействия дискурса на восприятие информационного сообщения. Опираясь на утверждение о том, что познание метафорического репертуара представителей власти способствует определению подсознательных механизмов их деятельности и их подлинного отношения к ситуации, в данной работе лингвистическому анализу были подвергнуты устойчивые фразовые единства – языковые афоризмы, ставшие крылатыми выражениями в немецком языке, и принадлежащие видным политическим деятелям Германии конца XIX – начала XX века. Исследуемые политические афоризмы включают в себя как программные лозунги, так и сентенции политиков о социальном и политическом состоянии общества и его развитии. Некоторые исследователи не считают возможным развертывание метафоры в малом политическом жанре. Целью статьи является опровержение существующей теории и обоснование возможности развернуть метафорический образ на примере немецкоязычного политического афоризма как малого жанра. В ходе анализа выделена группа политических афоризмов, лаконичность формы и глубина содержания которых построены за счет использованных в их структуре метафорических образов, в частности умелого обращения авторов высказываний с архетипичными метафорами. К данному типу принадлежат метафоры, опирающиеся на универсальные архетипы, такие, как образы природного цикла, мореплавания и навигации, жары и холода. Автор приводит пять примеров политических афоризмов, построенных на архетипичных метафорах, описывает их лингвистические особенности, проводит историко-этимологический анализ их содержания, раскрывает метафорический образ в их основе и отмечает значимость для современной политической коммуникации. Результатом исследования становится обоснование выдвинутой теории о возможности развернуть метафору в малом политическом жанре, что может стать основой для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, политический афоризм, языковой афоризм, цитата, немецкий язык, метафора, архетип, архетипичная метафора.

Введение

Политический дискурс выступает обязательной частью нашего языкового существования, вызывая интерес, как с научной точки зрения, так и в повседневном общении. Язык и политика находятся в

непосредственной взаимосвязи друг с другом, язык охватывает все сферы нашей жизнедеятельности, а реализация политики и сам политический режим невозможны без коммуникации.

Зачастую политики максимально обобщают свои мыс-

ли, ориентируюсь на суггестивное воздействие и обращение только к избранному кругу реципиентов. Ввиду выше названного языку политики свойственны смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, дистанцированность и театральность [1, с. 20].

Политическая коммуникация представляет собой передачу любых сообщений с целью оказать влияние на распределение и использование власти в социуме, особенно если источником сообщений выступает представитель официальных политических организаций или институтов. Разговоры о политике также принадлежат к политическому дискурсу, обсуждение политических событий и происходящих действий на политической арене в быту, публицистике, художественной литературе оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения и общественного политического сознания. В свою очередь на первый взгляд бытовые разговоры о политике могут изменить ход политического процесса и оказать решающее влияние в борьбе за власть. Именно поэтому, упоминая в нашем исследовании политическую афористику как одну из составляющих политического дискурса, мы вслед за Е.И. Шейгал трактуем политический дискурс в широком понимании слова [2]. Вопрос о дефиниции политического дискурса и его корреляции со смежными терминами по-прежнему остается дискуссионным в современной лингвистике [3, с. 386], что обосновывает актуальность настоящего исследования.

Под политической афоризмами понимаются языковые афоризмы, т.е. широко употребляемые в речи афористические высказывания, связанные с политической коммуникацией или относящиеся к рефлексии значимых политических событий в жизни конкретного народа. К ним относятся в первую очередь цитаты известных политических деятелей и так называемые крылатые выражения (слоганы, речевки, лозунги, девизы и проч.), представляющие собой прецедентные единицы языковой системы.

Критический анализ политического дискурса позволяет определить способы реализации социальной властью своего господства в обществе. Лингвисты стараются выявить пути коммуникативного влияния на воспроизведение социального неравенства и проанализировать существующий опыт языкового сопротивления.

Политическую афористику следует рассматривать как «знаковый феномен». В политическом дискурсе она представляет собой некую подсистему знаков, содержание которых образуется многочисленными суждениями о политике. Воспроизводимость политической афористики свидетельствует о ее прецедентности [2, с. 203].

Политические афоризмы, которые представляют со-

бой общеупотребительные изречения, известные большинству носителей языка и значимые для культуры и истории данной лингвокультурной общности, относятся к числу прецедентных афоризмов.

В проведенных нами ранее исследованиях особых слов, ставших символами эпохи, мы представили новый лингвистический термин «эонимы». Данный термин был образован нами от древнегреческих слов αἶών – эпоха, век, жизненный путь человека и ὄνομα – имя, название. В качестве эонимов могут означаться лексические единицы, в которых отражаются значимые моменты и события в политическом, социальном или экономическом национальном дискурсе. Эонимы «хранят в себе историю», отражают текущий момент или значимое (историческое, политическое, социальное, культурное и т.п.) событие.

Значимые события, характеризующие определенный период времени, могут быть запечатлены не только в лексических единицах (словах и словосочетаниях), но и в целых синтаксических единицах (предложениях). Синтаксические единицы, являющиеся особыми прецедентными фразовыми единствами, служащими для воссоздания «образа эпохи», мы предлагаем именовать «эонимическими выражениями». К таким особым выражениям принадлежат прецедентные афоризмы, т.е. те единицы, которые выполняют в различных дискурсах функцию прецедентных текстов.

Методология

Следует четко различать между оперативным и идентичным смыслом слов. Слово можно рассматривать под различными призмами: с точки зрения его этимологии, перехода значения, его прагматического воздействия и т.д. Исследуя язык политики, мы придерживаемся вслед за Г. Клаусом (прагматико-)бехивиористского подхода, который позволяет изучить лексику не с позиции взаимосвязи между словами и между словами и обозначаемыми ими явлениями, а между словами и людьми, которые те самые слова создают, используют и изменяют [4, с. 122]. Перед исследователями стоят вопросы о том, какие взаимосвязи возникают или усиливаются посредством использования изучаемых слов, какие из существующих связей меняют свое направление воздействия, а какие с их помощью блокируются. Кроме того, восприятие одного и того же слова зависит от политической картины мира реципиента [1, с. 92], что также необходимо учитывать в ходе анализа.

Яркость и неожиданность способов передачи сообщений и выражения мыслей, уместная языковая игра и достижение эффекта комического, индивидуальность стиля зачастую выступают на первый план в сопоставлении с ясностью и политической корректностью текстового послания [1, с. 106].

Опираясь на утверждение о том, что познание метафорического репертуара представителей власти способствует определению подсознательных механизмов их деятельности и их подлинного отношения к ситуации [5, с. 5], в нашей работе лингвистическому анализу были подвергнуты устойчивые фразовые единства, ставшие крылатыми выражениями в немецком языке, и принадлежащие видным политическим деятелям Германии XX века: В. Брандта, К. Аденауэра, Г. Радбруха, Ф.-Й. Штрауса и др. Исследуемые политические афоризмы включают в себя как программные лозунги, так и сентенции политиков о социальном и политическом состоянии общества и его развитии.

Зачастую анализу подвергались индексальные, или памятные фразы, содержащие отсылку к известному политическому сообщению (тексту) и вызывающие ассоциации с идеологией конкретного политика. Отобранные крылатые выражения за счет присутствия в них языковых «меток» и апелляций к известным политическим деятелям или историческим событиям следует воспринимать в качестве специфической разновидности сверхтекста [2, с. 217].

Благодаря своей наглядности и иллюстративному потенциалу метафоры способны являться в ряде случаев языковыми средствами создания экспрессии, тем самым они часто служат для оценки или реализуют функцию убеждения реципиента текстового послания [6, с. 18].

Исследование метафор в текстах идеологического и политического дискурса является необходимой составляющей для выявления скрытых установок коммуникантов и определения силы воздействия дискурса на восприятие информационного сообщения.

Метафору сравнивают с зеркалом национального сознания, сущности политической жизни и взаимосвязи различных сфер нашего бытия, за пределами которого остались чьи-либо симпатии и антипатии. В процессе политической коммуникации, как подчеркивалось ранее, ключевой задачей становится преобразование языковой картины политического мира реципиента, таким образом, не следует относиться к метафоре как способу уклонения от намеченного пути к мировому познанию или приему украшения речи. По мнению А.П. Чудинова, «метафора – это естественный путь творческого мышления» [1, с. 122]. При помощи непосредственных номинаций метафора позволяет говорящему передать информацию, которую он по неким причинам не считает необходимым сообщать открыто и прямо адресату. Метафора способна привести к гармонии сказанное и несказанное, балансируя между определенным и неопределенным. Ее сила, которую А.Н. Баранов величает «голубая кровь», кроется в создании эффекта равновесия между известной условностью и особой значимо-

стью метафорической концептуализации мира [1, с. 126].

Обращение к метафоре в своей речи представляется осознанным отклонением от языкового стандарта и позволяет привлечь внимание реципиентов, обращает их к размышлениям, анализу многоплановости высказывания, что, в конечном счете, ведет к более глубокому пониманию смысла и ощущению образа [там же, с. 106].

В лингвистике выделяются два способа воздействия на коллективное, или массовое, сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Метафора занимает первое место в реализации обоих способов в политическом дискурсе [5, с. 66]. По мнению Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, однако, в пределах малых политических жанров, к которым принадлежат политические афоризмы (слоганы, лозунги, речевки на митингах, настенные надписи), недостаточно пространства для развертывания метафоры по сравнению с политическими текстами среднего и крупного объема, где встречаются всевозможные метафорические модели [5, с. 109].

Мы позволим себе отчасти не согласиться с представленным утверждением и представим примеры развертывания метафоры в жанре политического дискурса малого объема – политических афоризмах.

Анализируя признаки, функциональные особенности афоризмов как типа и жанра текста, И.Г. Ольшанский и О.В. Мелькова отмечают определенную связь между афоризмами и эссе. Основное их различие заключается в объеме, а сходство кроется в критической направленности и политической заостренности обоих жанров, таким образом, афоризм выступает кратким резюме текста (или эссе), а «эссе – это развернутый афоризм» [7, с. 75]. Именно на наличие обоснованной ранее возможности развертывания самого политического афоризма, а тем самым и содержащейся в его структуре метафоры мы строим настоящее исследование, что подчеркивает его теоретическую и практическую значимость.

Исследование и результаты

Уникальный облик центрального ядра любой культуры задается системой ценностей, неизменной на протяжении всего периода ее существования. В последующем культурные ценности оказывают непосредственное влияние на характер всего общества в целом и каждого его члена в отдельности [8, с. 116].

В ходе проведенного нами анализа выделена группа политических афоризмов, лаконичность формы и глубина содержания которых обеспечены за счет использованных в их структуре метафорических образов, в частности умелого обращения авторов высказываний с архетипичными метафорами. Под последними в работе

понимаются метафоры, опирающиеся на универсальные архетипы, такие, как образы природного цикла, мореплавания и навигации, жары и холода.

Рассматривая архетип как первоосновной мета-концепт в рамках когнитивного подхода, ученые перечисляют следующие их свойства и особенности: атемпоральность, универсальность, интернационализм, пластичность, они употребляются авторами как сознательно, так и бессознательно [9, с. 482].

Определенные хронологические периоды характеризуются конкретными предпочтениями к одному из метафорических типов, поэтому особую значимость, по мнению Б. Совински приобретают научные работы, описывающие обращение к метафоре, в том числе в различные временные периоды, а также авторами различных эпох [10, с. 252].

По мнению М. Осборна, основателя теории о неизменных архетипичных метафорах, данные метафоры всегда присутствуют в политическом дискурсе и создают основу для политического воздействия и убеждения адресата [11]. Универсальные архетипы лежат в основе человеческого взаимопонимания. В работе В.И. Карасика называются уникальные свойства архетипичных концептов, а именно их способность проникать в сознание участников социума, отключая их критическое осмысление и способствуя активному распространению [12, с. 43].

М. Осборн посвятил свои научные изыскания выявлению особенностей функционирования архетипичных метафор в политическом дискурсе и назвал шесть базовых постулатов:

Во-первых, авторы чаще обращаются к архетипичным метафорам по сравнению со свежими метафорами.

Во-вторых, данные метафоры характеризуются универсальностью и ни подвластны ни влиянию времени, ни зависят от культурных особенностей.

В-третьих, архетипичные метафоры зафиксированы в накопленном человечеством опыте.

В-четвертых, анализируемые метафоры отвечают базовым человеческим нуждам и потребностям.

В-пятых, архетипичные метафоры воздействуют на большинство реципиентов.

В-шестых, в ключевых и значимых исторических политических обращениях чаще всего встречаются именно архетипичные метафоры [11, с. 116]. В своей более поздней работе М. Осборн признал, что универсальные архетипичные метафоры используются реже в связи с развитием культуры, техники и науки [13].

Политические афоризмы, построенные на архетипичных метафорах, становятся прецедентными текстами, «становясь сверхтекстами и подвергаясь дальнейшим трансформациям» [14, с. 293].

Пример 1. Одним из ярких примеров политического афоризма, построенного на архетипичной метафоре, является цитата социал-демократического политика, четвертого федерального канцлера ФРГ в период с 1969 по 1974 гг. Вилли Брандта: **«Jetzt wächst zusammen, was zusammengehört»** (рус. Сейчас срастается то, что принадлежит друг другу) в его интервью после падения Берлинской стены. Благодаря своей лаконичности и отношению к важнейшему историческому событию в истории немецкого общества, данный афоризм стал главным политическим лозунгом Вилли Брандта.

Политические лозунги являются особым жанром политической афористики в частности и политического дискурса в целом, при этом они занимают центральное место в политической коммуникации, выступая важнейшим инструментом политической борьбы [15, с. 179]. Лозунги лишены объективности и представляют собой оценочные высказывания, так как используются с целью изменить мнение реципиента в свою пользу. Использование лозунговых формулировок позволяет успешно и в кратчайшие сроки формировать новые и поддерживать имеющиеся идеологические установки. Восприятие политических лозунгов как эффективного оружия в борьбе за власть объясняется с точки зрения лингвистики их максимальной краткостью и ясностью формулировки, оказывающих особое эмоциональное воздействие и целенаправленное влияние на политическую картину мира адресата послания. Лингвостилистические средства позволяют усиливать эмотивную и персуазивную функции политических лозунгов, для чего в немецком языке представлена достаточно широкая палитра языковых средств. Однако метафора чаще прочих стилистических фигур присутствует в формулировках политических лозунгов, позволяя наглядно передавать связанные идеологические представления в предельно сжатой языковой форме [7, с. 180].

Вилли Брандт всегда рассматривал Германию как единое целое, стремясь достигнуть взаимного признания ФРГ и ГДР в рамках общей политики по улучшению отношений между восточноевропейскими странами и ФРГ. Отчасти за укрепление взаимодействия стран Европы, находясь на посту федерального канцлера ФРГ, ему была присуждена Нобелевская премия мира в 1971 году. Обоснованием награды выступило признание конкретных инициатив по ослаблению напряженных отношений между Востоком и Западом. Именно поэтому вполне гармонично воспринимается его высказывание в выступлении от 1 мая 1959 года о том, что воссоединение Берлина, как столицы Германии, возможно в обозримом будущем: **«Der Tag wird kommen, an dem das Brandenburger Tor nicht mehr an der Grenze liegt»** (рус. Наступит день, когда Бранденбургские ворота больше не будут находиться на границе) [16]. Стоит обратить внимание на реализацию концепта «Берлинская стена» в приведенном

высказывании. Для западных немцев она всегда была die Mauer (рус. защитная городская/крепостная стена). В официальной речи представителей Восточной Германии сооружение именовалось «antifaschistischer Schutzwall» (рус. антифашистский оборонительный вал), а в повседневном общении речь шла о «die Grenze» (рус. граница) [17, с. 302].

Спустя практически год Вальтер Ульбрихт, Первый секретарь Центрального комитета Социалистической единой партии Германии, выступил 15 июня 1961 года на международной пресс-конференции в Восточном Берлине с высказыванием: «Niemand hat die Absicht, eine Mauer zu errichten» (рус. Ни у кого нет намерения соорудить стену) [18]. Данная цитата вошла в историю и подверглась многочисленным трансформациям и насмешкам, в виду того, что всего несколько месяцев спустя была воздвигнута Берлинская Стена. Политический афоризм стал квазиафоризмом, так как лег в основу множества мемов – крылатых фраз, спонтанно приобретших популярность в Интернете, в средствах массовой информации и бытовой лексике и сопровождаемых наглядным изображением [19, с. 147].

На одном из мемов представлено слева изображение Вальтера Ульбрихта с его знаменитой фразой, а справа – бывшего канцлера ФРГ Ангелы Меркель и подпись: «Niemand hat die Absicht, Deutschland zu islamisieren» (рус. Ни у кого нет намерения исламизировать Германию).

Интерес вызывает в аспекте политического дискурса изображение Ангелы Меркель на агитационной листовке Социал-демократической партии Германии и подпись:

«Niemand hat die Absicht,
Atomkraftwerke abzuschalten; (зачеркнуто)
die Wehrpflicht abzuschaffen; (зачеркнуто)
Griechenland umzuschulden.

Noch zwei Jahre Glaubwürdigkeitsverlust gefährden Deutschlands Zukunft. Verlässliche Ideen für morgen finden Sie hier: www.spdfraktion.de/zukunft. (рус. Ни у кого нет намерения, отказаться от атомных электростанций, отменить военную обязанность, рефинансировать задолженность Греции. Еще два года потери доверия угрожают будущему Германии. Надежные идеи для завтрашнего дня вы можете найти здесь ...).

Опираясь на типологию афористики по характеру референций Е.И. Шейгал [2], мы можем отнести данный афоризм к группе высказываний с частотной референцией, так как оно ассоциируется с конкретным историческим событием, точнее эпохой в жизни немецкого общества. Расширение референций не представляется возможным.

Примечательно, что именно цитатой В. Брандта от-

крыл свою речь действующий на тот момент министр иностранных дел Германии, Хайко Маас, по случаю празднования 30-летия падения Берлинской стены от 3 октября 2020 г. [20]. В известном афоризме две части города, даже скорее две Германии, представляются нам живым организмом, или даже органом, способным к регенерации. Важное свойство Германии как организма – ее единство, выражение потребности в воссоединении первоначальной целостности. Таким образом, мы можем развернуть антропоморфную метафору до одной из древнейших метафорических моделей «Государство – это организм», которая встречается в текстах Священного Писания и позднее используется популярными мыслителями своего времени, среди которых Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс [5, с. 99].

Падение Берлинской стены выступает некой хирургической операцией, сторонним вмешательством по восстановлению целостности структуры и ее естественному функционированию. Кроме того, следует обратить внимание на краткость выражения, которое воспринимается реципиентами как сентенция, некий постулат, не подлежащий обсуждению. Особый интерес, на наш взгляд вызывает тот факт, что Хайко Йозеф Маас является членом Социал-демократической партии Германии, как и автор цитируемого им афоризма Вилли Брандт, что свидетельствует о стремлении Х. Маас укрепиться в своем политическом влиянии и продемонстрировать приверженность политическим традициям, в том числе и своей партии.

Цитирование в приведенном примере из выступления Хайко Йозефа Мааса возможно рассматривать как один из приемов интертекстуального использования афористики как средства аргументации в политической полемике. Апелляция к авторитету путем цитирования ставит своей целью подтверждение собственных мыслей, идей, убеждений [2, с. 221].

Пример 2. Вторым примером обращения к архетипичной метафоре в политической афористике служит высказывание Густава Радбруха, министра юстиции Веймарской республики в 1921-1922 и 1923 годах, автора знаменитой формулы: «**Demokratie ist gewiss ein preisenswertes Gut, Rechtsstaat ist aber wie das tägliche Brot, wie Wasser zum Trinken und wie Luft zum Atmen, und das Beste an der Demokratie gerade dieses, dass nur sie geeignet ist, den Rechtsstaat zu sichern**» (рус. Демократия – это, определенно, благо, достойное похвалы, но верховенство закона – это как хлеб насущный, как вода для питья и как воздух для дыхания, и самое лучшее в демократии – это именно то, что только она способна обеспечить верховенство закона). Правовое государство противопоставляется демократическому строю, который неоспоримо является общественной ценностью. Правовое государство воспринимается как жизненно важный

фактор, он сопоставим по своей значимости для человека с хлебом, водой и воздухом, т.е. без него жизнь не представляется возможной. Мы видим поэтапное усиление метафорического сопоставления, без еды, так как хлеб здесь выступает метонимией к нашей пище, мы можем в среднем прожить 20 дней, без воды от 2 до 4 суток, а без воздуха – около минуты. Предположительно автор хотел показать, что германское общество постепенно проходит этот путь вымирания, и единственным условием спасения выступает создание правовой системы.

Пример 3. Известное изречение немецкого государственного и политического деятеля, первого федерального канцлера Федеративной Республики Германия, одного из основателей партии «Христианско-Демократический Союз Германии» Конрада Аденауэра «**Wir leben alle unter dem gleichen Himmel, aber wir haben nicht alle den gleichen Horizont**» (рус. Все под одним небом живём, но горизонт у всех разный) также имеет в своей основе архетипичные метафоры. Небо подчеркивает равенство наших возможностей и реальность единства, символизируя в глобальном понимании наш мир, нашу планету, и страну – в частности. Горизонт же, наоборот, подчеркивает наши различия, многообразие взглядов и точек зрения, в зависимости от нашего местоположения в том числе.

Пример 4. Ярким примером обращения политика к архетипичной метафоре служит ставшая крылатой цитата из интервью с Францом-Йозефом Штраусом, председателя немецкой партии Баварии «Христианско-социальный союз». На вопрос британского корреспондента П. Сноу о своем желании стать следующим канцлером ФРГ господин Штраус ответил следующее: «**Lieber würde ich eine Ananasfarm in Alaska errichten als Kanzler in Deutschland werden**» (рус. С большим удовольствием я бы создал ананасовую плантацию на Аляске чем стал канцлером Германии). Удивленный корреспондент решил уточнить, почему политик так рассуждает и не рассматривает свою кандидатуру на пост канцлера Германии. На это последовала также ставшая популярной реплика: «**Warum sollte ich es wollen?**» (рус. Почему я должен этого хотеть?). В представленной яркой цитате мы видим, с одной стороны, фигуру противопоставления фермера, выращивающего ананасы, позиции федерального канцлера, управляющего страной. С другой стороны, использованная метафора о выращивании не просто фруктов, а тропических фруктов, которые также импортируются в Германию – европейскую страну, где нет подходящих климатических условий для их возделывания, усиливает эффект категорического отказа автора изречения. Ему представляется руководство фермой тропических фруктов в условиях континентального и субарктического климата более привлекательным. Всем известно, что ананасы произрастают в тропических климатических зонах и не способны раз-

виваться при температуре ниже 18°C. В то время как на Аляске преимущественно минусовые температуры в течение всего календарного года. Таким образом, само по себе словосочетание «ананасовая ферма на Аляске» представляет собой прекрасный пример использования приема ассонанса за счет многократно повторяющегося гласного звука [A], сохраняющегося даже при переводе на русский язык. Кроме того, «ананасовая ферма на Аляске» по своей сути является оксюмороном, сочетая несовместимые друг с другом понятия – тропический фрукт в условиях крайнего севера. Мы видим, что Ф.-Й. Штраус дал остроумный ответ и представил реципиентам свое видение обязанностей и трудностей на посту канцлера, обращаясь одновременно к трем стилистическим фигурам: метафоре, оксюмороны и антитезе.

Пример 5. Заключительным наглядным примером архетипичной метафоры может служить изречение «**Wer einen Sumpf trockenlegen will, darf nicht die Frösche fragen**» (рус. Тот, кто хочет осушить болото, не должен спрашивать лягушек), которое существует также в вариации «**Wer einen Teich austrocknen will, sollte nicht die Frösche fragen**» (рус. Тот, кто хочет осушить пруд, не должен спрашивать лягушек). Данная цитата получила свое широкое распространение благодаря комментарию главы государственной канцелярии Баварии Эрвина Хубера о планах министров-президентов Штойбера и Биденкофа по упразднению телепрограммы «ARD» в 1995 году, подчеркнув тем самым, что обсуждаемая телепрограмма представляется болотом. В то время как лексема «пруд» имеет нейтральную коннотацию и воспринимается как небольшой водоем без оттеночных значений, лексема «болото» ассоциируется с чем-то неприятным, куда люди не должны падать, иначе могут увязнуть навсегда. Болото является метафорой, которая ассоциируется с моральным разложением, несостоятельными условиями или коррупционными махинациями, именно так Эрвин Хубер и формирует негативное отношение к телепрограмме у реципиентов своего сообщения.

Благодаря красочной форме и метафорическому содержанию, выражение получило довольно широкое распространение в политике. Мы встречаем его в выступлениях представителей партии «Христианско-демократический союз», например, Фридриха Мерца в 2003 г. и Вольфганга Шойбле в 2010 г. Факт преемственности фразы в рамках партийной коалиции ХДС/ХСС подчеркивает функцию афоризмов в усилении своих позиций за счет авторитетных источников при их использовании в речи.

Эрвин Хубер не является автором этого политического афоризма, хотя информация о его источнике доподлинно неизвестна. Первое упоминание сентенции приписывается древнему поэту Аристофану (450/444 – около 380 г. до н.э.). В его комедии «Лягушки» живые лягушки появляются в озере, с которым Дионис вступает в

спор, но нет никакого упоминания об осушении озера.

В 1870-1871 гг. Эдуард фон Бауэрнфельд переработал поговорку в стихотворении: «Ein schlammiger Teich wird trocken gelegt, / Die Frösche quaken und klagen; / Doch wer Verbesserungsprojecte hegt, / Wer wird darum die Frösche fragen?» (рус. Осушен мутный пруд, / лягушки квакают и жалуются; / Но кто лелеет проекты улучшений, / Кто спросит лягушек?).

В политическом дискурсе афоризм используется при описании процессов перемен. Впервые в политическом жанре он появился в речи Бруно Шёнланка 9 февраля 1894 года. Немецкий журналист и член Рейхстага от социал-демократов выступал против почтовой администрации и привел в качестве подтверждения своих слов высказывание неизвестного парижского рабочего 1874 года: «Will man den Sumpf austrocknen, lässt man nicht die Frösche darüber abstimmen» (рус. Если вы хотите осушить болото, не позволяйте лягушкам голосовать об этом). В предложении выражается абсолютная беспомощность в преодолении возникшей проблемы или трудности. В целом, осушение пруда говорит о некоторых неудачах в прошлом, допущенных ошибках, которые не были решены вовремя и требуют сейчас категорического решения. Понимается не поиск путей решения проблемы, а искоренение этой проблемы как некоего зла, чего-то вредного и даже опасного для развития общества в целом, или предприятия – в частности. Основное послание предложения заключается в идее о том, что те, кто хочет (должен) устранить проблему или недовольство, не должны спрашивать согласия тех, кто наживается на этой проблеме.

Политический афоризм довольно часто встречается в заголовках. Приведем некоторые примеры: «Am Ende sind's die Frösche... Wertgeschätzte Mitarbeiter trocknen ihren Teich nicht aus!» [21], «Wenn Du den Teich austrocknen willst, frage nicht die Frösche» [22], «Wenn man einen Sumpf trocken legen will, darf man nicht die Frösche fragen!» [23], «Wenn man einen Sumpf trocken legen will, darf man nicht die Frösche fragen!» [24], «"Den Sumpf austrocknen" Unionsfraktionsvize Friedrich Merz über den deutschen Reformstau, die gewachsene Gewerkschaftsmacht und die Strategie der Opposition im Bundestag» [25].

Обращение к метафоре или политической цитате в

заголовке текста является использованием ее в самой сильной позиции. В этой позиции метафора не только оказывает максимальное влияние на читателей и рекордно усиливает «текстовое напряжение», но и способна предопределять метафорическую модель всего текста [1, с. 161]. Опираясь на концепцию А.П. Чудинова о трех эффектах взаимодействия метафоры в заголовке с основным текстом, мы считаем, что представленные нами примеры заголовков статей с отсылкой к предложению о болоте и лягушках реализуют эффект усиленного ожидания или эффект оправданного ожидания. В первом случае перед читателем поставлена некая загадка, когда ему сложно догадаться о содержании текста, например, «Wer die Frösche fragt». Во втором случае читателю предельно ясен смысл метафорического заголовка, но созданный метафорической цитатой яркий образ вызывает у него интерес и желание ознакомиться со всем текстовым посланием.

4. Выводы и заключение

1. Архетипичные метафоры имеют место быть в немецкоязычной политической афористике, но встречаются не так часто в сравнении с другими метафорическими типами. Современный политический дискурс развивается стремительно, обращение к метафорам остается по-прежнему актуальным, но авторы чаще прибегают к культурно-значимым метафорам, отвечающим сиюминутным обстоятельствам и обращающимся к национальным культурным ценностям, истории и особенностям конкретной группы реципиентов.

2. Политические афоризмы, построенные на архетипичных метафорах, используются в качестве прецедентных текстов, становясь видом сверхтекста. Архетипичные метафоры позволяют рассматривать политические афоризмы как универсальные крылатые выражения, не теряющие своей актуальности во времени.

3. Даже в малых политических текстах возможно развертывание метафорических моделей. Крылатые выражения и политические афоризмы существуют в контексте конкретной исторической ситуации, принадлежат известным политическим деятелям и являются, по сути, равными единицами политического дискурса в независимости от количества языковых знаков или слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
2. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. доктор филологических наук: 10.02.01 - Русский язык. Волгоград, 2000. 431 с.
3. Мохаммед, А.-Б. Политический дискурс как средство репрезентации виртуальной реальности политика XXI столетия // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. Часть 2. С. 383-394.
4. Klaus G. Sprache der Politik. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1971. 294 S.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.

6. Mikulová, A. Expressivität. Resuasion, Methaphorik in der Sprache bioethischer Diskurse. // Occasional Papers. Sprache und Politik im vereinten Europa. N 34. Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung (Hrsg.), 2007. S. 5-20.
7. Ольшанский, И.Г., Мельникова, О.В. Афористика как объект филологических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. Язык в мире дискурсов. Лексикон. Текст. Дискурс. Вып. 559. 2009. С. 63-80.
8. Уфимцева, Н.В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении. // Вопросы психолингвистики, № 4 (34), 2017. С.116-123.
9. Бородулина Н.Ю., Мордовина Т.В. Концепт дом как архетип осмысления картины мира // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 481-490.
10. Sowinski, B. Stilistik: Stiltheorien und Stilanalysen. 2., überarb. und akt. Auflage. Stuttgart: Metzler, 1999. 252 S.
11. Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. 1967. Vol. 31. P. 121-131.
12. Карасик, В.И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 39-52.
13. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetry // The Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 347-363.
14. Туманова Е.О. Архетипичные метафоры в немецкоязычном политическом дискурсе (на примере политической афористики) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 276-297. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-276-297.
15. Туманова Е.О. Вербализация идеологем в лозунгах ГДР. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». N 1, 2021. С. 178-181.
16. Eine Auswahl von Willy Brandt-Zitaten. Bundeskanzler Willy Brandt Stiftung. URL: <https://willy-brandt.de/willy-brandt/reden-zitate-und-stimmen/zitate/> (дата обращения: 24.01.2023).
17. Туманова, Е.О. Концепт «Берлинская стена» и его роль в формировании коммуникативной компетенции специалиста-международника. // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: Материалы II межвузовской науч.-практ. конф. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 301- 308.
18. Die besten Politikersprüche aller Zeiten. Rheinische Post. URL: https://rp-online.de/politik/deutschland/die-besten-politikersprueche-aller-zeiten_bid-11437579#8 (дата обращения: 14.01.2023).
19. Туманова, Е.О. Наглядные трансформации афористических мыслей в современном немецком языке (на материале сети Интернет). // Наука и образование в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г.: в 17 частях. Часть 2. Тамбов: ЮКОМ. С. 147-149.
20. Maas H. „Damit zusammenwächst, was zusammengehört“ – Namensartikel von Außenminister Maas anlässlich des 30. Jahrestages der Deutschen Einheit. // Auswärtiges Amt. 2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-deutsche-einheit/2400210> (дата обращения 10.02.2023).
21. König, M. Am Ende sind's die Frösche. . . Wertgeschätzte Mitarbeiter trocknen ihren Teich nicht aus! // Werte und Wandel – das Netzwerk für zukunftsfähige und nachhaltige Unternehmen. URL: <https://werteundwandel.de/inhalte/am-ende-sinds-die-froesche-wertgeschaeetzte-mitarbeiter-trocknen-ihren-teich-nicht-aus/> (дата обращения: 20.01.2023).
22. Mauermann, M. Wenn Du den Teich austrocknen willst, frage nicht die Frösche. // M-Powr Team GmbH. 2020. URL: <https://www.m-powr.de/digitalisierung-b2b-vertrieb/> (дата обращения 10.01.2023).
23. Steinbeis, M. Wer die Frösche fragt. // Handelsblatt 2004. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/kommentar-wer-die-froesche-fragt/2328096.html> (дата обращения: 23.01.2023).
24. Wahl, P. Wenn man einen Sumpf trocken legen will, darf man nicht die Frösche fragen! // Axel Troost, Die Linke. 2013. URL: <https://www.axel-troost.de/de/article/7195.wenn-man-einen-sumpf-trocken-legen-will-darf-man-nicht-die-froesche-fragen.html> (дата обращения: 10.02.2023).
25. Reiermann C., Steingart G. »Den Sumpf austrocknen« Unionsfraktionsvize Friedrich Merz über den deutschen Reformstau, die gewachsene Gewerkschaftsmacht und die Strategie der Opposition im Bundestag. // DER SPIEGEL. 10/2003. URL: <https://www.spiegel.de/politik/den-sumpf-austrocknen-a-e4b86d8f-0002-0001-0000-000026495732> (дата обращения: 10.02.2023).

© Туманова Екатерина Олеговна (TumanovaEO1@edu.mos.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТАКТИКА ПОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТА В РАМКАХ ИНТЕРВЬЮ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ТЕМАТИКИ

TACTICS OF A JOURNALIST'S BEHAVIOR IN THE FRAMEWORK OF AN INTERVIEW ON POPULAR SCIENCE TOPICS

N. Khristoforova

Summary: The article provides a communicative and pragmatic analysis of the behavior of a journalist as a participant in dialogical interaction within the framework of interviews on popular science topics.

An attempt is made to consider the tactics used by a journalist to reveal the topic of a conversation in order to popularize scientific knowledge within the framework of an interview with a researcher and evaluate their effectiveness in providing scientific knowledge in a form understandable to a lay reader.

Keywords: interview, popular science text, journalist, tactics of behavior, explanation, paraphrasing, clarification.

Христофорова Наталья Игоревна

*Кандидат филологических наук, доцент,
Московский авиационный институт
n_khristoforova@mail.ru*

Аннотация: В статье проводится коммуникативно-прагматический анализ поведения журналиста как участника диалогического взаимодействия в рамках интервью научно-популярной тематики.

Предпринимается попытка рассмотреть тактики, к которым прибегает журналист для раскрытия темы беседы с целью популяризации научного знания в рамках интервью с исследователем и оценить их эффективность при предоставлении научного знания в форме, понятной читателю-неспециалисту.

Ключевые слова: интервью, научно-популярный текст, журналист, тактики поведения, разъяснение, перефразирование, уточнение.

Введение

Актуальность темы исследования связана с интересом к построению научно-популярных текстов, предназначение которых имеет целью популяризацию научных идей и информирование широкого круга неспециалистов о том, что происходит в мире науки на данный момент, каковы перспективы с исследований с точки зрения специалистов. Для выявления отличительных характеристик исследователя и его работы, о которой с ним беседует журналист, решалась задача проанализировать такие тактики его поведения как разъяснение, перефразирование, уточнение.

Проведённое исследование имеет практическую ценность, поскольку его результаты могут быть использованы при анализе научно-популярных текстов. Рассмотренные коммуникативные стратегии и тактики, задействованные в ходе интервью, помогают читателям-неспециалистам лучше понять сложную научно-техническую информацию, не прибегая к поиску дополнительной информации или разъяснения, в чем читатель-неспециалист не заинтересован. Полученные результаты могут быть включены в курсы, посвященные анализу текстов.

Цель исследования состоит в выделении основных коммуникативных тактик журналистов как эффективного средства диалогического взаимодействия, что позволяет ему, а с его помощью и читателю разобраться в предмете исследований (открытии).

Материалы и методы

Материалом для исследования явились тексты интервью, размещенные на сайтах немецких изданий «Der Spiegel», «Bild der Wissenschaft», «GEO.de», «Focus.de», «Spectrum.de». При работе использовались такие методы как методы сплошной выборки и обобщения, метод семантического анализа, метод структурного анализа элементов диалогической последовательности, методы наблюдения, описания и интерпретации материала.

Результаты

Особое место «среди форм популяризации научных знаний... занимают интервью, беседа и диалог, вызывающий особенный интерес среди читателей, так как он выступает самой значимой формой коммуникации между субъектами общения» [1, с. 30]. В этой ситуации журналист «занимает активную позицию, направляет беседу, задает тон коммуникации. Интервьюируемый реагирует на вопросы журналиста и... относительно «пассивен» в отношении развития общей линии интервью, даже если его коммуникативные вклады по объему превосходят коммуникативные вклады журналиста» [2, с. 133]. Отметим, что взаимодействие журналиста и исследователя выстраивается на предметно-логическом уровне, на уровне межличностных отношений, а наряду с этим «оба участника общения выстраивают отношения с массовым реципиентом» [3, с. 178]. Оба они принимают во внимание необходимость ориентации на читате-

ля-неспециалиста, то есть ответов на вопросы типа: «Что ему интересно в рамках темы?» «Что он ожидает от интервью с этим исследователем?» «Какой вопрос он мог бы задать?» и т.п.

Характерной чертой научно-популярного дискурса является диалогизация, и особую роль в организации диалогового общения отводится постановке вопроса, что дает возможность создать иллюзию живого общения исследователя и читателя. Вопрос, заданный и сформулированный журналистом, представляет собой способ получения информации по проблеме. Тактика использования вопросов заключается в постановке проблемы адресантом, что выражается в обращении к адресату с помощью местоимения «Sie», как в начале интервью с нейробиологом:

Wenn Sie mein Gesicht betrachten, haben Sie vermutlich den Eindruck, es gleichzeitig in allen Details zu sehen. Aber Sie wissen es besser. Was sehen Sie tatsächlich? [4]

«Понимание коммуникативного намерения говорящего, отражаемого в речевом акте и самой коммуникативной ситуации... являются существенным условием удачной коммуникации. Применительно к диалогическому дискурсу, тот эффект, который производит высказывание говорящего на слушающего, играет основную роль в определении высказывания как удачного или неудачного» [5, с. 312]. Хотя в интервью-портрете журналист является организатором и координатором интервью, в процессе речевого взаимодействия герой интервью также занимает активную позицию, и его реплики также могут быть источником информации о нем, а также о его исследованиях. С другой стороны, необходимо учитывать и то, что журналист задает вопросы, ответы на которые могут заинтересовать читателей. Возможен и вариант, что читатели уже задали какие-то вопросы, прислав их по адресу электронной почты, размещенному на сайте издания, а редактор сформировал список этих вопросов и передал его журналисту. Однако журналист привносит в диалог и свое отношение, поэтому в них встречаются и такие структурно-семантические типы высказываний как: «провокационный вопрос/утверждение; личный вопрос; вопрос с иронией; оценочное утверждение (одобрение/похвала/неодобрение/упрек) в сочетании с вопросом; комплимент; утверждение-ввод новой темы; утверждение-мнение других источников информации» [6, с. 82]. Например:

GEO: Sie haben mit „Haut nah – Alles über unser größtes Organ“ bereits ein Buch über das Thema Haut geschrieben. Warum sollten wir uns mehr mit diesem Organ beschäftigen? - Вы уже написали книгу о коже под названием «Близко к коже - все о нашем самом большом органе». Почему мы должны больше интересоваться этим органом? – вопрос-провокация, смысл которого можно свести к следующему: «А зачем нам это опять? Вы уже все написали» [7].

GEO: Wie finde ich denn heraus, wie viel Schutz meine Haut braucht? – Как же мне выяснить, какая защита нужна моей коже? – личный вопрос (этот вопрос явно волнует многих читателей, не только журналиста) [7].

Интервью с биологом, лауреатом Нобелевской премии начинается с комплимента (оценочного утверждения), однако интерес проявляется к другой теме: «неудачи в науке, неудачи именно этого исследователя» [8]:

SPIEGEL ONLINE: Frau Professor Nüsslein-Volhard, Sie sind eine der berühmtesten deutschen Forscherinnen, mit Ihrem Namen verbindet man vor allem Erfolge. Uns interessiert aber, wie Wissenschaftler mit Niederlagen und missglückten Experimenten umgehen. Was war denn Ihr bislang größtes Scheitern? - Госпожа профессор Нюслайн-Фольхард, Вы - одна из самых известных немецких исследовательниц, с вашим именем в первую очередь связаны достижения. Но нас интересует, как ученые справляются с поражениями и неудачными экспериментами. В чем Ваша самая большая неудача на сегодняшний день?

SPIEGEL ONLINE: Und in der Wissenschaft selbst? Es gibt Studien, die zeigen, dass etwa die Hälfte aller Experimente nicht das erwartete Ergebnis bringt - das ist doch dramatisch?/ А в самой науке? Есть исследования, которые показывают, что около половины всех экспериментов не дают ожидаемого результата - в конце концов, это драма? – журналист указывает на свою осведомленность в вопросе.

SPIEGEL ONLINE: Frustriert das nicht auf Dauer?/ Разве это не разочаровывает надолго? – личный вопрос.

Таким образом, при построении диалога в научно-популярном тексте типа «интервью-портрет» используются следующие коммуникативные тактики (см. подробнее [3]).

1. Тактика разъяснения, предполагающая развернутый семантический контекст высказывания, с включением в данный контекст дополнительной информации, требуемой для понимания (в том числе с привлечением мнения других источников информации). Возникшую при этом информационную недостаточность, успешно восполняет коммуникативная тактика разъяснения, что можно продемонстрировать следующим примером:

— Will die Biobranche damit womöglich vor allem das werbewirksame Label »gentechnikfrei« erhalten?

— Ja, die Bioverbände kämpfen im Moment Seite an Seite mit den NGOs in Brüssel gegen die Verordnung. Ihre Sichtweise auf die Gentechnik ist veraltet, aber mittlerweile ist »gentechnikfrei« ein politisches und ein Verkaufsargument. Die Bioverbände halten ganz gezielt die Angst vor molekularbiologischen Züchtungsmethoden hoch, um sich auf dem Markt profilieren zu können.

— Aber warum braucht es die neue Gentechnik

überhaupt?

Wir brauchen Lösungen für die Zukunft der Welternährung. In 30 Jahren werden zwei Milliarden Menschen mehr am Tisch sitzen. Wir brauchen also auch konventionelle Landwirtschaft – aber in einer nachhaltigeren Form als heute. Und um – gerade in Zeiten von Wetterextremen – produktiver zu werden, kann uns die neue Gentechnik helfen. [9]

Так, ученый-агроном и многолетний ректор кафедры органического земледелия старается объяснить журналисту, считающему информацию недостаточной, сначала отвечая на общий вопрос с последующим объемным пояснением, потом отвечая на специальный вопрос, дополняя информацию по теме необходимости разработки новых методов генной инженерии. В итоге развернутый ответ подтверждает правильность поведения журналиста и предоставляет максимум информации читателю.

2. Тактика перефразирования, которая служит для «содержательного перекодирования сообщения без изменения существа фактуальной информации» [10, с.17] и наиболее часто приобретает форму синонимической трансформации.

Эта тактика используется для пояснения одного содержательного элемента в структуре высказывания. Названная тактика может активно применяться не только журналистом, но и собеседником, если он желает исключить возможность непонимания со стороны журналиста (читателя). Например, психолог объясняет журналисту, почему немцы постоянно жалуются и не только на погоду [4]:

- Trotzdem machen wir uns viele Sorgen.
- Ja. Es gibt den Begriff "German Angst", welcher im Englischen gebraucht wird. Wir Deutschen sind also wortwörtlich dafür bekannt, dass wir ständig Angst haben und uns Sorgen machen. Darüber, unser Geld zu verlieren, vor Krankheiten, und so weiter. Deswegen jammern wir so viel. Stewardessen von British Airways wurden mal gefragt, welche Passagiere sich am meisten beschwerten. Das waren die Deutschen.

Психолог приводит известный термин «немецкий страх», описывающий особенности психологии немцев. Далее он разъясняет журналисту, что послужило основанием для возникновения термина – «Мы, немцы, буквально известны тем, что постоянно боимся и беспокоимся. О потере наших денег, о болезнях и так далее. Вот почему мы так много причитаем. Стюардесс British Airways спросили, какие пассажиры жалуются больше всего. Это были немцы».

Последующее замечание журналиста продолжает общение в рамках темы:

Man jammert also mehr, wenn man sich hilflos fühlt...

3. Тактика уточнения реализуется через уточняющий вопрос, который применяется для конкретизации значения элемента в семантической структуре высказывания; а также через уточняющее высказывание, служащее корректировкой речевого выбора лексической единицы или формы слова.

Даже если журналист обладает достаточной компетенцией, он может иметь ошибочное понимание ситуации или утверждения. Для устранения этого широко используется тактика уточнения, основными синтаксическими элементами которой наиболее часто являются вопрос-переспрос, уточняющий вопрос в сочетании с аргументацией или опровержением, а также корректировка отдельной лексической единицы, как, например, поступает журналист в интервью с исследователем, членом «инициативы против светового загрязнения» [11]:

- Herr Hänel, wie sind Sie auf das Thema aufmerksam geworden?
- Das lag größtenteils an der Resonanz der Besucher unseres Planetariums: All jene, die wie fasziniert unter dem projizierten Sternenhimmel saßen und mir sagten, dass sie so etwas lange oder noch gar nicht gesehen haben. Wie kann das sein?
- Deshalb wurden Sie Mitglied der Initiative gegen Lichtverschmutzung?
- Ja. Schon 1993, während einer Ausstellung zur Lichtverschmutzung in der Stadthalle Osnabrück, nahmen wir uns des Themas an. [...]
- Zum Beispiel?
- Größtenteils informieren und beraten wir heute Interessenten für Beleuchtungsanlagen [...]. Außerdem unterstützen wir die Errichtung von Sterneparks, also Orten, die noch fast unangetastete Himmelsqualität vorweisen können. [...] Als weitere Aufgabe haben wir uns der Messprogramme angenommen, mit denen wir die Lichtverschmutzung untersuchen. Es gibt eine Menge zu tun.
- Und, nimmt die Lichtverschmutzung zu?
- Das ist nicht ganz leicht zu beantworten. Der sogenannte „Rebound-Effekt“ ist nicht zu unterschätzen: Viele Menschen steigen nach dem Motto „kost' ja nix“ auf LEDs um - und gehen umso verschwenderischer mit Licht um. Die Zahlen sind alarmierend: Messungen aus der Schweiz zufolge sind meist nur noch 200 bis 500 Sterne für das Auge sichtbar, in der Innenstadt noch weniger. Früher waren es ungefähr 2500. Das ist nur eine Auswirkung der Lichtverschmutzung, aber mit der können wir in Sterneparks zum Umdenken bewegen.
- Was muss Ihrer Meinung nach geschehen, damit die Lichtverschmutzung abnimmt?
- Mehr Menschen müssen auf abgeschirmte Beleuchtung und zielgerichtetes Licht umrüsten - und auch einfach mal das Licht ausmachen [...]
- Wie könnten solche Gesetze aussehen?
- Es sollten abgeschirmte Leuchten eingesetzt wer-

- den, die das Licht nur auf die Straße lenken. [...].
- Was kann jeder Einzelne jetzt schon tun?
 - Ich würde mir wünschen, dass jeder mehr darauf achtet, wann er Licht einsetzt. Fragen Sie sich mal, ob Sie die jeweilig platzierten Lampen wirklich brauchen, dort wo sie sind. Muss die Hausbeleuchtung unbedingt nächtelang durchbrennen oder täte es auch ein Bewegungsmelder?

Журналист задает уточняющие вопросы, желая составить для себя (и читателя-неспециалиста) максимально полное представление о проблеме, начиная с вопроса, почему эта проблема привлекла внимание исследователя, который работает в планетарии, ещё в 1993 году. При этом журналист учитывает явное удивление читателей-неспециалистов, - не все читатели сразу согласятся с тем, что проблема существует, ведь, например, идти по освещенной улице или подниматься в квартиру в темное время суток по освещенной лестничной клетке гораздо удобнее и психологически комфортнее. Исследователь же не соглашается с этой точкой зрения, поясняя, что данные исследований вызывают тревогу («alarmierend») использовать экранированное освещение гораздо удобнее, что в некоторых странах существуют соответствующие законодательные акты.

Одним из методов изменения ситуации исследователь считает «Umdenken» (переосмысление) ситуации. Устройство заповедников ночного неба, в которых каждый желающий имеет возможность полюбоваться звезд-

ным небом. Для этого говорится об эмоциях, которые вызывает «минимально освещенное» звездное небо - оно «очаровывает»:

Außerdem unterstützen wir die Errichtung von Sterneparks, also Orten, die noch fast unangetastete Himmelsqualität vorweisen können. Sie faszinieren die Besucher durch den nahezu natürlich dunklen Sternenhimmel, der nur geringfügig durch künstliches Licht aufgehellt ist.

На основании услышанного журналист делает вывод о важности инициативы и спрашивает, может ли отдельный человек что-то сделать для решения проблемы. Исследователь же предлагает «начать с себя» - освещать весь дом на протяжении всей ночи нет необходимости, а каждый человек должен использовать освещение именно тогда и там, где это необходимо.

Заключение

Проведенный анализ тактики поведения журналистов в рамках научно-популярного интервью позволяет сделать вывод о том, что вопросы журналиста направлены на расширение знаний читателей в рамках соответствующей темы. В реализации тактик, направленных на удержание внимания адресата, на привлечение его к участию в совместном обсуждении научной темы или проблемы, в текстах ученого наблюдается тенденция к достижению диалога героя интервью – исследователя с аудиторией, формирующих ситуации коммуникативного равенства адресанта и адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов Д.А. Научно-популярная литература: вчера, сегодня, завтра//Время науки. Тульский гос. пед. ун-т. 2015. № 4. С. 28-32
2. Haller M. Das Interview: ein Handbuch für Journalisten. Konstanz: UVK Medien, 1997. 458 S. [in German]
3. Нестерюк Ю.В. Моделирование стратегических планов коммуникантов в персональном немецкоязычном интервью//Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 176-183
4. Köllen J. Hitze, Regen: Darum beschwerten wir uns ständig über das Wetter – URL: <https://www.geo.de/wissen/gesundheitspsychologie-erklart--darum-jammern-wir-staendig-ueber-s-wetter-33707372.html>. (accessed: 04.08.2023)
5. Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В., Бганцева И.В., Тисленкова И.А. Вербальные способы преодоления коммуникативных неудач в интервью-портрете (на материале немецкой прессы)//Современные исследования социальных проблем. ФГБОУ ВО «Волгоградский гос. тех. ун-т». 2021. Т. 13. № 3. С. 307-330
6. Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В. Коммуникативные неудачи в интервью-портрете (на материале немецкого языка) //Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: «Филологические науки». 2019. № 4 (426). Вып. 116. С. 80-88.
7. Frye M., Evers L. Dr. Yael Adler: «Jede Bräune ist eine Verzweiflungstat der Haut» – URL: <https://www.geo.de/wissen/gesundheitspsychologie-erklart--yael-adler-verraet--was-ihn-so-wichtig-macht-31887852.html> (accessed: 24.08.2023) [in German]
8. Schnurr E-M. „Man muss einfach ausprobieren“ – URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/technik/nobelpreistraegerin-interview-wissenschaftler-brauchen-mut-a-1022998.html> (accessed: 09.09.2023)
9. Jötten, F. „Wir sollten die moderne Technik nutzen“ – URL: <https://www.spektrum.de/news/bio-und-gentechnik-wir-sollten-die-moderne-technik-nutzen/2159721> (accessed: 19.07.2023)
10. Бугрова С.Е. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 24 с.
11. Plasse W. „Der Himmel braucht das Licht nicht“ – URL: <https://www.geo.de/natur/3681-rtkl-interview-der-himmel-braucht-das-licht-nicht> (accessed: 29.08.2023)

© Христофорова Наталья Игоревна (n_khristoforova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУЩНОСТЬ ПОЛИФОНИЧЕСКИХ РОМАНОВ И ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Чжан Цзиньпин

Аспирант, Государственный университет просвещения
653731349@qq.com

THE ESSENCE OF POLYPHONIC NOVELS AND THE STUDY OF WAYS TO IMPLEMENT THEM

Zhang Jinping

Summary: Polyphonic novel is a literary critical term proposed by the famous literary critic Bakhtin in the book "Problems of Dostoevsky's Poetics" to denote the high artistic level manifested in Dostoevsky's novels. The core of the theory of the polyphonic novel is "dialogue." Polyphonic novels are not completely objective novels or literary genres, but an exploration of the ways of creating a novel. How to create a polyphonic novel is a problem that Bakhtin did not solve after he proposed the theory of the polyphonic novel. This article explores the possible creative ways of polyphonic novels from three sides: weakening the image of the narrator, creativity from the "person himself" and the infinitely weakening of the image of the reader. This can be seen as an innovation and development of the theory of polyphonic novels.

Keywords: polyphonic novels; dialogue theory; Bakhtin; ways to implement polyphonic novels; development of the theory of polyphonic novels.

Аннотация: Полифонический роман – литературный критический термин, предложенный известным литературоведом Бахтиным в книге «Проблемы поэтики Достоевского» для оценивания высокого художественного уровня, проявленного в романах Достоевского. Ядром теории полифонического романа является «диалог». Полифонический роман – это не абсолютно объективный роман или литературный жанр, а исследование способов создания романов. Как создать полифонический роман – проблема, которую Бахтин не решил после того, как предложил теорию полифонического романа. В данной статье исследуются возможные творческие способы создания полифонических романов с трех сторон: ослабление образа рассказчика, творчество с точки зрения «самого-себя» и бесконечное ослабление образа читателя. Это можно рассматривать как новаторство и развитие теории полифонических романов.

Ключевые слова: полифонические романы; теория диалога; Бахтин; способы реализации полифонических романов; развитие теории полифонических романов.

Введение

В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин указывал на то, что романы Достоевского являются поистине полифоническими романами, и выдвигал знаменитую теорию диалога. Полифонический роман – термин, перенесенный из теории музыки в теорию литературы. Так называемая полифония – это «множественность, самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» [1, с.9]. В полифонических романах нет подлинно доминирующего голоса, в том числе и голоса автора, и главного героя: все голоса самостоятельны, равноправны, открыты и неслиянны. Полифонические романы исследуют и объясняют объективный мир с точки зрения каждого главного героя.

Полифонический роман – термин литературной критики, предложенный Бахтиным в ответ на превосходное писательское мастерство и высокую литературную ценность, проявленные в романах Достоевского. Это не литературный жанр, а лишь исследование способа создания романа. А вот как создать полифонический роман – этого Бахтин не предложил в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского». Актуальность данной статьи состоит в том, что на основе углубленного изучения те-

рии полифонических романов Бахтина и теории диалога мы предлагаем три более осуществимых метода реализации полифонических романов с двух сторон ослабления образа рассказчика и ослабления образа читателя. Это можно рассматривать как новаторское понимание и развитие теории полифонических романов Бахтина.

1. Полифонический роман и теория диалога

Ядром теории полифонического романа является диалог. Именно благодаря диалогическим отношениям, сложившимся между равноправными героями, полифонические романы являются «полифоническими», многоголосными, самостоятельными и неслиянными. Под «диалогом» в «теории диалога» понимается не объективный диалог между главными героями романа, а взаимно равноправные отношения. В полифонических романах отношения между главными героями, главным героем и автором независимы и равноправны. Эти равноправные отношения без доминирования сознания другой стороны ставят их в состояние «диалога», поскольку диалог должен вестись между двумя личностями, которые с независимым сознанием. Мысли и сознание обеих сторон диалога не находятся под доминированием и контролем другой стороны. Теория диалога составляет ядро полифонического романа.

В полифонических романах объективный мир представлен через точку зрения каждого героя, и мир в полифонических романах – это мир глазами каждого героя. Все разворачивается в субъективно-психологической деятельности героев и в диалогах между ними. В действительности мир в полифонических романах демонстрирует как субъективность, так и предельную объективность. Но в отличие от монологических романов, в которых объективный мир романов является субъективный мир автора, субъективность полифонических романов фактически служит его предельной объективности.

Субъективность состоит в том, что все независимые и несмешанные голоса в романе несут в себе субъективность подчиненных ими героев, но именно благодаря множественности самостоятельных и равноправных голосов с субъективной окраской и складывается объективный мир нашего существования. «По Бахтину, множественность сознаний всегда сосуществовали в реальном мире, и это всегда было плюралистический мир с множественством голосов» [13].

Причина, по которой говорят, что полифонические романы обладают предельной объективностью, заключается в том, что авторы полифонических романов не создают особый объективный мир для того, чтобы выразить свой собственный субъективный мир, а стремятся в значительной степени восстановить объективный мир. Поскольку мир, в котором мы существуем, объективен сам по себе, он наполнен различными независимыми и равноправными субъективными пониманиями. Объективный мир не подчинен субъективному миру, этот взгляд является типичным идеализмом, а наоборот, эти наши субъективные понимания включают в себя объективный мир. Никто из нас не может определить объективный мир, как и мы не можем определить субъективное сознание других, и авторы полифонических романов осознают это и усердно работают над тем, чтобы использовать субъективный мир для восстановления мира объективного.

2. Творческая перспектива полифонических романов

Творчество Достоевского очевидно имеет большую глубину. Глубина – это концепция пространства, а не времени. «В пороговом времени и пространстве, постоянно встречаются в творчестве Достоевского, поскольку они – неотъемлемая часть поэтики полифонического романа» [7, с.63]. И Достоевский смотрел на мир с точки зрения пространства, а не с точки зрения времени. Он никогда не описывает прошлое и будущее своих героев, а лишь объясняет их настоящее. В определенной степени это также неотъемлемое требование предельной объективности полифонических романов. Если автор представляет объективный мир не с точки зрения пространства, а с

точки зрения времени, роман не может быть полифоническим. Потому что, когда мы смотрим на объективный мир, невозможно видеть прошлое, настоящее и будущее одновременно. Это определяет, что наше познание некоторого момента не может быть временным, а может быть только пространственным. Полифонический мир, который стремится показать автор, на самом деле является реальным объективным миром. «Сам Бахтин писал, что литература служит познанию реальности, а Достоевский создал новую художественную модель мира» [4, с.199]. В реальном объективном мире каждый самостоятельно и одинаково осуществляет само-субъектное познание. Мы не можем определять сознание других и не осознаем чужого сознания, это только достигается посредством диалога. Мы не можем знать будущее и не можем судить обо всем в объективном мире с позиции пророка. Поэтому реальный объективный мир может быть только полифоническим, а творческая перспектива автора полифонических романов – только пространственным.

Эта пространственность определяет «Основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени» [1, с.43]. В полифонических романах все как будто находится в противоречии, различные сознания находятся в оппозиции друг к другу, развитие сюжета тоже может быть в оппозиции. Однако это противопоставление не переросло в диалектическое развитие. Развитие есть категория времени. Мир полифонических романов не может объяснить развитие, а может объяснить лишь определенный этап развития. Достоевский рассматривал все в мире как сосуществующее, помещал их в одно и то же время и разрез, и угадывал их взаимоотношения. «М.М. Бахтин пронизательно уловил органическое соответствие формы и содержания романов Достоевского, а именно обусловленность полифонического строения романов, их диалогичности и прочей специфики мировоззрением писателя» [3, с.7]. «По мнению Достоевского, истина в области последних вопросов мира не может раскрыться на стыке одного индивидуального сознания. Она не может быть включена в одно сознание. Она разделена между многими равными. Диалогический процесс общения сознания раскрывается, и это всегда раскрывается по частям. Пока существуют люди, которые думают и ищут истину, этот диалог по основным вопросам не может закончиться и не может быть завершен» [14].

Именно то, что Достоевский видит все сосуществующим, определяет глубину его романов. Хотя он и не объяснял мир в широте и времени, но мог раскрыть суть мира яснее. И его творческая перспектива влияет и на его творческий метод, что определяет использование им полифонии для представления мира.

3. Сушности теории полифонического романа

3.1: Полифонические романы не являются абсолютно объективными романами

Полифонические романы отнюдь не то же самое, что абсолютно объективные романы, и недоминирование авторского сознания в полифонических романах отнюдь не то же самое, что несуществование авторского сознания. На самом деле «роман без авторской позиции вообще невозможен» [1, с.101]. Диалог и равноправное соотношение между сознанием автора и сознанием героев относится не к отсутствию сознания автора, а к полному изменению авторской позиции, то есть изменению авторского отношения к развитию сознания главных героев. «Было бы нелепо думать, что в романах Достоевского авторское сознание никак не выражено. Сознание творца полифонического романа постоянно и повсюду присутствует в этом романе и в высшей степени активно в нем. Но функция этого сознания и формы его активности другие, чем в монологическом романе: авторское сознание не превращает другие чужие сознания (то есть сознания героев) в объекты и не дает им заочных завершающих определений. Оно чувствует рядом с собою и перед собою равноправные чужие сознания, такие же бесконечные и незавершенные, как и оно само» [1, с.103].

Действительно, абсолютная полифония в искусстве не работает, ибо ни одно литературное произведение не может быть создано вне сознания его автора. «Жизнь и реальность соответствуют главному герою, а автор – стилю романа. Одно – область реальности, другое – эстетическое пространство. Если главный герой хочет войти в эстетическое пространство из реального пространства, он должно пройти через эстетическое отражение и творчество творца. Бахтин в процессе того, как действительность становится искусством, показывает свою точку зрения, то есть любой образ персонажа есть эстетическое творение автора, но ориентированное на возникновение художественного произведения, создание художественного произведения» [15]. «...автор стремится выразить себя не столько через того или другого героя, сколько через структуру романа. Согласно Бахтину, полифонический метод зиждется на мирозерцании Достоевского. Полифония пронизывает все элементы его романов, включая структуру, героев и язык, и поэтому служит ключом для их понимания» [7, с.9].

В то же время эта точка зрения не противоречит диалогической теории полифонических романов. В теории полифонического романа сознание автора и сознание каждого героя независимы и равноправны, авторское сознание здесь относится к авторскому образу, а не к автору в реалистическом смысле. Самостоятельные и равноправные диалогические отношения между сознанием автора и сознанием героев в полифонических романах

обусловлены не отсутствием сознания автора, а изменением авторского отношения к развитию сознания героев. «Наличие различных оценочных (идеологических) точек зрения в произведениях Достоевского, вообще говоря, несомненно (это убедительно показал Бахтин) – однако это различие точек зрения почти никак не проявляется в аспекте фразеологической характеристики» [11, с.25] В произведении автор стремится к тому, чтобы сознание героев развивалось одинаково и независимо, и не критикует эти взгляды. Сознание этих героев незавершенно и оценивается читателем. Таким образом формируются диалогические отношения между сознанием читателя, способного активно оценивать, сознанием героев, развивающимися самостоятельно, и сознанием автора, не высказывающим критику. Это истинное понимание полифонических романов и теории диалога.

3.2: Полифонический роман не является литературным жанром

Полифонические романы не являются литературным жанром, даже форма полифонических романов является незавершенным исследованием. Литературный жанр относится к категориям и конкретным стилям литературных произведений. Обычно литературным жанром являются поэзия, проза, романы, биографии, басни, драмы и т.д. Можно видеть, что литературный жанр относится к конкретному, фиксированному способу литературной реализации, который проверен на практике и может удовлетворить различные потребности литературного творчества. Полифонический роман, основанный на литературном жанре романа, не может развиваться независимо от литературного жанра – романа. Полифонический роман не развился в самостоятельный и устойчивый способ литературного творчества и не может быть тождествен романам, очеркам, поэзии и другим литературным жанрам.

Полифонический роман – термин, используемый в литературной критике. Мы не можем понимать полифонических романов на уровне таких литературных жанров, как поэзия и проза. В действительности полифонический роман изначально был литературной критикой Бахтиным высокого художественного уровня, показанного в романах Достоевского, – это личный, литературно-критический и художественно-эстетический термин. «Причина, по которой Бахтин называет романы Достоевского полифоническими романами, состоит в том, что он уделяет особое внимание своей уникальной художественной форме выражения, которую можно также назвать его неповторимым тональным стилем повествования» [9].

3.3 Полифонический роман – это исследование способов создания романов.

В предисловии к «Проблемам творчества Достоев-

ского» Бахтин подчёркивает, что «В творчестве Достоевского пережило его философскую и социально-политическую идеологию – его революционное новаторство в области романа как художественной формы» [2, с. 8]. После литературной критики романов Достоевского Бахтин еще больше обогатил и усовершенствовал теорию диалога, обсудил новый способ создания романа. Когда писатель создает литературное произведение, мысли героев литературного произведения часто несут в себе тень самого писателя. Это традиционный способ литературного творчества. Но Бахтин считал, что это не единственный способ написания романов. Жанр романа определяет богатство и сложность его персонажей и сюжетов. Сформированный в романе виртуальный мир должен быть прежде всего целостным. Этот мир не может содержать только главного героя, но должен иметь множество персонажей, множество событий и развитие времени. Поэтому жанровые особенности романов дают нам новую творческую возможность. Как сделать объективный мир, описанный в литературных произведениях, ближе к реальному объективному миру, и как сделать так, чтобы объективный мир в литературных произведениях был представлен читателю так, чтобы он был бесконечно близок к тому, как читателю представлен реальный объективный мир, в этом идея полифонических романов. Если роман действительно может позволить читателям поместить себя в мир романа, как если бы они видели реальный мир вокруг себя, то роман является полифоническим.

4. Исследование способов реализации полифонических романов

Теория полифонических романов обогащает изучение сравнительной поэтики. «Поскольку современные романы вышли за рамки традиционных романов во многих аспектах, таких как концепция написания, тематика, содержание и структурные формы, традиционные романы сталкиваются со многими проблемами. Хотя теория полифонических романов не может всесторонне решить эти проблемы, она дает вполне новая и уникальная перспектива. Теория полифонии очень убедительна в объяснении сопоставления различных тем и симбиоза множества повествовательных перспектив, которые действительно существуют в творчестве романов» [12].

Но как создать полифонический роман – проблема, которую Бахтин не решил после того, как предложил теорию полифонических романов и диалога. Хотя при создании литературных произведений не существует определенного шаблона, которому следует следовать, но мы все еще считаем, что можем изучить некоторые творческие правила, позволяющие большему числу литературных авторов становиться все лучше и лучше в создании полифонических романов. дальше.

Точка зрения, с которого читателю представляется объективный мир в полифонических романах, очень близок к точке зрения, с которого читателю представляется реальный мир. «Автор в своей “модели мира” показывает, по каким законам устроено мироздание» [8, с. 166]. Если вы хотите создать полифонический роман, «необходимы структурные элементы полифонической множественности. Только при таких структурных характеристиках диалогический роман может стать романом полифоническим» [10]. Проанализировав полифонические романы Достоевского, мы можем обнаружить следующие правила техники письма:

1. Подробные психологические описания каждого главного героя.
2. Большое количество диалогов между разными главными героями.
3. Обширные описания внутренней противоречивой психологической деятельности главных героев.

Уникальные приемы романного письма Достоевского на самом деле преследуют только одну цель – в наибольшей степени ослабить образ рассказчика. Психологическое описание каждого главного героя, описание диалога между ними и описание различных противоречивых голосов в сердцах главных героев – все это делает сознание каждого главного героя независимым друг от друга. Кроме того, в романе не фигурирует собственное мнение автора, его оценка событий и персонажей, так что сознание читателя не контролируется сознанием автора. Эти приемы повествования и описания дают возможность ослабить образ рассказчика. В самом деле, проанализировав романы Достоевского и выяснив сущность полифонических романов, мы полагаем, что ослабление образа рассказчика в наибольшей степени может принести нам полифоническое чувство.

Помимо этого способа написания полифонических романов Достоевского, можно говорить и о других способах реализации полифонических романов или полифонических чувств на уровне ослабления образа рассказчика.

О сути мира нам еще предстоит начать говорить в полифонических романах. Полифонические романы на самом деле всего лишь пытаются восстановить и воспроизвести объективный мир. То есть мир полифонических романов должен быть больше похож на реальный мир, где мы существуем. В реальном объективном мире существуют множество персонажей и событий, и каждый персонаж имеет самостоятельную свободные личности, обширные описания внутренней деятельности каждого героя у Достоевского заставляют мир в книге существовать так, как существует реальный объективный мир. В полифонических романах Достоевского автор представляет мир романа с «божьей точки зрения». Под «божьей перспективой» здесь понимается возможность проник-

нуть во внутренний мир каждого героя и окружающий мир, не вмешиваясь в развитие событий, а лишь «наблюдая». Мир, воспроизводимый с этой точки зрения, конечно, полифоничен. «В творчестве Достоевского соответственно числу позиций мы имеем взаимодействие либо двух, либо трёх сил. За каждой из них стоит Бог, человек или враг человека и «оппонент» Бога, сеющий в человеке сомнения» [7, с. 174].

Но восстановление мира в полифонических романах – не единственное, что можно осуществить с этой точки зрения. Воссоздать объективный мир по-прежнему можно с точки зрения первого лица. Существует две точки зрения на объективный мир: одна – с точки зрения Бога, а другая – с точки зрения самого себя. Это также определяет, что при воспроизведении объективного мира мы можем завершить его с точки зрения Бога и с точки зрения «самого себя». Однако воспроизведение мира с точки зрения «самого себя» здесь заимствует лишь функцию фиксации событий от «само-перспективы» первого лица. Если мы хотим завершить воспроизведение полифонического романного мира через «само-перспективу» от первого лица, мы можем сохранить только его функцию записи событий, но не можем активировать ее функцию субъективного познания. Представьте себе роман от первого лица, сохраняющий лишь функцию записи. Он каждый день видит людей, предметы и вещи. Автор использует глаза главного героя от первого лица для фиксации событий. На развитие событий его сознание не влияет. Главный герой от первого лица по-прежнему является всего лишь зрителем всего объективного мира, он просто наблюдает и наблюдает за этим обществом. Помимо наблюдения и записи окружающего общества, он еще является самостоятельным субъектом. Он будет думать и об окружающем мире. Только в полифонических романах, созданных таким образом, описание его мышления должно быть меньше или вообще отсутствовать, либо его мышление отражается, но оно не занимает доминирующего положения и не влияет на развитие событий в романе, итак сознание главного героя не влияло на суждение читателя. Полифоническим должен быть и такой роман, который фиксирует и воспроизводит мир от первого лица и в меньшей степени описывает субъективное понимание от первого лица. Такой творческий метод должен быть и способом реализации полифонических романов.

Помимо двух вышеперечисленных способов создания полифонических романов с разных точек зрения, хотелось бы поговорить о возможности реализации полифонии от первого лица, исходя из уровня ослабления образа читателя для достижения полифонических ощущений.

Мы по-прежнему считаем, что мир в так называемых полифонических романах на самом деле является за-

писью и изображением реального объективного мира. «Божья точка зрения» Достоевского осуществляется за счет ослабления образа рассказчика. Вторая точка зрения «само-перспектива», о котором мы упоминали, сохраняющая лишь записи, достигается за счет ослабления образа всех персонажей, то есть мы не можем видеть чьи-либо внутренние чувства, мы можем видеть только развитие событий, можем завершить понимание на уровне читателя только посредством анализа событий и поведения, что на самом деле именно так мы существуем в полифоническом мире в большинстве случаев.

Однако может быть и третий путь – добиться этого путем бесконечного ослабления образа читателя. То есть романы, написанные от первого лица и содержащие большой объем сознаний от первого лица. Бесконечное ослабление образа читателя означает бесконечное расширение образа рассказчика. В это время сознание рассказчика полностью контролирует сознание читателя, либо сознание читателя интегрировано в сознание главного героя от первого лица, и сознание читателя – это сознание главного героя от первого лица.

Когда образ рассказчика бесконечно расширен, сознание остальных героев также относительно ослаблено и они достигают относительно равного диалогического состояния. Отношения между сознанием рассказчика и сознанием главных героев кажутся субъективным пониманием рассказчиком ряда событий, но поскольку образ читателя в это время интегрирован с образом рассказчика, поэтому у нас фактически нет возможности критиковать ряд субъективных пониманий, завершаемых рассказчиком на уровне читателя. Субъективное понимание рассказчика не существует объективно и не влияет на развитие персонажей и событий.

Точно так же, как когда мы понимаем объективный мир, мы на самом деле записываем и думаем о мире с точки зрения первого лица, но мир, о котором мы думаем и включаем в себя личные эмоции, на самом деле не является реальным объективным миром. Наши предпочтения и эмоции не могут повлиять на первоначальное объективное существование персонажей и событий. Наши взгляды и размышления о персонажах и событиях на самом деле являются диалогами с ними. Просто во многих случаях мы не можем сразу уловить голос другой стороны, а можем получить его только через результаты развития. Голос и осознание первого лица неопределенны, поскольку они не могут повлиять на развитие всего объективного мира. Сознание первого лица еще не является доминирующим. Все голоса и сознания от первого лица являются вопросительными знаками для всего мира и ждут ответов. Этот мир по-прежнему полифоничен, просто этот полифонический мир непознаваем «мне».

Поэтому в данном случае мы полагаем, что мир, запи-

санный и понимаемый от первого лица, все еще полифоничен. Романы, написанные от первого лица, все равно будут вызывать у нас ощущение полифоничности из-за бесконечной аббревиатуры образа читателя. По сути, два последних пути реализации полифонических романов, которые мы исследовали, можно рассматривать как развитие теории полифонических романов.

5. Заключение

На основе изучения полифонических романов и теории диалога Бахтина в данной статье рассматриваются суть полифонических романов и некоторые современные недоразумения относительно полифонических романов, основное внимание уделяется исследованию сути полифонических романов, а также метода реализации полифонических романов, который Бахтин не предлагал. В основе полифонических романов лежит теория диалога. Ядром теории диалога является равенство, то есть равенство между сознанием каждого героя, а также между сознанием героя и сознанием автора. Но это равнодиалогическое отношение не означает отсутствия авторского сознания в полифонических романах: полифонические романы не являются абсолютно объективными романами. В то же время полифонический роман – это всего лишь литературный термин, предложенный Бахтиным для обозначения великолепного писательского искусства и литературного мастерства, проявленных в романах Достоевского. Это не литературный жанр, это всего лишь исследование способа создания романа.

В то же время мы обнаруживаем, что полифонические романы Достоевского наполнены большим количеством психологических описаний каждого героя, большим количеством описаний диалогов между разными героями, большим количеством описаний внутренней противоречивой психологической деятельности главного героя. Эти описания могут существенно ослабить образ рассказчика, создавая тем самым у читателя ощущение полифоничности. Поэтому мы рассмотрели реализацию полифонических романов с двух сторон: бесконечного ослабления образа рассказчика и бесконечного ослабления образа читателя. Бесконечное ослабление образа рассказчика может быть развито через «божью точку зрения» и «само-перспективу», но здесь «само-перспективу» больше похож на «перспектива камеры», который лишь завершает функцию фиксации и записи событий. Бесконечно ослабленный образ читателя может быть развит и с «первого лица», разница в том, что «само-перспектива» здесь должна полностью отражать сознание рассказчика, чтобы в определенном аспекте сознание читателя и сознание рассказчика могли быть интегрированы.

При анализе способов реализации полифонических романов на основе анализа полифонических романов Достоевского мы пришли к первой общей модели полифонических романов Достоевского, а также приводят аргументы и гипотезы о том, могут ли романы от первого лица стать полифонические романы и могут ли они принести полифонические чувства читателям. Это можно рассматривать как новаторское понимание и развитие теории полифонических романов и теории диалога Бахтина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин. М.М. Проблемы поэтики Достоевского. [М]. СПб: Азбука-Аттикус, 2016
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 2: «Проблемы творчества Достоевского», 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922-1927. [М]. Русские словари, 2000
3. Белоус. А.А. Полифонический роман Достоевского в зеркале христианского сознания. [J]. Вестник Томского государственного университета, 2013, № 371
4. Ван Чуньхун. Проблема поэтики Достоевского. [J]. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4(25)
5. Иванов. В.В. Рассказ как структурно-силовое ядро полифонического романа. [J]. Вестник КГУ, 2016, № 6
6. Иванов В.В. Сакральный Достоевский: монография. [М]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008
7. Краснов. В.В. Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа. [М]. Афины: Издательство Университета Джорджии, 1979
8. Степанян К.А. Шекспире, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. [М]. Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016
9. Сяо Хэ. Бахтинские исследования в Китае. [J]. Китайские и зарубежные литературные и художественные обмены, 1998, № 6
10. Ту Сяньфэн. Ограничения полифонической теории и современные аспекты развития полифонических романов. [J]. Исследование зарубежной литературы, 1999, № 1
11. Успенский. Б.А. Поэтика композиции. [М]. Издательство Искусство, 1970
12. Цзян Шучжоу, Ли Фэнлянь. Диалог: теоретический дух и принципы действия - Просвещение Бахтина в изучении сравнительной поэтики. [J]. Литературное обозрение, 2000, № 1
13. Цянь Хао. Полифонические романы и полифоническая музыка. [J]. Исследования по теории литературы, 2018, № 4
14. Чжоу Цичао. О полифонии романов Достоевского – интервью с Бахтиным. [J]. Русская литература и искусство, 2003, № 2
15. Ю Чао, Чжан Сумей. Анализ независимости главного героя в полифонических романах. [J]. Исследование теории литературы, 2005, № 4

© Чжан Цзиньпин (653731349@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ПРОДВИЖЕНИЯ КРЕАТИВНЫХ АГЕНТСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Щетинина Нина Николаевна

Кандидат политических наук, доцент, Российский
государственный социальный университет
Nsh75@inbox.ru

MODERN PRACTICE OF PROMOTION OF CREATIVE AGENCIES IN SOCIAL NETWORKS

N. Shchetinina

Summary: The article is devoted to the current issue of promoting Russian creative agencies through social networks. The use of this tool by the best representatives of the industry is currently not active enough. A study was conducted of social networks from the top ten agencies according to AKAR and RRAR - Voskhod, BBDO Moscow, SETTERS and Rodnaya Rech. Several metrics were used to determine the quality of work with content, as well as the most vulnerable areas and prospects for the development of this activity.

Keywords: content, creative agencies, social networks, BBDO Moscow, SETTERS.

Аннотация: Статья посвящена актуальному вопросу продвижения креативных агентств России через социальные сети. Использование данного инструмента лучшими представителями отрасли в данный момент является недостаточно активным. Проведено исследование социальных сетей из топ-десять агентств по данным АКАР и РРАР - «Восход», BBDO Moscow, SETTERS и «Родная речь». Используются несколько метрик для определения качества работы с контентом, а также наиболее уязвимые места и перспективы развития данной деятельности.

Ключевые слова: контент, креативные агентства, социальные сети, BBDO Moscow, SETTERS.

На сегодняшний день в российском сегменте креативных агентств наблюдается неоднозначный подход к ведению собственных страниц в социальных сетях. Он выражается в недостаточном внимании к использованию данного инструмента в продвижении бизнеса агентств. Между тем, по замечанию Д.А. Шевченко, «социальные сети сегодня позволяют любой организации обойти традиционные СМИ и наладить отношения напрямую с клиентами» [1].

В нашем исследовании рассмотрена активность в социальных сетях креативных агентств из топ-десять по данным АКАР и РРАР, которые ежегодно входят в число лидеров отрасли, «Восход», BBDO Moscow, SETTERS и «Родная речь», и при этом не имеют развитых сообществ в социальных сетях.

Наиболее ярким подтверждением этого тезиса является деятельность в социальных сетях BBDO Group Russia. На момент написания статьи, в социальной сети ВКонтакте у агентства было 452 подписчика. Здесь размещена одна (!) публикация от 18.05.2016. Это информация о деятельности BBDO Group, его заслугах и достижениях, услугах и клиентах, а также имеются ссылки на дочерние структуры BBDO Group, однако их страницы в социальных сетях также не ведутся.

У BBDO Group Russia есть YouTube-канал, на который подписаны 7 000 человек. При этом агентство не взаимодействует с этой аудиторией – публикации размещаются

с периодичностью 1 раз в месяц.

BBDO Group Russia имеет кроме того страницу в Telegram. В настоящий момент количество подписчиков 792 человека. И здесь также контента практически нет – в среднем размещается 2 поста в месяц.

Не удивительно, что при таком отношении к ведению страниц в социальных сетях, показатели вовлеченности аудитории BBDO Group Russia, крайне невысоки. Индекс ER в самой «активной» социальной сети Telegram, составляет порядка 1%, подписчики практически не вовлекаются в контент, не взаимодействуют с агентством в соцсетях. Данная ситуация не соответствует ни статусу агентства BBDO Group Russia, ни его возможностям коммуникации с аудиторией для создания профессионального комьюнити, демонстрации достижений отрасли, продвижения социально значимых ценностей через лучшие примеры коммуникационных продуктов.

Для дальнейшего анализа работы крупнейших российских креативных агентств в социальных сетях, мы обратились к уже упомянутым выше компаниям «Восход», SETTERS и «Родная речь». Мы охарактеризовали их работу с аудиторией в социальных сетях по комплексу метрик, изложенных в работах Д.А. Шевченко «Цифровой маркетинг-микс» - вовлеченность аудитории по формуле ER, количественные показатели публикационной активности, дизайн страниц, динамика подписчиков, а также распределение ER по видам контента для более

точного понимания контентной стратегии агентств. Для этой цели были выделены: развлекательный, обучающий, репутационный, рекламный контент, а также такой вид контента, как кейсы [2]. Все позиции оцениваются в баллах от 1 до 3.

Креативное агентство SETTERS

В социальной сети ВКонтакте в текущий момент 41 000 подписчиков. В среднем в ленте 2 поста месяц. На рисунке 1 представлено разделение постов по видам контента, преобладает развлекательный контент.

На рисунке 2 приведены данные, характеризующие ER агентства SETTERS во ВКонтакте с точки зрения вовлеченности аудитории в разные виды контента

Заметно, что аудитории интереснее развлекательный контент (например, календари от дизайнеров агентства или мемы). Затем по популярности следует обучающий контент: подборки интересных материалов, инструкции на самые разные темы, лайфхаки для ведения бизнеса и созданию коммуникационного продукта. Почти одинаково привлекают внимание пользователей рекламный и

репутационный контент, а также демонстрация кейсов.

Агентство SETTERS ведет также YouTube канал, в месяц их размещается не более трех. В настоящий момент количество подписчиков 20 000 человек. Распределение контента по видам представлено на рисунке 3.

ER публикаций в YouTube-канале SETTERS представлен на рисунке 4

Исходя из полученных данных, у аудитории наибольшей популярностью пользуются влоги. При этом SETTERS публикует подобный контент не чаще, чем 1 раз в месяц.

SETTERS ведет Telegram-канал, количество подписчиков составляет 70000 человек. Здесь посты появляются с частотой в среднем 1 пост в 2 дня. На Рисунке 5 представлена диаграмма с количественным распределением постов по видам контента.

ER каждого вида контента агентства SETTERS можно видеть на Рисунке 6.

ER от 1% до 3,5%, что является средним показателем,

Рис. 1.

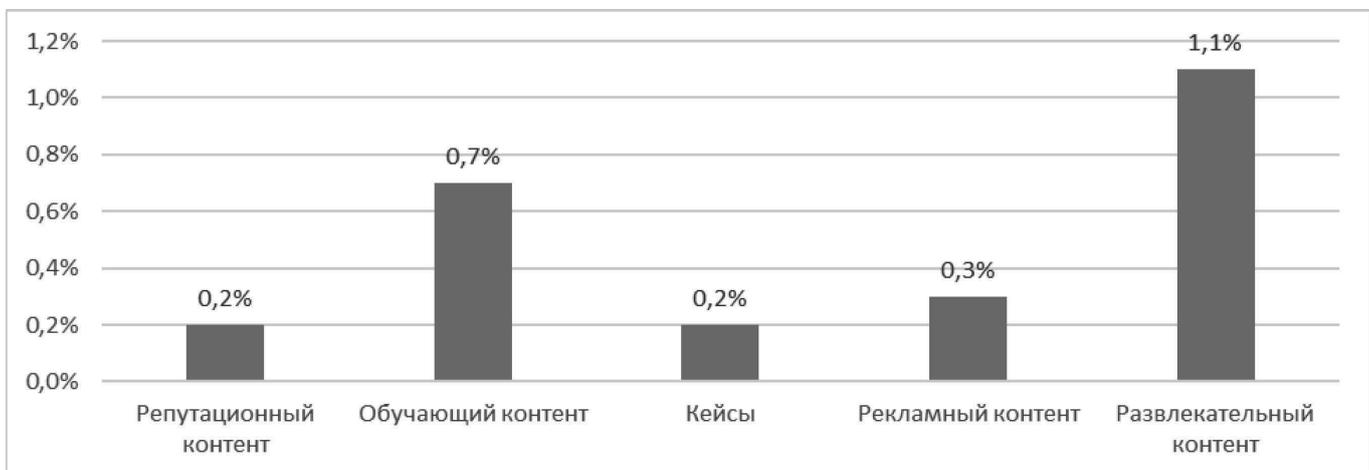

Рис. 2.

Рис. 3.

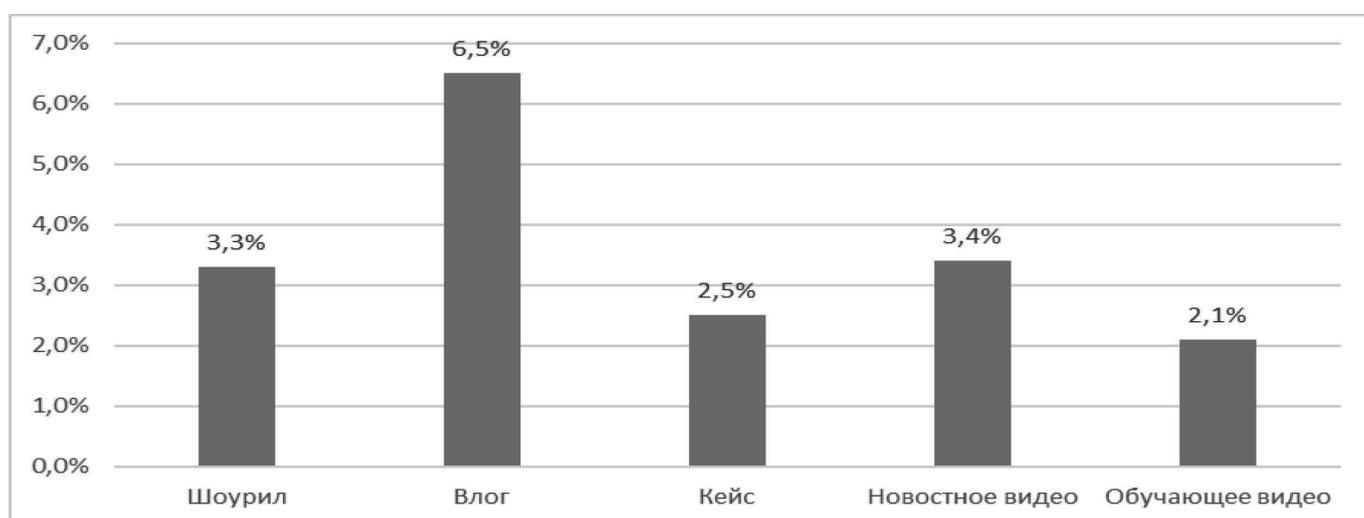

Рис. 4.

Рис. 5.

но это самый высокий показатель активности аудитории у данного агентства.

Креативное агентство «Родная речь»

В социальной сети ВКонтакте у данного агентства 37 подписчиков. Аккаунт неактивен, в нем только три поста.

В Telegram-канале агентства «Родная Речь» 910 подписчиков. Периодичность появления нового контента – 1 пост в 3 дня. Распределение контента по темам представлено на рисунке 7, преобладает репутационный контент.

ER каждого из видов контента представлен на Рисунке 8.

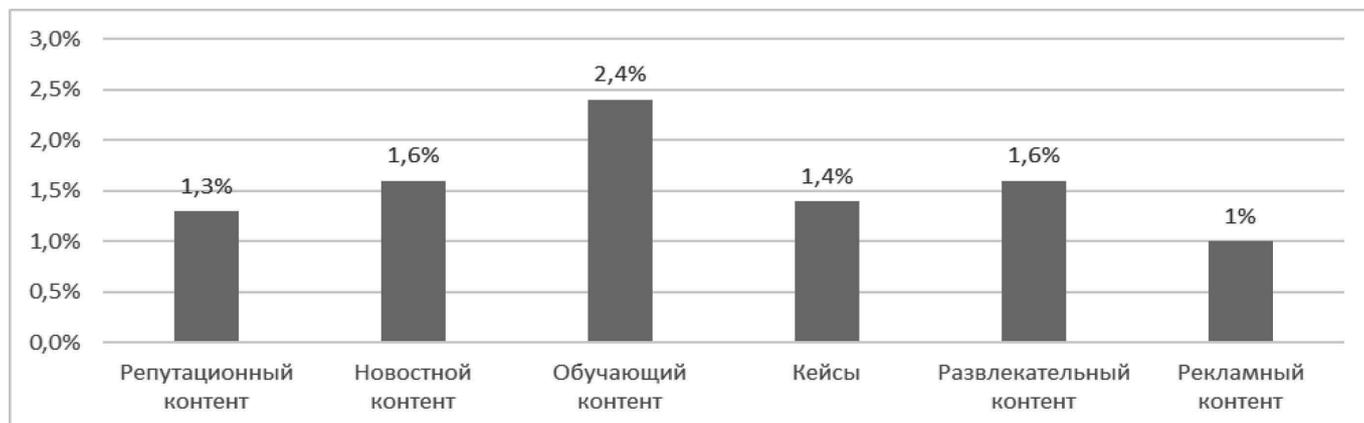

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Можно заметить, что все виды контента имеют равный и достаточно высокий показатель ER.

Креативное агентство «Восход»

В социальной сети ВКонтакте у агентства «Восход» 690 подписчиков.

Активность группы агентства невысокая – в среднем, 1 пост в 4 дня. Распределение контента по видам представлено на рисунке 9.

Большинство постов относятся к репутационному контенту – это, например, новости об участии в мероприятиях, ссылки на статьи о компании, информация о наградах или местах в рейтингах. (Рис. 10.)

Показатель ER средний, от 1% до 3,5%. В целом по разным видам контента распределение ровное, что яв-

ляется признаком удачного выбора тем и имеющегося потенциала для развития страницы.

В YouTube-канале агентства «Восход» 2 000 подписчиков. В настоящий момент в ленте 19 плейлистов. С точки зрения частоты публикации контента, ее нельзя назвать удовлетворительной - 1 видео в месяц. За год было выпущено 15 видео и все они – кейсы. Вовлеченность в этот вид контента составляет 0,001%, что, несомненно, является неприемлемым.

В Telegram-канале агентства «Восход» 10 подписчиков. Частота публикаций средняя – 1 пост в 3 дня. Рисунок 11 демонстрирует, что из всех видов контента преобладает репутационный контент.

Показатели ER в Telegram в пределах от 1% до 3,5%. Здесь более популярным для аудитории является развлекательный контент. (Рис. 12.)

Рис. 9.

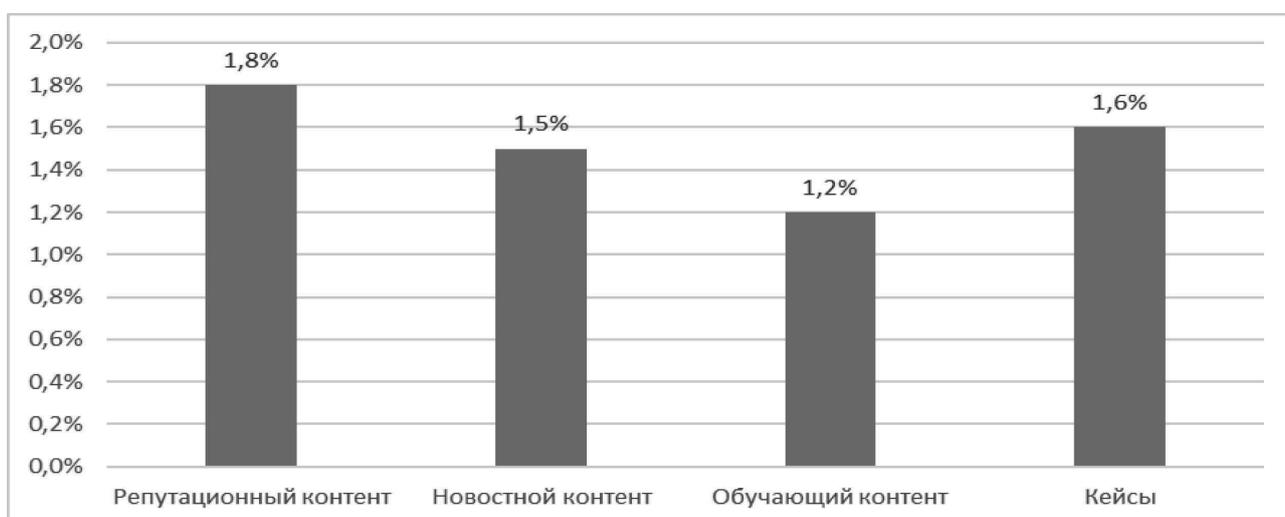

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

В соответствии с примененной нами методикой, оценки деятельности в социальных сетях креативных агентств России, входящих в топ-десять, распределились в следующих пределах.

- SETTERS – 14 из 27 возможных
- «Восход» - 11 из 27 возможных
- «Родная речь» - 10 из 27 возможных

Подводя итоги анализа практики продвижения в социальных сетях, можно сделать следующие выводы:

1. Наличие большого и развитого сообщества в социальных сетях может помочь бизнесу установить качественные отношения со своими клиентами, повысить узнаваемость, укрепить репутацию, а также сформировать комьюнити, которое может стать доказательством качества работы организации. Однако практика российских креативных

агентств «Восход», BBDO Moscow, SETTERS и «Родная речь» показывает, что данный инструмент формирования лояльности не является для них значимым. Мы исключаем в данном случае в качестве причины отсутствие необходимых ресурсов или компетенций. Скорее всего, это связано с осознанной расстановкой приоритетов.

2. Данные проведенного анализа показывают, что игнорирование системной работы агентств в социальных сетях может со временем пагубно сказаться на их бизнесе, поскольку аудитория демонстрирует готовность к такого рода взаимодействию. Если агентство размещает важный или интересный контент (самую большую вовлеченность подписчиков продемонстрировали посты с развлекательным или образовательным контентом, а также кейсы), заметен значительный рост вовлеченности.

3. Крупнейшие креативные агентства российского рынка являются не только самостоятельными организациями, но и своего рода профессиональными ориентирами для сообщества. Их отношение к вопросу продвижения в социальных сетях может тормозить эту работу и у других представителей отрасли, для которых те служат ролевой моделью.

Однако возможна ситуация, когда менее известные агентства используют эту возможность привлечь внимание к себе и повысить свою конкурентоспособность. Это поможет им преуспеть и составить конкуренцию

лидерам отрасли.

В целом, следует заметить, что активное использование креативными агентствами социальных сетей для самопрезентации является частью демонстрации их профессиональных компетенций и, безусловно, служит привлечению и удержанию клиентов, увеличения узнаваемости своего бренда и укрепления репутации. Для российского рынка развитие данного инструмента продвижения, очевидно, является вопросом ближайшего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко Д.А. Шевченко Д.Д. Цифровой маркетинг-микс. Учебник. – Издательские решения. – 2021
2. Шевченко Д.А. Шевченко Д.Д. Цифровой маркетинг-микс. Учебник. – Издательские решения. – 2021
3. А.В. Агеев. А.Н. Мудров. В.С. Мейер. А.Н. Александров. С.М. Павлов. И.В. Лебедева. М.А. Алексеева: Креативные агентства. [Электронный ресурс] // Индустрия рекламы, 2009–2022. URL: <https://adindustry.ru/doc/1141> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Большакова, О.В., Черемных, Е.В. и Максимова, Н.Ю. (2020). Стратегия продвижения услуг креативных агентств в социальных сетях. Вестник Томского государственного университета. Экономика, (53), 39-55.
5. ТОП-20 агентств в рубрике «Креативные агентства» РРАР-2024 [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://alladvertising.ru/top/creative/#top20>
6. BBDO Moscow [Электронный ресурс] - Режим доступа: [BBDO Moscow bbdo-moscow.ru](https://bbdo-moscow.ru)
7. SETTERS [Электронный ресурс] - Режим доступа: [SETTERS https://setters.agency/](https://setters.agency/)
8. CreativePeople [Электронный ресурс] - Режим доступа: crepeople.ru
9. «Родная Речь» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://rore.group/>
10. Словарь маркетолога [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-engagement-rate/#>
11. Шевченко Д.А. Маркетинг и реклама: 1000 терминов: словарь для студентов – Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007.
12. Шевченко, Д.А. Реклама. Маркетинг. PR: учебно-справочное пособие / Д.А. Шевченко. – Москва, 2009.
13. Шевченко Д.А. Оценка коммуникаций бренда в социальных сетях: методика профессора Д.А. Шевченко // Практический маркетинг. 2022. № 3 (300). С. 9-13.

© Щетинина Нина Николаевна (Nsh75@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abrosimov N. – Senior Lecturer, Ufa State Oil Technological University

Andreeva D. – Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University

Androsov A. – Candidate of Historical Sciences, Moscow Polytechnic University

Balysheva K. – Candidate of Philology, Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Bikanova G. – Ufa University of Science and Technology

Borodin M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev

Bykova E. – Instructor, Russian University of Transport (MIIT)

Eferova A. – Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Fedortsova S. – Associate Professor, A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) "RSEU (RINH)"

Gomazkov D. – postgraduate student, Moscow Information Technology University - Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

Guo Yu – Southwest University (SWU), Chongqing, China

Isyangulova G. – Doctor of Philology, Professor, Ufa University of Science and Technology

Karimov T. – C. h. s., senior scientific researcher, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)

Khristoforova N. – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow Aviation Institute

Kobozeva A. – Postgraduate student, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia

Kotov A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University

Kudasheva A. – Methodist, additional education teacher, School "Robopoligon" (LLC "Centre "Snail") (Omsk)

Our authors

Kurbanov I. – Candidate of Philological Sciences, Professor, Surgut State University

Larionova M. – Cand. Sci. (Philol), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Levinskaya E. – Teacher, Federal State Treasury Educational Institution "Stavropol Presidential Cadet School"

Levkovich V. – Graduate student, Assistant, Donetsk State University

Li Zhi – Postgraduate student, St. Petersburg State University

Liu Ling – Lecturer, Dalian University of Foreign Languages, China

Makarova V. – Senior lecturer, graduate student, Non-state educational private institution of higher education «Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Mushegyan S. – Lecturer, Kuban State University

Nagornov M. – Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia

Pankov V. – Surgut State University

Pavlova I. – Associate Professor, Kazan National Research Technological University

Pavlova I. – Senior Lecturer, Orenburg State University

Pisarskaya T. – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, PhD in Philosophy. St. Petersburg University of Management Technologies and Economics under the scientific and methodological guidance of UN RAS

Pischikova N. – Pnd in history, Associate Professor, Ryazan State University named after Sergei Alexandrovich Yesenin

Plekhanov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, S.A. Yesenin Ryazan State University

Plokhoy D. – Cand.Sc. Student, I.N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University

Polyudova E. – PhD (Pedagogic Sciences), Associate Professor, Russian University of Transport (MIIT)

Savosina Yu. – Pnd in history, Associate Professor, Ryazan State University named after Sergei Alexandrovich Yesenin

Semenova S. – Associate Professor, Kuban State University

Shchetinina N. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Social University

Song Yu-shuang – University of Heilongjiang, Harbin, People's Republic of China

Spiridonova N. – Researcher, the Center for the Study, Preservation and Development of Native Languages, State Budgetary Institution «Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)» (Yakutsk)

Su Ke – Postgraduate, ederal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Lomonosov Moscow State University

Sun Jiabao – Postgraduate student, St. Petersburg State University

Sun Wumeng – Post-graduate student, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

Tabatskaya A. – Graduate student, State Humanitarian-Technological University (Orekhovo-Zuyevo)

Tikhomirova V. – Senior lecturer, Non-state educational private institution of higher education «Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Tumanova E. – PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

Vasyukov S. – Postgraduate student, Autonomous non-profit organization of higher education BRICS University (UNIBRIX), Moscow

Vinogradova M. – Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University

Volkova Ya. – Ph.D., Professor, Peoples' Friendship University of Russia

Wang Gang – Doctor of Philological Sciences, Professor, Dalian University of Foreign Languages, China

Wang Lumei – Graduate student, The Pushkin State Institute of the Russian Language

Yakimenko N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; Associate Professor, St. Petersburg State University

Yang Banruo – Graduate student, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen; Enshi Polytechnic, China

Zakharova I. – Senior Lecturer, Military Medical Academy named after S.M. Kirov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Sankt Petersburg

Zhang Jinping – Graduate student, State University of Education

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).